

Фото: Полудницын Анатолий

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 1(33) 2016

• РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ •

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2073-6681

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2016
Выпуск 1(33)

**РОССИЙСКАЯ
И ЗАРУБЕЖНАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

100

**ПЕРМСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

**Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»**

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Виноградов В. А., д. филол. н., член-корр. РАН (Россия, Москва, Институт языкознания РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэвр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

<i>Табункина И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мышкина Н. Л.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминых Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: langlit2009@mail.ru

Сайт журнала: <http://www.rfp.psu.ru>

Журнал зарегистрирован Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-53181 от 14 марта 2013 г.

Founder: Perm State University

Editorial Board

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Slavonic Studies)
Victor Vinogradov (Russian Academy of Science, Moscow, Institute of Linguistics)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute of Slavonic Studies)
Sergej Myznikov (Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Institute of Linguistics Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, Universite de Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Irina Tabunkina</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larisa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexander Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СВЕТСКИХ ЛИЦ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ОБЩЕНИИ СО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ.....5

Косарева Е. О. О ЧАСТОТНОСТИ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ.....14

Прокопья В. К. ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬЮ.....21

Брыкова А. А. РЕБЯТА VS ДЕТИ. ИЛИ О СООТНОШЕНИИ «ВЗРОСЛЫХ» И «ДЕТСКИХ» РЕГУЛЯТИВНЫХ ОБРАЩЕНИЙ (на материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» 1928–1941 гг.).....31

Байбурова О. В., Мякотникова С. Ю., Чугаева Т. Н. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПТИВНОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов).....36

Чэн Чэнь РУССКАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ: АНАЛИЗ ХЕЗИТАЦИЙ (на материале русской речи китайцев).....53

Прокофьева Н. А. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФАТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ.....63

Штайн К. Э., Петренко Д. И. СИНКРЕТИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ А. БЛОКА.....72

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Лазарева Т. Г. РОМАН ТОМАСА РИФМАЧА «СЭР ТРИСТРАМ»: ВЛИЯНИЕ КЕЛЬТСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА СТРУКТУРУ СТИХА СРЕДНЕВЕКОВОГО РОМАНА.....79

Бячкова В. А. О ПАРАДОКСЕ ЖЕНСКИХ И ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....86

Васильева Э. В. К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗМЕ Ш. БРОНТЕ («ГОРОДОК» И МОНОМИФ).....93

Васильева Е. В. СИМВОЛИКА САДА В РОМАНЕ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ».....100

Ушакова О. М. РУССКИЙ НИГИЛИСТ КАК ГЕРОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XXI ВЕКОВ.....106

Власова Е. Г. УРАЛ В ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ.....118

Петрова Н. А. «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН» КАК СВОД МАРГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (три книги о Сергее Довлатове).....131

К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА

Полякова Е. Н., Русинова И. И., Боброва М. В. НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ОНОМАСТИКА» В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.....137

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY

Natalia V. Logunova, Larisa L. Mazitova PRAGMATIC AND AXIOLOGICAL STRATEGIES OF SECULAR PEOPLE IN EPISTOLARY COMMUNICATION WITH THE CLERGY.....5

Ekaterina O. Kosareva FREQUENCY OF DEICTIC LOCAL ADVERBS IN EVERYDAY SPEECH.....14

Veronika K. Prokopenya PROCESSING AND INTERPRETATION OF SENTENCES WITH REFERENTIAL AMBIGUITY: SPECIAL FEATURES.....21

Aleksandra A. Brykova *REBJATA* VS *DETI*: CORRELATION OF «ADULTS'» AND «CHILDREN'S» REGULATIVE FORMS OF ADDRESS (a case study of the *Jozh* and *Chizh* magazines for children, 1928–1941).....31

Olga V. Baiburova, Svetlana Yu. Myakotnikova, Tatiana N. Chugaeva THE CHARACTERISTICS OF THE PERCEPTUAL SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE.....36

Cheng Chen SPONTANEOUS SPEECH IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: ANALYSIS OF HESITATION (a case study of Chinese students' speech).....53

Natalia A. Prokofieva INTENTIONALITY OF PHATIC TALK IN THE MASS MEDIA.....63

Klara E. Stain, Denis I. Petrenko SYNCRETIC PHENOMENA IN A. BLOK'S POETRY.....72

LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT

Tatyana G. Lazareva THOMAS THE RHYMER'S ROMANCE «SIR TRISTREM»: ON TRACES OF THE ANCIENT CELTIC TECHNIQUES IN MEDIEVAL POETRY79

Varvara A. Byachkova ON THE PARADOX OF WOMEN'S AND CHILDREN'S IMAGES IN CH. DICKENS' NOVELS.....86

Elmira V. Vasilieva CHARLOTTE BRONTË'S REALISM RECONSIDERED (*VILLETTE* AND *MONOMYTH*).....93

Ekaterina V. Vasiljeva SYMBOLISM OF THE GARDEN IN G. K. CHESTERTON'S NOVEL «THE MAN WHO WAS THURSDAY».....100

Olga M. Ushakova A RUSSIAN NIHILIST AS A HERO OF ENGLISH LITERATURE OF THE 19th–21st CENTURIES.....106

Elena G. Vlasova THE IMAGE OF THE URALS IN TRAVEL LETTERS OF ANTON CHEKHOV: IMPRESSIONS AND CREATIVE PROJECTIONS.....118

Natalia A. Petrova «PHILOLOGICAL NOVEL» AS A SET OF MARGINAL TEXTS.....131

ON THE 100th ANNIVERSARY OF PERM STATE UNIVERSITY

Elena N. Polyakova, Irina I. Rusinova, Mariya V. Bobrova THE SCIENTIFIC BRANCH «REGIONAL LEXICOLOGY, LEXICOGRAPHY, ONOMASTICS» AT PERM UNIVERSITY.....137

УДК 81.27

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СВЕТСКИХ ЛИЦ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ОБЩЕНИИ СО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ¹

Наталья Васильевна Логунова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

Пермский государственный национальный исследовательский университет

618557, Соликамск, ул. Северная, 44. logunovaN@yandex.ru

Лариса Львовна Мазитова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

Пермский государственный национальный исследовательский университет

618557, Соликамск, ул. Северная, 44. mazitova-larisa@rambler.ru

В статье на материале рукописных архивных документов XIX в. рассматриваются особенности эпистолярного общения светских лиц с представителем духовенства. В подобном общении адресанты и адресат являются носителями разных типов культур, что вызывает у пишущего необходимость строить речевое общение с учетом статуса, аксиологических и прагматических приоритетов адресата. В анализируемой переписке это выражается в тематических предпочтениях, выборе критериев оценок и построении текста в целом, включая его стилистическое оформление. Прагматические и аксиологические установки адресантов реализуются по-разному в зависимости от уровня общей и речевой культуры, от типа религиозной ориентации личности и характера ее отношений с адресатом.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; языковая личность; историческая языковая личность; эпистолярный текст; аксиологические приоритеты; прагматика речевого общения.

Любая языковая личность на любом этапе истории социума является представителем того или иного типа культуры. Тип культуры, в свою очередь, коррелирует с типом мышления и характером полученного образования. При этом системообразующим фактором культуры выступает баланс идеалов и стереотипов.

С. Лебедев утверждает, что культура бывает религиозной (та, которая выражает содержание, идеалы какой-либо религии) и светской (та, которая не связана с религией прямым и очевидным образом, что, однако, не означает отсутствия неявной, косвенной связи). «Идеалы, выражаемые светской культурой, исходят из самых разных духовных источников и потому бывают весьма разнородными и противоречивыми. Если в религиозной культуре все подчиняется принципу духовного единства, то в светской этот принцип не ставится во главу угла. Поэтому по своему духовному, внутреннему содержанию

светская культура может быть самой различной, многоликой и многоголосой» [Лебедев 2004]. Устанавливая связь между двумя типами культур, С. Лебедев констатирует, что в ходе истории их взаимодействия светская культура «во многих случаях воплощала в себе подлинно христианские идеалы, подхватывая ту духовную эстафету, которую передавала ей Церковь. <...> есть все основания считать, что между религиозной и светской культурами нет и не может быть онтологического, абсолютного и непреодолимого противоречия» [там же].

Но при этом очевидно, что сознание представителей религиозной культуры отличается от сознания носителей культуры светского типа. По мнению культурологов, «[ч]еловек религиозный – человек, для которого религиозная идея и практика являются смыслом жизни. Находясь в состоянии высокой интенсивности религиозной жизни, человек не видит противоречий между

религиозной идеей и реальностями физического мира. Религиозная вера создаёт психологическую устремлённость, которая указывает человеку направление, нормы жизни и убеждение в их правильности» [Дик 2006]. Все это в полной мере и в наибольшей степени регламентирует поведение и образ жизни представителей монашества. Светскому человеку (даже если он верующий), в противовес религиозному, свойственно разнообразие жизненных установок и целей, что позволяет культурологам выделять человека морального, экономического, юридического, эстетического или человека культуры [там же].

Принадлежность личности к тому или иному типу культуры определяет систему ее ценностей, что может проявляться в прагматике и аксиологии деятельности индивида. Религиозные ценности утверждают святое в качестве высшего смысла, высшей ценности, синтеза и вместилища всех ценностей. А ценности светской культуры отличаются разнообразием, т.е. могут быть, например, экзистенциальными (ценностями бытия, к которым относят любовь, жизнь, смерть, страх, надежду, смысл жизни), социальными (направленными на благополучие сообщества, группы людей и личности в группе), общечеловеческими (признающими в человечестве/человеке высшую ценность) и др. [там же].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать взаимодействие носителей двух типов культур в эпистолярном общении светских лиц с представителем монашества. Источником изучения являются материалы XIX в. из рукописного архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря, часть из которых была ранее опубликована. Это 25 писем, написанных в период 1840–1859 гг. разными светскими лицами и адресованных иеромонаху Николаю, который в разное время был казначеем Далматовского Успенского, Верхотурского Николаевского и Соликамского Святотроицкого монастырей.

Поскольку адресантами во всех случаях являются лица, принадлежащие к светским сословиям, то априори это диктует их причисление к носителям светской культуры. Тем не менее все они (учитывая официальную идеологию российского государства в рассматриваемый период) могут считаться людьми с религиозной (православной) ментальностью. При этом степень религиозности верующего человека может быть различной. В частности, Г. Олпорт предложил дифференцировать два основных типа религиозной ориентации личности:

1. Внешняя (неразвитая) религиозная ориентация. По мнению ученого, такой ориентацией

характеризуются люди, для которых религия лишь способ достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии. Посещение церкви, участие в религиозных обрядах, деятельности религиозных организаций, внешнее благочестие являются для них средствами доказать свою социальную респектабельность, лояльность по отношению к общепринятому образу жизни.

2. Внутренняя (подлинная) религиозность. Для религиозных личностей данного типа религия представляет самостоятельную и конечную ценность. Свою деятельность в разных социальных сферах они мотивируют религиозной верой, свое поведение стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям. Религиозный поиск рассматривается как самоцель, как ценность, лежащая в основе всех вещей и желаемая ради ее самой. Когда человек предается этой цели, религия становится внутренней ценностью индивида и в этом качестве выступает как всеобъемлющая, интегративная и мотивирующая. У верующих, ориентированных на внутренние религиозные переживания, в большей степени преобладают такие чувства, как терпимость, милосердие, эмпатия, связанное с этим принятие людей с другой системой ценностей (см.: [Панкратова 2010]).

Адресанты о. Николая – люди разных светских сословий и гражданских чинов, они различаются уровнем культуры и образованности. Одних связывают с адресатом сугубо официальные отношения, других – отношения неофициального характера, отличающиеся личностной или духовной близостью. Объем информации об адресантах, к сожалению, не одинаков: о некоторых есть достаточно подробные сведения, о других же нам известны лишь единичные факты. Так, например, на основе писем невозможно установить ни сословной принадлежности, ни рода занятий Надежды Быковой, Палагии Димитриевой, Александра Ермакова, Клавдии Трифановой, Петра и Анны Дмитриевых, которые обращаются к отцу Николаю с просьбой о молитвах и иногда выполняют его поручения или присылают пожертвования для монастыря (трое последних, помимо того, называют себя духовными детьми отца Николая). Жительница города Верхотурье Глафира Николаевна связана с о. Николаем как духовно (совершает паломничества по святым местам), так и совместными хозяйственными делами. По ее единственному письму можно заключить, что их отношения с о. Николаем не регламентируются никакими формальными связями, а их коммуникация обусловлена общностью интересов и сферы деятельности.

Несколько адресантов являются представителями купеческого сословия: кунгурский купец Андрей Пиликин, послание которого дает основание предполагать, что о. Николай был для него и членов его семьи духовным наставником; купец из Великого Устюга Василий Данилович Шаров; купец Иван Тимофеевич Протопопов из Екатеринбурга. Они выполняют поручения отца Николая, выступают его посредниками по хозяйственным и реставрационным делам. По косвенным сведениям можно установить, что с купеческой деятельностью так или иначе связан и Василий Андреевич Ремянников (Ременников), возможно, являющийся служащим купеческой компании по доставке грузов. Его письма свидетельствуют о том, что он, в отличие от других представителей купечества, посвящен в дела и события епархиальной жизни.

Среди адресантов отца Николая есть строители-подрядчики (Артемий и Спиридон Мусатовы) и заводские служащие разного ранга: Дмитрий Белов, представитель Управления нижнетагильских заводов; Мирон Ефимович Черепанов, механик нижнетагильских заводов; Петр Матвеевич Куршунов, занимающий, предположительно, довольно высокий чин в инспектировании промышленных предприятий. Все они исполняют поручения или заказы адресата, связанные с родом их деятельности. Кроме того, П.М. Куршунова объединяет с отцом Николаем широкий круг общих знакомых, возможно, земляков из Верхотурья.

Представителями дворянского сословия среди адресантов отца Николая являются двое, причисляющие себя к его духовным детям. Семен Алексеевич Булгаков, помещик Екатеринбургского уезда, передает через отца Николая дары Верхотурскому Николаевскому монастырю. Павел Александрович де Веллий, сначала надворный, а затем статский советник, чиновник ревизского отделения Пермской казенной палаты, дает о. Николаю необходимые юридические консультации, вносит пожертвования монастырю; из его писем видно, что он посвящен в обстоятельства службы отца Николая.

Один из адресантов иеромонаха Николая – Василий Никифорович Власьевской, церковный староста Воскресенского собора г. Красноярска, письма которого свидетельствуют о том, что он дорожит отношениями с о. Николаем и ценит возможность общения с ним. Они оба родом из Верхотурья, но, судя по письмам, их связывает не только землячество, но и духовное родство.

При всех различиях в статусе, сословной принадлежности, характере отношений адресантов с иеромонахом Николаем многих из них объеди-

няет то, что их знакомство с будущим адресатом состоялось при паломничестве в один из монастырей (Верхотурский Николаевский или Далматовский Успенский), которые в разное время были местом службы отца Николая.

Своего адресата все авторы писем безусловно воспринимают как представителя религиозной культуры, поскольку он принадлежит к духовенству, а значит, в общении с ним учитывают это обстоятельство. В письмах это может проявляться в разных формах ориентации на собеседника. Выбор той или иной формы (конкретного проявления) задается рядом факторов:

- 1) прагматикой общения;
- 2) типом религиозной ориентации личности адресанта;
- 3) характером отношений коммуникантов;
- 4) уровнем культуры и речевых компетенций адресанта.

В письмах разных коммуникантов эти факторы могут проявляться в различных комбинациях.

Обязательной формой ориентации на духовное лицо как адресата является выбор формулы обращения к нему (в том числе приветственной), которая содержит обязательный компонент **Отец** (как правило, пишется с заглавной буквы) в сопровождении эпитетов и имени: *Отець Николай*² (Архив: 122; ПДП: 135,160, 162,163); *Милостивый отец!* (ПДП: 133); *Честнѣйшій Отець! Николай!* (Архив: Л. 56); *Почтеннѣйшій Отець Николай!* (Архив: Л. 106); *Достопочтеннѣйшій Имного Уважаемый Отець Николай!* (Архив: Л. 47); *Всечестнѣйшій Отець <...> Николай!* (Архив: Л. 54); *Достойно уважаемый <...> отец Николай* (ПДП: 157). Центральный компонент этикетной формулы – *отец* – является обычным обращением к духовному лицу, а эпитеты подчеркивают различную степень уважительного отношения к собеседнику.

В ряде случаев в приветственное обращение включается узаконенная форма номинации лица духовного звания. Поскольку адресат писем Николай – иеромонах, то соответствующей его сану этикетной формулой является обращение (а также номинация) **Ваше преподобие**. Именно так к нему обращаются (или номинируют) ряд его адресантов (Архив: Л. 4, 54; ПДП: 133, 135, 136, 160, 163). Употребление такой номинации свидетельствует о том, что адресанты владеют сословно-иерархическими нормами речевого общения. На то же указывает и включение в развернутую номинацию эпитета **преподобный**: *Достойно уважаемый преподобный отец Николай* (ПДП: 157).

Нередко в письмах к отцу Николаю используется обращение **Ваше Высокопреподобие** (Ар-

хив: Л. 6, 7, 9, 10, 26, 31, 54, 55 об., 106, 106 об., 107, 107 об.; ПДП: 134, 148, 162) или **Высокопреподобный Отец Николай!** (Архив: Л. 65), что явно не соответствует его сану, поскольку такая номинация предназначалась для обращения к архимандритам, игуменам монастырей и протоиереям. Употребление подобного обращения к иеромонаху Николаю свидетельствует либо о недостаточном владении этикетными нормами, либо о стремлении выразить особое почтение адресату. Возможно, отчасти это объясняется тем, что иеромонах Николай, хотя и не является настоятелем, но, будучи казначеем монастыря, в отсутствие настоятеля исполняет его обязанности.

К не вполне типичным формам обращения к иеромонаху относится номинация **Ваше Высокоблагословение** (уже на тот момент устаревшая и предназначенная для обращения к протоиерею), которая используется лишь двумя адресантами – Павлом де Веллием и Клавдией Трифановой: **Ваше Высокоблагословение <...> Отец Николай!** (Архив: Л. 8, 122). Выбор такой номинации неслучаен и обусловлен тем, что оба они считают себя духовными детьми отца Николая: **Остаюсь Вашему Благословению дочь духовная Клавдея Трифанова** (Архив: Л. 122 об.); **Достопочтенный мой Духовный Отец Николай! <...> радуюсь и тому, что буду иметь удовольствие видеть у себя в доме Духовного моего Отца и показать мое житье-бытье** (Архив: Л. 87–87 об.).

В развернутые обращения могут включаться номинации сана или должности адресата: **Ваше Преподобие, Всечестнейший Отец Казначей Николай!** (Архив: Л. 54); **Ваше Преподобие, Пречестнейший Иеромонах; Отец Николай!** (ПДП: 136).

Таким образом, во всех приведенных контекстах выбор формы обращения и номинации адресата не зависит ни от прагматических установок, ни от характера отношений, ни от степени религиозности адресанта, но при этом может указывать на освоенность или неосвоенность норм речевого этикета. Вместе с тем выявлены случаи, когда выбор номинации адресата обусловлен определенными факторами. Так, в письме Глафиры Николаевны общепринятое обращение **отец** заменяется неформальной номинацией **батюшка**: **Ваше Высокопреподобие Милостивый Государь достопочтеннейший Батюшко; сей случай, умаляю вас Батюшко оставить бездолжной възыскательности; Ваше Высокопреподобие Милостивый Государь Батюшка навсегда пребуду Всепокорнейшая коуслугам Ва-**

шимь Глафира Гени... (ПДП: 148–149). Это обусловлено особым характером отношений коммуникантов и, видимо, принадлежностью самой Глафиры Николаевны к народно-традиционному типу культуры. А в одном из писем Василия Власьевского, написанного в пасхальную неделю и содержащего поздравления с этим праздником, употреблено торжественно-книжное обращение к адресату в концовке письма: **свистинным моимъ высокопочтаниемъ и глубочайшимъ уважениемъ имею честь быть Вамъ святыче божи и Преподобный отецъ Покорный слуга Василій Власьевской** (ПДП: 156). Все праздничное послание адресант стремится выстроить в торжественной церковнославянской стилистике, в том числе и приводя цитаты из Священного Писания. Таким образом, обращение **святыче божи** обусловлено целью коммуникации и соответствует общей тональности письма.

Владением нормами речевого этикета (а у некоторых и внутренней потребностью) можно считать использование в письмах церковнославянской фразеологии, обрамляющей нарратив или оформляющей оценку: **а Самъ располагаюсь съ помощію бога и молитвами добрыхъ Знакомыхъ Которыѣ блиски къ олтарю – отправится ДоКазани; полагаю припомощи Божіей; Если Господь богъ Потерпитъ моимъ Грѣхамъ, Продлится моя жизнь, то я Надѣюсь Еще Побывать въ Вѣрхотурье; Христіанскія Добродѣтели; пожелать Вамъ всего, на что не скупа дѣсница Божія; въ богоспасаемомъ Градѣ Верхотурье; Молитвами Святаго и праведнаго угодника Божія Симіона и Вашими, я доѣхалъ; естлибъ все Господь устроилъ помоему желанію; душевнаго спасения; бедная странница; при такихъ способахъ, и покровительстве угодника божія; Священное Слово; Великіе пустынники; врага Спасенія; утешительная отрада въвечности; трисиятельное Великое Солнце; бранныя оболочки нашей души; вценоснаго псалмопевца; кроткимъ Агнцемъ; кошелекъ свой доставишя понаследству отъ Иуды** и под. Частотность употребления подобных конструкций в письмах не одинакова, и это в какой-то мере свидетельствует, по нашему мнению, о типе религиозной ориентации адресанта – внешней или внутренней.

Достаточно распространенной формой ориентации на собеседника с учетом его священнической миссии является обращение к иеромонаху Николаю с просьбами о молитвах и благословении. Во многих письмах это входит в состав этикетной формулы прощания: **Поручая себя Вашимъ молитвамъ Съ глубочайшимъ моимъ вы-**

сокопочитаніемъ и совершенною безпредѣльною преданностію пребыть Честь Имѣю Вашего Высокоблагословенія Всепокорнѣйшій слуга Павелъ де Веллій (Архив: Л. 11); Поручаю изъ глубины души моей Вашимъ **молитвамъ** у Престола Всевышняго съ безпредѣльнымъ уваженіемъ и преданностію пребыть Честь Имѣю (Архив: Л. 9 об.–10); Поручая себя отъ души и сердца вашимъ **молитвамъ** и поручая все семейство свое вашему **благословенію**, пребыть честь имѣю (Архив: Л. 87 об.–88); Прошу васъ Неоставить меня въ святыхъ **молитвахъ** (Архив: Л. 31 об.); За симъ желаю Вамъ добраго здравія и благоблучія душевнаго спасенія и прошу неоставить вашими **Молитвами** (Архив: Л. 122 об.); прошу неоставить своимъ **благословениемъ** (ПДП: 162).

Когда просьбы о молитвахъ содержатся внутри основного нарратива, они являются более конкретными и лично ориентированными: **Покорнѣйше** Прошу не забывать восвѣтыхъ вашихъ **Молитвахъ** о Васильевои Душѣ! (Архив: Л. 5); **Анатолій мой болѣе** мѣца болень и способы медицинскіе не помогаютъ. **Что дѣлать!** **Помолитесь** Отець за насъ, да услышитъ Господь Богъ **молитвы** Ваши. <...> **Нѣсть** власти аще неотъ Бога. **Помолитесь**, а все таки **помолитесь**, чтобъ Богъ на такомъ трудномъ поприщѣ сохранилъ насъ (Архив: Л. 8 об.); **сдѣлайте** милость обяжите насъ, чтобъ Всякое Воскресенье **пѣли Великую** Божіей Матери. <...>. **Вынутіе частей на проскомидіи** за здравіе я уверенъ **благословенію** Вашему продолжается, но присоединяю новую просьбу и записку о продолженіи (Архив: Л. 9); **Покорнѣйшая** просьба **помянуть** на проскомидіи за здравіе: **Аполлинаріи, Анатолія, Екатерины** <...> (Архив: Л. 10); **Помолитесь** угоднику божію Сімеону (Архив: Л. 31); **прошу** покорнѣйше Васъ, **Высокопреподобнѣйшій Отець**, не забудѣтъ **Вашими Св. Молитвами**, просить Создателя міра, чтобъ онъ какъ **мнѣ** равно и покойнаго моего мужа простилъ въ прегрешеніяхъ и посылаю присемъ денегъ три рубли серебромъ на **поминовеніе** **Іоана всѣхъ** съ родниковъ его и Анну и Екатерину **всѣхъ** съ родниковъ ихъ (Архив: Л. 65); **просимъ** вашего **благословенія**, нельзяли **потрудитца** вовремя служенія литургіи **помянуть** за здравіе наше семейство Петра Дмитрея Андрея Тимофея Александра Анастасіи <...> **Просимъ** вашево **преподобія** еще **потрудиться** **отвѣстъ панихиду** поусопшимъ нашимъ родителямъ заупокой **помянуть** Григорія Ефимія Иоанна Ульяніи Игнатія <...> (ПДП: 163); **вы**

будитѣ получать проченты на вашу обитель, въ **поминовеніе** моихъ родныхъ, и прошу васъ покорно **помянуть** ежедневно, чѣмъ чувствительно **мѣня обяжитѣ** (МБ: 80).

Принадлежностью к монашеству и казначейской должностью отца Николая объясняется упоминание в ряде писемъ просьбъ о принятии пожертвований монастырю: **приносимъ** въ даръ церкви Два золотыхъ обруча (Архив: Л. 9); **мое намѣреніе** – **пожертвовать** от моего Христіанскаго усердія къ Вашему Монастырю **двѣ** **пожарныя** машины: **объ** этихъ машинахъ **чрезъ** моего зятя просить меня **Его** **Высокопреподобіе**, **пречестнѣйшій** о. Архимандритъ Павелъ, **чтобы** я **приготовилъ** ихъ для **Верхотурскаго** Монастыря въ **цѣну**, **какая** **будетъ** ихъ **достойна**; **но** по **убѣжденіямъ** **моей совѣсти**, я **лучшимъ** **иполезнѣйшимъ** признаю **пожертвовать** ихъ **отъ** **моей** **любви** къ **благочестію**, – **хотя** и **жертвованіе** **невелико**, **но** **за** **то** **оно** **отъ** **чистаго** **сердца** (Архив: Л. 106); **Уважая** **предложеніе** **Вашего** **Преподобія** **о** **пожертвованіи** **на** **сооруженіе** **храма** **при** **вашей** **обители**, **прошу** **принять** **назототъ** **предметъ** **посылаемые** **нынѣ** **съ** **почтою** **пятьдесять** **рублей** **ассигн** (ПДП: 133); **Прилагаемой** **же** **присемъ** **покровъ** **покорнѣйше** **прошу** **наложить** **на** **Гробницу** **Святителя** **и** **чудотворца** **Симіона** **естли** **я** **буду** **достоенъ** **предложеніемъ** **онаго** <...> (ПДП: 135). Иногда подарки предназначены лично отцу Николаю: **Посылаю** **вамъ** **Трудомъ** **Невѣстки** **моей** **бѣлую** **Сорочку**, **Или** **Просто** **Манашескую** **рубаику** (Архив: Л. 31); **прилагаю** **присемъ** **стальную** **печатъ** **вырезанную** **соответственно** **сану** **изванію** **Вашему**, **исполнѣ** **надѣюсь** **что** **подобротѣ** **души** **Вашей** **неоткажете** **принять** **малую** **мою** **лепту** (ПДП: 135). Таким образом, подобные сообщения можно рассматривать как свидетельство приверженности адресантовъ христианскимъ ценностямъ и стремления продемонстрировать свои аксиологические приоритеты.

Теми же причинами объясняется частое упоминание в письмахъ о паломничествахъ к святымъ местамъ: **Въ** **бытность** **мою** **въ** **Декабрѣ** **мѣсяцѣ** **1848** **года** **въ** **богоспасаемомъ** **Градѣ** **Верхотурье**, **для** **поклоненія** **къ** **Святымъ** **мощамъ** **Святаго** **иправеднаго** **Симіона** **чудотворца**, **я** **вполне** **почель** **себя** **счастливымъ** (ПДП: 135); **Изъ** **Вологды** **отъ** **Гл. Ни:** **получилъ** **два** **письма**, **въ** **последнемъ** **пишетъ** **онамереніи** **своемъ** **отправится** **въ** **Тотьму**, **къ** **преподону** **Феодосію**, **а** **по** **весне** **опять** **намеревается** **къ** **соловецкимъ**, **пишетъ** **мне**, **по** **прозьбе** **моей** **была** **она** **упреосвященнаго** **Евлампія** **свидетельствовала** **ему** **мое** **высокопочи-**

таніе, онъ принялъ ее очинь хорошо, идовольно разговаривалъ, благодарилъ за мою память оего святительской особе (ПДП: 154); Петръ Матвееичъ и Аннушка съ детьми уехали до Канска въместе надвухъ экипажахъ. А отътоль разъедутся первый <...> поделама службы, А последніе въ Иркутскъ на поклоненіе угоднику Божію (ПДП: 161); У меня съженою обѣтъ быть въ Долматовѣ и помолится Пресвятой. Помози Господи привести его въ исполненіе (Архив: Л. 11); Въ бытность нынѣшнюю вѣсною, брата моего въ Верхотурьѣ, для поклоненія моцамъ Праведн: Симеона (Архив: Л. 56).

Подлинным проявлением аксиологических приоритетов можно считать желание некоторых адресантов высказаться о духовных основах православия, продемонстрировать свое следование религиозно-этическим нормам, вступить в философский диалог или хотя бы пообщаться с духовным лицом. Так, Василий Ремянников выражает сожаление о невозможности регулярного общения с отцом Николаем: *отецъ Николай мы раставиши съвами ужѣ давно Нѣ бѣседовали лично, идаже чрезъ Порѣнску (Архив: Л. 47).* Самым показательным примером реализации подобных интенций являются письма Василия Власьевского, церковного старосты из Красноярска. Он не только высказывает намерение поддерживать духовное общение с адресатом (*время немного требуется написать письмо кълюбимому человекѣ, но не въмоихъ правилахъ къ такому писать коротенько, адолжна беседа быть такова, какъ первѣнствующіе християни служили всенощное бденіе, теперъ улуча совершенно свободное время, непременною обязанностію поставляю, съ приятностію съ вами побеседовать (ПДП: 157)*), но и успешно воплощает его. В его письмах содержатся пространные рассуждения на нравственно-мировоззренческие и экзистенциальные темы, в которых он постоянно апеллирует к христианским добродетелям как критерию истины: *да я теперъ истинно Св. отецъ скажу, готовъ умирать, нестрашусь смерти, съ радостію готовъ ее встретить когда Господь удостоилъ меня, и увенчалъ желаніе мое полнымъ успехомъ къ несказанной моей радости! Но ободномъ прошу Спасителя мира, чтобъ при переселеніи въвечность удостоилъ меня хотя и недостойнаго въкусить пречистыхъ плоти и крови его, тогда сърадостнымъ духомъ пойду вострану живыхъ, где ни воровъ ни воровства нетъ, да и никакия заботы непотребуется (ПДП: 151).* Излюбленным приемом в его эпистолярных текстах является цитирование священных книг, используемое в разных компози-

ционных частях писем – поздравлениях, в обосновании своей позиции, в оценках событий и отношений. К одному из своих посланий Власьевской даже присоединяет полный текст торжественной речи священника Красноярского собора, произнесенной при установке нового колокола.

Для того чтобы реализовать свое намерение духовного общения со священнослужителем, адресант должен обладать достаточно широким кругозором, абстрактным мышлением и высоким уровнем речевых компетенций. Если письма Власьевского свидетельствуют о наличии у него всех этих качеств, то послание купца Ивана Тимофеевича Протопопова демонстрирует интенцию философствования, не получившую удовлетворительного воплощения. Адресант пытается построить развернутую метафору, но при этом не способен удержать нить своего рассуждения (тем не менее сам это осознает): *Вотъ отче Вы и Самуилѣ какъ время переменчиво примерно смотря по погодѣ вѣтра. Куда онъ дуетъ благотворно а въ другое место нетакъ, примѣняясь всему этому и мы всѣ погрѣхамъ своимъ становимся иногда на эту пыль. – впрочемъ бываетъ послѣ этой пыли какъ бурной погоды благотворительная, которая и будетъ питать и дастъ наслаждѣніе опять немѣнѣе аможетъ быть болѣе ещѣ прежняго. Извинитѣ отцы что мысль моя такъ Вамъ здѣсь высказана пожалуй что и лишка, но увѣренъ что разположеніе неоскорбится (Архив: Л. 7–7 об.).*

Ориентация на статус иеромонаха Николая обнаруживается в выборе адресантами тем для общения, в чем проявляются как прагматические, так и аксиологические установки на адресата. В письмах содержатся сообщения о событиях, имеющих отношение к церковно-религиозной жизни (строительство и благоустройство храмов, изготовление и установление колоколов, иконописание, визиты церковных иерархов и служебные перемещения представителей духовенства, отправление церковных служб и др.), отражаются личные связи с духовными лицами.

Анализ содержания писем позволяет говорить о том, что часть адресантов – Василий Власьевской, Глафира Николаевна, Петр Куршунов, Павел де Веллий, Василий Ремянников, Иван Протопопов, Петр и Анна Дмитриевы – входит в некий единый круг общения, центром которого является отец Николай. Это утверждение опирается на то, что они знакомы друг с другом, могут быть связаны общими делами, при этом отец Николай выступает по отношению к ним в разных ролях – посредника в делах и связях, заказ-

чика хозяйственных услуг для обители, исполнителя поручений. В этом проявляется отношение всех этих адресантов к иеромонаху Николаю как к человеку отзывчивому, надежному, нравственному, душевному и мудрому – носителю истинных христианских добродетелей.

Таким образом, анализ переписки показал, что представители светских сословий, общаясь со священнослужителем, проявляют как прагматические (в фактологическом нарративе), так и аксиологические (в экзистенциально-философском нарративе, выборе критериев оценки и в стилистике общения) установки. Форма реализации этих установок зависит от личности адресанта (включая языковую составляющую), от взаимоотношений с адресатом и от интенций, формирующих конкретное послание. При этом, несмотря на то, что все адресанты являются носителями светского типа культуры, в своем общении со священнослужителями они обнаруживают умение выстраивать коммуникацию с носителем религиозного типа культуры. А это значит, что в рассматриваемый период российской истории никакой пропасти между носителями двух типов культуры не существует.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-14-59003а.

² При цитировании источников сохраняется авторская графика, орфография и пунктуация.

Список источников

Архив – Архив Соликамского Святотроицкого мужского монастыря XVIII–XX вв. Рукопись. Соликамский краеведческий музей. Отдел «Фонды». (Ф. 17. Д. 113).

ПДП – А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. / сост. Л.А. Белова, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006. 200 с.

МБ – Монастырский быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря / сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Соликамск: СГПИ, 2011. 220 с.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Дик Н.Ф., Дик П.Ф. Культурология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 384 с. URL: <http://www.rummu>

seum.ru/lib_d/dikkult15.php (дата обращения: 9.10.2015).

Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). Филология. С. 24–32.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Лебедев С. О двух ветвях нашей культуры // Православие.Ru / Интернет-журнал. 2004. 29 марта. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/107.htm> (дата обращения: 9.10.2015).

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Историческая языковая личность с позиции адресанта и в позиции адресата (попытка реконструкции на материале эпистолярных текстов XIX века) // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апр. 2012 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. С. 164–170.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Речевая культура и ценностные приоритеты языковой личности (по рукописям XIX в.) // Вестник развития науки и образования: науч. журн. М., 2013. № 4. С. 154–162.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Эпистолярный текст как показатель культурно-аксиологических установок языковой личности // Шестые Лазаревские чтения: Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 26–27 февр. 2013 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск, 2013. Ч. 1. С. 268–271.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апр. 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; ПГНИУ. Пермь, 2014. С. 249–255.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX века) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: материалы I Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–7 нояб. 2014 г.) / под общ. ред. Е. А. Жуковой, И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холмоенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 309–314.

Матвеев П.Е. К вопросу о понятиях «светская этика» и «религиозная этика» // Вестник Рос. филос. общества. М., 2010. № 3. С. 76–80.

Нерознак В.П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.

Панкратова Е.В. Религиозность и религиозная самоидентификация // Сравнительная и интердисциплинарная история в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе: материалы семинара. 2010. URL: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (дата обращения: 9.10.2015).

Плесовских Т.С. Лингвоперсоналогия в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. № 4 (4). С. 173–179.

Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Е.В. Протасова; науч. ред. Е.В. Протасова. Соликамск: СГПИ, 2013. 223 с.

References

Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka [Language and a human's world]. Moscow: "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 1999. 896 p.

Dik N.F., Dik P.F. Kul'turologija [Culturology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2006. 384 p. Available at: http://www.rummuseum.ru/lib_d/dikkult15.php (accessed: 09.10.2015).

Ivantsova E.V. O termine «jazykovaja lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovanija [The term «linguistic personality»: the origins, problems, prospects of use]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal. Philology]. 2010. Iss. 4 (12). P. 24–32.

Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 447 p.

Karaulov J.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [The Russian language and a linguistic personality]. Moscow: LKI Publ., 2010. 264 p.

Lebedev Sergej O dvukh vetvjakh nashej kul'tury [On two branches of our culture]. Pravoslavije.Ru / Online Journal, 29 March 2004. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/107.htm> (accessed: 09.10.2015).

Logunova N.V., Mazitova L.L. Epistoljarnyj tekst kak pokazatel' kul'turno-aksiologicheskikh ustanovok jazykovoj lichnosti [Epistolary text as an indicator of cultural and axiological preferences of a language personality]. Shestyje Lazarevskije chtenija: Lazarevskije chtenija «Liki traditsionnoj kul'tury v nachale XXI stoletija»: materialy mezhdunar. nauch. konf. [6th Lazarev's reading: «Traditional culture

faces in the early 21st century»: proceedings of the intern. sci. conf.]. Chelyabinsk, February 26–27, 2013: in 2 vols. / compiled by L.N. Lazareva. Chelyabinsk: Chelyabinsk St. Acad. of Culture and Arts Publ., 2013. Vol. 1. P. 268–271.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Istoricheskaja jazykovaja lichnost' s pozitsii adresanta i v pozitsii adresata (popytka rekonstruktsii na materiale epistoljarnykh tekstov XIX veka) [A historical linguistic personality from the perspective of a sender and in the position of an addressee (an attempt of reconstruction basing on the material of the 19th century epistolary texts)]. Aktual'nyje voprosy filologicheskikh issledovanij: materialy Vseros. nauch. konf. [Current issues of philological studies: proceedings of all-Russ. sci. conf. Perm, 6 April 2012]. Perm: Perm. St. Univ. Publ., 2012. P. 164–170.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Portret istoricheskoi lichnosti na osnove rukopisnykh istochnikov XIX veka [A portrait of a historical figure based on the 19th century handwritten sources]. Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proc. of the IInd all-Russ. (with intern. participation) sci. conf.]. Perm, 15 April 2014 / ed. by N.V. Solovjova, I.I. Rusinova. Perm: Perm. St. Univ. Publ., 2014. P. 249–255.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Rechevaja kul'tura i tsennostnye priority jazykovoju lichnosti (po rukopisjam XIX v.) [Speech culture and value priorities of the language personality (based on manuscripts of the 19th century)]. Vestnik razvitija nauki i obrazovanija: nauchnyj zhurnal [Bulletin of science and education development: scientific journal]. Moscow, 2013. Iss. 4. P. 154–162.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Rekonstruktsija istoricheskoi jazykovoju lichnosti (po dannym epistoljarnykh tekstov XIX veka) [Reconstruction of a historical linguistic personality (according to epistolary texts of the 19th century)]. Lingvokul'turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polietnicheskogo regiona: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Linguocultural phenomena in communicative space of a polyethnic region: Proceedings of the Ist international sci. conf.]. Rostov-on-Don, 5–7 November 2014 / ed. by E.A. Zhukova, I.V. Kovtunenکو, E.V. Maslakova, O.M. Kholomeenko. Rostov-on-Don: JuFU Publ., 2014. P. 309–314.

Logunova N.V., Mazitova L.L., Protasova E.V. Sistema obrazovanija na Urale i uroven' obrazovanosti naselenija regiona do 1917 goda: monografija [The education system in the Urals and the level of education of the region's population before 1917: a

monograph] / ed. by E.V. Protasova. Solikamsk: Solikamsk St. Pedag. Inst. Publ. 2013. 223 p.

Matveev P.E. К вопросу о понятиях «svetskaja etika» i «religioznaja etika» [To the question about the terms «secular ethics» and «religious ethics»]. Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva [Bulletin of the Russian Philosophical Society]. Moscow, 2010. Iss. 3. P. 76–80.

Neroznak V.P. Lingvisticheskaia personologija: k opredeleniju statusa distsipliny [Linguistic personology: determining the status of the discipline]. Jazyk. Poehtika. Perevod. [Language. Poetics. Translation]. Collected scientific papers. Moscow: Moscow St. Linguistic Univ. Publ., 1996. P. 112–116.

Pankratova E.V. Religioznost' i religioznaja samoidentifikatsija [Religiosity and religious self-identification]. Sravnitel'naja i interdistsiplinarnaja istorija v Vostochnoj, Tsentral'noj i Jugo-Vostochnoj Evrope: materialy seminarov [Comparative and interdisciplinary history in Eastern, Central and South-Eastern Europe: seminar proceedings]. 2010. Available at: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (accessed: 09.10.2015).

Plesovskikh T.S. Lingvopersonologija v kontekste antropologičeskogo podkhoda [Linguistic personology in the context of the anthropological approach]. Science Time. 2014. Iss. 4 (4). P. 173–179.

PRAGMATIC AND AXIOLOGICAL STRATEGIES OF SECULAR PEOPLE IN EPISTOLARY COMMUNICATION WITH THE CLERGY

Natalia V. Logunova

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Perm State University

Larisa L. Mazitova

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Perm State University

Basing on handwritten archival documents of the 19th century, the article considers some peculiarities of epistolary communication between secular people and the religious community. In such communication, addressers and addressees are representatives of different cultures, which makes it necessary for the addresser to build communication regarding the addressee's status, axiological and pragmatic priorities. In the letters analyzed, this can be seen in theme preferences, in the way how evaluation criteria are chosen and text is built in general, including its style. Pragmatic and axiological orientations of addressers are realized in different ways depending on their level of general and speech culture, religious orientation, and relationship with addressees.

Key words: linguistic personology; linguistic identity; historical linguistic identity; epistolary text; axiological priorities; pragmatics of verbal communication.

УДК81'367.624.3 + 81-25 + 81'33

О ЧАСТОТНОСТИ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ¹

Екатерина Олеговна Косарева

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. eokosareva@gmail.com

Статья посвящена исследованию особенностей употребления дейктических наречий места в повседневном общении носителей русского языка. В основе исследования лежит анализ статистических данных, полученных в результате работы с материалом звукового корпуса повседневной речи «Один речевой день» (ОРД). Исследования подобного рода уже проводились ранее, в частности, на материале Национального корпуса русского языка, однако специфика корпуса ОРД позволяет выявить новые особенности и закономерности функционирования в речи изучаемых единиц. В статье рассматривается понятие пространственного дейксиса и система наречий, которыми он представлен в русском языке, приводятся наиболее частотные случаи их употребления. Помимо основной – пространственной – семантики наречий этой группы, описываются случаи возникновения непространственной (временной, ситуативной) семантики. На основании анализа количественных показателей, в частности таких, как частота употребления и процентное соотношение исследуемых единиц, делаются выводы о предпочтениях носителей языка при выборе наречий в повседневной коммуникации.

Ключевые слова: наречия места; пространственный дейксис; временной дейксис; повседневная речь; семантика.

Введение

Категория пространства – одна из базовых категорий бытия и познания мира. Она, наряду с категорией времени, лежит в основе картины мира и социально-культурного опыта людей и формирует их структуру.

Пространство как основная форма существования материи является также всеобщим и неотъемлемым свойством материальных систем. В более узком понимании «это то, что соответствует картине, возникающей у человека при панорамном охвате его зрением простирающейся перед ним протяженности, за исключением расположенных в этой протяженности объектов; это то, что попадает в поле зрения не только перед ним, но и при сознательном разглядывании окружающего в ходе поворотов головы в направлении “вверх – вниз”, “вперед – сзади”, “справа – слева”, т.е. во все стороны» [Бабенко 2005: 95].

Чтобы рассмотреть вербальное выражение пространства в рамках повседневной коммуникации, обратимся к теории функциональной грамматики, разработанной А. В. Бондарко и его

последователями (напр., [1997]). В рамках этой теории пространственные отношения можно изобразить формулой $A + r + L$, где «А представляет собой локализуемый объект, L – локализатор, то есть объект, по отношению к которому локализуется А; r – пространственное отношение, связывающее объекты А и L» [Гак 1996: 8]. Одним из средств выражения пространственного отношения (r) является наречие.

Как пишет Е. В. Падучева, «язык, среди прочего, должен обеспечивать говорящим возможность осуществлять референцию к бесконечному числу объектов и явлений, и главный инструмент референции в естественном языке – это дейксис» [Падучева 2011: 259]. Именно дейктические наречия места (см. подробнее: [Косарева 2015]), их роль и количественное соотношение стали объектом нашего внимания в этой работе.

1. Наречие как средство выражения пространственного дейксиса

«Понятие *дейксиса* (этот научный термин грамматической теории является греческим словом, означающим «указание») вводится для описания «ориентационных» свойств языка, связан-

ных с местом и временем произнесения высказывания» [Лайонз 1978: 291]. Этот класс языковых явлений возникает благодаря отражению в языке эгоцентрического восприятия человеком окружающей действительности. Для осознания себя в этой действительности мы устанавливаем систему координат в пространстве и времени, принимая себя за точку отсчета. Интерпретация этой системы возможна только при условии знания контекста, внеязыковой ситуации для каждого конкретного случая коммуникации.

Под понятием пространственного дейксиса подразумевается характеристика местоположения или направления движения объекта относительно некоторой точки отсчета. Одно из средств выражения дейктических отношений такого типа – дейктическое наречие места.

Все русские дейктические наречия места делятся на локативные, обозначающие местонахождение (*здесь, тут, там*), и наречия направления, указывающие на направление движения (*туда, сюда, оттуда, отсюда*). Последние, в свою очередь, делятся на две семантические группы: «куда?» и «откуда?».

Локативные наречия можно распределить по своему роду «зонам» удаленности от говорящего. «Для их обозначения в лингвистической литературе существуют термины “окрестность говорящего” или “окрестность говорящего субъекта” и “окрестность неговорящего”» [Корнева 2005: 35].

В представлении носителя русского языка за точку отсчета принимается говорящий, а пространство представляется моноцентричным: «ЗДЕСЬ = ‘в том месте, где говорящий находится или где он в момент речи мыслит себя’. ТАМ = ‘в месте, отличном от того места, где находится говорящий или где он в момент речи мыслит себя’» [Апресян 1995: 282]. Другими словами, существуют только окрестность говорящего – близкое, освоенное, свое пространство – и

окрестность неговорящего – далекое, чужое пространство.

Для русского языка характерна бинарная система противоположных пространственных значений: близость – отдаленность (*тут, здесь – там*), направление движения к говорящему (*сюда*) – от него (*отсюда*), направление движения от пространственной зоны говорящего в неопределенном направлении (*туда*) – от некоторой точки в неизвестном направлении (*оттуда*). В последнем случае появляется третья «окрестность». С этой точки зрения возникает следующая градация освоенности пространства: непосредственно окружающее (наиболее близкое), затем далекое (но в некоторой степени известное) и, наконец, наименее освоенное (никаким образом не определенное). Точка отсчета при этом остается прежней.

2. Дейктические наречия места в корпусе «Один речевой день» (ОРД)

Характер языкового материала корпуса ОРД [Богданова 2009] и методика его записи [Asinovsky 2009] дают нам возможность определить и проанализировать языковые средства, которые носители русского языка спонтанно используют при коммуникации в «режиме реального времени» для передачи непосредственно воспринимаемого, иначе говоря, перцептивного пространства.

Дейктические наречия представлены в корпусе в количестве 3645 вхождений (при общем объеме, доступном для исследования, около 240 тыс. словоупотреблений). Из них 93% единиц обладают собственно пространственным значением, в то время как остальные употребляются во временном и ситуативном (термин В. Ю. Апресян, подразумевает значение «в имеющей или имевшей место ситуации, о которой в данный момент идет речь» [Апресян 2014]) значениях: 3 и 4% соответственно. Процентное соотношение этих значений для каждого из наречий представлено в таблице.

Статистика значений дейктических наречий места в ОРД

Ранг	Наречие	Общее количество в корпусе ОРД	Пространственное значение, %	Временное значение, %	Ситуативное значение, %
1	Там	2009	98,9	1,1	-
2	Здесь	590	94,7	0,2	5,1
3	Тут	574	60,5	18,3	21,3
4	Туда	225	100	-	-
5	Сюда	186	100	-	-
6	Отсюда	31	96,8	3,2	-
7	Оттуда	24	91,7	8,3	-
8	Досюда	2	100	-	-
9	Дотуда	1	100	-	-
10	Здесья	1	100	-	-
11	Тута	1	100	-	-

Локативные дейктические наречия значительно превосходят по числу вхождений наречия направления.

Самыми частотными являются наречия *там*, *здесь* и *тут*. В русском языке для них характерен «феномен семантического синкретизма, когда в значении одной лексемы объединены смыслы, относящиеся к разным семантическим полям – в данном случае, ‘время’ и ‘место’» [Апресян 2014]. Так как время не воспринимается органами чувств, представление о нем неизбежно моделируется в категориях пространства и движения [Арутюнова 1999], что создает предпосылки такого объединения смыслов.

Наибольшая частота употребления в ОРД наблюдается у наречия *там* (55% всех дейктических пространственных наречий). В абсолютном большинстве случаев оно имеет пространственное значение и используется в следующих ситуациях:

- описание места, находящегося далеко от говорящего

*ну это место такое / очень (...) очень () престижное / *П курортное // там где (...) заповедник Карадаг // *П (э-э) там просто (...) биостанция / которую Вяземский основал в девятнадцатом веке // и вот там так и закрепилось / то есть тамвсяч... всяческие исследования проходят // *П там аквариум есть / дельфинарий // *П вот // @ угу //;*

- обозначение места, находящегося на значительном расстоянии от говорящего, с противопоставлением месту, где находится сам говорящий (*здесь*)

*а что ? # и что ты думаешь / там растут вот эти подсолнухи ? *П вон / заедь / как у нас () в полях / рожь пшеница растёт / ничего там не растёт // и там наверняка / Молдавия вся стоит // *П вообще незапаханная //;*

- указание на местоположение предмета на небольшом расстоянии от говорящего и в зоне видимости слушающего, предположительно сопровождается указательным жестом

*дерево какое ? ну охру возьми // вон там охра // *П вот эта ? @ вон подальше / светлая / да //.*

Также встречается наречие *там* с темпоральной семантикой, синонимичное наречию времени *потом*:

*ну и соответственно / за октябрь деньги не начисляй // - ну за октябрь / (э) она отработала неделю // - *П - ну ещё / да там / половину недели *Н // - да / ну я сейчас точно посмотрю / сколько там / () получается // - ну вот / всё вроде / # но там где-то возможно там / может такое получить / что порядка тысячи *Н # *Н // - ну /*

пусть будет минус / да а там уже решим / как с ней поступать / правильно ? # угу //.

Следующими по частоте употребления идут наречия *здесь* и *тут*, количество которых различается незначительно.

Как показывают исследования Е. А. Гришиной, «полные синонимы *здесь* и *тут* различаются по двум параметрам. Во-первых, наличием или отсутствием дистанции между субъектом и объектом указания (для *здесь* такая дистанция более характерна, чем для *тут*: *здесь* употребляется в ситуации, когда объект указания находится близко к говорящему, но вне его личной сферы; в случае же употребления наречия *тут* говорящий позиционирует себя внутри объекта указания). Во-вторых, *здесь* и *тут* различаются типом объекта указания: для *здесь* характерна трактовка объекта указания как некоторой точки, черного ящика, своего рода «черной капсулы»; наречие *тут* трактует объект указания как развивающийся во времени трехмерный объект. Иными словами, *здесь* указывает на некоторое место, а *тут* указывает на событие, протекающее в некотором месте» [Гришина 2012]. Это подтверждается и нашими данными. *Здесь* в качестве обозначения места употребляется в полтора раза чаще, чем *тут*. При этом *здесь* сильнее связано с физическим пространством.

Здесь в пространственном значении встречается в следующих ситуациях:

- поиск говорящим какого-либо объекта

а что мы смотрим ? бумажные обои ? # а вот здесь нет у них ? ну-ка подожди / а может вот здесь ? здесь нет //.

- обозначение места, в котором находится говорящий

*нет / я метро-то понял // *П я просто здесь в этом районе редко бываю // *П выходит там выходов / четыре // со всех с...*

Употребления *здесь* в ситуативном и временном значениях крайне редки по сравнению с пространственным значением:

*- а он меня(:) не то пощекотал / не то что-то говорит / а я хлеб маслом на(:)... мазывала говорит / я говорит и дернулась // *П но что-то здесь не то /*

*- мне здесь недавно сон / снился / не поверишь // *П приснилось / что я с этой начальницей тусила //.*

Более пропорционально все три значения распределяются у наречия *тут*. Пространственное значение для него характерно в таких ситуациях:

- указание на объект, находящийся в зоне видимости говорящего и слушающего

*а вот тут находится напротив (...) дворец (э) Великого князя / *П Алексея Александровича // *П сейчас там военкомат //;*

- поиск говорящим какого-либо объекта

*я люблю такие вещи / которые можно и в пир и в мир ... @ так / где тут ? *П где тут вход то ?*

- обозначение местонахождения говорящего при телефонном разговоре

*скажи / он там долго будет ? *Пя его да / жду // *П ну спроси у него пожалуйста // *Па / *П блин / *П но я тут тогда жду // *П перезвонишь ? *П всё спасибо / давай пока //;*

- описание предмета, который видят оба собеседника

о кстати / смотри / тут есть для наушников / но в наушниках же ты не можешь / тебе нужно двигаться / и наушн... / наушники есть / может будет лучше слышать ?

*конечно *Н как я в белую полосочку // *П короче такое выемка / как будто такое горлышко / и тут на четырёх *Н бусинках // *П ну я конечно её не буду покупать / *С //.*

Семантика времени у наречия *тут* развита в гораздо большей степени, чем у наречия *здесь* (см. подробнее: [Апресян 2012]). В корпусе ОРД она встречается в три раза реже, чем пространственное. Типичны такие случаи употребления:

- в значении «в этот момент» в рассказе о событиях в прошлом

*а ! то есть тут уже / ... никогда / ... # уже / процесс практически на поток был поставлен // *С но тут среди кроликов разразился мор //;*

- в сочетании с местоимением указывает на то, что событие произошло незадолго до момента речи

*я тут придумал вид бизнеса / *П мне кажется достаточно перспективный /.*

Ситуативное значение у *тут* встречается практически с такой же частотой, как и временное:

ну так нет просто / ну просто понимаете / вот если б всё от нас зависело / всё б... у вас бы всё было супер // но тут не всё от меня / к сожалению / тут ещё и (...) немножко от него самого зависит //.

Говоря о локативных дейктических наречиях, необходимо упомянуть об исследованиях В. Ю. Апресян, проведенных на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Материал НКРЯ позволяет получить следующий результат: «для *здесь* доминирующее значение – пространственное, ситуативное достаточно хорошо представлено, а временные употребления маргинальны, в то время как у *тут* все три блока значений представлены в существенно более

уравновешенных пропорциях, причем «лидирует» ситуативное значение, на втором месте временной блок, а пространственный оказывается на третьем» [Апресян 2014]. Эти наблюдения частично совпадают с нашими. Существенное отличие состоит в преобладании в корпусе ОРД пространственного значения у наречия *тут*. Такое расхождение можно объяснить спецификой текстов ОРД. Наибольшая концентрация дейктических показателей встречается не столько в повествовании о событиях, сколько в диалогах, в том числе диалогах с самим собой, или монологах-комментариях собственных действий. Все они служат для отображения пространства, в котором происходит акт коммуникации, и ориентации говорящего и слушающего в нем.

В ОРД также встречается случай употребления разговорных форм *туда* и *здесь*:

*так / где мои ключики ? *П я тут я здесь //.*

Что касается наречий направления, их общее количество в ОРД почти в 7 раз меньше количества локативных наречий. Кроме того, необходимо отметить, что для них практически не характерно появление темпоральной или ситуативной семантики. Появление значения времени наблюдается только у наречий *отсюда* и *оттуда*, причем количество такого рода вхождений незначительно:

- *оттуда* в значении «с того момента»:

*у меня брат // @ *Н @ (э-э) брат у меня старший // мы с ним когда-то в Омск вместе уехали / и там () от () безденежья / начали ремонтами заниматься // *П *Н оттуда начало моих / *П ремонтных эпопей //*

- *отсюда* в значении «с этого момента»:

*фу слово то какое // *П товарищ майор / вот отсюда не записывайте / пожалуйста //.*

Что касается наречий *туда*, *сюда*, *дотуда*, *досюда*, они используются в повседневном общении только в пространственном значении. Наречия *дотуда*, *досюда* употребляются достаточно редко и в ОРД встречаются всего один-два раза:

- *она уже была здесь / на Московском // она да сих пор ещё не доехала дотуда //*

- *не знаю доедут ли / досюда // *П это они / тебе звонили ?*

- *да / и вот только досюда / да // *П а (...) это будет в тени //.*

Выводы

В результате нашего исследования мы пришли к следующим выводам.

Дейктические наречия места занимают важное место в повседневной коммуникации, так как «дейксис – это феномен, который связывает высказывание с контекстом, в котором оно произ-

водится» [Мельник], в данном случае с пространством, где происходит акт коммуникации.

Количество локативных дейктических наречий в повседневной речи значительно превышает количество наречий направления. Наиболее частотны в этих группах наречия *там* и *туда*.

Самая большая частотность наблюдается у наречия *там* – более половины всех пространственных дейктических наречий в корпусе ОРД.

Синонимичные *здесь* и *тут* встречаются практически с одинаковой частотой. Для обоих наречий наиболее частотное употребление в их основном – пространственном – значении. Далее следуют ситуативное и, наконец, временное значения. При этом процентное соотношение значений у *тут* более пропорционально, чем у *здесь*.

Наречия направления, за редким исключением, имеют только пространственную семантику.

Примечание

¹Исследование проведено в рамках проекта «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах» (грант РФФ №14-18-02070).

Список литературы

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография: в 2 т. 2-е изд., испр. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. С. 629–650.

Апресян В. Ю. «Тут» как показатель темпоральной близости // Материалы междунар. конф. «Диалог’2012». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2012. С. 1–17.

Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. С. 9–41. URL: <http://publications.hse.ru/articles/106984009> (дата обращения: 05.12.2015).

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV. 896 с.

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.

Богданова Н. В. Звуковой корпус как способ мониторинга и фиксации разных форм естественного языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции «Диалог» (2009) / Н.В.Богданова, А.С.Асиновский, М. В. Русакова, А. И.Рыко, С. Б.Степанова, Т. Ю. Шерстинова. М.: 2009. С. 38–44.

Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 229 с.

Гришина Е. А. Здесь и тут: корпусной и жестикуляционный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23. С. 39–71. URL: http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=266&tmpl=component&format=raw&Itemid=67 (дата обращения: 05.12.2015).

Корнева В. В. Испанские дейктические наречия в зеркале русских наречий // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и международная коммуникация». 2005. №1. С. 35–41.

Косарева Е. Русские обстоятельственные наречия и их итальянские эквиваленты. Сопоставительный анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 108 с.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ., под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1978. 543 с.

Мельник О. Г. Метафоризация дейктических единиц. URL: https://www.academia.edu/4680335/Метафоризация_дейктических_единиц (дата обращения: 03.12.2015).

Николова А. Функциональная грамматика: выражение пространственных отношений в русском языке (на фоне болгарского). Шумен: Университетско издателство "Епископ Константин Преславски", 1997. 165 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки слав. культуры, 2011. 480 с.

Asinovsky A. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation Principles and Annotation / A Asinovsky, N.Bogdanova, M.Rusakova, A.Ryko, S.Stepanova, T.Sherstinova // «Text, Speech and Dialogue». Proc. of the 12th International Conference, TSD 2009. Pilsen, Czech Republic. Springer: LNAI 5729, 2009. P. 250–257.

References

Apresjan Ju. D. Dejksis v leksike i grammatike i naivnaja model' mira [Deixis in lexicon and grammar and a naive model of the world]. Izbrannyje trudy. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija [Selected works. Integrated language description and systematic lexicography: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Shkola "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 1995. P. 629–650.

Apresjan V. Ju. "Tut" kak pokazatel' temporal'noj blizosti ["Tut" ('here') as a temporal

proximity marker]. *Materialy mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog'2012"*. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii* [Proceedings of the international conference "Dialogue 2012". Computer linguistics and intelligent technologies]. 2012. P. 1-17.

Apresjan V. Ju. Tut, zdes' i sejchas. O vremennykh znachenijakh prostranstvennykh dejkticheskikh slov [Here, right here and now. On the temporal meaning of spatial deictics]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian language in the science coverage]. 2014, Iss. 27. Available at: <http://publications.hse.ru/articles/106984009> (accessed 05.12.2015).

Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [The man's world and language]. Iss. 2. Moscow: "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 1999. I-XV. 896 p.

Asinovskij A. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation Principles and Annotation. / *Asinovskij A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T.* In: «Text, Speech and Dialogue». Proc. of the 12th International Conference, TSD 2009. Pilsen, Czech Republic. Springer: LNAI 5729, 2009. P. 250-257.

Babenko L. G., Kazarin Ju. V. Lingvisticheskij analiz khudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika [Linguistic analysis of an artistic text. Theory and practice]. Iss. 3. Moscow: Flinta Publ., 2005. 496 p.

Bogdanova N. V. Zvukovoj korpus kak sposob monitoringa i fiksatsii raznykh form estestvennogo jazyka [A speech corpus as a tool for monitoring and fixation of various forms of the natural language]. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii. Po materialam mezhdunarodnoj konferentsii "Dialog" (2009)* [Computer linguistics and intelligent technologies. The data of the international conference "Dialogue"]. Moscow, 2009. P. 38-44.

Gak V. G. *Funktsional'no-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii* [Functional-semantic field of localisation predicates]. *Teorija funktsional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possessivnost'. Obuslovlennost'* [Functional discourse grammar: Localisation. Existence. Possessivity. Conditional-

ty] / ed. by Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka Publ., 1996. 229 p.

Grishina Je. A. Zdes' i tut: korpusnoj i zhestikuljatsionnyj analiz polnykh sinonimov [Zdes' vs. tut 'here': corporal and gestural analysis of complete synonyms]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian language in the science coverage]. 2012, Iss. 23, P.3 9-71. Available at: http://studiorum.ruscorpora.ru/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=266&tmpl=component&format=raw&Itemid=67 (accessed 05.12.2015).

Korneva V. V. Ispanskije dejkticheskije narechija v zerkale russkikh narechij [Spanish deictic adverbs reflected in Russian adverbs]. *Vestnik VGU, "Lingvistika i mezhdunarodnaja kommunikatsija"* [Voronezh State University Herald, "Linguistics and international communication"]. 2005. Iss. 1. P. 35 – 41.

Kosareva Je. Russkie obstojatel'stvennyje narechija i ikh ital'janskije ekvivalenty. Sopostavitel'nyj analiz [Russian adverbs of place, time, cause and purpose and their Italian equivalents. Comparative analysis]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 108 p.

Lyons J. *Vvedenije v teoreticheskiju lingvistiku* [Introduction to theoretical linguistics] / Transl. and ed. by V. A. Zvegintsev. Moscow: "Progress" Publ., 1978. 543 p.

Mel'nik O. G. *Metaforizatsija dejkticheskikh edinit* [Metaphorisation of deictic units]. Available at: https://www.academia.edu/4680335/Метафоризация_дейктических_единиц (accessed: 03.12.2015).

Nikolova A. *Funktsionalnaja grammatika: vyrazhenije prostranstvennykh odnoshenij v russkom jazyke (na fone bolgarskogo)* [Functional grammar: expression of spatial relations in the Russian language (amidst Bulgarian)]. Shumen: "Jepiskop Konstantin Preslavski" Publ., 1997. 165 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskije issledovanija: Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of time and aspect in the Russian language; Semantics of narrative]. Iss. 2. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2011. 480 p.

FREQUENCY OF DEICTIC LOCAL ADVERBS IN EVERYDAY SPEECH

Ekaterina O. Kosareva
Postgraduate Student
Saint Petersburg State University

The article covers the research into deictic local adverbs, which are used in everyday communication of native Russian speakers. The research is based on analysis of statistical data collected while processing the material of the ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication. Similar researches have already been conducted before, in particular on the material of the Russian National Corpus. However, the peculiarities of the ORD corpus allow us to uncover new features and regularities in functioning of the studied units in speech. The author examines the concept of spatial deixis and a system of adverbs which present it in the Russian language, and gives the most frequent cases of their use. In addition to the basic – local – semantics of adverbs of this group, possible cases of their nonlocal (temporal, situational) meanings are described. Basing on the analysis of quantitative indexes, such as frequency of use and percentage correlation of the units studied, we come to the conclusion about preferences of native speakers in the choice of adverbs in everyday communication.

Key words: local adverbs; place deixis; time deixis; everyday speech; semantics.

УДК 81`37:82-93

**РЕБЯТА VS ДЕТИ,
ИЛИ О СООТНОШЕНИИ «ВЗРОСЛЫХ» И «ДЕТСКИХ»
РЕГУЛЯТИВНЫХ ОБРАЩЕНИЙ
(на материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» 1928–1941 гг.)**

Александра Андреевна Брыкова

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7. kakoslik88@yandex.ru

В статье описывается регулятивное обращение *ребята*, характерное для речевого этикета первой половины прошлого века. На материале журналов для детей «Еж» и «Чиж» (1928–1941) показывается, что речевой этикет, обслуживающий речевое взаимодействие детей, формируется на основе оппозиции «ребята – дети». Указанная оппозиция отражает социально-исторические представления о детях, расширяющие денотативное значение слова *ребята*, а также представления о включенности / невключенности ребенка в общество по ряду социальных параметров. Оппозиция «ребята – дети» тождественна оппозициям «товарищ – господин», «товарищ – гражданин», обнаруживающимся в основе «взрослого» речевого этикета и отражающим значимые изменения в советском обществе, в частности, стремление сделать ребенка полноправным членом этого общества.

Ключевые слова: речевой этикет; обращение; регулятивы; семантические изменения; детская литература.

Возможности грамматического и лексического наполнения позиции обращения практически безграничны, что объясняет необходимость функционального деления обращений с опорой на представления о речевом этикете. Так, обращения-регулятивы¹ (по терминологии В. Е. Гольдина – см. подробнее: [Гольдин 2009]) считаются основой речевого этикета как выполняющие функцию установления и поддержания контакта. Регулятивы, испытывая большое влияние внеязыковых факторов, очень чувствительны при этом к историческим и социальным изменениям в обществе, которое обслуживает речевой этикет.

Одним из весьма интересных источников исследования лексического наполнения позиции обращения и прагматических возможностей обращения выступают детские журналы, особенно те, которые издавались в период значительной социальной перестройки.

«Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941) – два ленинградских журнала, пользовавшиеся огромной популярностью среди читателей-детей: «Чиж» был рассчитан на читателей младшего возраста, «Еж» – на читателей старшего. В ред-

коллегию журналов входили выдающиеся мастера слова: С. Я. Маршак, К. И. Чуковский, Д. Хармс, А. Введенский, В. Бианки, Е. Чарушин, Н. Радлов, В. Коношевич и др. Эти советские детские журналы показательны еще и тем, что их достаточно явная дидактическая установка обнаруживается в том числе и на речевом уровне.

Советская воспитательная модель предполагала активное включение детей во взрослую жизнь. Горячие дискуссии 30-х гг. прошлого века относительно роли детской литературы сводились к тому, что детская литература должна способствовать формированию нового советского человека, патриотичного и деятельного: «... наши ребята уже в возрасте октябрят начинают принимать участие в практической работе по построению будущего. Разумеется, это работа – еще полуйгра, полузабава, но все же в известной степени – работа» [Горький (цит. по: Путилова 1982: 55)]. Подобное отношение к детям (следствием которого, в частности, стало создание различных детских организаций) не могло не отразиться и на речевом этикете. Помимо большого количества неологизмов типа *очаговец*, *октябренок*, *пионер*, в активное употребление вошло также

слово *ребята*, которое по своему лексическому и референциальному значению и по правилам употребления в качестве обращения было во многом тождественно слову *товарищи*.

В Словаре Д. Н. Ушакова (далее – СУ), который выходил в те же годы, что и журналы «Еж» и «Чиж», слово *ребята* определяется так: «разг. Молодые люди, парни // Товарищи по учёбе, работе и т. п. (употребляется среди молодёжи; нов.)» + «мн. ч. от ребёнок» [Ушаков 1939, III: 1305–1306]. Слово *ребята* весьма частотно в исследованном материале, особенно в контекстах из журнала «Чиж», что показательно, так как «Чиж» был ориентирован на детей младшего возраста 5–7 лет; следовательно, узуальное значение слова предполагало совмещение приведенных словарных значений и включение в круг референтов в основном детей дошкольного и младшего школьного возраста. В материалах журнала «Еж» лексема *ребята*, напротив, встречалась довольно редко как в качестве обращения редакции к читателям или читателей друг к другу, так и внутри художественной коммуникации. Чаще всего в этих случаях отмечалось обращение *товарищи*.

Слово *ребята* использовалось в позиции обращения и при обращении взрослых к детям (в том числе и работников редакции), и детей к самим себе (саморепрезентация), самостоятельно и с приложением в уточняюще-классифицирующей функции: *Ребята, редакция журнала «Чиж» просит очаговцев писать о том, как они живут и работают* (Чиж, 1932, 4–5)²; *Ребята-дошкольники! Присылайте в Чиж свои стихи и рассказы* (Чиж, 1933, 5); *Ребята очаговцы и школьники! Как вы помогаете колхозу?* (Чиж, 1932, 1); *Эй, ребята, октябрята, радиолюбители! Направляйте вы свои громкоговорители!* (Чиж, 1931, 6).

Частотность употребления слова *ребята* позволяет говорить о том, что для определенного периода времени это слово являлось не просто возможным этикетным обращением, но и культурным знаком, указывающим на включенность тех, кого им называют, в новую социальную систему, о чем, в числе прочего, свидетельствует тот факт, что определение слова *ребята*, данное в СУ, предполагает, что *ребята* и *товарищи* выступают в качестве взаимозаменяемых понятий.

Помимо одиночного употребления, слово *ребята* в позиции обращения фиксировалось в словосочетаниях с зависимыми этикетными прилагательными: *Дорогие ребята! Спасибо за рассказы и рисунки, а Юре Кожину ещё отдельно – за игрушку* (Чиж, 1939, 2). Такие сочетания являлись устойчивыми в рамках речевого этикета при

обращении редакции к читателям или же в эпистолярном жанре. Наличие этикетного прилагательного *дорогой* со словом *ребята* укрепляло его в позиции ядерного этикетного обращения еще и потому, что такие же этикетные словосочетания допускались и со словом *товарищи* – маркером «взрослого» речевого этикета: *Дорогой товарищ Сталин, / Я письмо тебе пишу* (Чиж, 1938, 11); *Пишите меня, дорогой товарищ, добровольцем в красноармейский отряд* (Чиж, 1933, 11); *Милые товарищи! Вы должны меня извинить, что я так долго не писал, но я не имел для этого денег и времени* (Еж, 1931, 8).

Отдельного упоминания требует и тот факт, что в широкое употребление слово *ребята* начало входить только в 20-е гг. XX в.: «Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: дети. Теперь это слово повсюду вытеснено словом ребята. Оно звучит и в школах и в детских садах, что чрезвычайно шокирует старых людей, которые мечтают о том, чтобы дети снова назывались детьми. Прежде ребятами назывались только крестьянские дети (наравне с солдатами и парнями)» [Чуковский 2010: 22]. Значимость слова *ребята* отражается в том числе и в стилистически неуместных употреблениях, которые были зафиксированы в исследованном материале: *Букет ему очень понравился, и Киров сказал девочкам: «Спасибо вам, ребята, за цветы»* (Чиж, 1934, 12).

Анализ контекстных употреблений слова *дети*, упомянутого К. И. Чуковским, в позиции обращения, которое в СУ определено как ‘малолетние’, также значим, потому показывает, что в узусе (по крайней мере в рамках исследуемых журналов) слово приобретает и другие дополнительные значения, характеризующие не только тех, кого называют, но и тех, кто называет: *И ответил Петя: «Дети! Так и быть уж, объясню»* (Чиж, 1932, 11–12). Тем самым речевой этикет в сфере общения детей формируется на оппозиции «ребята – дети».

Возможность формирования оппозиции «ребята – дети», вероятно, определяется лингвистическим замечанием К. И. Чуковского, цитированным выше, касающимся денотативных отношений слова *ребята* и слова *дети*. Детьми чаще называли детей дворян (в первую очередь в рамках семейной коммуникации), что можно также видеть в некоторых контекстах из рассказов журналов «Чиж» и «Еж», где действие либо относится к досоветскому периоду, либо герои не являются советскими гражданами: *За обедом отец и говорит: – А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?* (Чиж, 1941, 1) [рассказ Л. Н. Толстого. – А. Б.]; *– Здравствуйте, дети*

[учительница словесности, бывшая купчиха. – А. Б.], – сказала она басом (Еж, 1931, 21) [рассказ Л. Пантелеева «Последние халдеи». – А. Б.]. Последний из приведенных примеров показателен тем, что характеризует адресанта сообщения как человека, не вписывающегося в советское общество и требующего осуждения. Таким образом, оппозиция «ребята – дети» основывается на онтологическом противопоставлении своего и чужого, хорошего и плохого.

Возможности жанрового употребления обращения *ребята*, в свою очередь, значительно расширяются. Помимо современных бытовых повестей и рассказов, опубликованных в рассматриваемых журналах, оно появляется также в исторических жанрах применительно к лицам дворянского происхождения: *Горецкий кивнул товарищам [кадетам. – А. Б.]. <...> – Тащите, ребята! – скомандовал он* (Еж, 1931, 8). Такое использование слова *ребята* в позиции обращения по отношению к положительным героям показательно и, вероятно, имеет целью уменьшить границу между временем повествования и историческим временем потенциального читателя-ребенка. Подобного рода адаптация речевого этикета другой эпохи (с сохранением его основных черт, использованием слова *господин* в частности) делает героев для читателей более понятными и социально близкими, создавая соответствующий образ героя.

Вторым основанием для формирования указанной оппозиции в рамках семантических отношений слов *ребята* и *дети* становится семантика невключенности в общественную систему ввиду возраста и недостатка знаний: *Дети, – сказала Мария Александровна, – никогда не надо кричать: «Я, я.» Надо всегда поднимать руку* (Чиж, 1932, 11–12); *Ребята побежали за машиной. Ольга Петровна сказала: – Дети, стоп! Нельзя бежать за машиной* (Чиж, 1939, 4); *Выбежала мама, выбежала тетя: – Мальчики, дети, чего вы орете?* (Чиж, 1935, 9). Примеры показывают, что детьми в позиции обращения называют чаще тех, кто не знаком с правилами этикета и поведения или не обладает достаточными общими знаниями и поэтому еще полностью не включен в социальную систему общества. Указанные оттенки значения появляются у слова *дети* в позиции обращения только в случае одиночного использования. Если же в позиции обращения слово появляется с несогласованными определениями уточняющего характера, оно теряет дополнительные смыслы и выступает как форма мн. ч. от *ребенок, дитя* в соответствии со словарным определением: *Дети рабочих – немцев, французов! Дети китайцев, негров, инду-*

сов! Дети рабочих, готовьтесь на деле к Международной Детской Неделе (Еж, 1931, 8).

Речевой этикет в области детской коммуникации несамостоятелен и во многом формируется под воздействием речевого этикета взрослых членов общества. Так, возможность возникновения оппозиции «ребята – дети» легитимируется тем, что «взрослый» речевой этикет также формируется во многом с опорой на историко-социальные, и как следствие, выраженные на лексическом уровне оппозиции: *товарищ – господин, товарищ – гражданин*, где слово *господин* является регулятивным маркером предшествующей социальной системы и актуализирует оппозицию «свой – чужой», а слово *гражданин* внутри формирующейся системы – оппозицию, которую несколько условно можно назвать «хороший – плохой».

Обращение *господин* активно используется в исторических повестях, которые довольно часто появляются на страницах журнала «Еж» вместе с современными бытовыми повестями и рассказами о социалистическом строительстве, где фигурирует обращение *товарищ*³ – одиночно или в сочетании с именем собственным: – *Я к вам по делу, господин Борзов* (Еж, 1931, 2); – *Господин капитан, вверенная мне вторая рота занимается строевым учением* (Еж, 1931, 9); **ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!** *Пионеры и школьники и комсомольцы <...> шлют вам горячий привет* (Еж, 1931, 3); *Вам, товарищ Сергей* [С. М. Киров. – А. Б.], *партия поручает устроить подпольную типографию* (Чиж, 1934, 12).

Слова *гражданин*, в свою очередь, чаще всего появляется в запретительных прямых или косвенных императивных контекстах с отрицательными предикатами: *А Карабас уже схватил Пьеро за ногу. – Не трогайте куклы, гражданин! Они не продаются!* – сказала бабушка Дуня и отняла у него Пьеро (Чиж, 1938, 8); *Гражданин, не толкайтесь!* (Еж, 1928, 10). Потенциальная негативная коннотация поддерживается также возможностью свободного выбора в рамках нейтральной коммуникации между словами *гражданин* и *товарищ*, обладающими вполне свободной сочетаемостью с одушевленными существительными м. р. для слова *гражданин* и м. и ж. р. для слова *товарищ*. При этом лексема *товарищ* социально окрашена, тогда как лексема *гражданин* скорее нейтральна в рамках языковой системы (имеющихся словарных значений) и больше соответствует роли собственно этикетного обращения.

Таким образом, исследование регулятивных обращений определенной исторической эпохи, особенно эпохи становления нового речевого

этикета, позволяет проследить значительные семантические и денотативные сдвиги в лексических значениях отдельных слов, а также посредством собственно языковых фактов высветить социальные особенности эпохи. Одной из таких особенностей для советского общества стало новое отношение к детям, стремление сформировать у них чувство самоопределения, где не последнюю роль играет отношение противопоставления, в связи с чем вчерашние дети становятся сегодняшними ребятами.

Примечание

¹ Если принцип разделения обращений на этикетные и неэтикетные практически не подвергается критике (см., например: Балакай 2002, Балакай 2005), то синтаксический статус обращения до сих пор остается дискуссионным (см.: Арутюнова 1999, Велтистова 1968, Дмитриева 1976, Дохова 2007, Проничев 1971, Руднев 1959, Рыжова 1982, Шахматов 2011 и др.). Так, в числе прочего, обращение, как и другие этикетные речевые формулы, квалифицируются как речевые акты с собственной иллокутивной и перлокутивной целями (см., в частности: Минина 2000, Формановская 2002), что представляется наиболее убедительным.

² Здесь и далее ссылки на источники даются таким образом: (Название, год, номер).

³ Слово *товарищ* в СУ имеет следующее определение: «член советского общества, всякий, кто, вместе с другими, участвует в общей советской работе (нов.)», также после знака отенка «без упоминания имени или звания – обращение к любому взрослому, постороннему, незнакомому человеку в советской среде (за исключением случаев, когда известна или предполагается его принадлежность к чужой социальной среде; нов. разг.)» [Ушаков 1940, IV: 719–720]. Как видно из определения, слово *товарищ* имеет ярко выраженные коннотации, потенциально актуализирующие онтологическое противопоставление «свой – чужой».

Список источников

Еж. Ежемесячный журнал для детей старшего возраста. Л.: Гос. изд-во, 1928–1935.

Чиж. Ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л.: Гос. изд-во, 1930–1941.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Номинация – обращение // Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 115–120.

Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические

аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2005. 22 с.

Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Орел, 2002. 40 с.

Велтистова А. В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским): дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1964, 28 с.

Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2009. 127 с.

Дмитриева Л. К. Обращение и вводный компонент. Лекции. Л.: ЛГПИ, 1976. 48 с.

Дохова З. Р. Лингвистический статус обращений (на материале русского и кабардино-черкесского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2007. 21 с.

Минина О. Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно-прагматический аспект. Белгород, 2000. 15 с.

Проничев В. П. Синтаксис обращения. (На материале рус. и сербохорват. яз.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 88 с.

Путилова Е. О. Очерки по истории критики детской литературы, 1917–1941. М.: Детская лит., 1982. 175 с.

Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. М.: Учпедгиз, 1959. 198 с.

Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1982. 15 с.

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Гос. изд-во иностр. и нац. словарей (т. 2–4), 1935–1940.

Чуковский К. И. Живой как жизнь: о русском языке. М.: Зебра Е, 2010. 303 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: URSS Изд-во ЛКИ, 2011. 620 с.

References

Arutjunova N. D. Nominatsija – obrashhenie [Nomination as a form of address]. Jazyk i mir cheloveka [Language and a human's world]. Moscow: Jaz. rus. kul'tury Publ., 1999. P. 115–120.

Balakaj A. A. Etiketnye obrashhenija: funkcional'no-semanticheskie i leksikograficheskie aspekty. Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Etiquette forms of address: functional, semantic and lexicographical aspects. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Novokuznetsk, 2005. 22 p.

Balakaj A. G. Russkij rechevoj etiket i printsipy ego leksikograficheskogo opisaniya. Avtoref. dis. dokt. fil. nauk [Russian speech etiquette and its lexicographical description principles. Synopsis of Dr. sci. diss.]. Orel, 2002. 40 p.

Chukovskij K. I. Zhivoj kak zhizn': o russkom

jazyke [Alive like life: about the Russian language]. Moscow: Zebra E Publ., 2010. 303 p.

Dmitrieva L. K. Obrashhenie i vvodnyj komponent. Lektsii [Form of address and a parenthetical component. Lectures]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1976. 48 p.

Dokhova Z. R. Lingvisticheskiy status obrashhenij (na materiale russkogo i kabardino-cherkesskogo jazykov). Avtoreferat dis. kand. fil. nauk [Linguistic status of forms of address (a case study of the Russian and Kabardino-Cherkess languages). Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Nalchik, 2007. 21 p.

Gol'din V. E. Obrashhenie: teoreticheskie problemy [Form of address: theoretical issues]. Moscow: URSS LIBROKOM Publ., 2009. 127 p.

Minina O. G. Obrashhenie v sovremennom anglijskom jazyke. Kommunikativno-pragmatischekij aspekt [Form of address in the modern English language. Communicative and pragmatic aspects]. Belgorod, 2000. 15 p.

Pronichev V. P. Sintaksis obrashhenija. (Na materiale rus. i serbohorvatskogo jaz.) [Syntax of form of address. (A case study of Russian and Serbo-Croatian)]. Leningrad: Lenin. St. Univ. Publ., 1971. 88 p.

Putilova E. O. Ocherki po istorii kritiki detskoj

literatury, 1917–1941 [Essays on the history of children's literature criticism, 1917–1941]. Moscow: Detskaja literatura Publ., 1982. 175 p.

Rudnev A. G. Sintaksis oslozhnjonnogo predlozhenija [Syntax of a complicated sentence]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1959. 198 p.

Ryzhova L. P. Obrashhenie kak komponent kommunikativnogo akta. Avtoreferat dis. kand. fil. nauk [Form of address as a communicative act element. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1982. 15 p.

Shakhmatov A. A. Sintaksis russkogo jazyka [The Russian language syntax]. Moscow: URSS LKI Publ., 2011. 620 p.

Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [The Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 vols.] / ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Gosudarstvennyj institut "Sovetskaja entsiklopedija", OGIZ (vol. 1); Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarej Publ. (vols. 2–4), 1935–1940.

Veltistova A. V. Obrashhenie v sovremennom anglijskom jazyke (v sopostavlenii s russkim). Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Form of address in the modern English language (compared to the Russian language). Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1964. 28 p.

РЕБЯТА VS ДЕТИ: CORRELATION OF «ADULTS'» AND «CHILDREN'S» REGULATIVE FORMS OF ADDRESS

(a case study of the *Jozh* and *Chizh* magazines for children, 1928–1941)

Aleksandra A. Brykova

Postgraduate Student in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

The article considers the regulative form of address *rebjata* as a characteristic feature of the first half of the 20th century speech etiquette. Based on the material of the *Jozh* and *Chizh* magazines for children (1928–1941), it is shown that the speech etiquette used in children's communication was formed on the basis of the opposition "*rebjata – deti*". This opposition reflects some social and historical concepts, which extend the denotative meaning of the word *rebjata* and also the understanding of inclusion/non-inclusion of a child into the Soviet society according to some social parameters. The opposition "*rebjata – deti*" is identical to the oppositions "*tovarishch – gospodin*", "*tovarishch – grazhdanin*", found in the adults' speech etiquette and reflecting some social changes within the new society, including an intention to make a child a competent member of the society.

Key words: speech etiquette; form of address; regulative form of address; semantic changes; children's literature.

УДК 81`36:81`322.5

ОСОБЕННОСТИ ОБРАБОТКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТЬЮ¹

Вероника Константиновна Прокопеня

старший преподаватель кафедры проблем конвергенции естественных
и гуманитарных наук, научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований
Санкт-Петербургский государственный университет

190000, Санкт-Петербург, Галерная ул., 58–60. v.prokopenya@spbu.ru

Референциальная неоднозначность возникает, когда сразу несколько референтов могут претендовать на роль антецедента местоимения. Задачей данного исследования было выявление особенностей процесса обработки референциально неоднозначных предложений при чтении, а также установление факторов, влияющих на интерпретацию неоднозначных местоимений. Результаты эксперимента, проведенного с помощью метода регистрации движений глаз, продемонстрировали эффект преимущества неоднозначности, выраженный в меньшем времени обработки неоднозначных предложений по сравнению с аналогичными предложениями в однозначном условии. Кроме того, было показано, что синтаксическая роль референта влияет на интерпретацию местоимения, однако действует не как самостоятельный фактор, а как элемент более сложного многофакторного анализа. Фактор первого упоминания не оказывает влияния на интерпретацию местоимений, но играет важную роль в процессе обработки предложения, являясь необходимой основой построения ментальной репрезентации.

Ключевые слова: референциальная неоднозначность; интерпретация местоимений; принцип приоритета подлежащего; приоритет первого упоминания; методика регистрации движений глаз.

1. Введение

Предметом данного исследования является местоименная референция (анафора), которая представляет собой соотнесение одних языковых выражений (местоимений) с другими, упомянутыми ранее, являясь, таким образом, основным средством обеспечения связности дискурса. Успешное установление анафорических отношений между местоимением и его антецедентом обуславливает успешность коммуникации в целом. В ситуациях, когда несколько референтов могут претендовать на роль антецедента местоимения, возникает референциальная неоднозначность. В большинстве случаев эта неоднозначность снимается благодаря семантике или более широкому контексту (в том числе и внеязыковому). Однако нередки ситуации, когда адресат сообщения не может выбрать ни один из доступных референтов, осознавая неоднозначность (после чего обычно следует уточняющий вопрос), либо когда он ошибочно относит местоимение не

к тому референту, который имел в виду говорящий, что приводит к коммуникативной неудаче.

Экспериментальные исследования последних лет выявили целый ряд факторов, влияющих на интерпретацию местоимений в неоднозначных контекстах (см. обзор: [Garnham 2001]). При этом большинство лингвистов особо выделяют фактор грамматической роли референта. Так, было обнаружено, что носители языка относят местоимения чаще к референтам, занимающим в предложении позицию подлежащего, чем к референтам, занимающим любую другую синтаксическую позицию [Frederiksen 1981; Crawley et al. 1990]. Даже в многофакторных моделях, таких как, например, теория центрирования (англ. *Centering Theory*) [Grosz et al. 1995; Poesio et al. 2004] или вероятностная модель Э. Келера [Kehler et al. 2008; Rohde, Kehler 2014], референты в позиции подлежащего получают наиболее высокие коэффициенты, что делает их более желанными кандидатами на роль антецедента местоимения.

Существует, однако, и альтернативный подход, который предполагает, что выбор antecedenta местоимения делается не на основании чисто лингвистических структурных факторов, но исходя из общих принципов организации когнитивной системы человека. В основе этого подхода лежит модель построения ментальных структур [Gernsbacher 1985; Gernsbacher et al. 1989]. Основная цель понимания заключается в построении связной ментальной репрезентации (структуры) воспринимаемой информации. Для этого адресату сообщения необходимо сначала заложить своего рода «фундамент», т.е. базовую информацию, на которой затем будет выстраиваться вся структура. При этом единая ментальная структура выстраивается до тех пор, пока вся поступающая информация связана с предыдущей. Таким образом, предполагается, что анафорическое местоимение будет скорее отнесено к референту, упомянутому первым и являющемуся основанием выстраиваемой ментальной репрезентации. Данный эффект называется приоритетом первого упоминания. Модель построения ментальных структур была подтверждена экспериментально [Gernsbacher, Hargreaves 1988], однако ни в одном из экспериментов не изучалась местоименная референция, а в состав стимулов входили только имена собственные. Кроме того, большинство экспериментов проводилось на материале английского языка, в котором, как правило, первым упоминается референт в роли грамматического подлежащего. Из-за фиксированного порядка слов в английском языке практически невозможно разграничить влияние факторов грамматической роли и порядка упоминания. Таким образом, чтобы изучить независимое влияние фактора первого упоминания и приоритета подлежащего, необходимо обратиться к языкам, имеющим богатую морфологию (т.е. надежное маркирование синтаксических ролей) и свободный порядок слов.

Первое такое исследование было проведено на материале финского языка [Järgvikivi et al. 2005]. В качестве стимульного материала были использованы короткие отрывки дискурса, состоящие из двух предложений: в первом упоминались два одушевленных референта (1), а второе содержало личное местоимение, которое могло относиться к любому из них (2). При этом порядок слов в первом предложении варьировался с прямого (1а) на обратный (1б), благодаря чему первым упомянутым референтом могло быть как подлежащее, так и дополнение.

(1) а. *Tony Blair kätteli George Bushia valkoisessa talossa.*

Тони Блэр пожал руку Джорджу Бушу в Белом доме.

б. *George Bushia kätteli Tony Blair valkoisessa talossa.*

Джорджу Бушу пожал руку Тони Блэр в Белом доме.

(2) *Hän halusi keskustella Irakin tilanteesta.*

Он хотел обсудить ситуацию в Ираке.

Исследование проводилось с помощью метода регистрации движений глаз: испытуемые слушали мини-истории и должны были глазами следить за изображениями персонажей, предъявленными на экране компьютера. При обработке результатов учитывались следующие параметры: (а) место первой фиксации взгляда после услышанного местоимения; (б) общее количество фиксаций на каждом из двух изображений. В результате было обнаружено, что испытуемые, услышав местоимение, чаще фиксируют взгляд на изображении персонажа, упомянутого первым, но при этом количество первых фиксаций на референте в роли подлежащего больше, чем на референте в роли дополнения. При этом взаимосвязи между двумя факторами выявлено не было. Из полученных результатов исследователи делают вывод, что и порядок упоминания, и синтаксическая роль референта играют важную роль при установлении анафорических отношений. Однако необходимо учитывать, что перед испытуемыми не ставилась задача ответить на вопрос, требующий интерпретации местоимения, но лишь общая задача – понять предложение. Между тем недавние исследования показали, что инструкция во многом влияет на обработку неоднозначных предложений [Swets et al. 2008]. Таким образом, говорить об интерпретации местоимений лишь по анализу движений глаз крайне затруднительно, однако полученные на материале финского языка данные демонстрируют, каким образом происходит процесс обработки местоимения и его интеграция в контекст. В результате анализа общего количества фиксаций на каждом изображении было установлено, что в промежутке 480–690 мс после предъявления местоимения в звучащем фрагменте взгляд больше фиксируется на изображении референта в роли подлежащего, в то время как в интервале 690–900 мс больше фиксаций на первом упомянутом референте. Эти данные свидетельствуют о последовательности обработки поступающей вербальной информации: сначала происходит интеграция элемента (в данном случае местоимения) в синтаксическую структуру, а затем – в более широкий дискурсивный контекст.

Другое исследование влияния синтаксической роли референта на интерпретацию местоимений

было проведено Е. Делишкиной и О. Федоровой на материале русского языка [Делишкина, Федорова 2012; Федорова 2014]. Испытуемым предлагалось прочитать небольшой фрагмент дискурса, содержащий упоминание о двух одушевленных референтах и личное местоимение третьего лица единственного числа (3, 4), и ответить на вопрос, напрямую связанный с интерпретацией местоимения (5). Подобно эксперименту на материале финского языка в стимулах варьировались грамматические роли референтов, с той лишь разницей, что порядок упоминания референтов оставался неизменным.

(3) *Моя младшая сестра очень полюбила свою новую учительницу. Она всегда приходила в класс за десять минут до звонка.*

(4) *Моей младшей сестре очень понравилась ее новая учительница. Она всегда приходила в класс за десять минут до звонка.*

(5) *Кто приходил в класс за десять минут до звонка?*

Анализ ответов испытуемых выявил небольшое предпочтение грамматического подлежащего в качестве antecedента местоимения – 58% vs 42%, из чего был сделан вывод, что синтаксическая роль референта является важным фактором при определении antecedента местоимения. И все же очевидно, что при таком незначительном перевесе в пользу референта-подлежащего принцип приоритета подлежащего не может быть единственным фактором, влияющим на интерпретацию местоимения. Кроме того, в работе не указано, каким именно образом изменение условия (варьирование порядка слов – SVO и OVS) влияет на реализацию принципа приоритета подлежащего. К тому же поскольку изучались только ответы испытуемых, никаких выводов о процессе обработки предложений с референциальной неоднозначностью сделать на основании полученных данных невозможно.

Именно поэтому целью нашего исследования было, во-первых, четче определить роль синтаксической позиции референта при установлении анафорических отношений и, во-вторых, выявить, каким образом происходит обработка предложений с референциальной неоднозначностью по сравнению с однозначными предложениями.

2. Эксперимент

Эксперимент был направлен на решение следующих задач: (1) выявление особенностей процесса обработки референциально неоднозначных предложений при чтении; (2) установление факторов, влияющих на интерпретацию неоднозначных местоимений.

2.1. Участники

В эксперименте приняли участие 36 взрослых носителей русского языка в возрасте 20–30 лет, с высшим или неоконченным высшим образованием. Никто из них не знал об истинной цели эксперимента, тем не менее каждый испытуемый был осведомлен об особенностях процедуры и о возможности прекратить эксперимент в любой момент.

2.2. Материал

В качестве стимульного материала были использованы короткие отрывки дискурса, состоящие из двух предложений, где в первом были упомянуты два референта, а второе содержало личное местоимение третьего лица единственного числа (*он, она*). Каждый стимул выступал в трех условиях: (6а) референциально-неоднозначное с прямым порядком слов (SVO); (6б) референциально-неоднозначное с обратным порядком слов (OVS); (6в) референциально-однозначное с прямым порядком слов. Неоднозначность создавалась благодаря семантической сбалансированности стимулов и совпадению грамматического рода референтов. Так, и в (6а), и в (6б) местоимение «*он*» может относиться как к существительному «*писатель*», так и к существительному «*сын*». В контрольном условии (6в) референты имеют разный грамматический род, а следовательно, местоимение допускает только одну интерпретацию – «*писатель*».

(6а) *Известный писатель все чаще радовался за единственного сына. Наконец он почувствовал уверенность в завтрашнем дне.*

(6б) *Известного писателя все чаще радовал единственный сын. Наконец он почувствовал уверенность в завтрашнем дне.*

(6в) *Известный писатель все чаще радовался за единственную дочь. Наконец он почувствовал уверенность в завтрашнем дне.*

Мы варьировали синтаксическую роль референта при сохранении порядка упоминания в (6а) и (6б), что позволило разделить два фактора, потенциально влияющих на интерпретацию местоимения, – предпочтение подлежащего и фактор первого упоминания. Особенности обработки неоднозначной конструкции могут быть выявлены благодаря сравнению неоднозначного условия (6а) и контрольного к нему однозначного условия (6в).

Всего было 18 блоков по 3 отрывка в каждом (всего 54 стимула), на основании которых были составлены три экспериментальных листа, содержащих равное количество стимулов в каждом условии, причем в рамках одного листа стимул встречался только в одном условии. Для того чтобы скрыть истинную цель эксперимента и

исключить эффект прайминга, в каждый экспериментальный лист было добавлено по 56 филлеров – аналогичных по длине отрывков дискурса, состоящих из двух предложений, но не содержащих ни конкурирующих референтов, ни личных местоимений. Таким образом, каждый экспериментальный лист состоял из 74 отрывков.

2.3. Методика и процедура

С целью изучения процесса обработки предложений при чтении в режиме онлайн была выбрана методика регистрации движений глаз. Особенностью метода является его высокая экологичность, т.е. естественность условий проведения эксперимента и поставленных перед участниками задач, при сохранении высокого уровня валидности, т.е. надежности получаемых результатов (см.: [Федорова 2008]). Эксперимент был проведен с помощью прибора для регистрации движений глаз EyeLink 1000 Plus (Канада) в режиме со свободным положением головы при частоте дискретизации 500 Гц.

Работа с каждым участником эксперимента проводилась в индивидуальном порядке. После прохождения процедуры настройки аппаратуры испытуемому предлагалось читать про себя появляющиеся на экране предложения. Стимулы предъявлялись по одному, переход от стимула к стимулу осуществлялся путем нажатия испытуемым кнопки на пульте. После нажатия на кнопку текст исчезал, а на экране появлялось задание на понимание прочитанного, в рамках которого нужно было устно закончить предложение. Так, после стимула (ба) на экране появлялся вопрос (7). Все ответы испытуемых фиксировались экспериментатором в протоколе.

(7) *Уверенность в завтрашнем дне почувствовал...*

Филлеры также сопровождалась заданием на понимание, по которому определялся уровень внимательности испытуемых при прохождении эксперимента. В случае более 10% ошибочных ответов на задания-филлеры данные испытуемого исключались из общего анализа. Общее время

прохождения эксперимента составляло в среднем 20–30 минут.

2.4. Результаты

2.4.1. Результаты движений глаз

В качестве материала для анализа движений глаз были выбраны следующие области интересов в отрывках-стимулах: а) именная группа, называющая первый упомянутый референт (для (ба) – *«известный писатель»*), б) именная группа, называющая второй упомянутый референт (для (ба) – *«за единственного сына»*); в) фрагмент, содержащий местоимение (для (ба–в) – *«он почувствовал уверенность в завтрашнем дне»*). Среди основных анализируемых параметров были: время прочтения предложения с местоимением (одинаковым для всех трех условий), количество прочтений всех областей интересов, количество возвратов из области предложения с местоимением к предыдущему тексту, количество возвратов к каждому из упомянутых референтов. Считается, что если перед читателем не стоит задачи запомнить текст, возвраты возникают в случаях, когда возникают затруднения в обработке того или иного фрагмента, связанные с его интеграцией в общий контекст [Staub, Rayner 2007]. Именно поэтому информация о том, в какой момент происходит возврат к предыдущему тексту и в какую именно область текста он осуществляется, может пролить свет на механизмы обработки информации при интерпретации неоднозначных местоимений.

Полученные данные были сначала проанализированы в программе Data Viewer, в результате чего из анализа были исключены данные по одному испытуемому, оказавшиеся неудачными с точки зрения точности регистрации движений глаз. Затем результаты были обработаны с помощью процедуры дисперсионного анализа (ANOVA).

Среднее время прочтения предложения с местоимением в неоднозначном (ба) и однозначном (бв) условия представлено в табл. 1.

Таблица 1

Среднее время (мс) первого и второго прочтения предложения, содержащего местоимение, в неоднозначном и однозначном контексте

Период интереса	Условие	
	Неоднозначность	Однозначность
Время первого прочтения	1212.37	1209.26
Время второго прочтения	549.99	704.18

Результаты показали, что время первого прочтения фрагмента, содержащего местоимение, не различается при разных условиях ($F < 1$). В то же время обнаружено значимое увеличение времени

второго прочтения того же фрагмента в однозначном условии ($F(1,34) = 6.260$, $p = 0.017$). Значимых различий в количестве возвратов из

данной области интересов к предыдущему тексту между условиями обнаружено не было ($F < 1$).

Анализ двух неоднозначных условий (ба) и (бб) показал, что значимо большее количество возвратов осуществлялось к первому упомянутому референту по сравнению со вторым упомянутым референтом (табл. 2) – 2.28 vs 0.69

($F_1(1,34) = 202.085, p < 0.001; F_2(1,17) = 46.494, p < 0.001$). При этом влияние синтаксической позиции на количество возвратов обнаружено не было – в среднем к референтам в позиции подлежащего и к референтам в позиции дополнения испытуемые возвращались одинаково часто ($F < 1$).

Таблица 2

Среднее количество возвратов к референту в зависимости от его синтаксической позиции и порядка упоминания

Порядок упоминания референтов	Синтаксическая позиция референта		Итого
	подлежащее	дополнение	
Первый упомянутый референт	2.3311	2.2374	2.2842
Второй упомянутый референт	0.7704	0.6142	0.6923
Итого	1.5507	1.4258	

Существует несколько стратегий возвратов. Так, например, возможен возврат к началу фрагмента (фразы), для того чтобы целиком его перечитать и повторно проанализировать (англ. *forward reanalysis*). В то же время возврат может быть адресным (англ. *selective reanalysis*), т.е. именно к тому фрагменту, который вызвал затруднение, или к фрагменту, в котором содержится информация, помогающая это затруднение преодолеть. Чтобы проверить, с каким типом

возвратов мы столкнулись в ходе эксперимента, было проанализировано общее количество прочтений каждой области интересов (табл. 3). Если большее количество возвратов осуществлялось к первому упомянутому референту с целью повторного прочтения всей фразы, то общее количество прочтений не должно различаться относительно первого и второго упомянутых референтов (во всяком случае, не должно различаться в пользу первого).

Таблица 3

Среднее количество прочтений областей интересов, содержащих упоминания о референте, в зависимости от синтаксической роли референта и порядка его упоминания

Порядок упоминания референтов	Синтаксическая позиция референта		Итого
	подлежащее	дополнение	
Первый упомянутый референт	2.2236	2.3711	2.2962
Второй упомянутый референт	1.8852	1.7912	1.8389
Итого	2.0544	2.0811	

Вновь обнаружено влияние порядка упоминания референтов – первый упомянутый референт перечитывается чаще, чем второй ($F_1(1,34) = 29.876, p < 0.001; F_2(1,17) = 12.120, p = 0.003$), и при этом не обнаружено никакого влияния синтаксической роли референта ($F < 1$). Представ-

ленная на рис. 1 карта распределения внимания (усредненная по всем испытуемым) наглядно демонстрирует полученный эффект: взгляд значимо больше фиксируется на области первого упомянутого референта по сравнению со вторым.

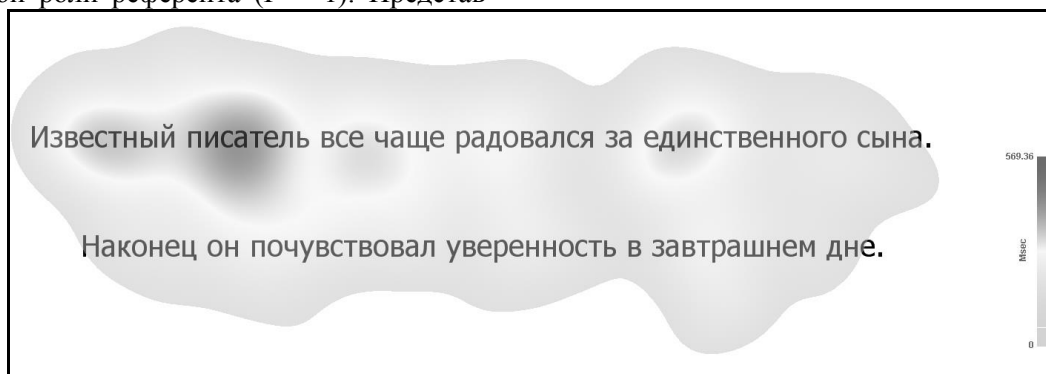

Рис. 1. Усредненная по всем испытуемым карта распределения внимания при чтении отрывков, содержащих референциальную неоднозначность

Таким образом, повторного прочтения всей фразы целиком не происходит, перечитывается только область первого референта.

2.4.2. Анализ ответов

Распределение ответов испытуемых на интерпретацию местоимений представлено на рис. 2. Было обнаружено значимое влияние условия ($\chi^2 = 5.076$, $p = 0.032$): в предложениях с прямым порядком слов (6а) испытуемые с равной долей

вероятности относили местоимения как к первому упомянутому референту, выступающему в роли подлежащего, так и ко второму упомянутому референту, оказавшемуся в роли дополнения, в то время как в предложениях с обратным порядком слов (6б) выбор предпочтительно падал на упомянутый вторым референт, занимающий позицию подлежащего.

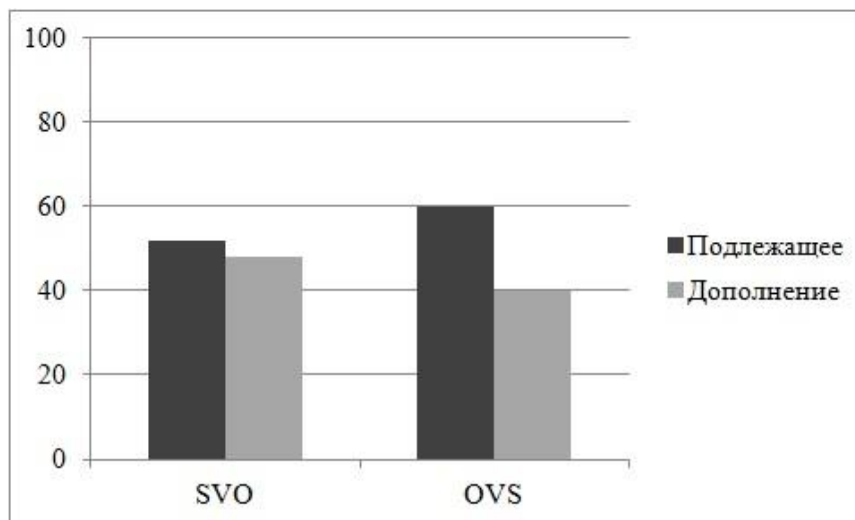

Рис. 2. Диаграмма распределения ответов (%) в зависимости от условия (порядка слов в первом предложении)

3. Обсуждение результатов

Первой задачей эксперимента было сравнение процесса обработки предложения с личным местоимением в неоднозначном (6а) и однозначном (6в) контекстах. Как видно из табл. 1, при первом прочтении фрагмента, содержащего местоимение («он почувствовал уверенность в завтрашнем дне»), разницы между условиями не обнаружено, т.е. первый этап обработки, в рамках которого осуществляется лексико-семантический, морфологический, а также первичный синтаксический анализ, протекает одинаково независимо от наличия или отсутствия неоднозначности. Тем не менее время повторного прочтения того же фрагмента в однозначном контексте значимо больше, чем в неоднозначном контексте. Как было неоднократно показано (см., например: [Clifton et al. 2007]), интеграция предложения в дискурсивный контекст происходит на более поздних этапах обработки. В условиях естественного чтения этот процесс далеко не всегда сопровождается повторным чтением предложения. Однако нужно принимать во внимание экспериментальные условия и поставленную задачу (подробнее о влиянии задания на процесс чтения см.: [Swets et al. 2008]). В нашем эксперименте

испытуемые должны были читать предъявленные отрывки дискурса и после каждого прочтения отвечать на вопросы по содержанию. Ответственно относясь к заданию, они не переходили к вопросу, пока не были уверены в том, что поняли смысл предложения, т.е. пока полная обработка на всех уровнях языка не была завершена. Это и послужило причиной большого количества возвратов и повторных прочтений. Благодаря возможностям методики регистрации движений глаз было выявлено, что именно при повторном прочтении обнаруживается разница во времени обработки фрагмента с местоимением в неоднозначном и однозначном контекстах, причем неоднозначные фрагменты обрабатываются быстрее однозначных. Подобный эффект был обнаружен в целом ряде экспериментальных исследований [Traxler et al. 1998; van Gompel et al. 2001, 2005]. Возникает он благодаря тому, что еще на первом этапе обработки, т.е. в процессе первого прочтения, у читателя возникает предположение, о каком из референтов будет продолжение. В случае однозначных предложений (т.е. когда местоимение может быть отнесено только к одному из референтов) ожидания читателя не всегда совпадают с реальным положени-

ем дел и тогда приходится заново анализировать прочитанный текст. В случаях референциальной неоднозначности любое ожидание читателя будет оправдано, так как местоимение может быть отнесено к любому из референтов, а значит, повторный анализ не требуется. В результате поздние этапы обработки, на которых происходит интеграция в контекст, занимают меньше времени при чтении неоднозначных предложений по сравнению с однозначными.

Второй задачей эксперимента было выявление факторов, влияющих на интерпретацию местоимения в неоднозначном контексте. Для этого мы предъявляли стимулы в двух условиях (6а) и (6б), варьируя синтаксические роли референтов при сохранении порядка их упоминания. Прежде чем обратиться к ответам испытуемых, проанализируем характеристики движений глаз. Как уже сказано выше, наличие вопросов на понимание после каждого стимула способствовало большому количеству возвратов и повторных прочтений. При этом было обнаружено, что независимо от условия (т.е. независимо от синтаксической роли референта) большее число возвратов и повторных прочтений приходится на первый упомянутый референт (см. рис. 1). На первый взгляд эти результаты свидетельствуют в пользу гипотезы приоритета первого упоминания [Gernsbacher, Hargreaves 1988] и опровергают гипотезу приоритета подлежащего. Но в таком случае следовало бы ожидать значительное предпочтение первого референта и в ответах испытуемых, а этого, как видно из диаграммы на рис. 2, выявлено не было. В условии с прямым порядком слов (SVO) ответы распределились между референтами практически в равном соотношении, в то время как в условии с обратным порядком слов (OVS) испытуемые значимо чаще предпочитали относить местоимение к упомянутому вторым референту в позиции подлежащего. Такое распределение ответов заставляет нас отвергнуть как гипотезу предпочтения первого упоминания, так и гипотезу приоритета подлежащего. По крайней мере, мы вынуждены признать, что синтаксическая позиция референта не является единственным и решающим фактором при определении антецедента местоимения, иначе предпочтение подлежащего наблюдалось бы в обоих условиях, а не только в OVS.

В 2008 г. была предложена модель [Kehler et al. 2008], согласно которой интерпретация местоимений зависит от двух параметров – от ожидания адресата услышать или прочитать продолжение о том или ином референте и от вероятности употребления местоимения при упоминании об этом референте. При этом предполагает-

ся, что фактор синтаксической роли оказывает влияние только на второй параметр [Rohde, Kehler 2014]. На ожидание относительно того, о ком будет продолжено повествование, оказывают влияние факторы более высоких уровней, в частности, информационная структура предложения, которую в самом общем виде можно представить как совокупность данной информации – тема или *топик* – и новой информации – рема или *фокус*. Эти два типа информации присутствуют всем высказываниям, однако отчетливо обнаруживаются только в заданном контексте с опорой на фразовое ударение, т.е. в устной речи (см. обзор: [Слюсарь 2012]). Так как в нашем эксперименте стимулы предъявлялись письменно и вне контекста, при выделении темы и ремы мы исходили из следующих фактов: 1) в языках, где есть ударение, главное фразовое ударение всегда падает на рему; 2) русский язык – конечноударный, т.е. главное ударение падает на последнее слово высказывания; 3) при чтении про себя на предложение накладывается базовый просодический контур [Fodor 2002]. Таким образом, информационная структура стимульных предложений будет выглядеть следующим образом: в предложениях SVO (6а, повторенное в 8а) подлежащее будет выступать в качестве темы, а дополнение – в качестве ремы (или элемента ремы); в предложениях OVS (6б, повторенное в 8б) дополнение будет темой, а подлежащее – ремой высказывания.

(8а) *Известный писатель все чаще радовался за единственного сына. Наконец он почувствовал уверенность в завтрашнем дне.*

(8б) *Известного писателя все чаще радовал единственный сын. Наконец он почувствовал уверенность в завтрашнем дне.*

Наши предыдущие исследования [Черниговская, Прокопья 2015: эксперимент 1], выполненные по методике продолжения истории, позволяют предположить, что в русском языке вне контекста наиболее распространенной схемой развертывания дискурса является линейная тематическая прогрессия, при которой рема предыдущего высказывания становится темой следующего (см. обзор: [Касевич 2006]).

Как уже было сказано выше, согласно вероятностной модели Э. Келера [Kehler et al. 2008; Rohde, Kehler 2014] на интерпретацию местоимения будут влиять два параметра – вероятность (ожидание) продолжения о конкретном референте и вероятность употребления местоимения при упоминании этого референта. Обе вероятности рассчитываются для каждого из доступных референтов, и выигрывает тот, у которого окажется выше суммарный коэффициент. В

условии SVO (8а) ответы распределились 50/50, так как каждый из референтов имеет примерно одинаковый общий коэффициент: референт-дополнение в позиции ремы имеет высокий коэффициент ожидания при низкой вероятности прономинализации, в то время как референт-подлежащее в позиции темы имеет низкий коэффициент ожидания при высокой вероятности прономинализации. В условии OVS (8б) предпочтение было отдано занимающему позицию ремы референту-подлежащему, поскольку именно этот референт обладает как более высоким коэффициентом ожидания (занимая позицию темы), так и более высоким коэффициентом прономинализации (выступая в роли грамматического подлежащего).

4. Заключение

В результате анализа процесса обработки предложений с референциальной неоднозначностью был выявлен эффект преимущества неоднозначности, выраженный в меньшем времени, требующемся на интеграцию данных предложений в контекст, по сравнению с аналогичными предложениями в однозначном условии. Кроме того, результаты эксперимента показали, что синтаксическая роль референта оказывает влияние на интерпретацию местоимения, однако действует не как самостоятельный фактор, но как элемент более сложного многофакторного анализа. Что касается роли порядка упоминания, то здесь мы наблюдаем более сложную картину. С одной стороны, анализ движений глаз демонстрирует значимо большее количество возвратов именно к первому упомянутому референту, с другой стороны, в ответах испытуемых не выявлено предпочтения первого упоминания. Это приводит нас к выводу о том, что хотя фактор первого упоминания и не оказывает влияния на интерпретацию местоимений, но он играет важную роль в процессе обработки предложения, являясь необходимой основой построения ментальной репрезентации. Повторное обращение к первому упомянутому элементу, т.е. к фундаменту ментальной структуры, способствует общему пониманию всего высказывания. Таким образом, полученные нами данные объясняют как результаты эксперимента на материале финского языка, в котором большее количество фиксаций приходится на изображение референта, так и результаты на материале русского языка [Делишкина, Федорова 2012], где было обнаружено небольшое предпочтение референта в роли подлежащего при определении антецедента местоимения.

Примечание

¹ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-04-00586).

Список литературы

Делишкина Е. А., Федорова О. В. Влияние фактора синтаксической роли антецедента на разрешение референциальной неоднозначности в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2012. Т. 11. С. 129–137.

Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. / под ред. Ю.А. Клейнера. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербург. ун-та, 2006. Т. 1. 664 с.

Слюсарь Н. А. На стыке теорий: Грамматика и информационная структура в русском и других языках. Изд. 2-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 416 с.

Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса. М.: Языки слав. культуры, 2014. 512 с.

Федорова О. В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 98–120.

Черниговская Т.В., Прокопья В.К. Интерпретация контекста как характеристика нелинейности структуры ментальной грамматики: экспериментальное исследование референции // Труды четвертой всеросс. конф. «Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях». Н. Новгород: ИПФ РАН, 2015. С. 266–269.

Clifton C., Staub A., Rayner K. Eye movements in reading words and sentences // R. P. G. van Gompel, M. H. Fischer, W. S. Murray, & R. L. Hill (eds.) Eye movements: A window on mind and brain. Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 342–371.

Crawley R. A., Stevenson R. J., Kleinman D. The use of heuristic strategies in the interpretation of pronouns // Journal of Psycholinguistic Research. 1990. 19 (4). P. 245–264.

Fodor J. D. Prosodic disambiguation in silent reading / M. Hirotsani // Proceedings of the North East Linguistic Society 32, GSLA, University of Massachusetts, Amherst, 2002. P. 112–132.

Frederiksen J. Understanding anaphora: Rules used by readers in assigning // Discourse Processes. 1981. (4). P. 323–347.

Garnham, A. Mental Models and the Interpretation of Anaphora. Hove: Psychology Press, 2001. 180 p.

Gernsbacher M. A. Surface information loss in comprehension // Cognitive Psychology. 1985. 17. P. 324–363.

- Gernsbacher M. A., Hargreaves D. J.* Accessing sentence participants: The advantage of first mention // *Journal of Memory and Language*. 1988. 27. P. 699–717.
- Gernsbacher M. A., Hargreaves D. J., Beeman M.* Building and accessing clausal representations: The advantage of first mention versus the advantage of clause recency // *Journal of Memory and Language*. 1989. 28. P. 735–755.
- Grosz B. J., Joshi A., Weinstein S.* Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse // *Computational Linguistics*. 1995. 21. P. 203–226.
- Järvikivi J., van Gompel R., Hyönä J., Bertram R.* Ambiguous pronoun resolution: contrasting the first mention and subject preference accounts // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16. P. 260–264.
- Kehler A., Kertz H., Rohde H., Elman J.* Coherence and Coreference Revisited // *Journal of Semantics*. 2008. 25. P. 1–44.
- Poesio M., Stevenson R., Eugenio B. D., Hitzeman J.* Centering: A parametric theory and its instantiations // *Computational Linguistics*. 2004. 30. P. 309–363.
- Rohde H., Kehler A.* Grammatical and Information-Structural Influences on Pronoun Production // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2014. 29(8). P. 912–927.
- Staub A., Rayner K.* Eye movements and on-line comprehension processes // M.G. Gaskell (ed.). *The Oxford Handbook of Psycholinguistics*. N.Y.: Oxford University Press, 2007. P. 327–341.
- Swets B., Desmet T., Clifton Ch., Ferreira F.* Underspecification of syntactic ambiguities: Evidence from self-paced reading // *Memory & Cognition*. 2008. 36 (1). P. 201–216.
- Traxler M. J., Pickering M. J., Clifton C. Jr.* Adjunct attachment is not a form of lexical ambiguity resolution // *Journal of Memory & Language*. 1998. 39. P. 558–592.
- van Gompel R. P. G., Pickering M. J., Pearson J., Liversedge S. P.* Evidence against competition during syntactic ambiguity resolution // *Journal of Memory & Language*. 2005. 52. P. 284–307.
- van Gompel R. P. G., Pickering M. J., Traxler M. J.* Reanalysis in sentence processing: Evidence against current constraint-based and two-stage models // *Journal of Memory & Language*. 2001. 45. P. 225–258.
- References**
- Chernigovskaja T. V., Prokopenya V. K.* Interpretatsija konteksta kak kharakteristika nelinejnosti struktury mental'noj grammatiki: eksperimental'noe issledovanie referentsii [Context interpretation as a characteristics of the nonlinear structure of mental grammar: experimental study of reference]. *Trudy chetvertoj vsrossijskoj konferentsii "Nelinejnaja dinamika v kognitivnykh issledovanijakh"* [Proceedings of the 4th All-Russian conference "Nonlinear dynamics in cognitive studies"]. Nizhny Novgorod: Institute of Applied Physics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. P. 266–269.
- Clifton C., Staub A., Rayner K.* Eye movements in reading words and sentences // In: R. P. G. van Gompel, M. H. Fischer, W. S. Murray, & R. L. Hill (Eds.) *Eye movements: A window on mind and brain*. Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 342–371.
- Crawley R. A., Stevenson R. J., Kleinman D.* The use of heuristic strategies in the interpretation of pronouns // *Journal of Psycholinguistic Research* (19 (4)), 1990. P. 245–264.
- Delikishkina E. A., Fedorova O. V.* Vlijanije faktora sintaksicheskoi roli antetsedenta na razreshenije referentsial'noj neodnoznachnosti v russkom jazyke [The influence of the syntactic role of the antecedent on an ambiguous pronoun resolution in the Russian language]. *Kompjuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materijalam ezhegodnoj konferentsii Dialog [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the annual conference Dialogue]*. Moscow: RSUH Publ., 2012. Vol. 11. P. 120–137.
- Fedorova O. V.* Eksperimental'nyj analiz diskursa [Experimental analysis of discourse]. Moscow: *Jazyki slavjanskoj kul'tury*, 2014. 512 p.
- Fedorova O. V.* Metodika registratsii dvizhenij glaz "Vizual'nyj mir": shans dlja sbliženija psikholingvističeskikh traditsij [Eye-tracking methodology "Visual World": chance to bridge the gap between psycholinguistic traditions]. *Voprosy jazykoznanija [Issues of linguistics]*. 2008. № 3. P. 98–120.
- Fodor J. D.* Prosodic disambiguation in silent reading. / M. Hirotani // *Proceedings of the North East Linguistic Society 32, GSLA, University of Massachusetts, Amherst*, 2002. P. 112–132.
- Frederiksen J.* Understanding anaphora: Rules used by readers in assigning // *Discourse Processes* (4), 1981. P. 323–347.
- Garnham A.* *Mental Models and the Interpretation of Anaphora* / Hove: Psychology Press, 2001. 180 p.
- Gernsbacher M. A.* Surface information loss in comprehension // *Cognitive Psychology*, 17, 1985. P. 324–363.
- Gernsbacher M. A., Hargreaves D. J.* Accessing sentence participants: The advantage of first mention // *Journal of Memory and Language*, 27, 1988. P. 699–717.

- Gernsbacher M. A., Hargreaves D. J., Beeman M.* Building and accessing clausal representations: The advantage of first mention versus the advantage of clause recency // *Journal of Memory and Language*, 28, 1989. P. 735–755.
- Gompel R. P. G. van, Pickering M. J., Pearson J., Liversedge S. P.* Evidence against competition during syntactic ambiguity resolution // *Journal of Memory & Language*, 52, 2005. P. 284–307.
- Gompel R. P. G. van, Pickering M. J., Traxler M.J.* Reanalysis in sentence processing: Evidence against current constraint-based and two-stage models // *Journal of Memory & Language*, 45, 2001. P. 225–258.
- Grosz B. J., Joshi A., Weinstein S.* Centering: A Framework for Modeling the Local Coherence of Discourse // *Computational Linguistics* 21, 1995. P. 203–226.
- Järvikivi J., Gompel R. van, Hyönä J., Bertram R.* Ambiguous pronoun resolution: contrasting the first mention and subject preference accounts // *Psychological Science*. Vol. 16, 2005. P. 260–264.
- Kasevich V.B.* Trudy po jazykoznaniju: v 2 t. [Works on linguistics: in 2 vols.] / ed. by Ju. A. Klejner. St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University Publ., 2006. Vol. 1. 664 p.
- Kehler A., Kertz H., Rohde H., Elman J.* Coherence and Coreference Revisited. *Journal of Semantics* 25, 2008. P. 1–44.
- Poesio M., Stevenson R., Eugenio B. D., Hitzeman J.* Centering: A parametric theory and its instantiations // *Computational Linguistics*, 30, 2004. P. 309–363.
- Rohde H., Kehler A.* Grammatical and Information-Structural Influences on Pronoun Production // *Language, Cognition and Neuroscience* 29(8), 2014. P. 912–927.
- Slioussar N.* Na styke teorij: grammatika i informatsionnaja struktura v ruskom i drugikh jazykakh [At the intersection of theories: grammar and information structure in the Russian and other languages]. 2nd edition. Moscow: Knizhnyj dom “LIBROKOM” Publ., 2012. 416 p.
- Staub A., Rayner K.* Eye movements and on-line comprehension processes // In: M.G. Gaskell (Ed.), *The Oxford Handbook of Psycholinguistics*. NY: Oxford University Press, 2007. P. 327–341.
- Swets B., Desmet T., Clifton Ch., Ferreira F.* Underspecification of syntactic ambiguities: Evidence from self-paced reading // *Memory & Cognition*, 36 (1), 2008. P. 201–216.
- Traxler M. J., Pickering M. J., Clifton C. Jr.* Adjunct attachment is not a form of lexical ambiguity resolution // *Journal of Memory & Language*, 39, 1998. P. 558–592.

PROCESSING AND INTERPRETATION OF SENTENCES WITH REFERENTIAL AMBIGUITY: SPECIAL FEATURES

Veronika K. Prokopenya

Senior Lecturer in the Department of the Problems of Convergence in Natural Sciences and Humanities
Researcher in the Laboratory for Cognitive Studies
Saint Petersburg State University

Referential ambiguity appears when two or more referents pretend to be chosen as an antecedent for a pronoun. The aim of the present study was to investigate the special features of referentially ambiguous sentences processing and to reveal the main factors that influence ambiguous pronouns interpretation. The results of an eye-tracking experiment showed the ambiguity advantage effect, which is expressed in shorter processing time for ambiguous sentences as compared to unambiguous ones. Furthermore, it was demonstrated that pronoun interpretation is sensitive to syntactic roles of referents, although it operates as part of complex multifactorial analysis. The robust primacy effect in sentence processing was found: first-mentioned participants form the foundation for sentence-level representations. However, this effect does not provide any advantage to the first referent in pronoun interpretation.

Key words: referential ambiguity; pronoun interpretation; subject preference; first mention preference; eye-tracking.

УДК 811.11

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЦЕПТИВНОГО СТРОЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(экспериментально-фонетическое исследование
на материале британского и американского вариантов)

Ольга Васильевна Байбурова

к. филол. н., доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Дзержинского, 2, корп. А, ауд. 109. olga3079@mail.ru

Светлана Юрьевна Мякотникова

старший преподаватель кафедры иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский проспект, 29. myakotnikova@yandex.ru

Татьяна Николаевна Чугаева

д. филол. н., заведующий кафедрой иностранных языков и философии
Пермский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
614990, Пермь, ул. Ленина 13 а. tatiananch@mail.ru

В статье освещаются строевые черты современного английского языка, оценивается тенденция его радикальной типологической перестройки, характеризующейся утратой свойств языка фонемного типа и движением в направлении к языку, совмещающему свойства корнеизолирующего и агглютинативного. Подробно рассматриваются особенности строя американского варианта английского языка в области вокалической системы в количественном и качественном отношении, отличительные черты консонантизма и слогоделения, общего фонетического облика слова. Обсуждается статус американского английского по отношению к британскому.

На основе экспериментальных данных по восприятию программ английских слов британскими и американскими аудиторами решается вопрос о соотношении механизмов восприятия «родного» и «акцентного» английского слова британцами и американцами. Делается вывод о сходстве и различии перцептивных механизмов двух вариантов английского языка и особенностях строя английского языка в перцептивном аспекте.

Ключевые слова: строй английского языка; британский и американский варианты; механизмы восприятия; существенные лингвистические признаки; перцептивные особенности строя.

*Понятие формы
открывает исследователю
путь к постижению тайн языка,
выяснению его сущности.*
В. Фон Гумбольдт

Представление о системности языка, т. е. понимание языковой системы как совокупности взаимосвязанных частей, подготовленное трудами В. фон Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртене, Ф. де Соссюра, А. А. Потебни и других ученых, стало общепринятым в современной лингвисти-

ке. Наряду с термином *система* используется термин *структура*, имеет место тенденция к дифференциации этих понятий, хотя общепринятого их разграничения пока не установлено. В самом общем виде *система* описывается как совокупность элементов, связанных определенными отношениями, а *структура* как тип этих отношений, как способ организации системы [Касевич 1977: 13–14].

При этом наблюдается стремление отыскать в строении языка «истинное и первичное», «общий

источник отдельных своеобразий», чтобы «соединить разрозненные черты в единое органическое целое» [Гумбольдт 1984: 70], найти то «организирующее начало, по отношению к которому конкретное сочетание различных свойств оказывается неслучайным» [там же; Мельников 1971: 360]. Э. Сепир называет это «покроем», неповторимым «главным чертежом» языка, «реальным и наисущественнейшим началом в жизни языка» [Сепир 1934: 44].

В отечественной лингвистике в этом смысле сложилось понятие *стро́я* языка, отличающегося от системы и структуры языка, хотя нередко понятия стро́я, системы и структуры языка¹ рассматриваются в синонимическом ряду.

В работах, посвященных проблемам стро́я языка, отмечается, что, помимо подробных описаний языковых систем и полных классификаций их структурных и функциональных особенностей, лингвистика нуждается в описаниях наиболее существенных особенностей языковой системы, что отражает целостность и единство ее стро́я [Адмони 1988; Плоткин 1989; Смирницкий 1956] и позволяет охарактеризовать своеобразие типологического облика данного языка. Совокупность таких существенных особенностей языковой системы традиционно понимают как стро́й языка (см. напр.: [Бондарко 1977; Гак 1977; Звуковой стро́й языка 1979; Единицы разных уровней грамматического стро́я языка 1969 и др.]). В. Я. Плоткин определяет стро́й языка как «совокупность существенных черт языковой системы и принципы, положенные в ее основу», делая это понятие доминантным, закрепляя его органическую целостность и совокупность основополагающих принципов языковой системы. При описании стро́я языка «на первый план выдвигаются наиболее существенные черты, которые в теснейшем взаимодействии друг с другом определяют индивидуальное, неповторимое лицо данного языка» [Плоткин 1989: 8–9].

Очевидно, что полное описание стро́я того или иного языка возможно лишь при учете позиции как говорящего, что традиционно в лингвистической литературе [Адмони 1964, 1988; Ильиш 1971; Смирницкий 1956; Плоткин 1967, 1989], так и слушающего [Зиндер 1972, 1979; Бондарко 1977; А. А. Леонтьев 1975; Зимняя 1976; Залевская 2005; Винокур 2005 и др.].

Поскольку любое описание языка имеет дело и с формой, и с содержанием и выбор пути в ту или другую сторону определяется задачей, стоящей перед исследователем [Зиндер, Маслов 1982: 69], путь от формы к содержанию соответствует позиции воспринимающего речь.

Стро́й английского языка. Характеризуя

стро́й современного английского языка, Б. А. Ильиш подчеркивает, что нынешнее состояние языка рассматривается как «этап развития движущейся системы, которая претерпела большие изменения на протяжении своей истории от древнейших времен до наших дней» [Ильиш 1948: 6]. Исторически английский язык развивался как язык синтетический, в котором грамматическая функция слова и его взаимоотношения с другими словами выражались изменениями в самом слове (суффиксы, внутренняя флексия, чередование согласных). Однако еще до XI в. в древнеанглийском языке начинают проявляться аналитические тенденции – грамматическая функция слов выражается формальными и служебными словами и порядком слов [там же: 21]. Отдельные элементы стро́я языка, по его мнению, органически связаны между собой и представляют лишь различные стороны или аспекты единого целого [Ильиш 1971: 6]. В результате долгого исторического развития стро́й английского языка обрел многие своеобразные черты, заметно выделяющие его среди других современных германских языков [там же].

В работах В. Я. Плоткина предлагается комплексный подход к описанию стро́я английского языка как целостного единства трех взаимосвязанных подсистем – грамматической, лексической, фонетической [Плоткин 1967, 1975, 1976, 1989]. Он исходит из того, что «индивидуальность стро́я языка создается своеобразием совокупности строевых черт, которые по отдельности или в различных комбинациях способны повторяться во многих языках. Небольшое число существеннейших строевых черт определяет тип, к которому принадлежит тот или иной язык» [Плоткин 1989: 11].

Лексический стро́й английского языка характеризуется «сложным сочетанием различных элементов, которые наслаивались один на другой на протяжении истории языка и вступали в различные взаимоотношения между собой» [Ильиш 1948: 303–319]. В результате этих процессов отмечается неоднородность слоев английской лексики, которые обладают различными особенностями [там же: 15]. Ученый указывает на «существование двух типологически разнородных слоев лексики: исконного аналитизированного и заимствованного синтетического» [Плоткин 1989: 229]. Причем на слой заимствованной «длиннословной» лексики не распространяются такие строевые черты английского языка, как немногосложность, частеречная гибкость, сниженная аффиксальная валентность, стабильность корня при аффиксации, высокая активность в словосложении и создании аналитических лексем. Этот слой лек-

стики характеризуется частеречной фиксированностью, высокой вариативностью как основы, так и аффикса, неучастием в аналитических лексемах и словосложении, четкостью морфемной структуры слова [Плоткин 1989: 189].

Характеризуя звуковой строй современного английского языка, В. Я. Плоткин отмечает более интенсивное развитие вокалической системы по сравнению с консонантной и как результат «богатый по инвентарю фонем вокализм, необходимый для формирования достаточного количества моновокалических односложных корней» [там же: 229]. Этим обстоятельством он объясняет факт существования на протяжении всей истории английского языка свыше 20 фонем с «необычными, антропофонически сложными оппозициями, напр. усеченность, скольжение в разных направлениях» [там же: 196].

Наблюдается усиление регламентированности в строении корня, упрощение консонантных групп в его начале и особенно в исходе. Морфонологические правила присоединения словоизменительных суффиксов призваны обеспечить стабильность корня, что приводит к замене прежней регрессивной ассимиляции ассимиляцией прогрессивной, которая, однако, не может быть полной и потому не разрушает суффикса [там же: 228].

Отмечается характерное для английского языка синтетическое словоизменение с малым инвентарем формантов, утративших свойства флексий и приблизившихся к агглютинатам по способу соединения с корнем; сохранившиеся флективные форманты непродуктивны и носят реликтовый характер. Указывается на тенденцию широкого развертывания аналитического словоизменения, функционально объединенного с синтетическим в грамматических парадигмах [там же], а также массовый переход от частеречной специализации слова, типичной для флективных языков, к частеречной полифункциональности слова, присущей корнеизолирующим языкам. Это приводит, в частности, к коренному преобразованию нефинитной субпарадигмы глагола как промежуточной зоны между глаголом и прочими частями речи, в то время как во флективных языках эта зона формируется линиями, идущими от глагола к каждой части речи. Объем категориального словоизменения в английском языке сократился до четырех категорий с восемью оппозициями по двум частям речи: существительному (число с оппозициями множественности и единичности, падеж с оппозицией ограниченности) и глаголу (число с оппозицией единичности, время с оппозициями претерита, футурума, перфекта, континуала) [там же: 228].

Широкое развертывание аналитического лексемообразования компенсирует снижение потенциала синтетического словопроизводства, особенно в сфере глагольной лексики. Аналитическое лексемообразование в именной сфере смыкается со словосложением, и граница между этими способами лексического обогащения нечетка и подвижна [там же: 222].

Особое внимание В. Я. Плоткин обращает на то, что строевое значение имеют только продуктивные явления, не испытывающие лексических ограничений: «отклонения от моделей в индивидуальных лексических элементах для строя языка несущественны» [там же: 10]. Таким образом, показательными для строя языка являются частотные языковые элементы, определенные по принципу лингвистической вероятности.

По меткому замечанию Б. А. Ильиша, «спорность и шаткость многих элементов строя современного языка свидетельствуют о том, что он находится в состоянии неустойчивого равновесия и происходящие то там, то здесь толчки показывают направление, в котором язык, вероятно, будет развиваться в дальнейшем» [Ильиш 1948: 321]. Динамичное развитие аналитических тенденций в современном английском языке ставит перед лингвистами целый ряд новых теоретических проблем.

К числу спорных и противоречиво трактуемых относятся, в частности, вопросы сегментной просодики [Кузьменко 1991], связанные с неочевидным статусом английского слога, совпадением или несовпадением границ слога с границами слов и морфем, способами ритмического членения и типами его единиц, акцентными характеристиками и ударением, ролью гласных и согласных в слоге, а также фонологическим содержанием долготы (см., напр.: [Клейнер 2000, 2002]).

Ю. К. Кузьменко считает степень возможности превращения слогоконечных согласных в слогоначальные перед гласным следующего слога или слова одним из основных признаков, позволяющих определить фонологический тип языка. По возможности/невозможности ресиллабации автор относит германские языки с корреляцией контакта, включая английский, к смешанной группе, а именно к языкам, «в которых противопоставлена возможность ресиллабации в словах со свободным контактом невозможности в словах с плотным контактом» [Кузьменко 1986: 130].

Как отмечается в работах Ю. А. Клейнера, одной из важнейших характеристик звуковой стороны английского языка считается противопоставление слогов, различающееся способом примыкания (контакта) гласного и последующего

согласного, впервые описанное Э. Сиверсом как «резкий и плавный акцент» и введенное в качестве просодической «корреляции усечения слога» Н. С. Трубецким [Клейнер 2002: 41; Мячинская, Клейнер 1980: 147].

Противоречивы мнения по поводу фонологического статуса длительности вокалического слононосителя. Одни исследователи разделяют точку зрения Н. С. Трубецкого относительно того, что длительность (беспрепятственная артикуляция гласного) или краткость (выражение усечения конечной фазы артикуляции гласного) определяются примыканием («слабым или сильным») [Клейнер 2002: 41–42; Кузьменко 1991; Либман 1965; Essen 1961].

В других работах подчеркивается, что в парах /i:/-/i/ и /u:/-/ʊ/, нередко противопоставляемых в литературе по длительности, «упускается из виду более существенное противопоставление их по качеству, по напряженности/ ненапряженности» [Якобсон, Фант, Халле 1962: 204], а также четкая связь «так называемой традиционной долготы» одного и того же гласного с характером последующего согласного» [Интерференция звуковых систем 1987: 248; Gimson 2008; Rafael 1972]. Во время как общеизвестно, что длительность гласного зависит от характера последующего согласного (глухого, форсисного vs звонкого, ленисного), причем этим определяется тип контакта, плотного или свободного [Кукольщикова 1984].

Экспериментально-фонетические исследования Р. К. Потаповой на материале германских языков, в том числе английского, посвященные слогу и слоговым границам, приводят автора к выводу о том, что в английском языке существует лишь один тип примыкания – сильный (и его варианты) [Потапова 1986: 92]. Таким образом, пересматривается позиция, согласно которой при долгом гласном имеет место слабое примыкание, при кратком – сильное. Что касается набора фонетических коррелятов кратких и долгих гласных, все различия в динамике следует отнести прежде всего к общей качественно-количественной структуре гласных (локализация энергетического максимума, тембральные сегменты), «исключая конечную фазу примыкания последующего согласного, которая обнаруживает принципиальное сходство» [там же: 91–92].

По мнению Ю. А. Клейнера, усеченность/ неусеченность рассматривают как фонетические характеристики гласных наряду с долготой, напряженностью и т. п., а не как проявление определенного типа примыкания, зависящего от характера слога. Автор утверждает, что «корреляция контакта основывается не на противопоставлении слононосителей, но на противопостав-

лении целых слогов» [Клейнер 2002: 44]; причем «способ примыкания и является просодическим минимумом в английском языке» [там же: 41].

Актуальнейшей проблемой лингвистической типологии считается «выявление типологически существенных строевых черт языков мира» [Плоткин 1989: 11], а также «выбор ведущего типологического критерия, стержневой, ключевой, определяющей черты в его системе» [там же: 12] (см. об этом также: [Мельников 1971 и др.]).

Политипологичность английского языка дает основания для разных точек зрения по поводу его ведущего типологического критерия. Так, Г. П. Мельников, характеризуя процесс развития строя английского языка как происходящую перестройку с «грамматической системы» – синтетической флективной структуры, имеющей богатые средства словообразования и словоизменения, – на «лексикологическую», подчеркивает увеличение подобия английского языка максимально изолирующему китайскому [там же: 366–367]. По его мнению, вся система германских языков оптимизируется в соответствии с детерминантой лексикализации, но в английском языке этот процесс продвинулся дальше, чем в других германских языках [там же].

В. Я. Плоткин, описывая развернувшуюся в английском языке радикальную типологическую перестройку, преобразившую его из языка флективного, синтетического, в язык аналитический, характеризует его строй как совмещающий в себе свойства языка корнеизолирующего и агглютинативного [Плоткин 1989: 229].

Как полагает Н. А. Кобрина, доминирующим в английском языке является изолирующий способ выражения грамматических значений, который проявляется, прежде всего, в том, что порядок слов играет ту же роль, что и флексия во флективных языках; вторым типологическим средством выражения в языке она называет «аналитическую флексию» [Кобрина 1981: 62]. По данным Дж. Пирса, индекс изолирующих свойств, определяемых по методу Гринберга, составил 80 % (для китайского языка этот индекс равен 99 %) [Pierce 1977: 89].

О. И. Бродович предлагает пересмотреть то место, которое занимает английский язык в структурной типологии языков мира. Данные диалектной вариативности английского языка заставляют отказаться от признания его чисто фонемным языком, так как в этих данных со всей очевидностью проступает его движение от фонемных к несобственно слоговым языкам [Бродович 1988: 150].

Особенности строя американского вариан-

та английского языка. Состояние «неустойчивого равновесия» английского языка значительно усугубилось с появлением его новых вариантов и разновидностей (regional/local varieties of English, World Englishes, New Englishes, Non-native Englishes, Euro-English, Global English, Common English, Continental English), которые сами являются неоднородными и социально маркированными. Различия и особенности, характеризующие разновидности английского языка, вызваны воздействием на них национальных языков и лингвокультур. В свою очередь, такая демократизация языка приводит к расшатыванию литературной нормы, ослаблению кодифицированной нормы, разработке новых национальных стандартов английского языка [Абрамова 2013: 70–71].

Обратимся к рассмотрению особенностей американского варианта английского языка. В исследованиях, посвященных определению статуса американского английского (далее – АЕ) в сопоставлении с британским (далее – ВЕ), не наблюдается единодушия.

В настоящее время большинством отечественных лингвистов АЕ признается вариантом английского языка, а не самостоятельным языком или диалектом [Амосова 1956; Арнольд 1981; Скибина 1996, 1997; Томахин 1982, 1996; Швейцер 1963, 1971, 1983; Шахбагова 1982]. Работы Л. Блумфильда, А. Бронштейна, Дж. Крэппа, О. Коннора, А. Гимсона, Дж. Кенниона, Г. Курата, Ф. Кэссиди, У. Лабова, Р. Макдевида, В. В. Васильева, И. А. Потаповой, А. Д. Швейцера, Т. И. Шевченко, Д. А. Шахбаговой и других исследователей внесли большой вклад в описание этих особенностей, помогли классифицировать отличительные черты (АЕ), установить основные закономерности его фонологической системы.

В англоязычной литературе дискуссия по поводу статуса АЕ продолжается с конца XIX–начала XX в. Г. Свит (Henry Sweet), Н. Уэбстер (N. Webster), Г. Менкен (H. Menken), исследуя различия между двумя «диалектами» или «вариантами» английского языка, находят их настолько разительными, что начинают говорить о языке США как о самостоятельном языке [Sweet, Menken 1957]. Другие лингвисты не соглашались с этим слишком смелым, по их мнению, предположением и рассматривают британский и американский как два разных, но равных друг другу, варианта английского языка (G. P. Krapp, A. H. Marckwardt, P. Strevens et al.). Авторы «Истории английского языка» Р. Маккрам, Р. Макнил, В. Крэн также склонны называть АЕ «вариантом»: «...мы говорим не об акценте, не о диалекте, не о языке, а о варианте языка» [McCrum, MacNeil, Cran 1986: 4]. Д. Кристал называет АЕ и

ВЕ «диалектами в международном масштабе, которые используются целыми странами и на которых говорят миллионы людей» [Crystal 2003: 144].

В «Очерке современного английского языка в США» А. Д. Швейцер подчеркивает, что специфические черты АЕ проявляются наиболее ярко в области фонетики. В АЕ можно найти целый ряд звуков, которые по своим артикуляционно-акустическим свойствам отличаются от британских, а также немало фонематических различий в произношении одинаковых слов и расхождений в словесном ударении [Швейцер 1963: 4].

Среди отличительных черт АЕ отмечают замедленное протяжное произношение гласных ударных слогов главным образом в конце синтагм (American drawl); носовой оттенок произношения некоторых гласных перед и после носовых согласных (nasal twang); произношение /r/ не только перед гласными, как в британском произносительном стандарте RP, но и перед согласными, и в конце слова (rhotacism), выпадение второго элемента в группах /tj/, /dj/, /nj/ (yod dropping); картавость (western burr). Типичной чертой АЕ является озвончение /t/ (t-voicing) в интервокальной позиции и положении между гласным и сонантом [Потапова 1961; Wells 1982]. Американцы утрируют музыкальность речи и создают сильный и характерный интонационный рисунок с удлинением синтагм. Предложение произносится со ступенчатой интонацией [Cook 2000: 18].

Одной из кардинальных проблем, вокруг которой не утихают споры российских и зарубежных лингвистов, является количество фонем в системе американского вокализма. Кроме того, в круг обсуждаемых проблем входят фонологический статус долготы / напряженности; статус слога и слова в системе АЕ.

До сих пор лингвисты не могут прийти к единому мнению о количестве фонем в звуковой системе АЕ. Если британская вокалическая система насчитывает 20 фонем (12 монофтонгов фонем и 8 дифтонгов), то количество гласных фонем в АЕ определяется по-разному: от шести до девяти (G. L. Tragger, H. L. Smith, A. Bronstein, K. Stevens, H. Kurath [Kurath 1960]); двенадцать J. C. Wells [Wells 1982]; В. С. Мелик-Шахназарова говорит о десяти гласных [Мелик-Шахназарова 1999]; Л. Е. Кукольщикова – об одиннадцати [Кукольщикова 1987]; Д. А. Шахбагова – о шестнадцати [Шахбагова 1982].

Количество дифтонгов варьирует от трех до двенадцати. Причину Д. А. Шахбагова видит в неопределенности понятия термина «дифтонг», признака «долгота» и статуса ретрофлексной /r/,

которая следует за гласными /ɪ/, /ε/, /ɑ/, /o/ [там же: 26–27].

Дифференциальный признак «фонологическая долгота» гласных лежит в основе многих лингвистических споров. Некоторые лингвисты предлагают различать гласные по этому признаку, другие отрицают такую противопоставленность и главным признаком считают «напряженность». Третьи выдвигают свои критерии и рассматривают классификации, в которых эти признаки становятся нерелевантными.

Большинство американских лингвистов не признает оппозиции «долгий/краткий» в звуковой системе АЕ. Роберт Линдсей писал, что в общепринятом американском гласные различаются только как напряженные и ненапряженные, тогда как общепринятые британские гласные сохраняют признаки долготы/краткости и напряженности/ненапряженности [Linsey 1990].

В отечественном языкознании появилась точка зрения, согласно которой в АЕ все гласные долгие; на современном этапе развития английского языка длительность (физическая долгота) не является различительным признаком гласных: изменяя длительность английского гласного, нельзя изменить значение слова. Экспериментальные исследования в данной области показывают, что средняя длительность американских фонологически «кратких» может быть больше, чем у фонологически «долгих»: /i:/ – 84 мс, /i/ – 100 мс, /u:/ – 140 мс, /u/ – 163 мс [Андросова 2008: 99].

Ряд американских исследователей (Н. Kurath, Р. Ladefoged, D. Jones, A. S. Gimson, J. D. O'Connor, С.К. Thomas, J. Wells) разделяют гласные АЕ на свободные (free) и усеченные (checked). В этом случае долгота гласных не важна, она зависит от позиции в слове [Wells 1982]. Другие не менее известные лингвисты – Л. Блумфилд, Г. Трагер, Б. Блох, Г. Смит, У. Лабов – предлагают бинарную классификацию гласных, в которой гласные разделены на две группы: простые гласные (ядро) и гласные с глайдом, и традиционное деление кратких и долгих гласных на напряженные/ненапряженные становится ненужным [The North American English Vowel System].

Таким образом, решение вопроса о количестве гласных в американской вокалической системе остается открытым, а выработка единой классификации американских гласных представляется затруднительной в связи с многоаспектностью и динамичностью такого сложного явления, как звуковая система АЕ.

Сравнивая американскую и британскую вокалические системы, Д. Уэллс делает следующие выводы: /ʃ/ в американском варианте является

более открытой, чем соответствующая ей /ç/ в британском варианте. В американской произносительной норме General American (далее – GA) нет разницы между /Q/ и /R/, как в британском английском. Гласная /ɹ/ становится гласной центрального ряда, низкого подъема. Гласные /l, æ, ʌ, ɹ/, которые в обычной дистрибуции являются монофтонгами, могут иметь тенденцию к центрирующей дифтонгизации, когда находятся под ударением или если за ними следует звонкий согласный в конечной позиции. Например, /æ/ может реализоваться в дифтонгах как [xɪ], [çə], [xə]. Для британцев это отличительная характеристика, которая сильно влияет на создание стереотипа американского произношения. В американском варианте нет отдельных фонем центральных дифтонгов /ɪq, ʃq, ʌq/ (хотя фонетически [ɪq, ʃq, ʌq] существуют как аллофоны /l, ʃ, ʌ/). АЕ уникален своим обращением с долгими гласными и дифтонгами в позиции перед /r/ – и те и другие превращаются в краткую гласную + /r/. АЕ также характеризуется тройной омофонией в таких группах, как *merry – Mary – marry*. Все слова произносятся одинаково: /mɛri/ [Wells 1982: 485]. Еще одной особенностью АЕ является слияние /p/, /R/ и /b/. Такие слова, как *cod, calm* и *cause*, произносятся одинаково [Gimson 2008].

Несмотря на различия между британским и американским произношением, большинство исследователей приходит к выводу, что сходного в них больше, чем различного, и основные различия лежат в системе гласных [Stevens 1972].

Что касается организации слога, то канонической моделью слога в английском языке традиционно остается слог полностью закрытого типа; а наиболее распространенными являются слоговые структуры CVC и CCVC [Аракин 1989; Плоткин 1989; Потапова 1986].

В последнее время некоторые лингвисты на основании экспериментальных данных утверждают, что в АЕ минимальной единицей речевого планирования в ситуации естественной коммуникации является не закрытый, а открытый слог [Андросова 2008: 147]. Подтверждение этому можно найти и в зарубежной литературе (G. Brown, E. Sivertsen, K. Malone, J. T. Jensen) [там же].

Речь, однако, вовсе не идет о полном разрушении канонической модели английского слога. Вывод об открытом слоге как базовой единице речевого планирования в спонтанной речи американского варианта английского языка делается на основании экспериментальных данных о более тесной зависимости согласного от последующего, а не предыдущего гласного, как внутри слова,

так и на границе слов [Андросова 2008: 75–85].

При описании строя АЕ и ВЕ необходимо учитывать системные закономерности общего фонетического облика английского слова. Лингвостатистический анализ фонетических типов слов, проведенный на материале Британского национального корпуса (далее – BNC) [Чугаева 2009] и Американского национального корпуса (далее – ANC) [Мякотникова 2012], позволяет выявить характерные, строевые черты слова в двух вариантах английского языка.

В общем, эти черты демонстрируют больше сходства, чем различия. В обоих корпусах самыми частотными являются слова с краткими гласными /ɜ/, /ɪ/, /ʌ/, /ʌ/; долгой /ɪ/ и дифтонгом /eɪ/. Частотное английское слово является односложным или двусложным начальнударным; доминирующим типом слога является структура CVC в обоих корпусах. Выявленные различия касаются длины слова и консонантной нагруженности. Однако ANC содержит больше короткословной лексики: процент односложных слов в ANC – 86 сравнении с BNC – 54%. Более низкий консонантный коэффициент американского слова $k=1,54$ по сравнению с британским $k=2,43$ доказывает большую консонантную нагруженность британского слова в сравнении с американским, что подтверждает тенденцию вокализации слога в АЕ.

Перцептивный аспект строя английского языка. Описание строя языка не может быть полным без изучения его перцептивных характеристик. При этом сохраняют актуальность исследования перцептивных стратегий, как общих для разных языков (или вариантов языка), так и обусловленных спецификой конкретного языка (или варианта).

Непосредственной задачей настоящего исследования является экспериментальное выявление, описание и сопоставление механизмов восприятия звучащего английского слова в терминах модели восприятия по существенным лингвистическим признакам [Зиндер, Штерн 1972; Штерн 1992] американскими и британскими аудиторами, а также определение степени сходства и различия их перцептивных баз.

Эксперимент. Материал и методика. Для изучения и сопоставления механизмов восприятия английского слова в его британском и американском вариантах и выяснения степени их специфичности было проведено две серии экспериментов по восприятию сбалансированных программ односложных британских и американских слов носителями языка, британцами и американцами. По единым принципам экспериментальный материал был составлен на основе BNC

(«британское слово») и ANC («американское слово»). Обе программы прослушивались аудиторами – британцами (13 чел.) и американцами (14 чел.).

Материалом для экспериментов послужили 11 программ односложных английских (британских и американских) слов – словесных таблиц, сбалансированных по лингвистическим признакам: «частотность объективная» (далее – «F_{об}»), «ударная гласная фонема», «часть речи» и «длина в фонемах». В общей сложности экспериментальный материал составил 358 слов и около 10 000 реакций.

Словесный материал для первой серии экспериментов был сбалансирован из слов разных частотных страт BNC. 4 программы односложных слов по 34 – 35 слов каждая (всего 139 слов) были начитаны британскими дикторами, мужчиной и женщиной, с нормативным произношением (RP) и замаскированы белым шумом по стандартной процедуре при соотношении сигнал/шум 0 дБ.

Все программы слов прослушивались и записывались на бланки двумя группами аудиторов: 6 британцами (далее – BA) и 7 американцами (далее – AA) в одинаковых условиях приёма. Целью проведения экспериментов первой серии было изучение механизмов восприятия звучащего «британского слова» аудиторами с разными перцептивными базами английского языка: британцами, слушающими «родную речь», и американцами, для которых британская речь воспринималась как фонетически акцентная.

Экспериментальным материалом для второй серии экспериментов послужили программы односложных слов, сбалансированные на основе ANC по тем же принципам. 7 программ односложных слов по 30 – 32 словам каждая (всего 220 слов) начитано американским диктором с нормативным произношением (General American) и «зашумлено» по стандартной процедуре.

Все словесные таблицы были прослушаны и записаны на бланки двумя группами аудиторов, включающими 7 американских и 7 британских аудиторов. Целью проведения экспериментов второй серии являлось изучение механизмов восприятия звучащего «американского» слова разными группами аудиторов, носителями английского языка, одна из которых воспринимала родную речь (AA), другая – фонетически акцентную (BA).

Результаты экспериментов обрабатывались следующими методами: был определён процент правильного опознания слов аудиторами (р,%) (см. табл. 1); правильно опознанные слова обра-

батывались методом дисперсионного анализа силы влияния (см. табл. 2, 3); для сопоставления иерархий признаков в выявленных механизмах восприятия слова был определен коэффициент ранговой корреляции механизмов (ρ Спирмена); проведен анализ замен, т. е. частично опознанных слов, когда сам стимул не опознавался, но при этом отдельные его признаки воспринимались правильно; замены обрабатывались методом простого количественного подсчета (см. табл. 4).

Обсуждение результатов. Сопоставим результаты восприятия американских и британских английских слов по проценту правильного опознания слов. Средний $p, \%$ «британского слова» британцами составил 62,2%, а американцами – 59,4% [Байбурова, Мякотникова 2010]. Средний $p, \%$ восприятия программ «американского слова» американцами составил 68,1%, а британцами – 62,5% (см. табл. 1).

Таблица 1

Процент опознания английских (британских и американских) односложных слов британскими и американскими аудиторами

Аудиторы	Британское слово	Американское слово
Британцы	62,2 %	62,5%
Американцы	59,4%	68,1%

Из данных, приведённых в табл. 1, можно сделать следующие выводы: во-первых, односложное слово является весьма сложным для восприятия носителями обоих вариантов английского языка: по данным других экспериментов по восприятию английского слова и текстов, проведённых в той же методике, 60% является уровнем опознания английского слова опытными рус-

скими аудиторами (преподавателями английского языка); $p, \%$ слов в тексте у британцев составляет 95,4%, у американцев – 91,1% [Байбурова 2008; Чугаева 2009]. Во-вторых, «акцентное» слово, т. е. прослушанное американцами и американское – британцами, опознается менее успешно, чем произнесённое носителем «родного» варианта английского языка.

Таблица 2

Показатели силы влияния и F-критерий при восприятии односложного английского (британского) слова британскими и американскими аудиторами

Факторы	Британское слово			
	Британцы		Американцы	
	η_x^2	R	η_x^2	R
Ударная гласная	6,974	1	7,862	2
F _{об}	4,897	2	8,728	1
Начальная фонема	1,918	3	0,997	3
Часть речи	1,456	4	0,05	6
Длина в фонемах	0,442	5,5	0,657	4,5
Консонантная нагрузка	0,442	5,5	0,657	4,5
Σ	16,129		18,951	

Примечание: η_x^2 – вес признака, R – ранг признака в иерархии признаков, Σ – сумма весов признаков. Веса существенных признаков выделены.

Сопоставим механизмы восприятия односложного слова британцами и американцами. При восприятии британского односложного слова британцы опираются лишь на три признака – «ударная гласная фонема», «F_{об}», «начальная фо-

нема». Для американских аудиторов существенными оказались еще «длина в фонемах» и «консонантная нагрузка» (см. табл. 2).

При восприятии американского слова из шести рассмотренных признаков для американских

аудиторов наиболее важным является «ударная гласная», затем следуют «консонантная нагрузка», «длина в фонемах» и «F_{об}». Для британских аудиторов наиболее значимым оказался признак

«ударная гласная», затем «F_{об}», «длина в фонемах» и «консонантная нагрузка». Данные четыре признака являются существенными (см. табл. 3).

Таблица 3

Показатели силы влияния и F-критерий при восприятии односложного английского (американского) слова британскими и американскими аудиторами

Факторы	Американское слово			
	Американцы		Британцы	
	η_x^2	R	η_x^2	R
Ударная гласная	5,932	1	5,396	1
Консонантная нагрузка	3,704	2	3,947	4
Длина в фонемах	3,553	3	4,036	3
F _{об}	2,288	4	4,659	2
Часть речи	0,880	5	0,377	5
Начальная фонема	0,179	6	0,001	6
Σ	18,499		21,437	

Примечание: η_x^2 – вес признака, R – ранг признака в иерархии признаков, Σ – сумма весов признаков. Веса существенных признаков выделены.

Сравним полученные четыре механизма восприятия (британского слова британцами и американцами и американского слова британцами и американцами) по лингвистическим признакам.

Статус «старшего признака» для всех полученных иерархий признаков приобретает «ударная гласная». Британцы ставят его на первое место при восприятии как «родной», так и «акцентной» речи. Для американских аудиторов данный признак самый существенный при восприятии «родного» слова и второй по значимости при восприятии британского слова. С точки зрения применяемого метода статистической обработки данных это закономерно, поскольку чем больше градаций у фактора, тем больше оснований для того, чтобы он получил больший вес.

Перцептивно значимым и существенным для всех иерархий оказался признак «частотность объективная». При восприятии «акцентной» речи для британских аудиторов он стоит на втором, а для американских на первом месте, причем, в отличие от остальных признаков, при восприятии «акцентной» речи для аудиторов обеих групп вес данного признака возрастает вдвое. Прослеживается четко выраженная тенденция к улуч-

шению разборчивости слов с повышением их частотности, что, по мнению А. С. Штерн, является перцептивной универсалией.

При восприятии «британского слова» третьим в иерархии для обеих групп аудиторов является признак «начальная фонема», тогда как для «американского слова» третьим по значимости оказался признак «длина в фонемах».

Несущественными признаками слова для всех групп оказался только признак «часть речи», для американского слова незначимым также является признак «начальная фонема». Таким образом, можно говорить об элементаристской тенденции при восприятии короткого английского слова.

При сравнении четырех полученных механизмов восприятия односложных слов по коэффициенту ранговой корреляции выявлена высокоположительная корреляция для обеих пар механизмов: между механизмами восприятия британского слова британцами и американцами $r = +0,771$ и американского слова американцами и британцами $r = +0,743$. Следовательно, эти пары механизмов характеризуются большим количеством общих черт.

При анализе замен, полученных при восприя-

тии программ односложных слов (см. табл. 4), выяснилось, что при восприятии «родного» слова британцами и американцами возрастает количество правильно опознанных слов и снижается количество отказов от ответа. В то же время восприятие родной или акцентной речи незначи-

тельно влияет на количество предложенных замен. Интересно также, что в бланках носителей британского варианта английского языка обнаружено больше не существующих в английском языке слов (квазислов), чем в бланках американцев.

Таблица 4

Результаты анализа замен односложного слова, %

Результаты опознания слов	Британское слово		Американское слово	
	Британцы	Американцы	Американцы	Британцы
Правильно опознано	62,2	59,4	68,1	62,5
Замены	34,7	35,7	31,9	29,5
Отказы	3,1	3,5	0	8
Квазислова	1,4	0,9	0	8

Как же будет решаться вопрос о соотношении перцептивных механизмов АЕ и ВЕ? Решение этой задачи позволит определить черты сходства и различия в строе двух вариантов английского языка в перцептивном аспекте.

На основании результатов восприятия «британского» и «американского» слова носителями разных вариантов языка в пользу вывода о с х о д с т в е перцептивных механизмов и, следовательно, об общности перцептивных баз британцев и американцев свидетельствует, прежде всего, (1) достаточно низкий процент правильного опознания короткого английского слова, статистически наиболее представительного перцептивного эталона по сравнению с другими типами слова [Байбурова, Мякотникова 2010; Чугаева 2007]; кроме того, (2) сопоставимая степень опоры на ведущие признаки: «ударная гласная», «F₀₆», «начальная фонема»; (3) большая опора на ударную гласную, а не на консонанты; (4) высокоположительная корреляция механизмов восприятия односложного слова у британцев и американцев, а также (5) характер замен, осуществляемых ими.

Р а з л и ч и я в перцептивных механизмах британцев и американцев подтверждают следующие факты: (1) снижение р,% по всем типам «акцентного» слова в сравнении с р,% «родного»; (2) большее количество опорных точек в механизме восприятия «акцентного» слова; (3) возрастание весов признаков и роли частотности словоформы, свойственное для изучающих английский язык; (4) большее число опорных точек и, следовательно, большая опора на элементы слова по сравнению с механизмом восприятия для «родного слова».

Таким образом, сопоставление механизмов восприятия односложного английского слова у

американцев и британцев по количественным и качественным параметрам (р,% , весам и рангам иерархии признаков, коэффициенту ранговой корреляции, а также анализ замен) демонстрирует выраженное преобладание сходных стратегий над имеющимися различиями. По-видимому, экспериментальные данные позволяют говорить о сохранении единства строя английского языка в его британском и американском вариантах с точки зрения слушающего. Полученные данные не противоречат результатам ранее проведенных экспериментов [Чугаева 2015] и свидетельствуют в пользу гипотезы о близости, но не идентичности перцептивных баз АЕ и ВЕ, которые следует расценивать как варианты перцептивной базы единого английского языка.

Настоящая работа выполнена исходя из изолированного слова и ни в коей мере не претендует на полное описание перцептивного строя английского языка. Если обратиться к исследованиям спонтанной речи, то можно предположить большие различия в перцептивных механизмах АЕ и ВЕ, основываясь, например, на существенной разнице типов аллофонов на месте интервокального /t/ в указанных вариантах английского языка [Андросова, Караваева 2015].

Обращение к фонетическому облику слова в потоке речи может составить перспективу дальнейших исследований перцептивного строя английского языка.

Примечание

¹ В «Словаре лингвистических терминов» *строй* (англ. *structure of language*) определяется так: (1) способ выражения грамматических отношений между словами как синтаксическая характеристика языка, напр., строй интонационный, композиционный, синтаксический; строй

аналитический; (2) данная система отношений в том или ином разделе языка, напр., строй лексический, семантический; звуковой строй – то же, что и звуковая система [Ахманова 2004: 457–458]. В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» [2001] строй переводится как *system of language*.

Список литературы

Абрамова И. А. Фонетическая вариативность в условиях билингвизма: дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2013. 404 с.

Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 238 с.

Адмон В. Г. Основы теории грамматики / отв. ред. В. М. Жирмунский. М.; Л.: Наука, 1964. 105 с.

Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 218 с.

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского, М. Н. Михайлова и др. М.: Азбуковник, 2001. 642 с.

Андросова С. В. К вопросу о фонетических средствах, определяющих слоговую принадлежность согласного // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 1, ч. 2. С. 75–85.

Андросова С. В. О некоторых особенностях функционирования слога на просодическом уровне в спонтанной речи (на материале американского варианта английского языка) // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 3, ч. 2. С. 147–160.

Андросова С. В. Противоречивые моменты в интерпретации английского фонологического слога // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 1. Ч. II. С. 97–108.

Андросова С. В., Караваева В. Г. Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, №2. С. 5–20.

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. «иностр. яз.» / 2-е изд. М.: Просвещение, 1989. 254 с.

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / гл. ред. М. В. Лазова. М.: Сов. энциклопедия, 2004. 608 с.

Байбурова О. В. Механизмы восприятия разнотипных типов английского слова: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. 223 с.

Байбурова О. В., Мякотникова С. Ю. К про-

блеме формы существования перцептивной базы английского языка: американский vs британский варианты // Лингвистические чтения – 2010. Цикл 6: материалы междунар. науч. конф., г. Пермь, 27 февр. 2010 г. Пермь, 2010. С. 143–147.

Байбурова О. В., Мякотникова С. Ю., Чугаева Т. Н. К вопросу о звуковом строе английского языка: британский и американский варианты // Философия Языка. Лингвистика. Лингводидактика. 2010. № 1. С. 43–53.

Байбурова О. В., Чугаева Т. Н. О вариантах перцептивной базы английского языка // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2004. Вып. 4. С. 59–62.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 195 с.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: КомКнига, 2005. 176 с.

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л.: Просвещение, 1977. 300 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.

Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие / под ред. В. Н. Ярцевой, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1969. 331 с.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. труды. М.: Гнозис, 2005. 542 с.

Звуковой строй языка / под ред. Р. И. Аванесова, Л. В. Бондарко, Л. В. Златоустовой, Т. М. Николаевой. М.: Наука, 1979. 268 с.

Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1976. С. 5–33.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 379 с.

Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. Л.: Наука, 1982. 104 с.

Зиндер Л. Р., Штерн А. С. Факторы, влияющие на опознание слова // Материалы IV Всесоюз. симп. по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 30 мая – 2 июня 1972 г. М., 1972. С. 100–108.

- Ильиш Б. А.* Современный английский язык: Теоретический курс. Изд. 2-е. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1948. 348 с.
- Ильиш Б. А.* Строй современного английского языка. 2-е изд. (на англ. яз). Л.: Просвещение, 1971. 215 с.
- Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 280 с.
- Касевич В. Б.* Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 177 с.
- Клейнер Ю. А.* Проблемы просодики. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 112 с.
- Клейнер Ю. А.* Типы просодических и супrasegmentных явлений (на материале германских языков): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2000. 29 с.
- Кобрин Н. А.* О типологических чертах современного английского языка в сравнении с русским. // Проблемы сопоставительной типологии родного и иностранных языков. Л., 1981. С. 50–64.
- Кукольщикова Л. Е.* Интерференция при обучении неродному языку // Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Л.: ЛГУ, 1987. С. 247–264.
- Кукольщикова Л. Е.* Об одном спорном случае слогоделения в английском языке // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 29–38.
- Кузьменко Ю. К.* Западноютский толчок // Лингвистические исследования 1986: Социальное и системное на различных уровнях языка: сб. науч. тр. / отв. ред. И. Д. Андреев; Ин-т языкознания АН СССР. М., 1986. С. 128–135.
- Кузьменко Ю. К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 284 с.
- Леонтьев А. А.* Психология восприятия и восприятие речи // Иностр. языки в школе. 1975. №1. С. 78.
- Лешка О.* Иерархия ярусов строя языка и их перекрывание // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие / ред. В. Н. Ярцева, Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1969. С.20–27.
- Либерман А. С.* Среднеанглийское удлинение в открытом слоге с фонологической точки зрения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1965. 22 с.
- Мелик-Шахназарова В. С.* Практический курс английского языка. Американский вариант. М.: Вече, 1999. 464 с.
- Мельников Г. П.* Детерминанта – ведущая грамматическая тенденция языка. Фонетика. Фонология. Грамматика: к 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971. С 359–367.
- Мякотникова С. Ю.* Перцептивные типы английских слов (на материале Американского национального корпуса) // Вестник ВятГГУ. 2012. №4 (2). С. 43–52.
- Мячинская Э., Клейнер Ю. А.* Корреляция усе-чения слога и ее использование в изучении вокализма английского языка // Взаимодействие языковых структур в системе / ред. Л. А. Карпова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. Вып. 4. С. 148–154.
- Плоткин В. Я.* Динамика английской фонологической системы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 169 с.
- Плоткин В. Я.* Грамматические системы в английском языке. Кишинев: Штиинца, 1975. 127 с.
- Плоткин В. Я.* Очерк диахронической фонологии английского языка. М.: Высш. шк., 1976. 151 с.
- Плоткин В. Я.* Строй английского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1989. 239 с.
- Потапова Р. К.* Слоговая фонетика германских языков: учеб. пособие для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1986. 144 с.
- Потапова И. А., Беляева Т. М.* Английский язык за пределами Англии. Л.: Учпедгиз, 1961. 152 с.
- Свиридова С.* Исследование возможностей применения дисперсионного анализа в психолингвистических экспериментах: дипломная работа / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1987. 81 с.
- Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М., 1934. 224 с.
- Скибина В. И.* Национально негетогенный язык и лексикографическая практика. Запорожье: РИП"Видавец", 1996. 176 с.
- Скибина В. И.* Некоторые проблемы англоязычной региональной лексикографии // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии / отв. ред. О. М. Карпова; Иван. гос. ун-т. Иваново, 1997. С. 75–84.
- Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. 260 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933. 282 с.
- Томахин Г. Д.* Америка через американизмы. М.: Высш. шк., 1982. 56 с.
- Чугаева Т. Н.* Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка): дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2009. 346 с.
- Чугаева Т. Н.* Некоторые характеристики английского слова как предпосылки к описанию перцептивного строя английского языка // Материалы XXXV Междунар. филол. конф., С.-

Петербург, 13–18 марта 2006 г. / отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. Вып. 20, ч. 2. С. 30–36.

Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Пермь: УрО РАН, 2007. 246 с.

Чугаева Т. Н., Байбурова О. В., Мякотникова С. Ю. К вопросу о соотношении перцептивных баз английского языка (экспериментально-фонетическое исследование на материале британского и американского вариантов) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, №3. С. 11–123.

Шахбагова Д. А. Фонетические особенности произносительных вариантов английского языка. М.: Высш. шк. 1982. 128 с.

Швейцер А. Д. Литературный язык в США и Англии. М.: Высш. шк., 1971. 200 с.

Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М.: Высш. шк., 1963. 216 с.

Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1983. 216 с.

Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

Якобсон Р., Фант Г., Хале М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 173–230.

ANC American National Corpus. URL: <https://www ldc.upenn.edu/language-resources> (дата обращения: 09.10.2010).

BNC British National Corpus. Oxford University Computing Services. URL: natcorp@oucs.ox.ac.uk (дата обращения: 02.09.2003).

Cook A. American Accent Training. Barron's, 2000. 185 p.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press. 2004. 229 p.

Essen O. Trubetzkoy's 'fester' und 'loser' Anschluss in experimentalphonetischer Sicht // Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences. Helsinki, 1961. P. 590–597.

Gimson A. C. Pronunciation of English. Hodder Education, 2008. 195 p.

Kurath H. The Pronunciation of English in the Atlantic States. Ann Arbor, 1960. 182 p.

Labov W., Ash S., Boberg Ch. The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 45 p.

Linsey G. Quantity and Quality of American and British vowel systems. Studies in the pronunciation of English: A commemorative volume in honour of A. S. Gimson / ed. S. Ramsaran. Routledge; London and New York, 1990. P. 106–118.

McCrum R., Macneil R., Cran W. The story of English. 3-rd ed. A Penguin Book, 1986. 468 p.

Mencken H. L. The American Language (An inquiry into the development of English in the United States). N.Y.: Alfred A. Knopf, 1957.

Pierce J. E. Toward a new typology in linguistics // Linguistics. Mouton. 1977. Iss. 200. P. 87–91.

Rafael L. J. Preceding vowel duration as a cue to the perception of the voicing characteristic of word-final consonants in American English // Journ. of Acoust. Soc. of Amer. 1972. Vol. 51, 4. P. 1296–1303.

Stevens P. British and American English. Collier-Macmillan, 1972. 104 p.

Sweet H. The History of Language. URL: <http://catalog.hathitrust.org/Record/007704082> (дата обращения: 23.07.2014).

The North American English Vowel System. URL: http://www.ling.upenn.edu/phonoatlas/Atlas_chapters/Ch02_2nd.rev.pdf (дата обращения: 09.02.2014).

Wells J. C. Accents of English. Cambridge University Press, 1982. 668 p.

References

Abramova I. A. Foneticheskaia variativnost' v usloviakh bilingvizma. Dis. dok. fil. nauk [Phonetic variability in the context of bilingualism. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2013. 404 p.

ANC American National Corpus. Available at: <https://www ldc.upenn.edu/language-resources> (accessed: 09.10.2010).

Admoni V. G. Grammaticheskij stroj kak sistema postroenija i obshhaja teorija grammatiki [Grammatical system as a building system and general theory of grammar]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 238 p.

Admoni V. G. Osnovy teorii grammatiki [Fundamentals of the theory of grammar] /

Ed. by V. M. Zhirmunskij. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. 105 p.

Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terms] / ed. by M. V. Lazov. Moscow: Sov. Entsiklopedija Publ., 2004. 571 p.

Amosova N. N. Etimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo anglijskogo jazyka [Etymological fundamentals of the modern English language vocabulary]. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. jaz. Publ., 1956. 218 p.

Androsova S. V. K voprosu o foneticheskikh sredstvakh, opredeljajushhikh

slogovuju prinadlezhnost' soglasnogo [About phonetic means determining syllabic affiliation of a consonant]. Vestnik SPbGU. Ser. 9 [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 9]. 2008. Iss. 1.

Part. II. P. 75–85.

Androsova S. V. O nekotorykh osobennostjakh funkcionirovanija sloga na prosodicheskom urovne v spontannoju rechi (na materiale amerikanskogo varianta anglijskogo jazyka) [On a Syllable Functioning at the Prosodic Level in Spontaneous Speech (Based on the Material of American English)]. Vestnik SPbGU. Ser. 9 [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 9]. 2008. Iss. 3. Part. II. P. 147–160.

Androsova S. V. Protivorechivye momenty v interpretatsii anglijskogo fonologicheskogo sloga [Contradictory moments in the interpretation of an English phonological syllable]. Vestnik SPbGU. Ser. 9 [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 9]. 2008. Iss. 1. Part. 2. P. 97–108.

Androsova S.V., Karavaeva V.G. Odnoudarnye allofony v amerikanskom i britanskom variantakh anglijskogo jazyka [One-syllable allophones in American and British variants of the English language]. Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika [Theoretical and applied linguistics]. 2015. Iss. 1. № 2. P. 5–20.

Anglo-russkij slovar' po lingvistike i semiotike [English-Russian dictionary of linguistics and semiotics] / ed. by A. N. Baranov, D. O. Dobrovolskij, M. N. Mikhajlov et al. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. 642 p.

Araikin V. D. Sravnitel'naja tipologija anglijskogo i russkogo jazykov: ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spets. «in. jaz.». 2-e izd. [Comparative typology of the English and Russian Languages: a manual for pedagogical institutes]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1989. 254 p.

Bajburova O. V. Mekhanizmy vosprijatija raznoslozhnykh tipov anglijskogo slova. Dis. kand. fil. nauk. [Mechanisms of perception of multi-syllable English words. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2008. 223 p.

Arnold I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka [Stylistics of modern English]. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1981. 295 p.

Bajburova O. V., Mjakotnikova S. Ju. K probleme formy sushhestvovanija pertseptivnoj bazy anglijskogo jazyka: amerikanskij vs britanskij varianty [On the issue of perceptive basis of English: American vs British]. Lingvisticheskie chtenija - 2010: materialy mezhdunar. nauch. konf. [Linguistic Readings: Proc. of intern. sci. conf. Perm, February 27, 2010]. Perm, 2010. P. 143–147.

Bajburova O. V., Mjakotnikova S. Ju., Chugaeva T. N. K voprosu o zvukovom stroe anglijskogo jazyka: britanskij i amerikanskij varianty [About the sound system of the English language: British and American variants]. Filosofija Jazyka. Lingvistika.

Lingvodidaktika [Philosophy of Language. Linguistics. Linguodidactics]. Iss. 1. P. 43–53.

Bajburova O. V., Chugaeva T. N. O variantakh pertseptivnoj bazy anglijskogo jazyka [On variants of perceptive basis of the English language]. Problemy sotsio- i psiholingvistiki: Sb. statej [The Problems of Socio- and Psycholinguistics: collected articles] / ed. by T. I. Erofeeva. Perm: Perm St. Univ. Publ., 2004. Iss. 4. P. 59–62.

BNC British National Corpus. Oxford University Computing Services. Available at: natcorp@oucs.ox.ac.uk (accessed: 02.09.2003).

Bondarko L. V. Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka [Sound system of the modern Russian language]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1977. 175 p.

Brodovich O. I. Dialektnaja variativnost' anglijskogo jazyka: aspekty teorii [Dialectal Variability of English: theoretical aspects]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1988. 195 p.

Chugaeva T. N. Zvukovoj stroj jazyka v pertseptivnom aspekte (eksperimental'noe issledovanie na materiale anglijskogo jazyka. Dis. dok. fil. nauk [The sound system of a language in the aspect of perception (experimental research in the English language). Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 346 p.

Chugaeva T. N. Nekotorye kharakteristiki anglijskogo slova kak predposylki k opisaniju pertseptivnogo stroja anglijskogo jazyka [Certain Features of English words as a way to describe the perceptive system of English]. Materialy XXXV Mezhdunar. filol. konf. [Proc. of XXXV intern. philol. conf. St. Petersburg, March 13-18, 2006.] / ed. by L. V. Bondarko. St. Petersburg: St. Petersburg St. Univ. Publ., 2006. Iss. 20. Part 2. P. 30–36.

Chugaeva T. N. Pertseptivnyj aspekt zvukovogo stroja anglijskogo jazyka [Perceptive aspect of the sound system of the English language]. Perm: UB RAS Publ., 2007. 246 p.

Chugaeva T.N., Bajburova O.V., Mjakotnikova S.Ju. K voprosu o sootnoshenii pertseptivnykh baz anglijskogo jazyka (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale britanskogo i amerikanskogo variantov) [On the issue of relations between perceptual bases of the English language]. Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. [Theoretical and applied linguistics]. 2015. Iss. 1. № 3. P. 11–123.

Cook A. American Accent Training. Barron's, 2000. 185 p.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press. 229 p.

Edinitsy raznykh urovnej grammaticheskogo stroja jazyka i ikh vzaimodejstvie [Units of different grammatical system levels of the language and their

interaction] / ed. by V. N. Jartseva, N. Ju. Shvedova. Moscow: Nauka Publ., 1969. 331 p.

Essen O. Trubetzkoy's 'fester' und 'loser' Anschluss in experimental phonetischer Sicht // Proceedings of the 4th International Congress of Phonetic Sciences. Helsinki, 1961. P. 590–597.

Gak V. G. Sravnitel'naja tipologija fratsuzskogo i russkogo jazykov [Comparative typology of the French and Russian languages]. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1977. 300 p.

Gimson A. C. Pronunciation of English. Hodder Education, 2008. 195 p.

Humboldt W. fon Izbrannye trudy po jazykoznaniju [Selected works on Linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1984. 397 p.

Humboldt W. fon Jazyk i filosofija kulture [Language and philosophy of culture]. Moscow: Progress Publ., 1985. 452 p.

Il'ish B. A. Sovremennyy anglijskij jazyk. Teoreticheskij kurs [Modern English. Theoretical course]. 2nd ed. Moscow: Izd. literatury na inostrannykh jazykakh Publ., 1948. 348 p.

Il'ish B. A. Stroj sovremennogo anglijskogo jazyka. 2-e izd. (na angl. Jaz.) [The system of the modern English language. 2nd ed. (In English)]. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1971. 215 p.

Interferentsija zvukovykh sistem [Interference of phonetic systems] / ed. by L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaja. Leningrad: Leningrad Univ. Publ., 1987. 280 p.

Kasevich V. B. Elementy obshhej lingvistiki [Elements of General Linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 177 p.

Jakobson R., Fant G., Halle M. Vvedenie v analiz rechi [Introduction to Speech Analysis]. Novoe v lingvistike [The new in Linguistics]. Iss. 2. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury Publ., 1962. P. 173–230.

Klejner Ju. A. Problemy prosodiki [Problems of prosody]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2002. 112 p.

Klejner Ju. A. Tipy prosodicheskikh i suprasegmentnykh javlenij (na materiale germanskikh jazykov). Dis. dok. fil. nauk [Types of prosodic and suprasegmental phenomena (on the material of Germanic languages). Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2000. 29 p.

Kobrina N. A. O tipologicheskikh chertakh sovremennogo anglijskogo jazyka v sravnenii s russkim [On typological features of the modern English language as compared to the Russian language]. Problemy sopostavitel'noj tipologii rodnogo i inostrannykh jazykov [Problems of comparative typology of native and foreign languages]. Leningrad, 1981. P. 50–64.

Kukol'shnikova L. E. Interferentsija pri obuchenii nerodnomu jazyku [Interference in teaching a foreign language]. Interferentsija zvukovykh sistem [Interference of phonetic systems] / ed. by L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaja. Leningrad: Leningrad University Publ., 1987. P. 247–264.

Kukol'shnikova L. E. Ob odnom spornom sluchae slogodelenija v anglijskom jazyke [About one controversial case of syllabic division in the English language]. Eksperimental'no-foneticheskij analiz rechi [Experimental and phonetic analysis of speech]. Iss. 1. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1984. P. 29–38.

Kurath H. The Pronunciation of English in the Atlantic States. Ann Arbor, 1960. 182 p.

Kuz'menko Ju. K. Zapadnojutskij tolchok [Western Jutlandic stød]. Lingvisticheskie issledovanija 1986: sb. nauch. tr. [Linguistic research 1986: collected scientific papers] / ed. by I. D. Andreev. Moscow: Inst. of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., 1986. P. 128–135.

Kuz'menko Ju. K. Fonologicheskaja evoljutsija germanskikh jazykov [Phonologic evolution of Germanic languages]. Leningrad: Nauka Publ., 1991. 284 p.

Labov W., Ash S., Boberg Ch. The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 45 p.

Leont'ev A. A. Psikhologija vosprijatija i vosprijatie rechi [Psychology of perception and speech perception]. Inostrannye jazyki v shkole [Foreign languages at school]. 1975. Iss. 1. P. 78.

Leshka O. Ierarkhija jarusov stroja jazyka i ikh perekryvanie [Layer hierarchy and overlapping in the language system]. Edinitsy raznykh urovnej grammaticheskogo stroja jazyka i ikh vzaimodejstvie [Units of the grammatical system of the language: different layers and their reciprocal action] / ed. by V. N. Jartseva, N. Ju. Shvedova. Moscow: Nauka Publ., 1969. P. 20–27.

Lieberman A. S. Sredneanglijskoe udlinenie v otkrytom sloge s fonologicheskoi tochki zrenija. Dis. kand. fil. nauk [Middle English lengthening in the open syllable from the phonological point of view. Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1965. 22 p.

Linsey G. Quantity and Quality of American and British vowel systems. Studies in the pronunciation of English: A commemorative volume in honour of A. S. Gimson ed. S. Ramsaran. Routledge, London and New York, 1990. P. 106–118.

McCrum R., Macneil R., Cran W. The story of English: 3rd ed. A Penguin Book, 1986. 468 p.

Melik-Shakhnazarova V. S. Prakticheskij kurs anglijskogo jazyka. Amerikanskij variant [Practical

- course of the English language. American variant]. Moscow: Veche Publ., 1999. 464 p.
- Mel'nikov G. P.* Determinanta – vedushhaja grammaticheskaja tendentsija jazyka [Determinant as the basic grammatical tendency of language]. *Fonetika. Fonologija. Grammatika: k 70-letiju A.A. Reformatskogo* [Phonetics. Phonology. Grammar: to the 70th anniv. of A. A. Reformatsky]. Moscow, 1971. P. 359–367.
- Mencken H. L.* The American Language (An inquiry into the development of English in the United States). N.Y.: Alfred A. Knopf, 1957.
- Mjakotnikova S. Ju.* Pertseptivnye tipy anglijskikh slov (na materiale Amerikanskogo natsional'nogo korpusa) [Perceptive types of English words (based on the American National Corpus)]. *Vestnik VjatGGU* [The Bulletin of Vyatka State Humanities University]. Iss. 4 (2). 2012. P. 43–52.
- Mjachinskaja E., Klejner Ju. A.* Korreljatsija usechenija sloga i ejo ispol'zovanie v izuchenii vokalizma anglijskogo jazyka [Correlation of the syllable checking and its usage in studying English vowel system]. *Vzaimodejstvie jazykovykh struktur v sisteme* [Language structures interaction in a system] / ed. by L. A. Karpova. Leningrad: Leningrad St. Univ. Publ., 1980. Iss. 4. P. 148–154.
- Pierce J. E.* Toward a new typology in linguistics // *Linguistics*. Mouton. Iss. 200. 1977. P. 87–91.
- Plotkin V. Ja.* Dinamika anglijskoj fonologicheskoi sistemy [Dynamics of the English phonological system]. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1967. 169 p.
- Plotkin V. Ja.* Grammaticheskie sistemy v anglijskom jazyke [Grammatical systems in the English language]. Kishinev: Shtiintsa Publ., 1975. 127 p.
- Plotkin V. Ja.* Oчерk diachronicheskoi fonologii anglijskogo jazyka [Essay on diachronic phonology of the English language]. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 1976. 151 p.
- Plotkin V. Ja.* Stroy anglijskogo jazyka: uchebnoe posobie dlja studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh jazykov. [The system of English: a manual for foreign languages departments]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1989. 239 p.
- Potapova R. K.* Slogovaja fonetika germanskikh jazykov: uchebnoe posobie dlja studentov institutov i fakul'tetov inostrannykh jazykov [Syllable Phonetics of Germanic languages: a manual for foreign languages departments]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1986. 144 p.
- Potapova I. A., Beljaeva T. M.* Anglijskij jazyk za predelami Anglii [English outside England]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1961. 152 p.
- Rafael L. J.* Preceding vowel duration as a cue to the perception of the voicing characteristic of word-final consonants in American English // *Journ. of Acoust. Soc. of Amer.* 1972. Vol.51, 4. P. 1296–1303.
- Sapir E.* Jazyk. Vvedenie v izuchenie rechi [Language. An introduction to the study of speech]. Moscow, 1934. 224 p.
- Saussure F. de* Kurs obshhej lingvistiki [Course in General Linguistics]. Moscow, 1933. 282 p.
- Shakhtbagova D. A.* Foneticheskie osobennosti proiznositel'nykh variantov anglijskogo jazyka [Varieties of English Pronunciation]. Moscow: Vysshaja Shkola Publ., 1982. 128 p.
- Shtern A. S.* Pertseptivnyj aspekt rechevoj dejatel'nosti: eksperimental'noe issledovanie [Perceptive aspect of speech activity: an experimental study]. St. Petersburg: St. Petersburg. St. Univ. Publ., 1992. 236 p.
- Shvejtser A. D.* Literaturnyj jazyk v SShA i Anglii [Literary language in the USA and England]. Moscow: Vysshaja shkola, 1971. 200 p.
- Shvejtser A. D.* Oчерk sovremennogo anglijskogo jazyka v SShA [Modern English in the USA]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1963. 216 p.
- Shvejtser A. D.* Sotsial'naja differentsiatsija anglijskogo jazyka v SShA [Social stratification of the English language in the USA] / ed. by V. N. Jartseva. Moscow: Nauka Publ., 1983. 216 p.
- Skibina V. I.* Natsional'no negomogenyj jazyk i leksikograficheskaja praktika [Nationally inhomogeneous language and lexicographical practice]. Zaporozh'e: RIP Vidavets' Publ., 1996. 176 c.
- Skibina V. I.* Nekotorye problemy anglojazyčnoj regional'noj leksikografii [Some problems of regional lexicography in English]. Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoj leksikografii [Current problems of theoretical and applied lexicography] / ed. by O. M. Karpova. Ivanovo: Ivan. St. Univ. Publ., 1997. P. 75–84.
- Smirnitckij A. I.* Leksikologija anglijskogo jazyka [Lexicology of the English language]. Moscow: Izd. Literaturny na inostrannykh jazykakh., 1956. 260 p.
- Sviridova S.* Issledovanie vozmozhnostej primeneniya dispersionnogo analiza v psiholingvističeskikh eksperimentakh. Diplomnaja rabota [Studying the potentialities of applying variance analysis in psycholinguistics. Degree thesis]. Leningrad: Leningrad State University, 1987. 81 p.
- Stevens P.* British and American English. Collier-Macmillan, 1972. 104 p.
- Sweet H.* The History of Language. Available at: <http://catalog.hathitrust.org/Record/007704082> (accessed: 23.07.2014).
- The North American English Vowel System.* Available at: <http://www.ling.upenn>.

edu/phonoatlas/Atlas_chapters/Ch02_2nd.rev.pdf (accessed: 09.02.2014).

Tomakhin G. D. Amerika cherez amerikanizmy [America through Americanisms]. M.: Vysshaja Shkola Publ., 1982. 56 p.

Vinokur T.G. Govorjashhij i slushajushhij: varianty rechevogo povedenija [Speaking and listening: variants of speech behaviour]. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 176 p.

Wells J. C. Accents of English. Cambridge University Press, 1982. 668 p.

Zalevskaja A.A. Psikholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst: Izbran. Trudy [Psycholinguistic studies. Word. Text: selected works]. Moscow: Gnozis Publ., 2005. 542 p.

Zimnjaja I. A. Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija [Semantic perception of verbal communication]. Smyslovoe vosprijatie rechevogo soobshhenija (v uslovijakh massovoj kommunikatsii) [Semantic perception of verbal communication (under the conditions of mass

communication)] / ed. by T. M. Dridze, A. A. Leont'ev. Moscow: Nauka Publ., 1976. P. 5–33.

Zinder L. R. Obshhaja fonetika [General Phonetics]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1979. 379 p.

Zinder L. R., Maslov Ju. S. L. V. Shherba – lingvist-teoretik i pedagog [L. V. Shcherba as a linguist-theorist and teacher]. Leningrad: Nauka Publ., 1982. 104 p.

Zinder L. R., Shtern A. S. Faktory, vlijajushhie na opoznanie slova [Factors influencing a word recognition]. Materialy IV Vsesojuz. simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii [Proceedings of the IV All-Union Symposium on psycholinguistics and theory of communication. May 30-June 2, 1972]. Moscow, 1972. P. 100–108.

Zvukovoj stroj jazyka [The sound system of language] / ed. by R. I. Avanesova, L. V. Bondarko, L. V. Zlatoustova, T. M. Nikolaeva. Moscow: Nauka Publ., 1979. 268 p.

THE CHARACTERISTICS OF THE PERCEPTUAL SYSTEM OF THE ENGLISH LANGUAGE

Olga V. Baiburova

Associate Professor in the Department of English Language for Professional Communication
Perm State University

Svetlana Yu. Myakotnikova

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Public Relations
Perm National Research Polytechnic University

Tatiana N. Chugaeva

Head of the Department of Foreign Languages and Philosophy
Perm Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

The article deals with the issues of the radical typological reorganization in the system of the modern English language, namely its tendency to acquire the characteristics of isolating and agglutinative languages. The system of the American English language, its vowel and consonant phonological patterns, syllabication, and the phonetic pattern of words are examined. The status of American English as compared to British English is discussed.

The issue of the relationship between the mechanisms of perception of a “native” and “accented” word is discussed based on the data of study on perception of American and British words programmes by American and British listeners. The conclusion is made about similarities and differences in the perception mechanisms of the two variants of the English language and the characteristics of its system in terms of the perceptual aspect.

Key words: system of the English language; British and American variants; perception mechanisms; essential linguistic features; perceptive characteristics of the language system.

УДК 81`246.5:81`35

РУССКАЯ СПОНТАННАЯ РЕЧЬ НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ: АНАЛИЗ ХЕЗИТАЦИЙ (на материале русской речи китайцев)

Чэн Чэнь

аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. honey.susanna.91@mail.ru

Настоящая статья посвящена анализу русской спонтанной речи на неродном языке. Целью работы является описание разных хезитационных явлений (ХЯ) в русской устной спонтанной речи носителей китайского языка. Конкретным объектом внимания в работе стала, таким образом, русская спонтанная речь китайцев. Предмет исследования – типы хезитационных явлений в такой речи. *Хезитация* (речевое колебание, от англ. *Hesitation* – ‘колебание’) – это заминка или пауза в устной речи, вызванная не синтаксическим строением текста, а лишь тем обстоятельством, что в условиях спонтанного речепорождения говорящий вынужден говорить и думать одновременно, что создает ситуацию временного дефицита. Текст рождается непосредственно в момент речи, в результате возникает проблема выбора речевых единиц или просто продолжения речи, продвижения монолога вперед. Весь материал для исследования собирался по методике, разработанной для создания сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) как одного из модулей Звукового корпуса русского языка. Состав информантов был сбалансирован социологически (гендер и уровень владения русским языком – 2 ТРКИ и 3 ТРКИ), все участники эксперимента прошли психологическое тестирование (тест Г. Айзенка для носителей китайского языка) с целью выявления их психотипа (экстраверт, амбиверт, интроверт). Монологи были записаны в рамках двух коммуникативных сценариев: описание изображения (сюжетного и несюжетного) и свободный рассказ на тему «Как вы проводите свободное время на каникулах?» Материалом для анализа стали, таким образом, 30 спонтанных текстов – по три от каждого из 10 испытуемых.

Ключевые слова: русская устная спонтанная речь; русский язык как иностранный; хезитации; пауза хезитации; хезитационное явление; звуковой корпус.

Специфика материала и основные понятия

Хезитационные явления (ХЯ) в последние годы широко изучаются и российской, и зарубежной лингвистикой. Признается, что ХЯ представляют собой «характернейшую особенность спонтанной устной речи (как непринужденной, разговорной, так и более официальной), отражающую ее сиюминутность, творческий характер» [Фонетика спонтанной речи 1988: 245]. Это, в частности, отличает устную речь от письменной. Однако практически все исследования такого рода касаются, прежде всего, хезитации в речи на родном языке. Интересно, тем не менее, посмотреть, как хезитирует человек, строя спонтанный монолог на неродном языке, когда к общим проблемам речепорождения добавляются еще и трудности, связанные с межъязыковой ин-

терференцией. Особенно это важно, когда материалом для анализа становится русская (интерферированная) речь китайцев, поскольку затруднения говорящих с этим родным языком очень велики и достаточно хорошо изучены (см., например: [Чанг 1999; Ли 1999; Хуан 2008]).

Объектом внимания в настоящем исследовании является спонтанный монолог, противопоставленный диалогу. Понятие *монолога* тесно связано с категорией спонтанности, которую традиционно используют в Ленинградской / Петербургской лингвистической школе (см., например: [Бондарко 1998; Богданова 2001; Звуковой корпус... 2013]). В трактовке термина «спонтанность» существуют определенные разногласия, которые можно свести к двум момен-

там: 1) спонтанная речь – речь, которая возникает по собственной инициативе говорящего, без воздействия каких-либо внешних стимулов (понятия неподготовленности и спонтанности в данном случае разведены); 2) спонтанная речь – речь непродуманная, заранее не подготовленная, в которой проявляются одновременные процессы мышления и говорения. В настоящей работе под спонтанной понимается речь, главным условием реализации которой является ее неподготовленность, выражающаяся на психолингвистическом (спонтанность речи относится к этапам речевой деятельности, от ее замысла до реализации), дискурсивном (речевое поведение говорящего) и языковом уровнях (проявление спонтанности в фонетике, лексике, синтаксисе). Исходя из программы создания сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) в составе Звукового корпуса русского языка (см.: [Звуковой корпус... 2013]) все записанные устные тексты соответствуют определенным коммуникативным сценариям, наиболее типичным для повседневной речи: в данном случае это были *описание изображения и свободный рассказ*.

В условиях выбранных типов коммуникативных сценариев важным фактором оказывается степень влияния исходного материала, т.е. *лингвистическая мотивированность* монолога (зависимость всех лингвистических признаков вторичного (порожденного) текста от характеристик первичного) [Богданова 2001: 15]. Для определения степени трудности коммуникативной задачи в исследование была также введена дифференциация исходных текстов-стимулов по признаку *сюжетность / несюжетность*.

В лингвистической теории последних десятилетий произошел заметный сдвиг в сторону анализа устной формы речи, которая стала подробно рассматриваться не только лингвистами, но и учеными, работающими на границе двух наук, например, психолингвистами, социолингвистами. В связи с этим в настоящей статье учитываются пол (гендер) говорящего, а также психологический тип его личности. Предполагается, что эти характеристики могут оказать некоторое влияние на речь.

Хезитационные явления в устной речи могут быть представлены физической паузой (отсутствии всякой фонации, собственно перерыв в звучании – пауза хезитации; далее – ПХ) или разного рода звуковыми элементами (заполнителями паузы хезитации), в числе которых растяжки звуков (как гласных, так и согласных) (*у-у нас; во-о-т, с-с-сделали*), обрывы слов (*при... приехали*), повторы (*это это не так*), неречевые звуки (*э-э, а-а, м-м*), асемантические частицы,

тяготеющие к «словам-паразитам» (*вот, ну, да*), достаточно протяженные вербальные хезитативы (*это самое, как его, скажем так* и под.) и проч. Это можно считать основным набором типов хезитаций. Иногда к ХЯ относят и фальстарты, заикание, запинки, случаи самокоррекции или незавершенность (обрывы) предложений. В настоящей работе основой для анализа стал только основной набор способов выражения колебаний говорящего.

Анализ хезитаций в русской речи китайцев

Проведенный анализ показал, что в русской речи носителей китайского языка присутствуют все типы ХЯ, известные в научной литературе. Рассмотрим их последовательно.

1. Физические паузы (ПХ) (∅), (∅∅) или (∅∅∅) – полный перерыв (разной длительности) в звучании, не обусловленный синтагматическим членением текста:

1) *мы будем / найти [несколько [ресторанов (И1, жен., 2 ур., Э, рассказ)]*;

2) *эта картина изображается очень [ы-н мок... ∅∅∅(пауза 8 с) с-ы очень тём... [ы тёмным [тоном / и-и ∅∅∅(пауза 9 с) когда [человек с... ы смотр... ∅∅н-н ∅∅смо-о-т... когда люди смотрят [на ём (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.)*

Здесь, как и в ряде других примеров, хорошо видно, что в одном небольшом речевом фрагменте могут встречаться сразу несколько различных типов ХЯ. Видно, кроме того, что паузы хезитации могут быть разной длительности (длительность указывается рядом в скобках): (∅) – краткая, (∅∅) – более долгая и (∅∅∅) – сверхдолгая (более 5 с). Это сделано для того, чтобы учитывать наличие таких длинных пауз в дальнейшем анализе – например, при подсчете темпа речи говорящих.

Следует заметить, что в настоящем разделе работы используется понятие *синтагмы*, под которой, вслед за Л. В. Щербой, понимается возникающее в речи интонационно организованное фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое и состоящее из одной или нескольких ритмических групп (см.: [Щерба 1963: 86]).

2. Растяжка гласных

3) *я сначала я пытался-я ∅∅ учить / как водить машину / ну-у [не-е успел [ну не успел / потому что времени не хватает / а после этого я-я [с... плагируюс... (И2, муж., 3 ур., И, рассказ)*;

4) *мы-ы мп [то есть [то есть с-ы друзьям [*

друзьями / там [куда-то мп [ехать / ы-н что-бы-ы / посмотреть [н наш город (И9, муж., 2 ур., И, рассказ);

5) в каникулах / я могу-у / делать то что / я хочу / а-а [и-и [во время учёбы / у-у меня / у нас мало времени (И3, жен., 2 ур., И, рассказ).

Подобные растяжки на односложных (и однофонемных) словах (а-а, и-и) следует отличать от вставок неречевых звуков. Критерием их разграничения можно признать наличие у данных единиц грамматического значения. Так, в примере (5) перед нами явно разные единицы: говорящий сначала использовал противительный союз *а*, который задается самой структурой предложения (в каникулах / я могу-у / делать то что / я хочу – *а-а* во время учёбы / у-у меня / у нас мало времени), – и это квалифицируется как растяжка гласного, – а затем хезитирует, подбирая правильное, с его точки зрения, продолжение высказывания (и-и), – и здесь растяжки гласного нет, а есть вставка неречевого звука.

3. Растяжка согласных

6) слушай [слушать лекцию / и-и [м-м а-а [писать-ть э-э работы и так далее (И3, жен., 2 ур., И, рассказ);

7) ы-н [III (пауза 6 с) я собираюсь / так [н-н [проводить [свои каникулы / сначала [я хочу / ы-н [вместе с-с мамой и папой // ну-у сидеть дома (И7, жен., 3 ур., И, рассказ);

8) художник пыта... [пытается писать-ть / вид на Гатчинский дворец со стороны Длин... Длинного острова (И2, муж., 3 ур., И, описание несюж.).

Здесь, так же как и в предыдущем случае с гласными, следует отличать растяжку согласного, являющегося самостоятельным служебным словом (с-с мамой и папой), от вставки неречевого звука (м-м, н-н). Формально, впрочем, они практически никогда не совпадают.

4. Повтор-хезитация (П-Х)

Повтор-хезитация рассматривается лингвистами как неизбежный элемент спонтанного монолога (см., например: [Русская разговорная речь 1983; Бондаренко 1984]). Наш эксперимент показал, что П-Х встречаются во всех исследуемых типах монолога, и особенно часто – в свободных рассказах, что обусловлено, по-видимому, спецификой рассказа как наиболее спонтанного типа монолога:

9) например / н-н [каждая суббо-та [ы-н [каждая суббота / мне надо стирать [ы-н [стирать комнату (И4, жен., 3 ур., И, рассказ);

10) там мы остались всего два дня / и-и н-н [н погуляла ву-у музее / ву-у Красной Красную площадь (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);

11) как я провожу своё [свобо... [на время во время каникулы (И8, муж., 3 ур., А, рассказ);

12) там есть мос... [а мост а-а такой а который произведены из камня [из камен из камня / и-и ы справа / а не [н слева [дерево там [н-н н-н [есть н [что-то мен... металлические [металлические [ы-н т... ы-н [н монумент (И6, жен., 2 ур., И, описание несюж.).

Из примеров видно, что повтор-хезитация в спонтанной речи может быть двух типов:

- полный повтор: *каждая суббо-та* / ы-н / *каждая суббота*;

- повтор с коррекцией: *ву-у Красной Красную площадь*; *на время во время каникулы*².

Иными словами, хезитационные явления позволяют говорящему решать сразу несколько задач: например, как в этих контекстах: поиск продолжения речи и самокоррекция.

В примере (12) видно, что информант недостаточно хорошо знает грамматику русского языка (*произведены из камня* [*из камен из камня*), а порой использует не очень знакомые слова (*что-то мен... металлические* [*метальные* [*ы-н т... ы-н* [*н монумент*), что и порождает повторы-хезитации в его речи.

5. Обрывы (недоговоренное слово)

13) ес... если летом / мне понравится по... путешествовать в других городах (И1, жен., 2 ур., Э, рассказ);

14) через сорок дней / ы-н я-я вернулась [в Россию опять / н-н [ы-н в то е... ву-у в начале августа (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);

15) в Пекин / к своему научному руководителю / чтобы серьёзно обсуж... обсудить [а с ней / о моей [диссертационной работе / хотя / тс она пока ещё не сы... сырая (И7, жен., 3 ур., И, рассказ);

16) они они [как будто что [о чём-то [говорят / и вдАли / ы-н изображается очень [старый [дворец / н но мож... можно сказать что это за... дре... ста... // старый [замок (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.);

17) он хоте... [он хотел [чтобы ы [волосы очень быстро [растёт / а во втор... во втором во в... второй день когда он зас... [ы проснулся (И9, муж., 2 ур., И, описание сюж.).

Здесь также можно, по-видимому, говорить об обрывах слова разного типа:

- обрыв чисто хезитационный, с повтором оборванного слова (*ес... если; сы... сырая; мож... можно; во втор... во втором, в... второй день*);
- обрыв без повтора (*то е... ву-у в начале август; за... дре... ста...*);
- обрыв с коррекцией (*обсуж... обсудить; по... путешествовать; когда он зас... [ы проснулся]*³).

6. Слова-паразиты (асемантические частицы)

Под термином «слова-паразиты» понимаются «слова и выражения, которые могут употребляться в спонтанной речи достаточно большого числа говорящих с неоправданно высокой, с точки зрения слушающего, частотой» [Разлогова 2003: 158]. В материале исследования таких примеров обнаружилось не слишком много:

18) *но для меня каникулах / как любой там выхОдный день / ну // ну [я так люблю там во время каникулах там [с друзьями встречаться* (И8, муж., 3 ур., А, рассказ);

19) *в задней части главно это там дворец / и там [парк / лес // в правой части // там /// (пауза б с) там маленький [река / но всё / там [плыли [корАбли* (И8, муж., 3 ур., А, описание несюж.);

20) *ну в общем // картина / такая спокойна // в общей автор / нам [изображен такое спокойное [<со вздохом> состояние / ну как человек хорошо [себя [хорошо отдыхают* (И8, муж., 3 ур., А, описание несюж.).

Нельзя не отметить, что подобные единицы в русской речи китайцев занимают особое место в ряду используемых ими хезитационных явлений. Слова-паразиты свидетельствуют не только о том, что говорящий задумался в поисках продолжения речи, но также о том, что он уже много времени живет в России, много общается с русскоязычными носителями, для которых эта речевая особенность очень типична. Фактически здесь можно говорить даже о более высоком уровне владения информантами-китайцами русским разговорным языком, поскольку усвоить эту особенность спонтанной речи они могут только из длительного общения с русскими.

Кроме того, анализ показал еще и индивидуальную специфику речи конкретных говорящих. Так, И8, которому принадлежат контексты (18)–(20), часто использует такие чисто русские хезитативы, как *там, так* или *ну*, но при этом в его речи почти не встречаются, скажем, хезитацион-

ные паузы, заполненные неречевыми звуками.

7. Неречевые звуки (э-э, эм, м-м, ы-н, н-н)

21) *в конце июня мы закончили [а семестр / ы и [ы после экзамена я сразу же проехала в Китай / н я-я н-н [вс... н в Китае н я-я отдыхала и н-н [и погуляла / ы-н вс... н-н [всего через сорок дней* (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);

22) *мы можем обсудить интересную вещь в машине / сл... ы-н [я очень люблю отдохнуть на каникулы / н-н потому что на каникулы / мне ничего не надо подумать* (И10, муж., 3 ур., Э, рассказ);

23) *он [так рад / и-и [начал [н-н [ра-асы-ы... [н-н [н-н [расчёсыва... вал волосы [н-н // и-и [расчёсы... расчёсывал [вал волосы [н-н // и-и [расчёсывал [красиву-ую-ю [н-н [присАску* (И1, жен., 2 ур., Э, описание сюж.).

Из проведенного анализа выяснилось, что набор подобных неречевых звуков, заполняющих паузы хезитации, в русской речи китайцев оказался несколько шире, чем отмечено в научной литературе (см., например: [Александрова 2004; Степанова 2006; Метлова 2013]). Так, специфичными для китайцев можно считать такие звуковые комплексы, как *ы, н, ы-н* и *н-н*. Эту особенность можно объяснить тем обстоятельством, что в китайском языке для демонстрации мыслительного процесса люди часто используют именно такие звуковые единицы: *н-н* – “en” и *ы-е* – “e”.

8. Паралингвистические явления (ПЯ), сопровождающие естественную речь (<смех>, <кашель>, <вздох> и под.).

Паралингвистика как наука возникла в середине XX в., на пересечении лингвистики, семиотики, психологии, биологии и других направлений и отличается междисциплинарным характером (см. об этом подробнее: [Звуковой корпус... 2013: 221]).

Паралингвистика – составная часть невербальной семиотики (науки о знаках и знаковых системах), изучающей особенности невербального поведения человека. Существует широкое и узкое понимание этого термина. В самом широком смысле паралингвистика занимается невербальной семиотикой как таковой, т.е. не только звуковыми кодами, но и жестами (кинесика), языком глаз (окулесика), слуховым восприятием (аускультация), тактильными (гаптика), вкусовыми (гастика) ощущениями и запахами (ольфакция) [там же]. В более узком смысле, который положен и в основу настоящего исследования, паралингвистика сосредоточивает внимание

именно на звуковых кодах невербальной коммуникации и не затрагивает других разделов невербальной семиотики. Соответственно, единицей описания в паралингвистике будем считать *параязыковой элемент*.

Например, в свободных рассказах *вздых* чаще всего сопровождает какое-либо приятное воспоминание, на которое накладывается оттенок грусти. Это выражается также в совмещении *вздоха* со *смехом*. *Смех* – неоднородное явление: он не только может быть связан с юмором, но и быть беспричинным (как у детей) или возникать во взрослой аудитории в ситуациях, в которых нет ничего смешного (см. об этом подробнее: [Звуковой корпус... 2013: 223]).

В материале исследования довольно много примеров использования говорящими подобных парязыковых элементов:

24) *поэтому я предпочитаю во время [каникулах <вздых> // пойду на встречи / с друзьями* (И8, муж., 3 ур., А, рассказ);

25) *потом / ы-н мы [переехали [до свидания / ы-н потом мы <со смехом> [н переехали в Яро... Ярославль* (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);

26) *я ещё люблю / проводить время <со вздохом> / дома / что-нибудь с... [интересного [читать / или рассказ* (И8, муж., 3 ур., А, рассказ);

27) *на берегу с... [стояли [дама и господин / они смотрят на [людей которые [<со вздохом> там плыли / ну в общем // картина / такая спокойна // в общей автор / нам [изображен такое спокойное [<со вздохом> состояние / ну как человек хорошо [себя [хорошо отдыхают* (И8, муж., 3 ур., А, описание несюж.).

Так, например, запись речи И8 происходила рано утром, когда информант еще не выспался и чувствовал себя вялым и не вполне готовым к такого рода деятельности. Думается, что именно этим объясняются его вздохи во время рассказа даже о такой приятной вещи, как отдых на каникулах, – см. фрагменты (26) и (27).

Смех в примере (25) объясняется экстралингвистическим фактором: во время записи кто-то прошел мимо и попрощался с информантом; она ему ответила, что вызвало сбой в ее рассказе. Смех и явился реакцией на этот сбой.

9. Цоканье языком

28) *я собираюсь [много [дв... делать / э конечно [нужно *тс* [за... [заниматься то есть [э [нужно-о [приготовить кы-ы [пс... // при... ы готовиться кы-ы // диссер... диссертации* (И9,

муж., 2 ур., И, рассказ);

29) *хотя [тс она пока ещё не сы... сырая* (И7, жен., 3 ур., И, рассказ).

Подобное хезитационное явление довольно редко можно встретить в научной литературе среди типов ХЯ, см., например, одно из таких упоминаний: «Невербальные паузы, как правило, не являются элементами дискурса и могут возникнуть в любой момент диалога. Они могут быть вызваны смехом, покашливанием, прочищением горла. Длительность подобных явлений может сильно варьироваться. В связи с этим невербальные паузы отличают от артефактов – преимущественно коротких неречевых элементов, например, причмокивание, *цоканье языком* (курсив мой. – Ч. Ч.), звуки, связанные с громким дыханием» ([Кипяткова и др. 2012: 19]; некоторые примеры такого типа см. также: [Метлова 2013; Казак 2015]).

Хезитационный характер этих элементов достаточно очевиден, особенно, например, в контексте (28): после цоканья языком следуют две ПХ и обрыв слова (*нужно тс [за...]*), что подтверждает наличие хезитации в данном месте монолога. В примере (29) хезитационный характер цоканья поддерживается предшествующей физической паузой (*хотя [тс она...*).

Интересно отметить, что в монологах-описаниях материала исследования цоканье языком как ХЯ полностью отсутствует.

10. Причмокивание

Причмокивание (*мп*) как хезитационное явление отмечается в научной литературе (см., например: [Кипяткова и др. 2012: 19]), однако крайне редко и, как правило, без всяких иллюстраций. В нашем материале подобное явление встретилось неоднократно:

30) *н нужно [мне нужно / мп а собира... [собирать там [материал для [анализа / э-э этом летом мп [н ещё-ё // ы-н // н-н // в следующем [семестре / нам [ещё нужно [сдавать [тест [третьего уровня* (И9, муж., 2 ур., И, рассказ);

31) *я ещё собираюсь [мп э каждый день [немного занимаюсь [заниматься там [спортом / и-и ещё может быть [мп н [играть [в бас... баскетбол с-ы друзьями* (И9, муж., 2 ур., И, рассказ);

32) *ну [мп очень странно было / его волосы / после того как он прини... ы-н [использовал эликсир [«Радость воло...» ы [«Радость волос» / ы мп стали немного непослушным* (И7, жен., 3

ур., А, описание сюж.)

Думается, что и цоканье языком, и причмокивание, так же как все прочие виды хезитационных явлений, дают говорящему кратковременную передышку для принятия решения о продолжении речи или выборе нужного слова или выражения. В вышеприведенных примерах рядом с причмокиванием можно видеть и другие маркеры хезитации: неречевые звуки (а, э, н, ы-н, н-н), растяжки звуков (ещё-ё), обрывы слова (собира...), слова-паразиты (там) и физические ПХ. Важно отметить, однако, что в материале исследования причмокивание отсутствует в монологах-описаниях несюжетного изображения.

Важно, что в речи китайцев оба эти относительно редких типа ХЯ (цоканье языком и причмокивание) имеют место.

11. Метакоммуникативные вставки

Метакоммуникативными называют конструкции, которые «обращены говорящим к самому себе или к собеседнику, записывающему речь (экспериментатору), и чаще всего представляют собой сетования информанта на трудность задания, оценку своих способностей выполнить его или разговор с самим собой по ходу реализации этого сценария (своего рода вставной “текст о тексте”)» [Богданова 2008: 327]. В материале монологов-рассказов такой пример встретился только один, что можно объяснить сравнительно легким сценарием рассказа по сравнению, скажем, с описанием изображения:

33) *рядом с де... [н-н [с дере-вом / это [м-м [это [ща-ас [м-м / это что? // м-м [а [это с... степь (И1, жен., 2 ур., Э, описание несюж.);*

34) *он прини... ы-н [использовал эликсир [«Радость воло...» ы [«Радость волос» / ы мп стали немного непослушным / ы-н [щас [у него [волосы / длиной уже двух метров (И7, жен., 3 ур., А, описание сюж.);*

35) *он [н-н [уже стал [н-н [ужасный [человек [с длинными волосами / это какой [ы-н [кошмар / но-о [он-н [кри... кри.. кричал // н-н [кричал / плакал // и-и [н-н // как? // н-н [и-и [ы-н [вдруг // он-н [а [м-м [он вдруг [прос... проснулся (И1, жен., 2 ур., Э, описание сюж.).*

Наиболее важным результатом исследования можно считать специфические хезитационные явления, выявленные в ходе анализа материала, но не отмеченные в научной литературе.

12. Огласовка конечных согласных предлогов

Как можно предположить, это хезитационное явление связано с межъязыковой интерференци-

ей: для китайского языка в принципе нетипично стечение согласных, которое и разрезается гласной вставкой (см. об этом, например: [Чанг 1999: 37]). Примеров такого типа в материале исследования довольно много:

36) *играть [в бас... баскетбол сы-ы друзьями (И9, муж., 2 ур., И, рассказ);*

37) *ы-н пе... первый мы [н поехали ву-у Москву / там мы остались всего два дня / и-и н-н [н погуляла ву-у музею / ву-у Красной Красную площадь (И6, жен., 2 ур., И, рассказ);*

38) *картина «Вид на [Гатчинский дворец сы-ы Длинного [острова» (И10, муж., 3 ур., Э; описание несюж.);*

39) *эта картина изображается очень [ы-н мок... [(пауза 8 с) сы-ы очень тём... [ы тёмным [тоном (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.);*

40) *ы эта-а картина / Щукин [Щедрина / ы это называется это ы «Вид на-а Гатчинский дворец сы-ы [Длинного [острова» (И6, жен., 2 ур., И, описание несюж.);*

41) *а вечером когда он лежил ву-у [а на кровати / ы он хоте... [он хотел / чтобы ы [волосы очень быстро [растёт (И9, муж., 2 ур., И, описание сюж.).*

В связи с данным хезитационным явлением можно отметить несколько любопытных моментов. Во-первых, подобная огласовка встретилась исключительно в предлогах – и никогда в других случаях конечной позиции согласного в слове, даже коротком (дом, так).

Во-вторых, огласовка всегда сопровождается растяжкой гласного (су-у, ву-у, сы-ы).

В-третьих, выбор самого гласного осуществляется говорящим фактически только из двух: /у/ или /ы/. Причины такого явления пока неясны, оно требует специального исследования. Можно только отметить, что /ы/ в русской речи китайцев частотно и в качестве неречевого звука, заполняющего паузу хезитации.

13. Скандированное (с разбивкой на слоги) произнесение слова или его части

42) *слушаю [ы [музыку / смотреть фильм / или-и [путешествую [куда-то (И4, жен., 3 ур., И, рассказ);*

43) *перед нам / ы-н [стоят очень высокие н [(пауза 5 с) вы-ы-сокие дЕрева / а-а и два человека стоят [н на берегу (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.);*

44) когда [человек с... ы смотр... // н-н // смо-о-т... когда люди смотрят [на ём [н-н люди [могут со-чувствовать / н-н // (пауза 5 с) очень [не неприятно // и-и // и всё <смех и вздох> (И9, муж., 2 ур., И, описание несюж.);

45) недалеко от [дороги / ы-н [это [ы-н [какое-то озеро / большое / изумру-уд-ного цвета // изумрудного цвета (И7, жен., 3 ур., А, описание несюж.);

46) но дело [принимает [потихоньку при... ы **прини-ма-ла** [ы-н // н-н // плохой оборот / волосы у Алек... у Александра / стали [н двадцати (И7, жен., 3 ур., А, описание сюж.);

47) налево мы сразу видеть / а ещё-ё [ещё [один памятник / а-а и-и некоторые [люди которые-е стоятся у этого памятника (И2 муж., 3 ур., И, описание несюж.).

48) всё [ы-н [все [ы-н // стало / м-м // жи... [ы-н [жи-вы-ми (И1, жен., 2 ур., Э, описание несюж.);

49) пошёл в магазин / и-и хочу покупать [н-н [какой-то // н-н [для-я [растения-я [во-ло-сов // в магазинах (И1, жен., 2 ур., Э, описание сюж.).

В приведенных примерах хезитационный характер скандированного произнесения частей слов поддерживается, в частности, обилием физических ПХ: информант не знает точно, что говорить, и в результате произносит медленно слово за словом, задумываясь после каждого. В контекстах (42), (47), (49) перед скандированным словом можно видеть еще и физическую ПХ, а порой и растяжку гласного (*или-и*) – также хезитационные явления. В примерах (44), (48) перед скандированным словом присутствуют, помимо физических ПХ, еще и обрывы слов и неречевые звуки (*с... ы смотр... // н-н // м-м // жи... [ы-н*). Как можно предположить, в спонтанной речи одно хезитационное явление почти всегда сопровождается другим/другими, образуя своеобразные (и порой довольно длинные) хезитационные цепочки (ср. подобные наблюдения о вербальных хезитативах: [Звуковой корпус... 2015]).

14. Разрыв слова

50) ы-н [с-порттивно... [ы-н [ного клу... клуб... клуба (И4, жен., 3 ур., И, рассказ);

51) **потом... м-му-у** / по-моему / мне ещё нужно [немножко [готовиться (И9, муж., 2 ур., И, рассказ);

52) то есть / э [нужно-о [приготовить кы-ы

[пс... // **при... ы ...готовиться** кы-ы // диссер... диссертации (И9, муж., 2 ур., И, рассказ);

53) мы можем / н-н // видь... // н-н // **предпо... предпологало... предполо... предполо... га... лось** что // ы-н это весной (И1, жен., 2 ур., Э, рассказ).

Разрывая слово, информант получает также некоторую временную передышку для обдумывания продолжения своей речи. Это может быть:

- просто разрыв (*потом... м-му-у*);
- разрыв со вставкой другого ХЯ (*спорттивно... [ы-н [ного; при... ы ...готовиться*);
- разрыв после многократных обрывов того слова, которое вызвало у говорящего такие затруднения (*предпо... предпологала... предполо... предполо... га... лось*).

В примере (50) хорошо видны причины заминки говорящего: начав произносить прилагательное (*спорттивного*), И4 задумывается над падежной формой следующего существительного (*клуба*), от которой зависит и окончание прилагательного. Даже выбрав эту форму (Р. п. ед. ч.), И4 продолжает хезитировать уже на слове *клуба*, дважды обрывая его. По-видимому, она осталась в некоторой неуверенности, что выбрала правильную форму. По таким примерам хорошо видна работа самого механизма порождения речи, весьма специфического у говорящего на неродном языке. Подобное ХЯ – лишь одно звено хезитационной цепочки, свидетельствующей об общих затруднениях говорящего в построении монолога.

Видно, что спектр хезитационных явлений, которые информанты-китайцы используют в своей спонтанной русской речи, довольно широк и разнообразен. Причины их появления во многом схожи и обсуждаются по мере проведения анализа материала. По результатам выполненного исследования можно сделать ряд выводов.

Основные выводы

Что касается возможных причин появления хезитационных явлений в речи русскоговорящих информантов-китайцев, то анализ материала позволил выделить следующие их типы:

- недостаточное владение русским языком;
- общая неподготовленность (спонтанность) речи + дефицит времени;
- ошибка речи (оговорка), замеченная говорящим и исправленная, → повтор-коррекция;
- употребление слова, в том числе имени собственного, не существующего в русском языке (*духОй* вместо *душОй*);
- поиск небанального слова, в том числе имени собственного, незнакомого говорящему (*ху-*

дожник [эта /и кар... // картины ы-н Щедрин Щедрин /ы);

• межъязыковая интерференция (влияние китайской фонетики).

Результаты выполненного исследования могут быть использованы в обучении реальной коммуникации для повышения ее эффективности, при обучении речевому общению и анализу текста, в курсах теоретической фонетики русского языка, на практических занятиях по фонетике и на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ).

Примечания

¹ Все примеры в тексте статьи определенным образом атрибутированы: в скобках после речевого фрагмента указывается номер информанта (И1, И2 и т. д.), его пол (муж./жен.), уровень ТРКИ — 2-й или 3-й), психотип (И – интроверт, А – амбиверт, Э – экстраверт), а также тип монолога (сюж. / несюж. описание или рассказ). В перспективах исследования – установление корреляций между типами ХЯ и различными лингвистическими (тип текста-монолога) и экстралингвистическими (социо- и психологические характеристики говорящего) параметрами.

² В других терминах – здесь можно говорить о двух типах *операций отмены*, которые использует говорящий после «точки сбоя»: *нулевая отмена* (повтор без изменения) и *частичная отмена* (повторение элементов звуковой последовательности с какими-либо изменениями) (см. об этом подробнее: [Филиппова 2010; Звуковой корпус... 2013: 428]).

³ Такого рода обрыв может быть интерпретирован также как *оговорка* – ошибочно начатое слово, замеченное говорящим еще до конца произнесения и сразу же исправленное.

Список литературы

Александрова О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания: дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 208 с. (машинопись).

Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи: пособие по спецкурсу. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. ун-та, 2001. 186 с.

Богданова Н. В. Разные типы коммуникативных сценариев в спонтанной речи и «текст о тексте» как разновидность вставной конструкции // Русистика и современность: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. 26-28 октября 2007 г. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / науч. ред.

И. П. Лысакова. СПб.: Изд. дом МИРС, 2008. С. 326–334.

Бондаренко Л. П. Пауза колебания и порождение высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 158–166.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. 276 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. ун-та, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. ун-та, 2015. 364 с.

Казак М. В. Паузы хезитации в спонтанной речи на родном и неродном языках (на материале речи франкофонов): дисс. ... маг. лингв. СПб., 2015. 70 с. (машинопись).

Кипяткова И. С., Верходанова О. В., Ронжин А. Л. Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). С. 17–23.

Ли Х.-Й. Особенности реализации согласных в русской речи тайваньцев: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 275 с. (машинопись).

Метлова В. А. Темп речи и паузы хезитации в речи на родном и неродном языках. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. 79 с.

Разлогова Е. Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 6. С. 152–169.

Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1983. 240 с.

Степанова С. Б. Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV Междунар. филол. конф. 13-18 марта 2006 г. Санкт-Петербург. Вып. 20. Секция фонетики. Ч. 1. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006. С. 24–32.

Филиппова Н. С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 189 с. (машинопись).

Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 245 с.

Хуан П. Ж. Ошибки аудирования в ходе китайско-русского языкового контакта (на материале восприятия русской речи тайваньцами): дисс. ... маг. лингв. СПб., 2008. 95 с. (машинопись).

Чанг Ч. Г. Перцептивно-акустический анализ речи на неродном языке (на материале реализации русских парных звонких и глухих согласных тайваньцами): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 557 с. (машинопись).

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 7-е изд. М.: Высш. шк., 1963. 308 с.

References

Aleksandrova O. A. Recheckommunikativnyj status pauzy kolebania [Speech-Communicative Status of the Hesitation Pause]. Veliky Novgorod, 2004. 208 p.

Bogdanova N. V. Zhivye foneticheskie protsessy russkoj rechi: posobie po spetskursu [Live Phonetic Processes of Russian Speech: a Guide to a Special Course]. St. Petersburg, 2001. 186 p.

Bogdanova N.V. Raznye tipy kommunikativnykh stsenarijev v spontannoj rechi i "tekst o tekste" kak raznovidnost' vstavnoj konstruksii [Different Types of Communication Scenarios in Spontaneous Speech and "Text about Text" as a Kind of an Inset Construction]. Rusistika i sovremennost'. Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii. T. 1. Lingvokul'turologija i mezkul'turnaja kommunikatsija [Russian Studies and Modernity. Proceedings of X International Science-to-Practice Conference. October 26-28, 2007. Vol. 1. Cultural Linguistics and Intercultural Communication] / ed. by I. P. Lysakova. St.Petersburg, 2008. P. 326-334.

Bondarenko L. P. Pauza kolebania i porozhdenie vyskazyvanija [A Hesitation Pause and a Statement Production]. Eksperimental'no-foneticheskij analiz rechi: problemy i metody. [Experimental-Phonetic Analysis of Speech: Problems and Methods]. Leningrad, 1984. Vol. 1. P. 158-166.

Bondarko L. V. Fonetika sovremennogo russkogo jazyka [Phonetics of the Modern Russian Language]. St. Petersburg, 1998. 276 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Kollektivnaja monografija. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Russian Speech Analysis. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description] / ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Kollektivnaja monografija. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 2. Zvukovoj korpus kak baza dlja novykh leksikograficheskikh proektov [Speech Corpus as a

Base for Russian Speech Analysis. Collective monograph. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographic Projects] / ed. by N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg, 2015. 364 p.

Kazak M. V. Pauzy hezitatsii v rechi na rodnom i nerodnom jazykakh (na materiale rechi frankofonov) [Hesitation Pauses in Spontaneous Speech in Native and Non-Native Languages (Based on Speech of Francophones)]. St. Petersburg, 2015. 75 p.

Kipjatkova I. S., Verkhodanova O. V., Ronzhin A. L. Segmentatsija paralingvistikicheskikh fonatsionnykh javlenij v spontannoj russkoj rechi [Segmentation of Paralinguistic Phonational Phenomena in Russian Spontaneous Speech]. Vestnik Permskogo Universiteta. Serija: Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012. Iss. 2 (18). P. 17-23.

Lee H.-J. Osobennosti realizatsii soglasnykh v russkoj rechi tajvan'tsev [Features of Realization of Consonants in Russian Speech of Taiwanese]. St.Petersburg, 1999. 275 p.

Metlova V. A. Temp rechi i pauzy hezitatsii v rechi na rodnom i nerodnom jazykakh. Monografija [The Rate of Speech and Hesitation Pauses in Speech in Native and Non-Native Languages. Monograph]. Saarbrucken, 2013. 79 p.

Razlogova Je. E. K voprosu o spetsificheskikh upotreblenijakh modal'nykh slov: svova-parazity v russkoj i frantsuzskoj rechi [About the Specific Use of Modal Words: Parasite Filler Words in Russian and French Speech]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9. Filologija [The Moscow University Herald. Series 9. Philology]. 2003. № 6. P. 152-169.

Russkaja razgovornaja rech'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Zhest [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture] / ed. by Je. A. Zemskaja. Moscow, 1983. 240 p.

Stepanova S. B. Obshee i individual'noe v hezitatsijakh (na materiale russkoj spontannoj rechi) [General and Individual in Hesitations (Based on Russian Spontaneous Speech)]. Materialy XXXV Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferentsii [Proceedings of XXXV International Philological Conference. March 13-18, 2006. St. Petersburg. Iss. 20. Section of Phonetics. Part 1]. St.Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ. P. 24-32.

Filippova N. S. Printsipy postroenija ustnogo opisatel'nogo diskursa (na materiale russkoj spontannoj rechi) [Principles of Construction of Oral Descriptive Discourse (Based on Russian Spontaneous Speech)]. St. Petersburg, 2010. 189 p.

Fonetika spontannoj rechi [Phonetics of Spontaneous Speech] / ed. by N. D. Svetozarova. Leningrad, 1988. 245 p.

Huang P. J. Oshibki audirovanija v khode kitajsko-russkogo jazykovogo kontakta (na materiale vosprijatia ruskoj rechi tajvan'tsami) [Errors in Listening During Sino-Russian Language Contacts (Based on the Perception of Russian Speech by Taiwanese)]. St. Petersburg, 2008. 95 p.

Chang Ch. G. Pertseptivno-akusticheskiy analiz rechi na nerodnom jazyke (na materiale realizatsii

russkikh parnykh zvonikh i glukhikh soglasnykh tajvan'tsami) [Perceptual-Acoustic Analysis of Speech in Non-Native Language (Based on the Material of Realization of Russian Pairs of Voiced and Unvoiced Consonants by Taiwanese)]. St. Petersburg, 1999. 557 p.

Shcherba L. V. Fonetika frantsuzskogo jazyka [Phonetics of the French Language]. Moscow, 1963. 308 p.

**SPONTANEOUS SPEECH IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE:
ANALYSIS OF HESITATION
(a case study of Chinese students' speech)**

Cheng Chen

Postgraduate Student

Saint Petersburg State University

The paper considers spontaneous speech in Russian as a foreign language. Its aim is to examine hesitation markers in Chinese students' spontaneous speech in the Russian language. Therefore, the object of the paper is Chinese students' spontaneous speech in Russian; the subject is different types of hesitation markers in it. Hesitation is defined as 'a pause in locution caused by necessity for a speaker to think and speak at the same time in the course of speech production rather than by syntactical construction of the phrase'. Text is produced immediately in the moment of speech, which entails problems of selecting words or continuing speech. The data was gathered in accordance with the methods developed for the Balanced Annotated Text-Catalogue as a part of the Russian Speech Corpus. Informants were selected in such a way as to keep sociological balance (gender and level of proficiency – 2 and 3), they all underwent psychological testing (EPI for Chinese native speakers) in order to find out their psychological types (extrovert, introvert or ambivert). All monologues were recorded in two communicative scenarios – description of pictures and a free talk in response to the question "How do you spend your holiday time?" The data counts 30 spontaneous texts, three from each of ten informants.

Key words: Russian spontaneous speech; Russian as a foreign language; hesitation; hesitation pause; hesitation markers; speech corpus.

УДК 81'42

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФАТИЧЕСКОЙ БЕСЕДЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Наталья Анатольевна Прокофьева

к. филол. н., старший преподаватель кафедры речевой коммуникации

Санкт-Петербургский государственный университет

199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26. n.prokofieva@spbu.ru

В статье анализируются разновидности фатической беседы в медиадискурсе. Современные журналисты, стремясь ориентироваться на узкую целевую аудиторию, имитируют субъект-субъектное общение. В связи с этим всё чаще на страницах печатной публицистики появляются интервью, которые не соответствуют жанровым требованиям информационной или портретной разновидности жанра, а приближаются к нормам фатических жанров – светской беседы или дружеского разговора. В статье описываются жанровые черты таких интервью – фатических бесед, выявляется их интенциональность, анализируется форма репрезентации речевого материала, выделяются смысловые блоки текстов, логические связи между ними и, как следствие, доказывается фатическая природа проанализированных текстов. Анализу подвергаются стилистические особенности представленного речевого материала, демонстрируется его близость к разговорно-бытовому дискурсу.

Ключевые слова: фатическая речь; медиадискурс; речевые жанры; интенциональность; дружеский разговор; светская беседа.

Начиная с конца XX столетия изучение речевых жанров приобретает всё большую значимость. Неслучайно одно из ведущих научных изданий России называется «Жанры речи» (иницировано учёными саратовской лингвистической школы). К вопросам жанроведения учёные обращаются в стилистическом, психолингвистическом, риторическом и прочих аспектах [Дементьев 1999]. В данной статье жанр рассматривается с функционально-стилистических позиций как особая композиционная текстовая форма [Матвеева 2010: 100; Салимовский 2002; Дускаева 2004]. В основе нашего исследования лежит интенционально-стилистический подход к анализу текста, предложенный Л. Р. Дускаевой [Дускаева 2004; Медиатекст 2012]. Иными словами, мы исходим из того, что стилистика каждого отдельно взятого текста предопределяется типовыми чертами интенциональности, обусловленной в свою очередь не только экстралингвистическими факторами функционального стиля, но и более частными, идущими от конкретного дискурса.

Анализируя феномен фатики в медиаречи, мы обнаружили, что любой речевой жанр оказывается между двумя полюсами: фатическим и информативным. С этим соглашаются многие учё-

ные [Арутюнова, 1992: 52–79, Винокур 1993; Шмелёва 1997; Дементьев 1997; Матвеева 2010 и др.]. Ни одна ни другая коммуникативная задача не может быть представлена в общении в чистом виде, так как каждое речевое взаимодействие определяется иерархией частных интенций, в большей или меньшей степени выраженных в конкретном речевом взаимодействии. Следовательно, можно говорить лишь о приближении отдельно взятого речевого произведения к полюсу фатической или информативной речи.

Фатическая интенциональность в медиатексте представлена следующими целеустановками: установление, поддержка и размыкание контакта с аудиторией при главенствующей установке на продолжение взаимодействия [Корнилова 2013]. Таким образом, обращение к фатической речи оказывает воздействие на структуру текстов и привносит необычные, нетрадиционные элементы в публицистический материал, изменяя стилистико-композиционную оформленность жанра. К таким элементам относятся непривычные коммуникативные действия, фатические речевые жанры, включение околопредметной информации, выбор курьёзного информационного повода для публикации и т.д.

Речевые жанры, привычные для носителя языка в рамках разговорно-бытового дискурса, встраиваются в журналистские тексты, приспосабливаясь к требованиям медиадискурса. Эту особенность исследователи языка наблюдают достаточно давно [Чепкина 2000; Федосюк 2000; Формановская 2002], в первую очередь она проявилась в речевой практике радиожурналистов: с середины 90-х гг. XX столетия появляются передачи, которые ведут вдвоём, втроём, вчетвером². Такое явление вызвало волну критики, в которой радиожурналистика трактовалась как стёб, пустая болтовня. Со временем это мнение сошло на нет, и к 2000 г. сформировалось представление о том, что фатика является необходимой частью медиадискурса [Федосюк 2000]. Однако практика обращения к фатической речи не ограничивается радиодискурсом и проникает в печатную журналистику [Чернышова 2004; Андреева 2006]. Первоначально эта тенденция затрагивает глянцевого издания («Собака.ру», «Cosmopolitan» и под.), а затем и информационно-развлекательные (например, «Newsweek», в котором формируется разновидность журналистики, называемая инфотейнментом), и аналитические («Русский репортёр», «Огонёк» и проч.).

Наиболее ярко тенденция к использованию композиционно-стилистических средств фатической речи проявляется в диалогических жанрах (интервью, в частности, в его разновидности – портретном интервью), именно здесь наиболее удобно использовать практику бытового речевого поведения, привычного в повседневной жизни. В связи с этим в медиадискурс проникают элементы дружеского разговора и светской беседы.

Дружеский разговор, или разговор по душам, квалифицируется исследователями как национально-специфический речевой жанр, характерный именно для носителей русского менталитета [Дементьев 2010: 308]. Это «разговор о самом главном» [там же: 306]. Наверное, этот речевой жанр не может быть представлен в медиадискурсе полностью, однако его черты, как то: нейтральность фатических средств, гармонические и дисгармонические оценочные номинации, доверительность разговора автора с читателем, настроенность на понимание собеседника [Дементьев, 2010: 306–317] – узнаются в отдельных журналистских жанрах.

Анализ воздействия фатики на журналистский жанр интервью показывает, что, если в нём реализуется фатическая беседа (дружеский разговор), к его особенностям можно отнести следующее: 1) изменяется коммуникативный статус общающихся: в традиционном интервью журналист выступает модератором, организующим

беседу, ведущая речевая партия принадлежит собеседнику журналиста – часто специалисту в какой-то области; в фатическом диалоге отношения смысловых позиций становятся равными, часто неспециалисты ведут светскую беседу о том, что им интересно, этим обусловлено отсутствие глубокой аргументации, фактологических данных, мотивации в использовании оценочных средств; 2) в традиционном интервью преобладают книжные средства, разговорные употребляются лишь для воспроизведения диалогической формы, имитации живого общения, в фатической письменной беседе, наоборот, преобладающими становятся средства устно-разговорного диалога; 3) активно востребованы в фатическом диалоге средства завлекательности: каламбуры, метафоры, экспрессивно-оценочные средства; 4) большое внимание уделяется невербальным характеристикам поведения участников беседы (описываются в ремарках).

Одним из первых к практике включения в медиадискурс фатической беседы (дружеского разговора) обратился популярный журнал «Спб.собака.ру», позиционирующий себя как «Журнал о людях Петербурга». Это издание демонстрирует общие тенденции развития современных глянцевых журналов: фамильярный тон общения как реализация интенции установления контакта; ирония как основной вид оценки, ассоциативные ряды, демонстрирующие способ мышления, активное обращение к возможностям интертекстуальности, а также использование разных видов языковой игры – воплощение интенции поддержания и укрепления контакта.

Наиболее оригинальным и любопытным в рамках нашего исследования явлением в журнале оказывается уже исчезнувшая со страниц издания рубрика «Диалог». Её создателем и ведущим стал бывший главный редактор «Собаки.ру» А. Белкин, который представлен в материалах не как автор интервью, а как полноправный участник беседы. Перечислим названия некоторых материалов, опубликованных в 2004–2005 гг. в этой рубрике: *Диалог: Александр Флоренский, Владимир Шинкарев и Анатолий Белкин* (Спб.собака.ру. 2004. № 3); *Диалог: Александр Гафин и Анатолий Белкин* (Спб.собака.ру. 2004. № 7), *Диалог: Сергей Маковецкий и Анатолий Белкин* (Спб.собака.ру. 2004. № 9); *Диалог: Лев Додин и Анатолий Белкин* (Спб.собака.ру. 2005. № 1). Эти заголовки представляют собой анонсы, вынесенные в содержание журнала, тогда как каждый материал имеет собственное заглавие (см. об этом: [Корнилова, Прохорова 2012]). Наиболее значимым нам кажется то, что журналист уже в анонсе заявлен как человек, способный привлечь внимание аудитории сам по себе.

Он представлен не как ведущий, модератор беседы, а как её равноправный участник. Известно мнение, что задача журналиста во время интервью помочь раскрыться собеседнику. В материалах этой рубрики журналист не стесняется говорить о себе. Приведём небольшой пример речевого взаимодействия из рубрики «Диалог» как образец фатической беседы в рамках медиадискурса:

Белкин: *Я к вам пришёл в качестве редактора такого странного, бессмысленного журнала «Собака».*

Додин: *Название знакомое.*

Белкин: *Вы его видели?*

Додин: *Нет, не видел.*

Белкин: *Там красивые картинки. Он существует уже пять лет.*

Додин: *Мне говорили, что это очень хороший журнал, но не успеваю...*

Белкин: *Это я понимаю.*

Додин: *У вас журнал с каким-то уклоном?*

Белкин: *Я пытаюсь его делать всё более и более идиотическим, но у меня настолько умная редакция, что не получается.*

Додин: *Идиотическим в каком смысле? Парадоксальным?*

Белкин: *Ну да, каким-то таким...*

Додин: *Отвязным?*

Белкин *(хмыкает): Мне очень нравятся термины «отвязный» и «вставил». «Спектакль «вставил»».*

Додин: *Да, ещё «прикольный». «У вас такой прикольный спектакль». Почему прикольный?*

Белкин: *У меня сейчас выставка проходит, я тайне готовил её три года. (Анатолий Белкин и Лев Додин // Спб.собака.ru. 2005. № 1. С. 106).*

Можно отметить, что А. Белкин позиционирует себя как такого же героя интервью, каким является его собеседник. Его реплики — это не столько вопросы, сколько приглашение к беседе на равных. Это средство установления контакта, создания «своего» круга общения. Именно такого речевого поведения ждут читатели журнала, которым важно осознавать свою принадлежность к светским кругам Петербурга, — отсюда любовь сленговыми лексическими единицами (*отвязный, вставил, прикольный*) и фамильярная манера поведения собеседников.

В представленном речевом взаимодействии смысловые позиции инициатора речи и собеседника абсолютно равны. О таком своеобразном самораскрытии говорил Б. Лещинский: «Надо, чтобы моим героям было интересно со мной. Не вызвав к себе доверия, не проявив любопытства к человеку и его мыслям, участия к его судьбе, материал с откровениями не получишь» [цит. по: Ляшенко 1991: 70]. Чтобы человек раскрылся,

журналист должен сделать первый шаг, и для журналистов, ведущих фатическую беседу, этот шаг состоит в том, чтобы не бояться самим раскрыться и суметь рассказать о собственных интересах, мыслях.

Развитием этого подхода к интервью являются диалоги, в которых два профессионала ведут разговор друг с другом (иногда с посредником). Такой способ создания текстов взят за основу и возведён в принцип в журнале «Andy Warhol's Interview», выходящем в России с 2011 г. Основной установкой журналистов этого издания как раз и является демонстрация публичной персоны с неожиданной стороны — как обычного человека, такого же, как и сам читатель, что позволяет сократить дистанцию между медиаперсоной и аудиторией издания. Установление контакта и ожидание продолжения взаимодействия реализуются в иллюзии вхождения в круг «звёзд».

Оформление таких интервью изменяется в соответствии с особенностями предъявления речевого материала: читателю такие интервью представляются записью дружеской беседы. Без сомнений, речь героев материала проходит определённую обработку, чтобы соответствовать нормам книжно-письменной речи, однако подчёркнуто соблюдаются особенности речи спонтанной, неподготовленной, импровизированной. Каждая реплика собеседников выделяется абзацем и ей предшествует фамилия или имя произносящего её человека (персонажа) — это соответствует оформлению реплик героев драматического произведения³. Значимую роль играют авторские ремарки: они необходимы, чтобы дать представление читателю о важных деталях коммуникативной ситуации и создать эффект присутствия:

ТОМ: *Миа, а давай начнём интервью нестандартно. Вот наша партнёрша по «Багровому пику» Джессика Честейн до смерти боится акул. И я её страх разделяю, но не могу отказать себе в удовольствии поплескаться в море. Просто далеко не заплываю. (Смеётся.) А ты чего боишься?*

МИА: *Людей. (Делает серьёзное лицо.) Похоже на страх одиночества — в обоих случаях пугает неизвестность.*

(Миа Васиковска⁴ // Andy Warhol's Interview. 2015. Октябрь-ноябрь, № 35. С.116.) Далее по тексту встретятся такие ремарки: *задумчиво вздыхает, смеётся, улыбается*. Все эти указания на невербальное поведение участников беседы призваны показать непринуждённость обстановки, установить контакт с читателем путём приглашения его к общению. (См. также: интервью Ренаты Литвиновой и Татьяны Толстой в журнале «Andy Warhol's Interview». 2012. Сентябрь, № 9. С.146–155.)

Проследим, как развивается разговор. Первый смысловой блок, представленный выше, выполняет функцию установления контакта: читатель включается в своеобразную игру – следит за непредсказуемыми поворотами мыслей участников беседы. Здесь развивается микротема «страх», обсуждение которой выходит на другую микротему, связанную с первой ассоциативными связями, – тему неизвестности, к которой по тому же принципу примыкает микротема «боязнь призраков»:

ТОМ: Вот привидения ещё – тоже часть этой самой неизвестности. В детстве я верил в призраков. Когда учился в школе-интернате, даже думал, что вижу их. Вставая среди ночи в туалет, трясся при мысли, что вот сейчас меня схватит зелёная рука.

МИА: Я думаю, в основе всех историй так называемых очевидцев, заставших призраков, – их страх перед необъяснимым. Лично я не знаю, верю я в привидений или нет... Не встречалась с ними пока что.

Развитие беседы идёт по законам фатического общения: смысловые блоки интервью связаны друг с другом по принципу ассоциативного мышления, каждый смысловой блок пересекается с предыдущим случайными, подчас совершенно неожиданными смыслами – вторичными, периферийными, неочевидными. Они больше связаны с индивидуальным восприятием действительности, чем подчиняются общим законам логического мышления. Именно эта особенность рассчитана на укрепление контакта: казалось бы, бессмысленный разговор, но неожиданность его развития увлекает аудиторию:

ТОМ: Я тоже. Правда, когда посещаю старинные замки в Европе, испытываю дискомфорт. И точно знаю, что камни, из которых они построены, способны хранить и накапливать энергетику прошлого, создавать некое поле. Особенно если в замке творились тёмные дела. Убийства, например.

МИА: Понимаю, о чём ты. Мне кажется, вера в потусторонний мир даёт людям надежду на жизнь после смерти. (Задумчиво вздыхает.) А ты хотел бы знать, что с нами будет, когда мы умрём?

Микротемы, представленные во фрагменте, – старинные замки, жизнь после смерти. Ассоциативность связи между смысловыми блоками текста компенсируется ситуацией общения, presupпозицией: речь идёт о предстоящей премьере мистического фильма, главные роли в котором исполнили участники интервью – Том Хиддлстон и Миа Васиковска. Именно поэтому в центре внимания героев оказывается семантиче-

ское поле *мистика* и всё, что с ним может быть связано.

Как видно из интервью, содержание беседы не имеет непосредственного отношения к заявленной теме (информационный повод публикации сформулирован так: *15 октября: на экраны выходит «Багровый пик» - хоррор мексиканского гуру мистики Гильермо дель Торо*). Это объясняется тем, что в дружеской беседе, при свободном обмене репликами, ее развитие совершенно непредсказуемо. Именно такой, свободный, ход развития диалога и представлен в журналистском материале. Эта беседа ни к чему не обязывает. Информативная составляющая здесь почти нулевая: прагматическая информация практически отсутствует, происходит её подмена коммуникативной информацией – информацией о самих говорящих, их отношении друг к другу, к себе самим, их речевому взаимодействию и т.д. Личностный аспект коммуникации – то, что привлекает читателя журнала.

ТОМ: Ни за что! Я задумываюсь о таком, только если это нужно для роли. Помнишь знаменитую фразу театрального педагога Сэнфорда Мейснера? «Актёрская игра – это правдивое поведение в воображаемых обстоятельствах». И в этом случае нам действительно нужна вера в то, что мы делаем. Согласна?

МИА: Ну да. А ещё каждому актёру по-человечески важно знать, что он не одинок. Верить в партнёра, чувствовать его поддержку. Помнишь, как мы снимали ту сцену вальса?

Новые микротемы уводят беседу совершенно в другое русло: вера в жизнь после смерти, подход к актёрской игре, необходимость поддержки партнёра. Обратим внимание на то, что в этом фрагменте в подтекст уводится намёк на знание, доступное только участникам разговора (*Помнишь, как мы снимали ту сцену вальса?*). Основная цель разговора – налаживание контакта между собеседниками и с читателем. В отношении же этого фрагмента можно говорить о средстве укрепления контакта с читателем путём введения в текст интриги. Одной из интенций создания этого материала является побуждение к просмотру фильма, а интрига, загадка, требующая разрешения, становится одним из поводов сходить на премьеру. Кроме того, обращение к известному собеседникам знанию как создание «своего» круга общения является одной из особенностей дружеского общения. Такой элемент поддерживает впечатление о том, что перед нами именно фатическая беседа (дружеский разговор).

ТОМ (смеётся): Да-а, свеча, которую мы держали, ни разу не погасла – так плавно и синхронно мы двигались. Весь танец сняли одним

дублем! И ведь никто из команды не верил, что это возможно.

МИА: А мне до сих пор жаль нашего партнёра – несчастного пса Бэтмена, которого тренер на съёмках замучил командами. Всё-таки использовать собак и любую живность для работы в кино негуманно. Пора уже перейти на компьютерную графику, что ли. А в титрах писать: «Продукцию не тестировали на животных». (Улыбается.) Эх, скорее бы фильм смонтировали... Мне не терпится посмотреть, что там у нас получилось.

Обратим внимание на языковую игру: шутка, реализуемая в речи персонажа, связана с нарушением контекстных связей: обычно фраза *Продукцию не тестировали на животных* используется в семантическом поле, связанном с продуктами питания или косметикой, а ее применение в нехарактерном для нее поле, связанном с киноиндустрией, формирует комический эффект.

Микротемы этого фрагмента: сцена из обсуждаемого фильма, жалость к псу – участнику съёмки, нетерпение увидеть итог работы. У читателя формируется стойкое представление о том, что перед ним действительно разворачивается дружеская беседа, в которой интересы стороннего участника вообще не учитываются. Перед нами диалог, подлинно понятный только двум его участникам. Таким образом реализуется ещё одна особенность современного медиадискурса – ориентация на субъект-субъектное общение, имитация межличностной, а не массовой коммуникации. И в завершающем фрагменте интервью это впечатление закрепляется ещё больше:

ТОМ: Что, и коленки перед премьерой не дрожат?

МИА: Дрожат ещё как!

ТОМ: Ладно, уговорила. Буду держать тебя за руку во время просмотра.

Перед нами пример дружеского взаимодействия, представленного в несколько фамильярной речевой форме. Отметим здесь, что текст, конечно, переводной, но беседа записана именно для русского *Interview* двуязычным журналистом, который переводит, сохраняя стилистическое своеобразие речи. Сам заключительный фрагмент только подтверждает сделанные нами выше наблюдения о реализации межличностной коммуникации в медиадискурсе. Информативная составляющая текста минимальна, доминирующей интенцией остаётся вступление в контакт и приобщение к определённой среде общения, в данном случае – светской, богемной.

Чтобы быть объективными в своих выводах, обратимся ещё к одному материалу – русскоязычному и попытаемся сравнить содержатель-

ные и стилистические характеристики двух текстов.

Возьмём для примера интервью Галины Тимченко, опубликованное в «*Interview. Газете*» – приложении к журналу «*Andy Warhol's Interview*» (*Interview. Газета. 2015. Октябрь–ноябрь, № 4. С. 91*).

Заголовочный комплекс публикации представлен рубрикой, заголовком и лидом. Рубрика *Правдамёт года* уже рассчитана на привлечение внимания русского читателя: неологизм, заключённый в названии рубрики, образован по продуктивной модели словообразования, востребованной в современном русском языке, однако вместо соединительной гласной –*О*- сохранена –*А*-. Такая языковая игра привлекает читателя и становится средством установления контакта.

Заголовок публикации представлен именем: *Галина Тимченко*. Это прецедентное имя, способное привлечь знающую публику, и в данном случае заголовок становится средством укрепления контакта. Обратим внимание, что интервью берут сразу два журналиста – Иван Колпаков и Илья Красильщик, но их имена не называются в заголовке, а следуют после лидирующего абзаца. Основной акцент делается на персоне Галины Тимченко.

Лидирующий абзац информативен и даёт представление читателю, о чём пойдёт речь в тексте: *Как работает в Риге главному редактору интернет-СМИ Meduza, поставляющего в Россию только самые свежие и честные факты, - узнали её заместитель и издатель. Говорили прямо в редакции, в разгар новостного дня. Шорт-лист главных событий года от гуру журналистики прилагается.*

Основная интенция, реализуемая в лиде, – укрепление контакта с читателем, пояснение значимости публикации. Обратим внимание, что главная информация, содержащаяся здесь, – описание коммуникативной ситуации, в которой разворачивается общение: *узнали её заместитель и издатель. Говорили прямо в редакции, в разгар новостного дня*. Это важно, потому что позволяет судить об отношениях между участниками речевого взаимодействия. Как говорилось выше, значимость в публикациях такого рода приобретают неречевые характеристики. Отметим также мелиоративную (положительную) оценку, заключённую в слове *гуру*, характеризующем главного персонажа текста. «*Гуру*» обычно используется в значении «учитель», здесь, в контексте, это слово больше приобретает значение «профессионал», такая языковая игра придаёт шутливую тональность тексту, настраивая читателя на соответствующую волну общения.

Итак, в лиде заявлено, что перед нами интервью с выдающимся журналистом современности, и вот первые реплики диалога:

ТИМЧЕНКО: Я не хочу! Я стесняюсь!

КОЛПАКОВ: Шеф, вы стесняетесь давать интервью? Почему?

ТИМЧЕНКО: Я не всем стесняюсь давать интервью, а только своим. Отстаньте.

КРАСИЛЬЩИК: Надо попробовать. Вопрос первый: как тебе в Риге живётся?

С первых строк текста мы его воспринимаем как запись дружеской беседы: представленный текст максимально приближен к разговорной речи. Об этом свидетельствует отбор лексики (*не хочу, стесняюсь*), акцент на личностном восприятии действительности (в центре материала «я» Г. Тимченко, на котором концентрируются как интервьюеры, так и интервьюируемый), восклицательная интонация предложений имитирует речь капризного ребёнка, причём эти восклицательные по интонации реплики предшествуют вопросам интервьюеров (*Я не хочу! Я стесняюсь!*). Всё это наводит на мысль о несерьёзности материала, о том, что перед нами пример речевого хулиганства. В тексте заложена коммуникативная информация (информация о собеседниках, их взаимоотношениях, отношении к предмету речи и проч. [Андреева, 2006: 37]), но не общественно значимая информация (о социально значимых, не личностных проблемах), которая могла бы быть интересна широкой общественности.

Обратим внимание на форму обращения собеседников друг к другу: один из журналистов использует форму вы-обращения, другой – ты-обращения. Это – свидетельство степени личного знакомства, что создаёт у читателя впечатление подлинного участия в разворачивающемся коммуникативном взаимодействии.

В связи с тем что информативная составляющая очень низка, а на первый план выходит фатическая составляющая, интерес представляет сама беседа, её развитие. Читателю просто интересно, к чему же приведёт обмен репликами, он следит за ассоциативным рядом, что служит поддержке и укреплению контакта:

ТИМЧЕНКО: Одиноко. Каждый день говорю себе: сегодня поеду на море. Но проходит два месяца лета – и понимаю, что на море была один раз, когда позвали в гости в Юрмалу.

КРАСИЛЬЩИК: А если тебе прямо сейчас предложили бы поехать обратно в Москву?

ТИМЧЕНКО: Не поеду. Тут я ощущаю особенный кайф: только от меня всё зависит. Уровень свободы такой, что если облажался – значит, сам, успех – тоже сам, работаешь сам, платишь сам.

Говоря о связях между смысловыми блоками, мы приходим к выводу, что перед нами тот же принцип ассоциативного мышления, который мы наблюдали в предыдущих примерах: нежелание давать интервью – жизнь в Риге – одиночество – море – переезд в Москву – уровень свободы в работе и т.д. Читатель из подтекста восстанавливает логические звенья, опущенные в разговоре.

Предметом публикации становится человек (как индивидуальность, личность), т. е. читатель приглашается к разговору благодаря персонализации общения, и это становится средством установления контакта с потенциальной аудиторией. В этом контексте средством удержания внимания становится апелляция к фоновым знаниям как установление общности интересов героя публикации и читателей. Большую значимость получает подтекст:

КОЛПАКОВ: А вы хотя б раз за этот год жизни в Риге задумывались, что сейчас всё это может закончиться и придётся вернуться?

ТИМЧЕНКО: Закончиться может всё что угодно. И вообще, мы все в конце умрём. Но мысль вернуться в Москву сейчас меня повергает в ужас. Там всё быстро, душно, грязно, никто не соблюдает договорённостей. Можно назначить встречу и опоздать, потому что якобы пробки. Можно совсем не прийти, не перезвонить. Суета, ненависть, война всех со всеми – нет, не хочу.

КОЛПАКОВ: Зато в Москве ты предоставлен сам себе. Поехал на работу – но по дороге между домом и офисом можешь оказаться где угодно, с тобой может случиться всякое.

Этот разговор ориентирован на русского человека, живущего в современной России. В нём даётся видение русской действительности с реалиями нашего быта, поэтому и создаётся «свой» круг общения, которому будут понятны сетования и жалобы говорящих, и следующий фрагмент текста – тому подтверждение:

ТИМЧЕНКО: Ну здесь мы, конечно, как в деревне живём. Все про всех знают. Хотя больше всего меня в рижской жизни бесит, что я московские привычки сюда перевезла. Например: я живу в мансарде, у меня есть терраса. И вместо того, чтобы выйти туда с чашечкой кофе – я открываю ноутбук. Боком на стол облокочусь кое-как, не глядя завариваю кофе и таращусь в монитор – а лучше бы пошла дышать воздухом или завтракать в кафе. Хорошо ещё, что есть приятели, которые меня по субботам и воскресеньям вытаскивают на бранч.

Здесь сформировано представление о занятости и привычках жителей столичных городов. Разговор продолжает развиваться по принципу ассоциативных связей, читатель следит за ходом

беседы, но, вероятно, если задать ему вопрос, о чём текст, он не сможет дать однозначного ответа. В этом смысл подобных публикаций: в современном обществе, пресыщенном информацией, человек начинает предпочитать установление контакта информативному речевому взаимодействию. Следующий смысловой блок – переход к новой теме, совершенно не обусловленной предыдущими размышлениями:

КОЛПАКОВ: Давайте про профессию тогда. Мне кажется, у журналистов есть срок службы. Вот сейчас мы видим много ветеранов, которые явно выдохлись. Как футболисты, уже отыгравшие свои лучшие матчи. А редактор может быть «просроченным»?

Дружеская беседа, ведущаяся в шутовском тоне, предполагает обращение к игровым возможностям языка, в этом фрагменте мы можем наблюдать такую языковую игру: «срок службы» обычно говорят о каком-либо предмете, вещи, не о человеке, так же как слово «просроченный» связано с семантическим полем «продукты». Контекстное окружение этих слов в примере позволяет говорить о шутовском отношении к предмету речи, несерьёзности вопроса. Обратим внимание, как отвечает на заданный вопрос герой публикации, насколько очевидны скачки от одной мысли к другой без логических связей между смысловыми блоками ответной реплики:

ТИМЧЕНКО: Я слишком поздно стала редактором, поэтому, как бы поточнее сказать, не наелась ещё. (Вопрос был о внешней оценке деятельности, а не о внутреннем состоянии, ощущении себя в профессии.) Но много лет назад я дала себе слово не иметь дела с финансами. (Как связана эта мысль с предыдущей? Вероятно, опущено логическое звено: работа редактора связана не только с текстами, но и с финансовой деятельностью издания и проч. Налицо соотнесённость текста с таким типом речи, как практическое рассуждение (типично для разговорного дискурса), для которого характерен пропуск необходимых логических звеньев. Журналистов не останавливает то, что текст должен быть понятен с первого прочтения и читатель должен воспринимать все мысли сходу.) Работа в «Ленте», я свято это соблюдала. (Подразумевается знание, общее для читателя и участников беседы, что Г. Тимченко работала в другом интернет-проекте.) То есть я всегда отчитывалась за расходы, но не занималась зарабатыванием денег напрямую. Здесь я в какой-то момент сказала себе: хватит бояться, пора взаимодействовать с деньгами, с бизнес-процессами. Начала вникать в цифры и графики большие, чем в тексты. (Здесь уже даётся представление о характере деятельности редактора, о

новой для говорящего деятельности.) *Теперь сесть и вчитаться в текст – каждый раз усилие. Если это только тема не та, которая ужасно мне интересна.*

Обобщая, можно сказать, что основная интенция говорящего – поделиться личными впечатлениями, и именно личностность, персонализация общения становится доминантой интервью. Читателю интересен человек в его индивидуальности, и именно короткая дистанция общения привлекательна в такого рода текстах. При этом в интервью затрагиваются самые разные темы, интересные любому человеку: от жизненного предназначения и профессионального долга до бытовых мелочей. Именно такая беседа обо всём и ни о чём и становится ожидаемой в анализируемом издании, подобные материалы служат укреплению контакта с аудиторией и установке на продолжение общения, речевого взаимодействия.

Заключающий смысловой блок тоже вводится по принципу ассоциаций:

КОЛПАКОВ: Сильно тошнит от людей, с которыми вам здесь приходится быть запертой в одной клетке?

ТИМЧЕНКО: Вообще нет. Вы же заметили, мы почти не общаемся по выходным. (Смеётся.) А если я вдруг пытаюсь о работе поговорить, то сто раз извинюсь.

Как видим, перед нами журналистский текст, который чрезвычайно сложно отнести к какому-либо из традиционно выделяемых жанров. Это не информационное интервью, в котором «есть человек, который представляет интерес для аудитории либо как источник информации, либо как человек, а журналист беседует с ним в интересах читателя» [Русская речь 2011: 206]. Совершенно очевидно, что в нашем примере журналист ставит перед собой задачу создать контакт с читателем, реализовать коммуникативную ситуацию общения ради общения, в результате чего укрепить контакт и при размыкании контакта сформировать у читателя желание продолжать коммуникацию в дальнейшем.

Доминирующими интенциями оказываются фатические: установление, укрепление и поддержание контакта с читателем. Интервью, реализованное в русле фатического речевого поведения, превращается в разговор ради разговора – фатическую беседу, которая может тяготеть к светской беседе (ни к чему не обязывающему общению, как в примере интервью с Миа Васиковска) или к разговору по душам (беседе «о самом главном», по В. В. Дементьеву, как в примере интервью с Галиной Тимченко).

Подводя итоги, скажем, что в современном медиадискурсе востребованы интервью, инфор-

мативность которых тяготеет к представлению интервьюируемого не как источника информации, а как самого по себе интересного человека, при этом журналист намеренно устанавливает короткую дистанцию общения с читателем, имитируя субъект-субъектную коммуникацию. Развитие диалога (полилога) происходит по ассоциативному принципу, характерному больше для разговорно-бытового дискурса, чем массмедийного. Собеседники привносят в общение привычные им в повседневном общении способы ведения беседы, отбора и сочетания языковых средств. Сужение целевой аудитории изданий формирует установку на межличностную коммуникацию в общении «журналист – аудитория», поэтому можно говорить о реализации в массмедиа жанра фатической беседы, имеющей черты светской беседы или разговора по душам. Любопытным представляется дальнейшее исследование черт этих фатических жанров в речевой практике современных массмедиа.

Примечания

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-34-01028.

² См.: «Мурзилки INTERNATIONAL»: эфир «на троих» // Огонёк. 2006. 17–23 июля. №29. С. 41.

³ Ср.: Петербургский театральный журнал. 2015. № 4 (82).

⁴ Обратим внимание на заголовок интервью: он представляет собой просто имя главного героя, также обычной практикой является название таких материалов совокупностью имён участников беседы.

Список источников

Петербургский театральный журнал. 2015. № 4 (82).

Спб.собака.ru. 2004. № 3.

Спб.собака.ru. 2004. № 7.

Спб.собака.ru. 2004. № 9.

Спб.собака.ru. 2005. № 1.

Andy Warhol's Interview. 2012. Сентябрь, № 9.

Andy Warhol's Interview. 2015. Октябрь–ноябрь, № 35.

Interview. Газета. 2015. Октябрь–ноябрь, №4.

Список литературы

Андреева С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции. М., 2006. 192 с.

Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 52–79.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 159–206.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993. 172 с.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М., 2010. 600 с.

Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004. 276 с.

Корнилова Н. А. Фатическая речь в массмедиа: композиционно-стилистические формы: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 229 с.

Корнилова Н. А., Прохорова К. В. Фатические маркеры в заголовочном комплексе текстов СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 138–143.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999. 320 с.

Ляшенко Б. П. Радио без тайн. М., 1991. 222 с.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д, 2010. 562 с.

Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. ст. /отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб., 2012. 250 с.

Русская речь в средствах массовой информации. Речевые системы и речевые структуры / под ред. В. И. Конькова, А. Н. Потсар. СПб., 2011. 399 с.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002. 236 с.

Федосюк М. Ю. Публичная фатическая речь // Речеведение: научно-методические тетради. Великий Новгород, 2000. №2. С. 19–28.

Формановская Н. И. Культура общения и русский речевой этикет. М., 2002. 236 с.

Чепкина Э. В. Русский журналистский курс: Текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000. 280 с.

Чернышова Т. В. Фатическое общение как социальный символ коммуникации (на материале текстов печатных СМИ) // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер. история, филология, философия и педагогика. Барнаул, 2004. № 4. С. 46–51.

Шмельёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88–99.

References

Andreeva S. V. Rechevyje edinitsy ustnoj russkoj rechi: sistema, zony upotreblenija, funktsii [Speech units of the oral Russian speech: system, zone of use, functions]. Moscow, 2006. 192 p.

Arutjunova N. D. Dialogicheskaia modal'nost i javlenije tsitatsii. Chelovecheskij factor v jazyke. Kommunikatsija, modal'nost, dejksis [Dialogical modality and phenomenon of citation. Human factor in language. Communication, modality, deiksis]. Moscow, 1992. P. 52–79.

Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. Bakhtin M. M. Sobranije sochinenij v 7 t. [The Problem of speech genres. Bakhtin M. M. Collected works in 7 vols.] Moscow, 1996. Vol. 5. P. 159–206.

Chepkina E. V. Russkij zhurnalistskij diskurs: Tekstoporozhdajushchie praktiki i kody [Russian journalistic discourse: Text-generating practices and codes]. Ekaterinburg, 2000. 280 p.

Chernyshova T. V. Faticeskoje obshchenie kak sotsial'nyj simbol kommunikatsii (na materiale tekstov pechatnykh SMI) [Phatic interaction as a symbol of social communication (on the material of printing media)]. Izvestija Altajskogo gosudarsvennogo universiteta. Serija istorija, filologija, filosofija i pedagogika [Bulletin of Altai State University. History, philology, philosophy and pedagogical series]. Barnaul, 2004. Iss. 4. P. 46–51.

Dementjev V. V. Faticeskije rechevyje zhanry [Phatic speech genres]. Voprosy jazykoznanija [Questions of linguistics]. Moscow, 1999. Iss. 1. P. 37–55.

Dementjev V. V. Teorija rechevykh zhanrov [Speech genres theory]. Moscow, 2010. 600 p.

Duskaeva L. R. Dialogicheskaia priroda rechevykh zhanrov [Dialogic nature of speech genres at press]. Perm, 2004. 276 p.

Fedosjuk M. U. Publichnaja faticeskaja rech [Public phatic speech]. Rechevedenije: nauchno-metodicheskie tetradi. Iss.2 [Speech Studies: scientific-methodical notes]. Velikij Novgorod, 2000. P. 19–28.

Formanovskaja N. I. Kul'tura obshchemija i russkij rechevoj etiket [Communication culture and Russian speech etiquette]. Moscow, 2002. 236 p.

Kornilova N. A. Faticeskaja rech v massmedia: kompozitsionno-stilisticheskie formy. Diss. kand. filol. nauk [Phatic speech in mass media: compositional and stylistic forms. Cand. philol. sci. diss.]. St Petersburg, 2013. 229 p.

Kornilova N. A., Prokhorova K. V. Faticeskije markery v zagolovochnom komplekse tekstov SMI [Phatic markers at headline complex of mass media texts]. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. Issue 4 (20). 2012. P. 138–143.

Kostomarov V. G. Jazykovej vkus ehpokhi [Language taste of epoch]. St Petersburg, 1999. 320 p.

Ljashenko B. P. Radio bez tajn [Radio without secrets]. Moscow, 1991. 222 p.

Matveeva T. V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Complete dictionary of linguistics terms]. Rostov-on-Don, 2010. 562 p.

Mediatekst kak poliintentsionalnaja sistema: sbornik statej [Media text as a multi-intentional system: collection of articles] / ed. by Duskaeva L.R., Tsvetova N.S. St. Petersburg, 2012. 250 p.

Russkaja rech v sredstvakh massovoj informatsii. Rechevyje sistemy i rechevyje struktury [Russian speech in mass media. Speech systems and speech structures] / ed. by Kon'kov V.I., Potsar A.N. St. Petersburg, 2011. 399 p.

Salimovskij V. A. Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (nauchnyj akademicheskij tekst) [Speech genres in the functional and stylistics aspect (scientific academic text)]. Perm, 2002. 236 p.

Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Speech genre model]. Zhanry rechi. Vyp. 1. [Speech genres. Iss. 1]. Saratov, 1997. P. 88–99.

Vinokur T. G. Govorashhij i slushajushhij: Varianty rechevogo povedenija. [Speaker and listener: Variants of verbal behavior]. Moscow, 1993. 172 p.

INTENTIONALITY OF PHATIC TALK IN THE MASS MEDIA

Natalia A. Prokofieva

Senior Lecturer in the Department of Speech Communication
Saint Petersburg State University

The article is devoted to the analysis of phatic talk varieties in the mass media discourse. Modern journalists orient themselves to a narrow target audience and imitate person-to-person communication. This leads to the increase in number of interviews which do not meet the requirements of journalistic genres – a portrait interview or an information interview. These texts correspond to requirements of phatic genres, such as small talk or friends' talk. The article describes genre features of these interviews (phatic talks), gives an idea about their intentionality, analyzes the form of speech material representation, identifies information blocks and logic structure of such interviews. As a result, the phatic nature of these interviews is proved. The author analyzes stylistic peculiarities of the presented speech material and demonstrates its closeness to the ordinary everyday life discourse.

Key words: phatic speech; mass media discourse; speech genres; intentionality; friends' talk; small talk.

УДК 821.161.1.09

СИНКРЕТИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ А. БЛОКА

Клара Эрновна Штайн

д. филол. н., профессор кафедры русского языка
Северо-Кавказский федеральный университет
355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. textus@mail.ru

Денис Иванович Петренко

д. филол. н., профессор кафедры теории и методики преподавания
филологических и исторических дисциплин
Ставропольский государственный педагогический институт
355029, Ставрополь, ул. Ленина, 417а. textus@mail.ru

В статье рассматривается эстетизация языка поэзии А. Блока как способ создания «действенной» художественной формы произведения. Прослеживается основная прагматическая установка символистов как сотворчество художника и читателя. Поэзии А. Блока свойственна такая особенность в наборе грамматических единиц текста, как употребление широкого спектра субстантивов – от узуальных до окказиональных. Поэтому, оперируя языком как классификационной сущностью, художник может отобразить дополненность и неопределенность в восприятии явлений мира через неоднозначные синкретичные языковые единицы. Поэтический текст способен «оживить» во внутренней форме субстантива все предшествующие свойства, которые начинают «работать» в равной степени с текстовыми значениями субстантива. Субстантив не только «хранит» в своей внутренней форме всю систему предшествующих преобразований, но и в соответствующих контекстах обладает свойством воспроизвести их через отношения дополненности, т. е. равноправного проявления взаимоисключающих свойств. Субстантивы как синкретичные языковые средства – неизменная стилевая черта творчества А. Блока. Отталкиваясь от языковых инвариантов, художник приходит к такой разветвленной системе вариантов, что она образует относительно самостоятельную подсистему поэтического идиолекта А. Блока, способствующую созданию «действенной» поэтической формы.

Ключевые слова: синкретизм; узуальные и окказиональные субстантивы; символизм.

Символизм характеризовался всесторонне разработанной творческой программой, в которой главным принципом всегда оставалась эстетизация языка как способа создания «действенной» художественной формы произведения. Основная прагматическая установка символистов – на сотворчество художника и читателя – предполагала (в особенности, в интерпретации А. Блока) «внесение гармонии в мир» [Блок 1962а: 165]. Отсюда поэзия рассматривалась как «искусство двигательное, не созерцательное, а действенное, – и, в конечном счете, не иконотворчество, а жизнетворчество» [Иванов 1916а: 139]. В качестве посредника между читателем и художником используется «условный язык», направленный на человека как «силу творческую» [Брюсов 1975: 48–49].

Язык как особый материал поэзии должен вбирать в себя возможности материалов других искусств, и в первую очередь, музыки и живописи (ср. у символистов культ Аполлона и Диониса), но не в подражании им проявлялось синтезирующее свойство языка, а в самих его музыкальных и живописных потенциях. «Если я поэт, я умею *живописать*... словом... если, поэт, я умею *петь*¹ с волшебной силой... если, поэт и мудрец, я владею познанием вещей и, услаждая сердце слушателя, наставляю его разум и воспитываю его волю...», – писал Вяч. И. Иванов [Иванов 1916б: 147–148].

Для произведения, написанного методом символизма, очень важно единство расположения материала, т. е. особая гармонизация («...единство средств есть единство расположе-

ния» [Белый 1910: 134]), отсюда установка на «соединение», возникновение «третьих смыслов» (о гармонической организации поэтических произведений символистов см.: [Штайн 2006; Штайн, Петренко 2011: 245–287; Штайн, Петренко 2015: 221–277]). Соединение это было моделировано на основе архетипического образа: «Ежели искусство вообще есть одно из могущественных средств человеческого соединения, то о символическом искусстве можно сказать, что принцип его действительности – соединение... И в каждом произведении истинно символического искусства начинается лестница Иакова» [Иванов 1916б: 149]. Мифологическая модель, полученная на основе этого архетипа (лестницы Иакова), предусматривает связь «верха» и «низа», разных космических зон (в наиболее полном виде – мир богов, людей и умерших). Если провести методологическую расшифровку такого подхода, он окажется глобально дополнительным по своей познавательной и воспроизводящей сущности. Принцип дополненности, общенаучный, имеет глубокие художественные свойства, более того, он пронизывает и сам язык. Впрочем, нечему удивляться: его автор физик Н. Бор, исповедовавший принцип «единства знаний», как раз и вывел его из наблюдений «над языковой двусмысленностью» [Розенфельд 1967: 69]. Дополненность в языке хорошо не изучена, но можно с уверенностью утверждать, что явление синкретизма в языке и речи представляет собой действие принципа дополненности – соединение противоположных свойств в одной единице языка; в силу своей исходной двойственности синкретичные явления сродни дуальному миру А. Блока.

Характеризуя синкретизм как «совмещение... дифференциальных признаков разных членов предложения», В.В. Бабайцева отмечает «неоднозначность» языковых явлений, «выражающих сложнейшие связи и отношения между явлениями действительности» [Бабайцева 1979: 105–106]. А.Я. Баудеру принадлежит удачная мысль о «двуединой сути» синкретичного языкового явления, отраженного в наборе традиционных терминов: наречный предлог, союз-частица, субстантивированное прилагательное» [Баудер 1988: 33–34].

Синкретизм в поэтическом идиолекте А. Блока в принципе изоморфен синкретизму в языке и речи – он базируется на соединении и взаимопроникновении противоположных, взаимоисключающих свойств в единицах практически всех уровней. Лексическое значение, как правило, расщепляется, и несколько компонентов актуализированы одновременно, хотя передаются через один звуковой комплекс и осмысляются в

одном диагностическом контексте. Для творчества А. Блока характерна такая особенность в наборе грамматических единиц текста, как употребление широкого спектра субстантивов – от узуальных до окказиональных. Неоднозначными свойствами часто характеризуются предложения и его члены, и даже текст, как правило, имеет двойственную структуру и семантику, выявляющиеся во взаимодействии текста и подтекста. Неоднозначны также тропы и поэтические фигуры.

Итак, художник, оперируя языком как классификационной сущностью, способен отобразить дополненность явлений через неоднозначные синкретичные языковые единицы. В результате естественный язык может избежать, в отличие от терминов науки, таких кризисных ситуаций, когда для описания одного и того же явления привлекаются взаимоисключающие понятия, хотя и такие способы определений существуют в языке (принцип парадокса, например: «*И невозможное возможно...*» у А. Блока). Причина – огромные возможности эстетических функций языка, которые пронизаны «восприятием наблюдателя (образом автора. – К.Ш., Д.П.), и этим эмоционально объединяются многообразные стороны человеческого познания» – научного и художественного [Бор 1971: 481]. Многозначность, кроме того, – характерная атмосфера символа (это характеристика Э. фон Сюдова [см.: Яроцкий 1978: 52]).

Обратимся к одному из циклов первой книги «Трилогии вочеловеченья» А. Блока – «Распутье» (1902–1904). Система узуальных и окказиональных субстантивов пронизывает его, придавая целостность и единство как отдельным произведениям, так и всему циклу; все творчество А. Блока, как известно, по определению самого поэта, роман в стихах.

Большая часть субстантивов, используемых А. Блоком, как правило, субъекты – носители материализованного инобытия, они призваны обозначать символ Вечной Женственности, или Души Мира, которая воплощает в себе «чистое и полное человечество, высшую и всеобъемлющую форму живой души природы и вселенной» [Соловьев 1913: 188]

Символ архетипичен, это символ всеединства, соединяющий в себе понятия «верха» и «низа» в плане дополненности. Отсюда конкретно-референтная отнесенность словесного знака становится расплывчатой, уступает место «игре концептуальными значениями» [Смирнов 1977: 53]. Субстантивы *бестелесный, неизвестный, молчаливые, ясная, златокудрая, пречистая, тающее, сильный, знающий, влюбленный, непробудная, мертвый, недвижимый кто-то, черный*

кто-то, кто-то косматый, кривой и рогатый и т.д. погружены и атмосферу тайны (неслучайно так часто функционируют неопределенные местоимения как в тексте с общим значением *неизвестный*, так и в структуре сложных субстантивированных сочетаний, например, *недвижный кто-то*):

.....
Где мы пропели и прошли,
Еще поет и ходит *кто-то*...

.....
Я знаю все. Но мы – вдвоем.
Теперь не может быть и речи,
Что не одни мы здесь идем,
Что *кто-то* задувает свечи.
(Мы всюду. Мы нигде. Идем... 1902)

Сложнейшие колебания между взаимоисключающими смыслами пронизывают цикл. Система субстантивов при этом находится в сложной цепи переходных значений и смыслов, они очень подвижны по семантике, подвергаются тончайшей нюансировке со стороны художника.

Обращение Блока к абстрактному словарю субстантивов с постоянно скрывающейся и в то же время обозначающейся предметностью направлено на изображение символа – концепции. Отсюда актуализация концептуальной признаковости с размытой семантикой цвета – *златокудрая – ясная* и четко проявленный субстантив *черный кто-то*. Временная оппозиция также решена в системе дополнительностей и, как это часто бывает у символистов, диахронно: *вчерашнее, минувшее – новое*. «Верх», духовное (*сильный, знающий, влюбленный*), находится в соотношении с внутренней оппозицией *юные – мертвые*, символизирующей «низ», землю, но только в соединении с «верхом». С помощью субстантивов моделируется поэтический мир цикла, созданный по принципу «лестницы Иакова», он мифологичен по сути.

Морфологической базой для субстантивов являются по преимуществу прилагательные – собственно прилагательные и отглагольные дериваты. Признаковые значения, значения состояния у субстантивов актуализируются как лексическим, так и синтаксическим контекстом. Лексическими средствами, актуализирующими компонент нерасчлененно как признаки-состояния у субстантивов, являются, как правило, антонимы, синонимичные средства лексики:

Молчаливые мне понятны,
Я люблю *обращенных в слух*:
За словами – сквозь гул невнятный

Просыпается светлый дух.
(Я к людям не выйду навстречу... 1903)

Текст внутренне тавтологичен, так как цепь *молчаливые – обращенных в слух – за словами* формирует сложный компонент значения – состояние как признак. Особая синтаксическая позиция подлежащего со значением объекта (ср.: «Я понимаю тех, кто молчит») в обратимой конструкции цементирует предметное значение, но и одновременно актуализирует внутреннее значение состояния. Все это способствует возникновению качественно нового признака.

Иногда оживление внутреннего значения происходит окказионально – через лексическую ассимиляцию, или поэтическую этимологию:

В тихом воздухе – *тающее, знающее*...
Там что-то *притаилось* и смеется.
Что смеется? Мое ли, *вдыхающее*,
Мое ли сердце радостно бьется?
(Отворяются двери – там мерцанье... 1903)

Субстантивы сочетают предметный, признаковый и глагольный компоненты значения, причем «оживает» внутренняя форма субстантивов как мотивированных прилагательными отглагольного характера. Субъектно-предикатная семантика так же нерасчлененна, как и неоднозначна квалификация этого члена предложения – подлежащее-сказуемое.

Лексическая ассимиляция *тающее – притаилось* и цепь глаголов *притаилось, смеется, бьется* приводят к тому, что начальное *тающее, знающее*, вынесенное к тому же в рифму, как бы в свернутом виде содержит в себе последующую цепь глаголов. Ассимилируются не только внешне созвучные слова. Вступая в межрифменные связи, находясь в позиции обособления, отглагольное прилагательное *вдыхающее*, несмотря на наличие антецедента (*мое ли*), опредмечивается как бы на глазах, неся уже усложненный комплекс семантических и синтаксических функций (обособленное определение полупредикативного характера с потенциальной функцией подлежащего). Неся концептуальные свойства (тайны, неведомого), эти субстантивы тем не менее полны высокой экспрессии. Их значения и функции не имеют завершенного характера, это только векторы смысла, полностью раскрывающиеся в еще более широком контексте.

Как видим, субстантивы окказионального характера обусловлены контекстными – лексическими и синтаксическими – параметрами. Следует отметить, что степень «опредмеченности» прежде всего зависит от синтаксической позиции субстантива. Наиболее опредмеченными являются

ся субстантивы в роли подлежащих, несущих субъектную семантику, а также прямые дополнения с объектной функцией: «*Мертвый* качался и падал ничком...»; «Или это *ясная* мне улыбается?»; «*Кто бунтует*, – в том сердце щедро, // Но безмерно прав *молчаливый*».

Степень субстантивации и здесь различна. *Мертвый* – это субстантив узуального характера с наиболее закрепленной предметной семантикой. *Молчаливый* имеет меньшую степень субстантивации, в нем оживлена глагольная внутренняя форма. Интересно, что последнее двустигшие построено по принципу зеркальной симметрии (АБ – БА). *Кто бунтует* – предикативная единица – практически равна по синтаксическим и семантическим функциям окказиональному субстантиву *бунтующий*. Находясь в антонимических отношениях с лексемой *молчаливый*, предложение-субстантив одновременно координирует с ним по синтаксическим свойствам и по семантике, противопоставляясь одновременно как окказиональная аналитическая форма субстантива (синтаксическая номинация) синтетической (ср.: *кто бунтует* – *бунтующий*, *молчаливый* – *кто молчит*). Эти трансформации вполне правомерны уже потому, что причастные формы, как первично мотивирующие субстантивы, по своим синкретичным морфологическим и синтаксическим свойствам синонимичны прилагательным. Таким образом, поэтический текст может «оживить» во внутренней форме субстантива все предшествующие свойства, которые начинают «работать» в равной степени со свойствами субстантива. Субстантив не только «хранит» в своей внутренней форме всю систему предшествующих преобразований, но и в соответствующих контекстах способен воспроизвести их через отношения дополнительности, т. е. равноправного проявления взаимоисключающих свойств.

Примечательным явлением можно считать синтаксически несвободные словосочетания в функции субстантива. Их внутренние связи – это отношение определяемого (*кто-то*) и определяющего (*недвижный*, *черный*). Но из-за семантической ослабленности главного слова субстантивация определяющих слов не только происходит, но и втягивает в этот процесс определяемое слово. Таким образом, субстантив-словосочетание и един, и расчленен одновременно. Следует отметить различие в положении главного слова. В данных словосочетаниях имеет место его постпозиция. Но в этом цикле есть и словосочетание-субстантив, построенный по отношению к названным по принципу зеркальной симметрии:

В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и rogатый.
(Плачет ребенок. Под лунным серпом... 1903)

Степень субстантивации здесь, думается, несколько ниже, как вследствие актуализации прилагательных, составляющих однородный ряд, так и вследствие начальной позиции неопределенного местоимения в функции подлежащего. Но референция «местоимения неизвестности» становится более конкретной в силу особенностей восприятия действительности говорящим: *кто-то* – *недвижный* (динамика), *черный* (цвет, хотя его семантика мифологизирована). При этом в такой сочетаемости «неопределенные местоимения утрачивают свое обычное значение и порождают шкалу оценки» [Падучева 1985: 210].

Часто наблюдается такой синтаксический и семантический синкретизм, который вызван обратимостью страдательной конструкции: «*Ты обманут неизвестным*» – синтаксическая семантика субъекта в функции дополнения требует расслоения семантики лексической: признаковое значение сосуществует со значением лица как носителя признака.

Интересная динамика прослеживается в различного рода сегментированных и обособленных конструкциях (именительный представления, обращение, обособленное определение): «Перед тобою, *Златокудрой*, // Склоняю даже знамена...»; «Все мне, *невучее*, тяжело и трудно. // Песни твои, и снега, и костры...»; «*Непробудная*... Спи до срока».

Последние случаи представляют высокую степень субстантивации с одновременной актуализацией признака. Первый пример являет более слабую степень субстантивации ввиду отнесенности к антецеденту (*тобой*). Но одновременная полупредикативная функция, вынос лексемы в разряд собственных имен все же позволяет причислить данное прилагательное к окказиональным субстантивам.

Примечательна творческая эволюция Блока через употребление таких стилевых черт, как субстантивы. Цикл «Родина» (1907–1916) отражает эту динамику. Субстантивы в нем менее частотны, но тем не менее они пронизывают цикл, концентрируясь в двух центральных произведениях: «На железной дороге» (1910), «Петроградское небо мутилось дождем» (1914). Следует сразу отметить, что для позднего творчества Блока характерны субстантивы, имеющие уже весьма конкретную референцию. Диапазон их расширяется вплоть до опредмеченной категории состояния и междометия.

Первая строфа стихотворения «На железной

дороге» весьма показательна для всего произведения в целом, так как синкретизм пронизывает все произведение – от текста до члена предложения и лексемы:

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Субъект-подлежащее вынесен в конец строфы, организован парным отношением окказиональных субстантивов. Отрыв прилагательных от возможного определяемого существительного возводит происходящее в ранг обобщения. Но конкретные черты (молодость, красота) здесь налицо. Субстантивы, несущие характеризующие свойства, вынесены в рифму, на основе межрифменных связей возникает подтекстовое оценочное значение, которое принадлежит другому субъекту, это уже авторская точка зрения: *брошенная молодая.*

Некошенном – брошенном.
Живая – молодая.

Это подтекстовое значение реализуется далее текстом: «*Так мчалась юность бесполезная...*». Парная организация членов предложения в произведении способствует опредмечиванию персонализации «*Три ярких глаза набегающих*», которая с обобщенно-предметными субстантивами *проезжающих, сонные* получает единую характеристику. Знаменитая строфа: «*Вагоны шли привычной линией, // Подрагивали и скрипели; // Молчали желтые и синие; // В зеленых плакали и пели*» – характерна отрывом прилагательных от antecedента. Вынесение их в отдельное двустигшие, употребление в роли подлежащих, парность способствуют опредмечиванию признаков. Тут целый смысловой пучок: сочетаются семантика цвета, социальной принадлежности вагонов, их предметная конкретность и одновременно обобщенность, возведенная в ранг символа.

Последняя строфа стихотворения обнаруживает отнесенность состояния, выраженного безлично-предикативным словом *больно*, к различным субъектам:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей – довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена – все *больно*.

Состояние *больно* отнесено одновременно к героине стихотворения, авторскому голосу, который обнаруживается через подтекст всего сти-

хотворения; кроме того, опредмеченное местоимение *все* проецирует данное состояние на бесконечное множество субъектов. Исследователи отмечают, что «среди классов состояний выделяются два вида – временные и устойчивые» [Падучева 1985: 223]. Данная категория состояния обнаруживает оба компонента – временный как состояние физической боли и постоянный как всеобщее состояние. Блок сам дал этому объяснение: «Россия была больна и безумна, и мы, ее мысли и чувства, вместе с нею. Была минута, когда все чувства нашей Родины превратились в сплошной, безобразный крик умирающего от мучительной болезни» [Блок 1962: 445].

Метаморфоза состояний, опредмеченная звуковая стихия, свойственна стихотворению «Петроградское небо мутилось дождем» (1914).

Местоименные субстантивы *одни, другие*, постоянно опредмечивающееся междометие *ура*, модальное слово с императивным значением *пора*, насыщение текста синекдохами: «*Без конца – взвод за взводом и штык за штыком, // Наполнял за вагоном вагон*»; тавтология, повторы, опредмеченность криков и состояний способствуют очень точному, импрессионистичному и одновременно обобщенному представлению реальности. В результате мы имеем особый текст – с конкретной референцией и одновременно нереперентный, восходящий к единому символу – России, проецирующий ее в будущее.

Итак, субстантивы как синкретичные языковые средства – неизменная стилевая черта творчества А. Блока. Отталкиваясь от языковых инвариантов, художник приходит к такой разветвленной системе вариантов, что она образует относительно самостоятельную подсистему поэтического идиолекта А. Блока, способствующую созданию «действенной» поэтической формы.

Примечание

¹ Во всех случаях курсив авторов статьи.

Список литературы

- Бабайцева В.В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1979. 270 с.
- Баудер А.Я.* Функционирование синкретичного слова // Функционирование языковых единиц и категорий. Таллинн, 1988. С. 30–42.
- Белый А.* Символизм. М.: Мусагет, 1910. 633 с.
- Блок А.А.* О назначении поэта // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962а. Т. 6. С. 160–168.
- Блок А.А.* Ответ Мережковскому // Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962б. Т. 5. С. 442–445.
- Бор Н.* Единство знаний // Бор Н. Избранные

научные труды: в 2 т. М.: Наука, 1971. Т. 2. С. 481–496.

Брюсов В.Я. О искусстве // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 6. С. 43–54.

Иванов В.И. Заветы символизма // Иванов В.И. Борозды и межи. М.: Мусагет, 1916а. С. 119–144.

Иванов В.И. Мысли о символизме // Иванов В.И. Борозды и межи. М.: Мусагет, 1916б. С. 145–159.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.

Розенфельд Л. Развитие принципа дополнителности // Нильс Бор. Жизнь и творчество: сб. ст. М.: Наука, 1967. С. 61–87.

Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М.: Наука, 1977. 204 с.

Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. С. 172–193.

Штайн К.Э. Гармония поэтического текста: Склад. Ткань. Фактура. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2006. 646 с.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Филология: История. Методология. Современные проблемы. Ставрополь: Ставроп. гос. ун-т, 2011. 916 с.

Штайн К.Э., Петренко Д.И. Гармония и симметрия. Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2015. 704 с.

Яроцинский С. Дебюсси, импрессионизм, символизм. М.: Прогресс, 1978. 232 с.

References

Babajtseva V.V. *Russkij jazyk. Sintaksis i punktuatsija* [The Russian language. Syntax and punctuation]. M.: Prosveshchenie Publ., 1979. 270 p.

Bauder A.Ja. *Funktsionirovanie sinkretichnogo slova* [Functioning of the syncretic word] *Funktsionirovanie jazykovykh jedinit i kategorij* [Functioning of language units and categories]. Tallinn, 1988. P. 30–42.

Belyj A. *Simvolizm* [Symbolism]. M.: Musaget Publ., 1910. 633 p.

Blok A.A. *O naznachenii poeta* [About a poet's mission] *Blok A.A. Sobranije sochinenij* [Collection of works: in 8 vols.]. M. –L.: State Publishing House of Fiction, 1962a. Vol. 6. P. 160–168.

Blok A.A. *Otvet Merezhkovskomu* [The answer to

Merezhkovsky] *Blok A.A. Sobranije sochinenij* [Collection of works: in 8 vols.]. M. –L.: State Publishing House of Fiction, 1962b. Vol. 5. P. 442–445.

Bor N. *Edinstvo znanij* [The unity of knowledge] *Bor N. Izbrannyje nauchnyje trudy* [Selected scientific works: in 2 vols.]. M.: Nauka Publ., 1971. Vol. 2. P. 481–496.

Brjusov V.J. *O iskusstve* [About art] *Brjusov V.J. Sobranije sochinenij* [Collection of works: in 7 vols.]. M.: Khudozhestvennaja Literatura Publ., 1975. Vol. 6. P. 43–54.

Jarotsin'skij S. Debjussi, impressionizm, simvolizm [Debussy, impressionism, symbolism]. M.: Progress Publ., 1978. 232 p. *Ivanov V.I. Zavety simvolizma* [Precepts of symbolism] *Ivanov V.I. Borozdy i mezhi* [Furrows and boundaries]. M.: Musaget Publ., 1916a. P. 119–144.

Ivanov V.I. Mysli o simvolizme [Thoughts about symbolism] *Ivanov V.I. Borozdy i mezhi* [Furrows and boundaries]. M.: Musaget Publ., 1916b. P. 145–159.

Paducheva E.V. *Vyskazyvanije i ego sootnesenost' s dejstvitel'nost'ju* [A statement and its correlation to reality]. M.: Nauka Publ., 1985. 272 p.

Rozenfel'd L. *Razvitije printsipa dopolnitel'nosti* [Development of the complementarity principle] *Nil's Bor. Zhizn' i tvorcestvo: Sbornik statej* [Nils Bor: Life and creative work]. M.: Nauka Publ., 1967. P. 61–87.

Shtajn K.E. *Garmonija pojeticheskogo teksta: Sklad. Tkan'. Faktura* [Harmony of poetic text: Structure. Fabric. Texture]. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2006. 646 p.

Shtajn K.E., Petrenko D.I. *Filologija: Istorija. Metodologija. Sovremennyje problemy* [Philology: History. Methodology. Current problems]. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2011. 916 p.

Shtajn K.E., Petrenko D.I. *Garmonija i simmetrija* [Harmony and symmetry]. Rostov-on-Don: «Kni-ga» Publ., 2015. 704 p.

Smirnov I.P. *Khudozhestvennyj smysl i evoljutsija pojeticheskijh sistem* [The essence of art and evolution of poetic systems]. M.: Nauka Publ., 1977. 204 p.

Solov'ev V.S. *Ideja chelovechestva u Avgusta Konta* [The idea of mankind in Augustus Conte's works] *Solovjev V.S. Sобрание sochinenij* [Collection of works: in 10 vols.]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 1913. Vol. 9. P. 172–193.

SYNCRETIC PHENOMENA IN A. BLOK'S POETRY

Klara E. Stain

Professor in the Department of Russian Language
North-Caucasus Federal University

Denis I. Petrenko

Professor in the Department of Theory and Methods of Teaching Philological and Historical Disciplines
Stavropol State Pedagogical Institute

The article is devoted to the problem of aesthetics of A. Blok's poetic language as a way to create the «active» form of poetry. The main pragmatic aim of symbolists is defined as coauthorship between a poet and a reader. A. Blok's poetry is characterized by the use of a wide range of such grammatical text units as substantive lexemes, from usual to occasional ones. Thus, operating the language as classification essence, the poet can show complementarity and uncertainty in a human's perception of the world phenomena through ambiguous syncretic language units. Poetic text is capable of «reviving» all previous meanings of substantive lexemes in internal semantic forms, and these previous meanings start «working» equally with actual text meanings of substantive lexemes. A substantive lexeme not only «stores» the whole system of its previous transformations in its internal form but in certain contexts is capable of reproducing them through complementarity relations, that is through equal manifestation of mutually exclusive properties in the same language unit. Substantive lexemes as syncretic language means are typical of A. Blok's poetry style. Basing on language invariants, the poet comes to such a ramified system of language variants that it makes a relatively independent subsystem of A. Blok's poetic language, contributing to the creation of «active» poetic forms.

Key words: syncretism; usual and occasional substantive lexemes; symbolism.

УДК 821.111

РОМАН ТОМАСА РИФМАЧА «СЭР ТРИСТРАМ»: ВЛИЯНИЕ КЕЛЬТСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ НА СТРУКТУРУ СТИХА СРЕДНЕВЕКОВОГО РОМАНА

Татьяна Григорьевна Лазарева

к. филол. н., доцент кафедры английской филологии

Курганский государственный университет

640669, Курган, ул. Гоголя, 25. lazarevat@mail.ru

Статья посвящена особенностям поэтической техники, использованной в средневековом романе «Сэр Тристрам», который, предполагается, был написан шотландским бардом Томасом Рифмачом. Стереотипное восприятие этого романа как краткого переложения известного сочинения англо-нормандца Тома «Роман о Тристане» привело к тому, что шотландская «поэма» была оттеснена на периферию научных интересов медиэвистов. Тем не менее изучение сложной структуры стиха и строфы, особенностей стиля и лексики, «мотивного инструментария» и системы образов «Сэра Тристрама» свидетельствует об использовании его автором древних поэтических техник, разработанных кельтскими жрецами, и темы, очевидно, очень важной для них.

Ключевые слова: бард; Томас Рифмач (Лермонт); Тристан; древняя техника стихосложения; кельтские жрецы.

Роман «Сэр Тристрам» был написан, предположительно, Томасом Лермонтом по прозвищу Рифмач во второй половине XIII в. С публикации именно этого романа, по сути, начинается научное изучение легенды о Тристане и Изольде. У его истоков стоит молодой Вальтер Скотт, издавший роман с обширным критическим аппаратом и статьей-диссертацией в 1804 г. [Scott 18386]. Тем не менее в русское академическое издание произведений, так или иначе разрабатывавших легенду о Тристане и Изольде, этот роман не вошел [Легенда о Тристане и Изольде 1976]. Составитель сборника «Легенда о Тристане и Изольде» А.Д. Михайлов объясняет столь странный факт тем, что «литературные достоинства этого "Сэра Тристрама" невелики», что «английская поэма», состоящая из 304 одиннадцатистрочных строф, восходит к «Роману о Тристане» Тома из Бретани [Тома 1976], который датируют периодом 1150–1170 гг. Однако, в отличие от произведения бретонца, в поэме события излагаются довольно бессвязно, а стилистические достоинства потеряны. Вместе с тем она помогает восстановить сюжетную канву англо-нормандского романа [Михайлов 1976: 459].

Между тем в последнее время появляющиеся в зарубежной печати статьи свидетельствуют о том, что на роман обратили серьезное внимание как на произведение, имеющее самостоятельную ценность для истории литературы [Lurack 1994]. Существуют разные точки зрения на авторство романа, его происхождение, причины возникновения мотивных вариантов легенды, стилистику и т.д., однако полностью игнорировать исторические изыскания Вальтера Скотта вряд ли представляется целесообразным. Его предположения и догадки не менее логичны и понятны, чем положения, выдвигаемые современными исследователями, а часто кажутся и предпочтительнее, ибо основаны и на прекрасном знании исторических документов и местных традиций, и на его уникальной исследовательской интуиции.

Согласно обнаруженным Вальтером Скоттом документам Томас Рифмач жил в местечке Эрсилдаун под Бервиком в Шотландском Пограничье в конце XIII столетия. Он был крупным землевладельцем, но во всей Британии прославился как пророк и искусный бард-менестрель. По этой причине в местных преданиях он представляется не менее загадочным персонажем, чем герой его романа кельт Тристан-Тристрам [Scott 1806: 166–172].

Согласно старинному стихотворному роману под названием «Правдивый Томас и королева фей» (*True Thomas and the Queene of Elfland*) Томас Рифмач получил дар пророчества и великолепной игры на лютне от королевы фей [Scott 1838a, IV: 280–281]. В разделе своей статьи-диссертации, посвященной его биографии, Скотт не акцентирует внимание своих читателей на отсутствии Томаса в родовом замке в течение семи лет и «чудесном» обретении поэтического и пророческого дара. Он говорит очень обтекаемо: Томас Рифмач, сакс по происхождению, воспринял традиции местного населения, – и в качестве объяснения его внезапно «открывшегося» поэтического дара предлагает легенду о его пребывании в стране фей [Scott 1838b: 14–22]¹.

Однако дальнейшие рассуждения Скотта свидетельствуют о том, что, по его мнению, Томас обучался древнему стихосложению в одной из школ бардов. В отличие от своих валлийских коллег-антиквариетов, он с уверенностью говорит о бардах как о выжившей из сословия друидов группе. Они продолжали создавать тайные школы на территории Шотландии вплоть до конца XV в. В этих школах одаренных молодых людей обучали магическому воздействию на окружающий мир с помощью различных поэтических техник [там же: 10–11. О стихотворных традициях кельтских жрецов см. подробнее: [Рис 1999, а также: Лазарева 2008: 134–149].

Согласно сохранившимся записям техника кельтского стихосложения была одной из самых сложных в Европе. В отличие от древнегерманской системы тонической аллитерации, кельтский стих был силлабо-аллитерированным. При этом аллитерация служила кельтам для связи не только внутри стиха, но и между стихами: последнее слово строки могло аллитерировать с первым словом следующей строки. Кроме того, каждый слог в стихе состоял из трех элементов: 1) согласные, предшествующие слогаобразующему гласному; 2) слогаобразующий гласный и 3) согласные, следующие за слогаобразующим гласным. Каждый из этих элементов, порознь или в сочетаниях, мог вызывать созвучие.

Аллитерации (созвучия начальных согласных), ассонансы (созвучия слогаобразующих гласных), консонансы или диссонансы (созвучия замыкающих согласных), рифмы (созвучия гласных и замыкающих согласных) были выделены и разработаны ирландскими певцами, бардами и филидами и почти все без исключения включены в систему классического кельтского стиха VIII–X вв. Созвучия располагались по стиху очень

прихотливым образом [Гаспаров 1989: 44–47].

В средневековом трактате о языке говорится о пяти словах, «составляющих вздох поэта». Кроме того, выделяется пять видов языка, а именно: «язык фениев, речь поэтов, язык разъединения, сокровенный язык поэтов, на котором они разговаривают между собой, а еще *iarmberla* <...> – это тайна, и *ballorb*, без коего не стать поэтом...» Пятый вид языка поэт изучал на пятом году обучения [Рис 1999: 215–216]. Сохранившаяся при записи сложность внутренних созвучий в стихе романа «Сэр Тристрам» говорит о владении Томасом Рифмачом техникой классического кельтского стиха.

Современные исследования подтверждают теорию Скотта о том, что менестрели юга Шотландии, жившие рядом с бриттскими районами Reged и Strathclwyd, стали естественными хранителями сокровищ кельтской традиции, которая очень высоко ценилась в Средние века [Михайлова 2002].

Изучив народные предания о Томасе Рифмаче, Вальтер Скотт называет его бардом и ватом. Ваты-филиды представляли одну из высших ступеней кельтских жрецов, в функцию которых, помимо пророчества, входило сохранение в стихах знаний об истории кельтов. Потому не удивительно, что Томас из Эрсилдауна в качестве главного героя своего повествования избирает прославленного рыцаря Тристрама, кельта по происхождению.

Согласно валлийским источникам, Тристан-Тристрам (*Trystan*, или *Tumultuous*) был известным кельтским вождем, жившим в VI в. В исторических *Триадах* [Триады 1986] он назван одним из трех герольдов Британии, превосходно знающим законы войны; одним из трех лучших бардов; одним из трех лучших военачальников Артура и одним из трех лучших любовников страны. В *Каталоге древних британских бардов* Эдварда Джоунса (1794) *Trisram Mab Tallwch* назван учеником Мерлина, т.е. обладавшим магическими знаниями, и одним из лучших воинов (*chief warriors*) при дворе короля Артура [Jones 1794: 14].

Сложное построение стихотворной строфы (*абабаббсбс*) является еще одним свидетельством использования кельтской поэтической системы. Скотт полагает, что письменная фиксация «Сэра Тристрама» произошла позднее того времени, когда какой-то менестрель услышал в Эрсилдауне исполнение стихов Томаса и попытался их запомнить как можно лучше, чтобы передать другим. Несомненно, пройдя через исполнение нескольких менестрелей в разных местах, стихи

не могли не потерять часть своей красоты, но, тем не менее, ни в одном из средневековых романов, по признанию Скотта, он больше не встречал строф такой сложности, как у Томаса Рифмача. Пользоваться столь сложной строфой мог только мастер своего дела, поэт, прекрасно владеющий языком и создающий для тех, кто мог увидеть его мастерство и оценить достоинства произведения, в котором использованы сложнейшие правила [Scott 1838b: 28–29].

Показателями подлинности и старины романа «Сэр Тристрам», по мнению Скотта, является и эллиптический метод изложения (с пропусками), который больше намекает, чем описывает. Это полностью соответствует характеру древней кельтской поэзии. Один из современных исследователей ирландского языка отметил необыкновенную трудность в её понимании: «Бывают тёмные поэты, но кельтская поэзия держит пальму первенства по части темноты. Она намекает, но еще более утаивает. Это своего рода игра, в которой поэт ускользает от вас в тот самый миг, когда вам кажется, что вы его настигли» [Dullon 1975: 67].

При всей кажущейся простоте в точности перевести этот стихотворный роман Томаса невозможно, утверждает Скотт, его можно только пародировать в прозе. Что он и сделал при издании романа. Его прозаическое изложение каждой песни напоминает глоссы на полях старинных манускриптов – он скорее толкует текст, чем пересказывает.

Сравнение текста романа Томаса из Эрсилдауна с текстом Тома из Бретани, кратким переложением которого, как предполагают, он является, порождает много вопросов.

В сохранившихся фрагментах романа Тома, на которого ссылаются все исследователи Европы, наиболее полно разработаны взаимоотношения любовников уже после их возвращения из леса Моруа, а также психологически сложные отношения Тристана и Изольды Белорукой. По мнению А.Д.Михайлова, именно в трактовке Тома образ последней получил большую психологическую глубину. Хотя в сохранившихся отрывках нет многих эпизодов «испытаний», считается, что Тома внес в изложение легенды «лирическую просветленность и поэтичность» [Михайлов 1976: 457].

От стихотворного романа англо-нормандца Тома (или Томаса) остались лишь небольшие фрагменты (самый большой – на 12 страницах в Оксфордской рукописи), тем не менее предполагается, будто первоначально его произведение было необычайно обширно и насчитывало не менее 17000 стихотворных строк. Ученые ссы-

лаются на прозаическое древненорвежское произведение «Сага Тристрама и Исонды» [Роберт 1976: 145–214], которое сохранилось в единственной рукописи XVII в. Норвежская прозаическая сага, переведенная (или переписанная?) в 1226 г. по заказу короля Хакона IV Старого (1204–1263) ученым монахом Робертом, содержит ссылку на некоего Тома (Томаса), чье произведение монах взял за основу. Сопоставление саги с сохранившимися фрагментами англо-нормандского романа говорит о том, что брат Роберт достаточно точно пересказал содержание последнего. Тем не менее, по убеждению А.Д. Михайлова, монах был далек от чисто механического пересказа. Он переработал текст, упростив детали и тем самым лишив его «психологической углубленности». Он сделал повествование более «сухим», и оно «утратило лирическую просветленность и поэтичность» бретонского варианта [Михайлов 1976: 457].

Отличие стихотворного произведения Томаса Рифмача от даже «сухого» пересказа монаха Роберта с самых первых строк просто поражает. Возьмем для сравнения эпизод любовных переживаний сестры короля Марка Бланшефлер по отношению к приезжему рыцарю Роуланду Рису, родителей Тристрама, которых монах называет Бленсинбиль и Канелангрес соответственно. В гл. 6 под названием «Испуг и беспокойство принцессы» читаем: «Но хотя эта учтивая и благородно воспитанная девушка была чрезвычайно добродетельна и ей всегда и во всем сопутствовало счастье, все же и с ней должно было случиться то, что часто случается. Говорят ведь, что редко у кого во всех делах бывает только удача. Немногим удалось бы понять или хотя бы предположить, отчего ее вдруг охватила такая тревога, ибо едва она увидела этого человека, как тотчас ею овладела задумчивость, тоска и огромное, доселе не испытанное волнение, и сколько она ни пытается, ей никак не удастся вспомнить, в чем же она провинилась перед богом или людьми, что ей выпала такая тяжкая участь, в то время как она никогда никого не обидела ни словом, ни поступком, а только радовала всех своим веселым нравом, нежной добротой и благопристойным поведением» [Роберт 1976: 148].

И далее на нескольких страницах рассказывается о томлении девы, причины которого она не понимает, о том, как она туманно обвиняет в своей странной болезни рыцаря, как он не понимает ее и как храбро сражается на турнире, но странное томление завладевает и им... Обращает на себя внимание трактовка любви как «ужасной беды», болезни и наказания Господа за грехи, о которых «добродетельная» и «благородная» де-

вухка даже не догадывается. Роман норвежского монаха, как видно из приведенного примера, при всей своей «сухости», поражает необычайной многословностью, превосходящей все пределы разумного.

Из всех определений, которые появляются в романе Рифмача, к девушкам применены в основном эпитеты «красивая» и «благородная»,

A selly man is he;
Thurch min hert withinne
Ywounded hath he me
So sone:
Of bale bot he me blinne,
Mine lif days ben al done.
(*Sir Tristrem*, lines 83–88)

Автор немногословен; глубина и сила чувства обозначены емко с помощью трехчастной цепочки: пронзенное сердце – мучения – смерть, позднее ставшей необычайно популярной и даже банальной. Он не ставит перед собой цель рассказать о душевных переживаниях девушки, для него это несущественно. Ему гораздо важнее объяснить, почему Бланшефлер оказалась у постели раненого рыцаря, от которого зачала ребенка.

Стиль, лексика, структура стиха – все вместе служат доказательством древности и подлинности «Сэра Тристрама»: обороты более древние, чем у прозаических романов, выражения соответствуют переживаниям времени создания романа, стиль сжатый и «нервный». Автор просто и кратко излагает события, в последующих повествованиях ставшие банальными. Можно предположить, что первоначальная простота изложения вполне могла объясняться необычайной важностью описываемых событий для тех, кто слушал, а также хорошим знанием сюжета всей истории. Потому акцент в повествовании делается на «магию формы» [Вайс 2001: 34].

Различие между романом Тома в изложении скандинавского монаха и романом Томаса из Эрсилдауна проходит не только по линии стилистики, грамматики, лексики, но и по линии сюжетных ходов и образов. Ключевые моменты всей истории любви Тристрама и Исонд у Томаса Рифмача совпадают с рассказом монаха Роберта – англо-норманна Тома, но в частности видны существенные различия. Так, например,

очень часто взаимозаменяемые. Описания чувств очень конкретные и короткие; речь персонажей не отделена от общего повествования. Кто кому говорит, можно понять только из контекста. В предлагаемом ниже примере можно предположить, что Бланшефлер ведет разговор с придворной дамой или со служанкой:

Замечательный человек он;
Пронзил мое сердце
И ранил он меня
Так быстро:
До тех пор пока он не прекратит мои мучения,
Дни моей жизни сочтены
(перевод здесь и далее мой. – Т.Л.).

согласно монаху Роберту и соответственно Тома, Канелангрес победил в своей стране всех врагов, захватил земли своего короля, а затем «захотелось ему взглянуть на достоинства и доблесть, щедрость и учтивость благородных рыцарей» Англии. Монах подробно описывает, с какой тщательностью и пышностью Канелангрес готовится к поездке: «Он берет с собой много припасов и выбирает прекрасных, умных и учтивых, отважных и испытанных рыцарей, так, чтобы их было не больше двадцати, дает им доброе оружие, надежные доспехи и самых лучших лошадей, отплывает в Англию и высаживается в Корнуэльсе» [Роберт 1976: 146]. Согласно монаху, «единовластным господином и властителем над всеми обитателями Англии и Корнуэльса был благородный король Маркис. Вместе со всей своей многочисленной великолепной свитой он находился в столице, которая называлась Тинтайоль. Замок в этом городе был самым неприступным во всем королевстве» [там же]. Встреча рыцаря Северного королевства с Марком, королем Англии, проходила, по описанию монаха Роберта, в лучших традициях куртуазности и рыцарского «вежества».

У Томаса Рифмача читаем: между правителями северных земель была жестокая битва, в которой побеждал Роланд Рис. Герцог Морган, чтобы не расстаться с жизнью, предложил мир, и они заключили договор на семь лет. Дабы укрепить доверие друг к другу, правители решили поехать за поручительством к более сильному королю Марку:

To Marke the King thai went
With knightes proude in pres
And told him to thende
His aventours as it wes.
He preyd hem as his frende
To duelle with him in pes.
The knightes, thai were hende
And dede withouten les
In lede.
A turnament thai ches
With knightes stithe on stede.
(*Sir Tristrem*, lines 56–65)

В романе Томаса *Inglond* – это земля, где высадились северные короли, но, в конечном итоге, не означает ни места, где правил Марк, ни замка, где проходил турнир. Такая краткость и сжатость изложения в большей степени служит не столько хронологическому изложению событий, место и время которых слушателям хорошо известны, сколько напоминанию о причинно-следственных связях этих событий.

Иными словами, сакс Томас из Эрсилдауна, связанный с двором последнего кельтского короля Шотландии Александра III (1249–1286), так или иначе был вовлечен в сферу кельтских сказаний и верований в их непосредственном бытовании.

При всем сходстве основных сюжетных ходов и мотивов с указанным А.Д. Михайловым инвариантом [Михайлов 2006: 68] роман «Сэр Тристрам» значительно отличается в презентации исторических реалий, которые позволяют отнести изображенные события к более раннему периоду развития средневекового общества, чем это представлено во французских вариантах. Древность произведения подтверждается и эллиптическим методом изложения, и сложностью строфы и стиха, кратким и сжатым стилем изложения событий и чувств героев.

Примечание

¹ Пример Томаса из Эрсилдауна, получившего образование у кельтских друидов, не является единственным. Св. Дунстан, сын знатного сакса, также обучался у ирландских монахов-миссионеров, которые, по мнению Скотта, мало чем отличались от языческих жрецов. При дворе короля Этельстана он прославился своей ученостью и прослыл чернокнижником.

Список литературы

Вайс М. Библия и современное литературоведение. М.: Изд-во «Мосты Культуры», 2001. 445 с.

К Марку королю они поехали
С рыцарями, храбрыми в битве,
И рассказали ему с начала до конца
О своих обстоятельствах, как есть.
Он призвал их, как своих друзей,
Жить в мире.
Рыцарями они были вежливыми
И исполняли [свой долг] правильно
В своих землях.
О турнире они договорились
С рыцарями отважными на конях.

Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 302 с.

Лазарева Т.Г. История средневековой Шотландии в песнях. Вальтер Скотт «Песни Шотландского Пограничья». СПб.: ООО «Книжный Дом», 2008. 192 с.

Легенда о Тристане и Изольде / подг. А. Д. Михайлова. М.: Наука, 1976. 736 с. (Сер. «Литературные памятники»). URL: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (дата обращения: 06.12.2015).

Михайлов А. Д. История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде / подг. А.Д. Михайлова М.: Наука, 1976. С. 419–271. (Сер. «Литературные памятники»). URL: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (дата обращения: 06.12.2015).

Михайлов А.Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы. М.: Языки слав. культуры, 2006 [1976]. 264 с.

Михайлова Т.А. «Жизнь Мерлина» Гальфрида Монмутского: К проблеме источников //Свободный взгляд на литературу: Проблемы современной филологии: сб. ст. к 60-летию науч. деятельности акад. Н.И. Балашова. М., 2002. С. 240–248.

Рус А., Рус Б. Наследие кельтов. = Celtic Heritage: древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / пер. с англ. Т.Михайловой. М.: Энигма, 1999. 480 с.

Роберт. Сага Тристрама и Исонды / пер. со старонорвежского С. И. Неделева-Степонавичене // Легенда о Тристане и Изольде / подг. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1976. С. 145–214. URL: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (дата обращения: 06.12.2015).

Тома. Роман о Тристане / пер. со старофранцузского Ю.Б. Корнеева // Легенда о Тристане и Изольде / подг. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1976. С. 81–131. (Сер. «Литературные памятники»). URL: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (дата обращения: 06.12.2015).

Триады острова Британии // Легенда о Тристане и Изольде / подг. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1976. С. 11–13.

Dullon M. Celts and Aryans. Simla: Indian Institute of Advanced Study, 1975. 153 p.

Jones E. Musical and Poetical Relicks of the Welsh Bards: Preserved, by Tradition and Authentic Manuscripts, from Very Remote Antiquity; Never Before Published... London, 1794. 183 p.

Lupack A. Introduction to *Sir Tristrem* // Lancelot of the Laik and Sir Tristrem / ed. by Alan Lupack. Kalamazoo, Michigan: Western Michigan University for TEAMS, 1994. P. I–VIII (+ 282 p.) См. также: <http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/lancefrm.htm>.

Scott W. An Essay on Romance // Scott W. Miscellaneous Prose Works: in 7 vols. Vol. IV. Paris: Baudry's European Library, 1838б. P. 265–312.

Scott W. Minstrelsy of the Scottish Border Consisting of Historical and Romantic Ballads, Collected In the Southern Counties of Scotland; With a Few Of Modern Date, Founded Upon Local Tradition: in Three Volumes. Vol.III. Edinburgh: James Ballantyne and Co., 1806. 471 p.

Scott W. Sir Trisrem; A Metrical Romance of the thirteenth century by Thomas of Erceldoune, called the Rhymer // Scott W. The Poetical Works of Sir Walter Scott; in 4 Series, containing Minstrelsy of the Scottish Border, Sir Tristrem and Dramatic Pieces. Ser. 3. Paris, Baudry's European Library, 1838а. P.1–208. (Collection of Ancient and Modern English Authors., vol. CCXIII).

References

Dullon M. Celts and Aryans. Simla: Indian Institute of Advanced Study, 1975. 153 p.

Gasparov M.L. Oчерк istorii jевропейского sti-kha [Essay on the history of European verse]. M.: Nauka Publ., 1980. 302 p.

Jones E. Musical and Poetical Relicks of the Welsh Bards: Preserved, by Tradition and Authentic Manuscripts, from Very Remote Antiquity; Never Before Published... London, 1794, 183 p.

Lazareva T.G. Istorija sredevekovoj Shotlandii v pesnjakh. Walter Scott “Pesni Shotlandского pograničja”: Monografija [History of medieval Scotland in songs. Walter Scott “Scottish Borderland songs”: Monograph]. St. Petersburg: OOO “Knizhnyj Dom” Publ., 2008. 192 p.

Legenda o Tristane i Izol'de [The Legend of Tristan and Iseult] /ed. by Mihkajlov A.D. *Serija* “Literaturnyje pamjatniki” [Series “Monuments of Literature”]. M.: “Nauka” Publ., 1976. 736 p. Available at: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (accessed 06.12.2015).

Lupack A. Introduction to *Sir Tristrem*. Lancelot of the Laik and Sir Tristrem. Ed. By Alan Lupack. Kalamazoo, Michigan: Western Michigan University for TEAMS, 1994. P. I–VIII (+ 282 p.) Available at: <http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/lancefrm.htm>.

Mikhajlov A.D. Istorija legendy o Tristane i Izol'de [The History of the Legend of Tristan and Iseult] /ed.by Mikhajlov A.D. *Serija* “Literaturnyje pamjatniki” [Series “Monuments of Literature”]. M.: “Nauka” Publ., 1976. P. 419–271. Available at: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (accessed 06.12.2015).

Mikhajlov A.D. Srednevekovyje legendy i zapadnojevropejskije literatury [Medieval legends and West-European literatures]. M.: Jazyki Slavjznskoj kul'tury Publ., 2006 [1976]. 264 p.

Mikhajlova T.A. “Zhizn' Merliny” Gal'frida Monmutskogo:K problem istočnikov [“Life of Marilyn” by Geoffrey of Monmouth. Towards the problem of sources]. Svobodnyj vzgljad na literaturu: Problemy sovremennoj filologii. Sb.st. k 60-letiju nauch. Dejatel'nosti akad. N.I. Balashova [A free vision of literature: Problems of modern philology. Collected articles to the 60-th anniversary of academic Balashov N.I scientific work]. M., 2002. P. 240–248.

Ris A., Ris B., Nasledije kel'tov: drevnjaja traditsija v Irlandii i Uel'se [Celtic Heritage: ancient tradition in Ireland and Wales] /Translated from English by T. Mikhajlov. M.: Enigma Publ., 1999. 480 p.

Robert Saga Tristrama i Isondy [Saga of Tristram and Ísönd] /Translated from old Norse by Nedeljaeva-Stepanovichene S.I. Legenda o Tristane i Izol'de [Tristan and Iseult Legend] / ed.by Mikhajlov A.D. M.: Nauka Publ., 1976. P. 145–214. Available at: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (accessed 06.12.2015).

Toma. Roman o Tristane [Thomas. Tristan]/Translated from old French by Ju.B. Korneeva Legenda o Tristane I Izol'de [Tristan and Iseult Legend]/ ed.by Mikhajlov A.D. M.: Nauka Publ., 1976. P. 81–131. Available at: http://lib.ru/INOOLD/WORLD/tristan_i_izolda.txt (accessed 06.12.2015).

Triady ostrova Britanii. Legenda o Tristane i Izol'de [Triads of Britania island. The Legend of Tristan and Iseult]/ ed. By Mikhajlov A.D. M.: Nauka Publ., 1976. P. 11–13.

Scott W. An Essay on Romance // Scott W. Miscellaneous Prose Works. In 7 vols. Vol. IV. Paris: Baudry's European Library, 1838, P. 265–312.

Scott W. Minstrelsy of the Scottish Border Consisting of Historical and Romantic Ballads, Collected In the Southern Counties of Scotland;

With a Few Of Modern Date, Founded Upon Local Tradition. In Three Volumes. Vol.III. Edinburgh: James Ballantyne and Co., 1806. 471 p.

Scott W. Sir Trisrem; A Metrical Romance of the thirteenth century by Thomas of Erceldoune, called the Rhymer // Scott W. The Poetical Works of Sir Walter Scott; In 4 Series, containing Minstrelsy of

the Scottish Border, Sir Tristrem and Dramatic Pieces. Ser. 3. Paris, Baudry's European Library, 1838a. P. 1–208. (Collection of Ancient and Modern English Authors., vol. CCXIII).

Weiss M. Biblija I sovremennoje literaturovedenije [The Bible and modern literary criticism]. M.: "Mosty Kul'tury" Publ., 2001. 445 p.

**THOMAS THE RHYMER'S ROMANCE «SIR TRISTREM»:
ON TRACES OF THE ANCIENT CELTIC TECHNIQUES
IN MEDIEVAL POETRY**

Tatyana G. Lazareva

Associate Professor in the Department of English Philology
Kurgan State University

The article is devoted to some peculiarities of poetical techniques used in the medieval romance «Sir Tristrem» ascribed to the famous Scottish bard Thomas the Rhymer. A stereotypical view on it as a brief retelling of the well-known «Le Roman de Tristan par Thomas» brought the Scottish narration to the periphery of the mediaevalists' research interests. Nevertheless, studying the complex verse and stanza structures, peculiarities of its style and vocabulary, «motifs instruments» and the system of images in «Sir Tristrem», it is possible to conclude that its author used very old poetical techniques, developed by Celtic druids, and narrated the story very important to them for some reason.

Key words: bard; Tomas the Rhymer (Lermaunt); Tristan-Tristrem; ancient poetical techniques; Celtic druids.

УДК 821.111

О ПАРАДОКСЕ ЖЕНСКИХ И ДЕТСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНАХ Ч. ДИККЕНСА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Варвара Андреевна Бячкова

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bvarvara@yandex.ru

В статье ставится проблема парадокса женских и детских образов в романах Ч. Диккенса. Как известно, Диккенс в своих произведениях часто обращается к теме семьи. Важнейшая в семье фигура, по мнению Диккенса и его современников, – это хозяйка дома, жена и мать, «Домашний Ангел». Вместе с тем тема семьи неотделима от темы незащищенного детства и воспитания. Парадокс женских и детских образов видится в том, что «Домашние Ангелы» у Диккенса, как правило, вырастают только из несчастливых детей. Среди возможных причин парадокса называются дидактическая направленность романов писателя, использование приема контрастов, следование писателем идеологии современной ему эпохи (с постановкой и обсуждением актуальных проблем воспитания и образования) и, наконец, место и роль женских персонажей в системе образов (ориентир и наставница молодого героя).

Ключевые слова: Ч. Диккенс; романы; женский образ; детский образ; детство; «Домашний Ангел».

В этой статье делается попытка поразмышлять о весьма любопытном парадоксе, который обнаруживается при целостном анализе творчества Ч. Диккенса. Он связан в романах писателя с женскими и детскими образами.

Своего рода «визитная карточка» викторианского романа в целом и творчества Ч. Диккенса в частности – это особое внимание, к проблемам дома, семьи. Дом рассматривался викторианцами как место, где человек чувствовал свободу, обрел психологический комфорт, отдыхал от рабочего дня, – словом, как подлинно «личное» пространство, чрезвычайно важное для счастливого и гармоничного существования (см. об этом: [Flanders 2003: xx–xxvi]). Таким и предстает «дом» в романах Ч. Диккенса, «одного из величайших хроникеров домашнего обихода во всех его проявлениях» [там же: xxiii]. Важнейшая в семье фигура, по Диккенсу и его современникам, – это хозяйка дома, жена и мать, «Домашний Ангел» (см., например: [Roovey 1984: x]) или «Ангел в доме»; этот образ, ставший формулой идеала викторианской женщины, впервые появился в поэме Ковентри Патмора (см. об этом, например: [Фирстова 2010]). Разумеется, нельзя утверждать, что Диккенс снимает с мужчины

всякую ответственность за воспитание детей, психологический климат в семье, а также положение семьи в обществе, однако именно женщина в романах писателя становится своеобразным стержнем семейного счастья и благополучия. Как пишет П. Стаббз: «Диккенс всегда отождествлял идеальную женщину с идеальным домом» (перевод мой. – В.Б.)¹ [Stubbs 1979: 30]. И действительно, дом «карьеристки» (или филантропки, вроде миссис Джеллеби или миссис Пардигл, «Холодный дом»), «некомпетентной» хозяйки (миссис Поккет, «Большие надежды»), больной и безвольной (миссис Грэдграйд, «Тяжелые времена») или просто несчастной и непонятой женщины (Эдит Домби, «Домби и сын») обречен на физическое разрушение, запустение, нищету, ссоры и раздор; дети не получают «правильного» воспитания, а отец – внимания, поддержки и совета, все страдают от недостатка любви, депрессии, заниженной самооценки. Викторианский «Домашний ангел» – залог теплого, уютного, обеспеченного (по крайней мере, с точки зрения его обитателей) дома, где царят любовь, гармония и порядок; ее дети хорошо воспитаны, образованы, повзрослев, они смогут устроить себе такую же счастливую и спокойную

жизнь; ее муж спокоен и радостен, гордится своей семьей, уверен в завтрашнем дне, нередко преуспевает на профессиональном поприще или же просто работает (в том числе и на благо семьи) добросовестно и с удовольствием.

Тема семьи «идет рука об руку» с темой незащищенного детства и воспитания, так же популярной у викторианцев (и не только писателей, но и философов, педагогов и пр.). Интерес к ребенку, а следовательно – к правильному воспитанию всегда присутствовал и был вполне объясним, ведь именно продуктом правильного воспитания становится высоко нравственный человек, семьянин и гражданин. В XIX в. как раз произошел «сдвиг» в представлениях о воспитании, ключевым компонентом которого стал интерес к детям и детству: «Викторианцы уделяли больше внимание детству... Концепция сурового воспитания существовала всегда, но она редко, как в викторианские времена, сочеталась с интересом и любовью...» [Grylls 1978: 23]. Внимание к детскому образу Ч. Диккенса, как полагают некоторые исследователи, даже несколько шире, чем просто отклик на популярные темы и наблюдавшиеся вопросы эпохи: «Писать о детях у Диккенса – значит не только исследовать детство викторианской эпохи. Это значит – писать о самом Диккенсе, человеке и творце» [Coveney 1967: 111]. Обращаясь к проблеме воспитания, Диккенс писал об «эмоциональном эффекте, который воспитание оказывает на детей» [см.: там же: 125]. Представленные писателем образы создают обобщенный образец идеальных (или, наоборот, недопустимых) условий взросления и воспитания человека. Для нашей темы примечательно, что для девочек и мальчиков эти условия в принципе одинаковы: относительное финансовое благополучие семьи или, как минимум, наличие ответственных родных или опекунов (которых лишены, к примеру, Нелл и Маркиза из романа «Лавка древностей»), разумная родительская любовь, не предъявляющая к ребенку чрезмерных требований (которой так не хватило Поллю Домби-младшему из романа «Домби и сын» или Луизе Грэдграинд в «Тяжелых временах»), в целом адекватное воспитание с заботой о нравственном здоровье ребенка (жертвами отсутствия которого становятся Эстелла в романе «Большие надежды» или Стирфорт в «Дэвиде Копперфильде»), а иногда – и с правом не знать до срока взрослых забот и горестей (их груз в полной мере чувствует на себе, например, девочка Чарли из «Холодного дома»).

Заявленный нами парадокс детских и женских образов состоит в том, что в романах Диккенса мы практически не найдем положительного при-

мера, когда из счастливой (а счастье подразумевает и хорошее воспитание) девочки формируется «Домашний ангел». Идеальные женщины, хозяйки, жены и матери в творчестве писателя получаются практически только из чем-либо обделенных детей. Детство «Домашних ангелов», «Пчелок Хлопотуний» и «Маленьких маменек» Диккенса далеко до идеала.

Вспомним лишь некоторые примеры. Незаконнорожденная Эстер Самерсон («Холодный дом», 1853), одинокий, застенчивый ребенок с заниженной самооценкой («...я знаю, что я не умная... Я не могу соображать быстро...» [Диккенс 1960б: 28–29]), растет, подавляемая рассказами суровой тетки о позоре, которым покрыла ее мать. От тетки же Эстер усваивает идеалы всей ее последующей жизни: «Послушание, самоотречение, усердная работа» [там же: 32], и именно они делают из нее всеобщую советчицу, утешительницу, Пчелку-Хлопотунью. По выражению исследовательницы К. Девер, Эстер, не имея матери, сама становится «матерью для всех» [Dever 1998: 86]. Другой пример из романа «Холодный дом» – Кэдди Джеллеби-Тарвидроп. Старшая дочь забросившей дом и семью филантропки, истерзанная «неразберихой», царящей дома (в Кэдди в начале романа поражает полное отсутствие девичьей мягкости и хороших манер), мечтает жизнь собственной семьи построить по-другому, очень серьезно готовится к роли жены и хозяйки дома: «...еще я умею делать маленькие пудинги и знаю, как покупать баранину, чай, масло... Вот шить я еще не умею...но, может быть, научусь; а главное... я чувствую, что *характер у меня стал лучше...*» (выделено мною. – В.Б.) [Диккенс 1960б: 259]. Как узнает читатель в финале романа, Кэдди действительно становится «Домашним Ангелом», даже несмотря на эгоиста-свекра, мягкосердечного мужа и больного ребенка.

В романе «Дэвид Копперфильд» (1849–1850) встречаем другой яркий пример «Домашнего Ангела» без детства: Агнесс Уикфилд, «незыблемый образ ангела с неба» [Auerbach 1982: 84]. Героине суждено было повзрослеть раньше времени, чтобы заботиться об отце и доме, заменяя покойную мать. Знакомясь с девочкой, Дэвид отмечает ангельское, внеземное начало, для которого нет времени: «она сама была дух умиротворения и покоя, добрый дух, который я никогда не забуду» [Диккенс 1959: 267].

Наконец, вспомним заглавную героиню романа «Крошка Доррит» (1855–1857). Эми Доррит – «сказочная героиня, существующая среди обыденной прозы», «деятельное олицетворение идеального начала» (по мысли Т. Сильман [Силь-

ман: 1958: 326–327]). О ранних ее годах Диккенс пишет: «...когда ей только сравнялось восемь, отец ее остался вдовцом. И если до тех пор чувство заботы лишь скользило, мешаясь с жалостью и состраданием, во взгляде ее широко раскрытых глаз, то теперь оно должно было воплотиться в дела и поступки...без друзей, или хотя бы знакомых...девочка, прозванная «дитя Маршалси», начала свою женскую жизнь... Она заняла место старшей среди троих детей...сделалась главой этой поверженной семьи и приняла на свои хрупкие плечи все бремя позора и неудач» [Диккенс 1960а: 98–99].

И напротив, из тех, кто в детстве наслаждался относительным материальным достатком, беззаботностью и родительской любовью, не получают идеальные жены и матери. «Девочек-жен», вроде Доры Спенлоу-Копперфильд или Минни («Крошки») Мигглз-Гоуэн, исследовательница Э. Лэнглэнд называет «некомпетентными ангелами» [Langland 1995: 80–113], они и рады бы сделать так, чтобы все у них в семье было «правильно», но не знают как. А, например, дети мистера Грэдграйнда (роман «Тяжелые времена»), воспитанные, казалось бы, предельно ответственным отцом и среди столь ценимых Диккенсом чистоты, аккуратности и порядка [см. об этом: Carey 1991: 3, 34], оказываются искалечены тисками воспитательной системы на всю жизнь.

Если анализировать романы писателя, помня об их нравственно-дидактической составляющей, то все будет казаться предельно ясным. Диккенс создает контрастные образы: героини, с детства страдающие от непонимания и недостатка любви, у Диккенса совершают подвиг, не утратив способности к самопожертвованию, труду в разных его проявлениях, «деятельной доброте» и человечности (все эти качества Диккенс подает как проявления подлинной женственности). Семейное счастье таких героинь – это одновременно и результат их стараний, и награда за них. «Счастливые» же девочки только на первый взгляд кажутся таковыми. На самом деле они тоже несчастны, так как родители, чрезмерно любя своих детей, не дают им должного воспитания (что ведет к инфантильности, эгоизму, моральной слабости, неумению строить отношения с другими людьми) либо, как в случае с детьми Грэдграйндов, растяг детей, применяя крайне вредные воспитательные принципы и методы, чем калечат души детей не меньше.

Но только ли контрастами системы образов и дидактической направленностью романов писателя можно объяснить то, что Диккенс так упор-

но «лишает» детства своих героинь – идеальных жен, матерей и хозяек?

Возможно, причины кроются не только в творческих принципах писателя, но и в идеологии викторианской эпохи в целом. Здесь нельзя недооценивать два обстоятельства.

Во-первых, Диккенс является не единственным писателем эпохи, который выводит образ «Домашнего Ангела без права на детство», этому есть и другие примеры, причем, что показательно, и в детской литературе. Можно вспомнить сказку Дж. Барри «Питер Пэн», которая хотя и была создана несколько позже (1904–1911), но во многом вполне соответствует канонам викторианской эпохи. По сюжету в волшебной стране Питера Нетландии (или Нет-И-Не-Будет, стране игр и вечного детства) живут только мальчики. Оказавшейся там девочке Вэнди отведена лишь одна роль – мамы. Юная героиня, казалось бы, только играет в маму, но на самом деле совсем не «понарошку» штопает носки, готовит еду, воспитывает, учит и т.д. И что парадоксально, только вернувшись из «беззаботной» Нетландии в реальный мир, к своей маме, Вэнди вспоминает, что она тоже еще ребенок и ей самой нужна мама. Если оставить в стороне биографию Дж. Барри, некоторые факты из которой могли бы, как считают исследователи, объяснить, почему мир детства Нетландия – исключительно мальчишеская страна (см. об этом подробнее: [Covey 1967: 251–254]), то подобную «несправедливость» можно объяснить тем, что в произведениях и Барри, и Диккенса находит отражение разница в подходах к воспитанию девочек и мальчиков в викторианскую эпоху. Как пишет историк и литературовед Дж. Фландерс, викторианская семья представляла собой четко выстроенную иерархию и «среди детей тоже была своя маленькая пирамида: сначала – мальчики (любого возраста), потом – девочки» [Flanders: 60]. Вследствие этого принципа многие девочки становились «Домашними Ангелами» уже в детской: имели домашние обязанности, буквально «прислуживали» братьям (см.: [там же: 61–62], учились подавлять свои желания, быть скромными, тактичными, серьезными – словом, с самых ранних лет «репетировали» роль, уготовленную им обществом. А поскольку детские спонтанность, эмоциональность и беззаботность плохо сочетались с ролью «Домашнего Ангела», девочек старались от них избавить как можно скорее, превращая их в «маленьких женщин».

Но не будем забывать и о том, что вышеописанные нами принципы воспитания девочек непостижимым образом уживались с другими, совершенно противоположными, постулатами.

Вполне вероятно, что парадокс диккенсовских «Домашних Ангелов без детства» и противопоставление их «Некомпетентным Ангелам – вечным детям» – было как раз ответом писателя на другой парадокс – парадокс женского воспитания и образования викторианской эпохи. С одной стороны, девочки с раннего возраста учились вести домашнее хозяйство, заботиться о нуждах других и прочему, но, с другой стороны – «взросление» девочек в целом не поощрялось, особенно путем регулярного образования и общения со сверстниками. Дж. Фландерс об этом пишет: «Мальчики рано покидали дом, отправляясь в школу в семилетнем возрасте (если семья могла себе позволить заплатить за школу). Но даже в «дневной» школе мальчики много времени проводили со сверстниками, рано социализировались. С девочками все было наоборот: чем богаче семья, тем меньше была вероятность, что девочка покинет родительский дом. Они должны были *оставаться детьми как можно дольше*» (курсив мой. – В.Б.) [Flanders 2004: 52]. В незамужней барышне, таким образом, культивировали детскость, инфантильность, викторианский идеал юной девушки – изящное, «воздушное», незащищенное, невинное и наивное существо, почти «не от мира сего», не отягощенное глубокими знаниями в любой сфере жизни. После свадьбы же она должна была каким-то образом «переродиться», обнаружив массу практических знаний и качеств, которые помогают строить отношения и формируют благоприятный психологический климат в семье. Этот парадокс, судя по свидетельствам современников эпохи, в реальной жизни нередко приводил к крайне плачевным результатам, вплоть до семейных драм и трагедий (см. об этом: [там же: 210–213]. И другие писатели эпохи, помимо Диккенса, обращались к этой проблеме довольно часто. Вот, например, в романе Дж. Элиот «Миддлмарч» (1872) герой Терциус Лидгейт страдает от последствий брака с «Некомпетентным Ангелом» Розамондой Винси. Розамонда – «жертва патриархального уклада жизни» [Wright 1991: 78], а Лидгейт – «носитель традиционных, но глупых представлений о семье и браке» [Stubbs 1979: 35]. Сначала он знакомится с другой героиней романа – Доротеей Брук («Домашним Ангелом») и даже несколько увлечен ею, отдавая должное ее степенности, доброте, спокойной красоте. Но потом встречает Розамону и, влюбившись, даже пытается рассуждать о том, что именно она (а не Доротей), веселая, легкая, «воздушная», соответствует идеалу настоящей молодой леди (подробнее о этом см.: [там же]).

Если мы вернемся к творчеству Диккенса, то увидим похожую картину. Например, в романе «Дэвид Копперфильд» «Домашний Ангел» Агнес приходит на смену первой жене героя – «Некомпетентному Ангелу» Доре. Викторианская идеология разработала парадоксальную систему воспитания Доры и тысячи других девочек. Они сами не могут преодолеть ее последствия. Чтобы парадокса не было, нужно, чтобы система не работала. А не работает она только двух случаях: во-первых, в чрезвычайных обстоятельствах, когда у девочки нет возможности долго оставаться ребенком (например, как в случае с Агнес, из-за смерти матери), а во-вторых, когда «Домашний Ангел без детства» сам становится матерью и воспитывает своих дочерей по-другому, т.е. правильно. Думается, неслучайно многие «Домашние Ангелы» Диккенса (Эстер, Агнес, Бэлла Уилфер-Роксмит/Гармон, о которой речь пойдет впереди, – роман «Наш общий друг», 1865) – мамы девочек, т.е. по Диккенсу, из счастливого ребенка может вырасти «Домашний Ангел» (героини ведь наверняка воспитают дочерей по образу и подобию своему), но «через поколение».

Можно предложить и другое объяснение парадокса женских образов у Диккенса. Его выводим из довольно любопытной теории, предложенной исследователем Дж. Кэри. Анализируя роман «Дэвид Копперфильд», Кэри пишет, что причина неспособности Дэвида воспринимать Агнес как потенциальную возлюбленную кроется не в Агнес, а в самом Дэвиде. Второе замужество матери, как мы помним, травмирует мальчика Дэвида. Для него дом и семья (частью которого является Домашний Ангел – жена и мать), «взрослые взаимоотношения» – это союз матери и жестокого мистера Мэрдстона, вызывающий даже у повзрослевшего Дэвида ужас. Представить самого себя как часть подобного союза Дэвид не может, а потому и отстраняется от самой вероятной кандидатки в жены – Агнес (не видит в ней ребенка, т.е. кого-то равного себе). Постепенно Дэвид «выздоровливает», познавая другие проявления любви: восхищение Стриффортом, платоническую любовь к Эмили, затем брак с «неземным существом» Дорой, и, наконец, герой оказывается психологически готовым к союзу с Агнес [Carey 1991: 170–174].

Таким образом получается следующая схема: молодой герой испытывает трудности с взрослением, обретением самостоятельности, поиском своего места в жизни, от чего испытывает большой психологический дискомфорт. Ему встречается «Домашний Ангел», сильный, много переживший, мудрый и компетентный, одним словом – «взрослый». Еще более взрослым «Ангел» ка-

жется молодому герою, так как он ощущает дистанцию между собой и «Ангелом». «Ангел» помогает герою выбраться из психологического тупика, ведет его за собой, как не смогла бы вести «девочка-жена». Потом, когда герой «дорастает» до уровня «Ангела», между ними возникает взаимное чувство и они создают счастливую и гармоничную семью.

Такая схема в разных ее проявлениях присутствует не только в «Дэвиде Копперфильде». Можно под нее подвести и линию «Эми Доррит – Артур Кленнем». Один из ключевых образов романа – образ тюрьмы, который «достигает высокого уровня обобщения: он экстраполируется на весь мир, возникает образ мира как тюрьмы» [Проскурнин, Яшенькина 2004: 158]. Практически все персонажи романа сталкиваются с проблемой несвободы, воплощенной в разных образах-символах (птица в клетке, карантин, дом как тюрьма и пр.). Жизнь Артура Кленнема в начале романа тоже напоминает жизнь заключенного, с ее апатией, унынием и, главное – безысходностью и отчаянием. Представляя мир Артура читателям, Диккенс пишет об «унылом, тягостном, душном» воскресном вечере, «скорбном» колокольном звоне, ненавистных «мрачных воскресеньях» детства героя в доме суровой матери, полных «неуемной тоски и неизгладимого унижения» [Диккенс 1960а: 43–45]. Путь, пройденный Артуром в романе, – путь познания и освобождения. Эми Доррит становится для героя нравственным ориентиром, примером подвига самоотречения, труда и веры в добро, в лучшее. Эми – неотъемлемая часть мира Артура в финале романа. Теперь этот мир, несмотря ни на что, полон ярких красок, это «погожий осенний день» и «милый голос» пробуждают в герое «забытые воспоминания, как будто в звуках этого голоса оживали все слова ласки и участия, слышанные им за его долгую жизнь» [Диккенс 1960б: 462–463].

В заключение хотелось бы вспомнить еще один пример, а заодно и продемонстрировать, что происходит с парадоксом женских и детских образов в произведениях зрелого Диккенса. В романе «Наш общий друг» писатель, пожалуй, впервые предпринимает попытку отступить от прежней, парадоксальной, трактовки образа «Домашнего Ангела». В начале романа героиня Бэлла Уилфер – типичный «Некомпетентный Ангел». В прошлом она – «девочка с большими задатками» («Ты топала, милая, и визжала тоненьким голоском и колотила меня своим капором, который нарочно сорвала с головы», – с гордостью вспоминает отец Бэллы памятную первую встречу дочери с мистером Гармоном-

старшим, впоследствии пожелавшим, чтобы Бэлла непременно стала его невесткой), и, повзрослев не становится менее тщеславной, упрямой и эгоистичной [Диккенс 1962а: 57]. Однако в финале романа Диккенс, «избавив героиню от маленьких недостатков... пытается показать ее как «Домашнего Ангела» [Ingham 1992: 64]: «Миссис Джон Роксмит сидела за рукодельем в своей аккуратно прибранной комнате, а возле ее кресла стояла корзиночка с аккуратно сложенными рубашечками и платьями...руки миссис Роксмит так ловко управлялись с работой, что ее, по всей вероятности, кто-то обучил шитью. Любовь – прекрасный учитель... наставлял миссис Роксмит в избранной ею отрасли рукоделия» [Диккенс 1962б: 389]. По утверждению диккенсоведа К. Филдинг, Бэлла – «самая, а точнее – единственная естественная и привлекательная героиня Диккенса» [Fielding 1965: 227]. Диккенс отказывается от парадокса, контрастности женских образов, однако и в этом романе он следует схеме «взросление молодого героя с помощью Домашнего Ангела». Характер возлюбленного Бэллы Джона Роксмита/Гармона тоже не стоит на месте, молодой человек излечивается от «недоверчивости» («след тяжелого детства и того пагубного, только пагубного влияния, которое отцовские деньги и сам отец распространяли на всех, кто так или иначе соприкасался с ними» [Диккенс 1962б: 463]). Любовь к нему Бэллы, ее готовность ради него пожертвовать финансовым благополучием и богатыми покровителями возвращают молодому человеку веру в людей и в возможное счастье. Однако в этом романе речь идет не только о взрослении молодого героя, но и о взрослении, точнее, становлении «Домашнего Ангела»: любовь к Джону показывает Бэлле, ради чего и как по-настоящему стоит жить.

Таким образом, мы можем предложить следующие причины парадокса женских и детских образов в романах Ч.Диккенса: дидактическая направленность романов писателя, использование приема контрастов, следование писателя идеологии современной ему эпохи (с постановкой и обсуждением актуальных проблем воспитания и образования) и, наконец, место и роль женских персонажей в системе образов (ориентир и наставница молодого героя). Однако мы полагаем, что вопрос парадокса женских и детских образов Диккенса этим не исчерпывается и вполне может стать предметом дальнейших размышлений и исследований.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты из иноязычных изданий даются в переводе автора статьи.

Список литературы

Диккенс Ч. Дэвид Копперфильд / пер. с англ. А. В. Кривцовой и Е. Ланна // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. Т. 15. 526 с.

Диккенс Ч. Крошка Доррит. Книга первая / пер. с англ. Е. Калашниковой // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960 а. Т. 20. 558 с.

Диккенс Ч. Крошка Доррит. Книга вторая / пер. с англ. Е. Калашниковой // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960 б. Т. 21. 484 с.

Диккенс Ч. Наш общий друг. Книги первая и вторая / пер. с англ. Н. Волжиной и Н. Дарузес // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1962 а. Т. 24. 520 с.

Диккенс Ч. Наш общий друг. Книги третья и четвертая / пер. с англ. Н. Волжиной и Н. Дарузес // Диккенс Ч. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1962 б. Т. 25. 488 с.

Проскурнин Б.М., Яшенькина Р.Ф. История зарубежной литературы XIX в.: Западноевропейская реалистическая проза. М.: Флинта, Наука, 2004. 416 с.

Сильман Т. Диккенс. Очерки творчества. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 407 с.

Фирстова М.Ю. Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа Элизабет Гаскелл «Руфь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4(10). С. 111–119.

Auerbach N. Woman and the Demon. The Life of a Victorian Myth. Cambridge; Massachusetts; London (England): Harvard University Press, 1982. 255 p.

Carey J. The Violent Effigy. A Study of Dickens' Imagination. London; Boston: Faber and Faber, 1991. 215 p.

Coveney P. The Image of Childhood. London: Penguin Books, 1967. 362 p.

Dever C. Death and the Mother. From Dickens to Freud. Victorian Fiction and the Anxiety of Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 252 p.

Fielding K.J. Charles Dickens. London: Longman, 1958. 269 p.

Flanders J. The Victorian House. London: Harper Perrenial, 2004. 476 p.

Grylls D. Guardians and Angels. Parents and Children in the XIXth Century Literature. London and Boston: Faber and Faber, 1978. 212 p.

Ingham P. Dickens, Women and Language. New York; London: Harvester, Wheatsheaf, 1992. 152 p.

Langland E. Nobody's Angels. Middle-Class Women and Domestic Ideology in Victorian Cul-

ture. Ithaca, London: Cornell University Press, 1995. 268 p.

Poovey M. The Proper Lady and the Woman Writer. Chicago; London: University of Chicago Press, 1984. 287 p.

Stubbs P. Women and Fiction. Feminism and the Novel 1880–1920. Bristol: Methuen, 1979. 263 p.

Wright T.R. George's Eliot Middlemarch. New York; London: Harvester and Wheatsheaf, 1991. 111 p.

References

Auerbach N. Woman and the Demon. The Life of a Victorian Myth. Cambridge, Massachusetts, London (England): Harvard University Press, 1982. 255 p.

Carey J. The Violent Effigy. A Study of Dickens' Imagination. London, Boston: Faber and Faber, 1991. 215 p.

Coveney P. The Image of Childhood. London: Penguin Books, 1967. 362 p.

Dever C. Death and the Mother. From Dickens to Freud. Victorian Fiction and the Anxiety of Origins. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 252 p.

Dickens Ch. Devid Kopperfil'd [David Copperfield] / transl. by A.V. Krivtsova and E. Lann. Ch. Dickens. Sobr. Soch [Collection of Works: in 30 vols.]. Moscow: State Publ. of Fiction, 1959. Vol.15. 526 p.

Dickens Ch. Kroshka Dorrit. Kniga 1. [Little Dorrit. Book 1] / transl. by E. Kalashnikova. Ch. Dickens. Sobr.Soch [Collection of Works: in 30 vols.]. Moscow: State Publ. of Fiction, 1960. Vol.20. 558 p.

Dickens Ch. Kroshka Dorrit. Kniga 2 [Little Dorrit. Book 2] / transl. by E. Kalashnikova. Ch. Dickens. Sobr.Soch [Collection of Works: in 30 vols.]. Moscow: State Publ. of Fiction, 1960. Vol.21. 484 p.

Dickens Ch. Nash obshchij drug. Knigi pervaja i vtoraja [Our Common Friend. Books 1 and 2] / transl. by N.Volzina and N.Daruzes. Ch. Dickens. Sobr. Soch [Collection of Works: in 30 vols.]. Moscow: State Publ. of Fiction, 1962. Vol.24. 520 p.

Dickens Ch. Nash obshchij drug. Knigi tret'ja i chetvjortaja [Our Common Friend. Books 3 and 4] / transl. by N.Volzina and N.Daruzes. Ch. Dickens. Sobr. Soch [Collection of Works: in 30 vols.]. Moscow: State Publ. of Fiction, 1962. Vol.25. 488 p.

Fielding K.J. Charles Dickens. London: Longman, 1958. 269 p.

Firstova M.Yu. Ideja dukhovnogo samosovershenstvovanija v khudozhestvennoj structure romana Elizabet Gaskell "Ruf'" [The Idea of Self-Improvement in the novel "Ruth" of Elizabeth Gaskell]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i

zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 4(10). P. 111–119.

Flanders J. The Victorian House. L.: Harper Perennial, 2004. 476 p.

Grylls D. Guardians and Angels. Parents and Children in the XIXth Century Literature. London and Boston: Faber and Faber, 1978. 212 p.

Ingham P. Dickens, Women and Language. New York, London: Harvester, Wheatsheaf, 1992. 152 p.

Langland E. Nobody's Angels. Middle-Class Women and Domestic Ideology in Victorian Culture. Ithaca, London: Cornell University Press, 1995. 268 p.

Poovey M. The Proper Lady and the Woman Writer. Chicago – London: University of Chicago Press, 1984. 287 p.

Proskurnin B.M., Jashen'kina R.F. Istorija zarubezhnoj literatury XIX v.: Zapadnoevropejskaja realističeskaja proza [The History of Foreign Literature of the XIXth Century. Western European Prose]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2004. 416 p.

Silman T. Dickens. Očerki tvorčestva [Dickens. Essays on Creative Works]. Moscow: State Publ. of Fiction, 1958. 407 p.

Stubbs P. Women and Fiction. Feminism and the Novel 1880–1920. Bristol: Methuen, 1979. 263 p.

Wright T.R. George's Eliot Middlemarch. New York, London: Harvester and Wheatsheaf, 1991. 111 p.

ON THE PARADOX OF WOMEN'S AND CHILDREN'S IMAGES IN CH. DICKENS' NOVELS

Varvara A. Byachkova

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

The article designates the problem of the paradox of women's and children's images in novels by Charles Dickens. One of the most popular themes of his novels is the one of the family. According to Dickens and other Victorian writers, the centre of the family is a woman, a wife, a mother, "an Angel in the House". On the other hand, the theme of the family is closely connected with the theme of childhood, upbringing and education. We see the paradox of women's and children's images in the fact that "Angles in the House" in Dickens' novels are almost always unhappy as children, their childhood is not ideal. Among the reasons for such paradox we name the didactic function of Dickens' prose, the method of contrasts and opposition, often used by Dickens, as well as Victorian ideology, and the system of characters in Dickens' novels ("Angles in the House" are often mentors and guides to young male characters).

Key words: Ch. Dickens; novels; image of a woman; image of a child; childhood, "Angel in the House".

УДК 821.111

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗМЕ Ш. БРОНТЕ («ГОРОДОК» И МОНОМИФ)

Эльмира Викторовна Васильева

аспирант кафедры истории зарубежных литератур

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11. elm_vas@mail.ru

В данной статье роман Ш. Бронте «Городок» (*Villette*, 1853) – самое откровенное и одно из самых недооцененных произведений писательницы – рассматривается с позиции мифологической школы литературоведения и, в частности, через призму известной теории мономифа. Этот подход позволяет автору статьи исследовать структуру сюжета романа и представить его как частное прочтение «чудесного путешествия», т. е. базового сюжета о переходе, в рамках которого, согласно теории Дж. Кэмпбелла, преобразование универсального героя происходит благодаря его выходу за пределы реальности. Путешествие Люси Сноу в вымышленное государство Лабаскур является в романе ключевой метафорой духовного пути главной героини к подобному преобразению. Выбранный автором статьи подход к роману позволяет глубже погрузиться в авторское сознание Бронте и открыть новые грани художественного мира «Городка», а также поставить вопрос о необходимости пересмотра устоявшегося представления об этом произведении как о ярком примере реалистического текста. Исследуя способы работы Бронте с мифом как универсальным языком искусства, мы можем сделать вывод о переходном характере ее творчества, занимающем промежуточное положение между романтизмом и реализмом (в романе осуществляется синтез эстетики мифа и формы реалистического романа), а также между реализмом и искусством XX в., в частности, таким его проявлением, как «мифологический» (или «мифологизирующий») роман, для которого характерно структурирование текста с помощью мифа.

Ключевые слова: Шарлотта Бронте; «Городок»; мифологическая школа в литературоведении; концепция мономифа; романтизм; реализм; «мифологический» роман.

«Городок» (*Villette*, 1853) – последний роман, написанный затворницей Хаурта, знаменитой английской писательницей Шарлоттой Бронте (1816–1855), и, пожалуй, самое недооцененное ее произведение. Роман был тепло встречен читателями-современниками и вызвал оживленное обсуждение в среде викторианской интеллигенции. Среди тех, кто высоко оценил художественные достоинства этого произведения Бронте, были выдающиеся романистки Джордж Элиот и Элизабет Гаскелл. Последняя, которую с Бронте связывали дружеские отношения, искренне восхищалась мастерством приятельницы, сумевшей создать «столь замечательный роман» «при таком ограниченном круге персонажей и столь невыразительном месте действия, как [школа-] пансион» [Гаскелл 2015: 468]. Несомненно, причиной творческого успеха Бронте послужило прекрасное владение материалом. Впервые в

своей творческой карьере писательница решилась рассказать о том, что пережила сама, и обратилась к воспоминаниям о своей жизни и работе в Бельгии в 1842–1844 гг. [Ивашева 1974: 311]. Работа над романом была очень трудной, писательнице было тяжело воскрешать в памяти эпизоды своей жизни, которые она предпочла бы забыть. Результат ее усилий был предсказуем: роман, вдохновленный личным опытом и написанный уже зрелой художницей, получился столь откровенным, что Бронте пришлось запретить его перевод на французский язык, чтобы ее бельгийские знакомые не получили доступа к этому тексту. Впервые «Городок» был издан на французском языке лишь в XX в., хотя многочисленные издания романа «Таухнице» в середине 1850-х гг. сделали его необычайно популярным на континенте. В качестве доказательства влияния последнего текста Бронте на фран-

пузскую литературу исследовательница С. Брие приводит убедительный сравнительный анализ «Городка» и некоторых стихотворений А. Рембо [Briet 1968].

Однако вернемся к самому роману. Действительно, судьба его главной героини – англичанки Люси Сноу (хотя правильнее было бы транслитерировать ее фамилию как «Сноуи» в соответствии с англоязычным написанием “Snowe”) – во многом повторяет судьбу ее создательницы. Потеряв семью, Люси отправляется на континент, в вымышленную страну Лабаскур, в столице которой, Виллете (под ним, конечно, подразумевается Брюссель), молодая женщина получает место учительницы английского языка в школе-пансионе мадам Бек. Непростые отношения Люси с одним из коллег, загадочным и эксцентричным месье Полем Эманюэлем, задают динамику повествованию. В конце романа герои понимают, что любят друг друга, но родственники Поля, включая мадам Бек, которая приходится ему кужиной, не могут допустить возмутительного брака с безродной иностранкой-еретичкой. Выполняя поручение семьи, Поль уезжает по делам в Вест-Индию, оставив Люси небольшую частную школу и деньги на проживание. В течение трех лет Люси ждет возвращения жениха, но на пути в Европу его корабль попадает в бурю. Поль погибает, а Люси до конца жизни остается одинокой и несчастной.

Образ Поля Эманюэля критики единогласно считают вдохновленным фигурой господина Константена Эже, владельца школы-пансиона в Брюсселе, в которой училась и работала Шарлотта Бронте. Даже американские феминистские критики С. М. Гилберт и С. Гьюбар, чей имманентный подход к анализу произведений позволяет им успешно «вскрывать» заложенные авторами смыслы без обращения к биографическому контексту, называют «Городок» последней попыткой писательницы примириться со своим одиночеством и особенно с потерей Эже [Gilbert, Gubar 2000: 400]. Безответная любовь будущей писательницы к женатому директору, к тому же стыдившемуся пламенных проявлений ее чувства, была, вероятно, самым сильным романтическим переживанием в ее жизни [Ивашева 1974: 273–274, 312], о котором, по понятным причинам, умалчивали викторианские критики. В своей книге «Жизнь Шарлотты Бронте» (*The Life of Charlotte Brontë*, 1857), изданной спустя два года после смерти писательницы, Элизабет Гаскелл также деликатно обошла стороной эту тему. Современная же точка зрения на отношения Бронте и ее брюссельского наставника такова, что бельгийский опыт сказался на всем творчестве писательницы [Gérin 1987: 227], определив его траги-

ческий характер и эмоциональную насыщенность.

После возвращения в Хауорт Бронте продолжала посылать Эже трогательные письма, умоляя ответить и тем самым избавить ее от душевных страданий, которые делали ее жизнь невыносимой [Brontë 2007: 58]. Бронте остро переживала разлуку: она навсегда вернулась в Англию к мрачному уединению Хауортского прихода; он остался в Бельгии – счастливый муж и отец семейства. Расстояние между двумя странами казалось Бронте непреодолимым, возможно, именно поэтому литературное воплощение Эже – Поль – погибает в конце романа, становясь таким образом недостижимым для главной героини. Смерть Поля можно рассматривать и как попытку Бронте проститься с собственным чувством, расстаться с иллюзией, которую она лелеяла в течение многих лет.

Ввиду болезненной автобиографичности «Городка», местами граничащей с документализмом, М. П. Тугушева называет это сочинение «торжеством действительности над вымыслом» [Тугушева 1982: 162], противопоставляя его роману «Джейн Эйр» (*Jane Eyre*, 1847), в котором фантастические элементы (сны, видения, мистические слуховые галлюцинации, удивительные совпадения, символы) определяют ход повествования и судьбу главной героини.

Даже трагический финал «Городка» исследовательница объясняет укреплением реалистического творческого метода в художественной программе Бронте. Не дав своей героине шанса на счастливый брак в конце романа, писательница не только бросала вызов конвенциям женской прозы ранневикторианского периода, но и открещивалась от собственного прошлого литературного опыта: ведь истории более ранних ее героинь – Фрэнсис Эванс, Джейн Эйр, Кэролайн Хелстоун и Шерли Килдар – заканчивались матримонимальной идиллией. М. П. Тугушева настаивает на том, что Бронте сознательно делает выбор в пользу трагического завершения истории Люси Сноу как более соответствующего правде жизни [Тугушева 1982: 162].

Однозначное прочтение «Городка» как романа, свидетельствующего о творческой эволюции Бронте, связанной с завершением перехода от романтического к реалистическому мировосприятию, не оставляет возможностей для более глубокого анализа текста. Признавая «Городок» реалистическим произведением, мы отказываем ему в художественном своеобразии, тонком символизме, игровой нарративной структуре, которые были визитной карточкой Бронте-романистки. Поставив же под сомнение столь категоричную атрибуцию романа, мы можем по-

пытаться заново увидеть историю Люси Сноу и открыть новые грани этого текста Бронте, ничуть не уступающего по силе воздействия и сложности авторской задумки ее ставшему хрестоматийным роману «Джейн Эйр».

Как и в случае Джейн Эйр, одиночество Люси Сноу, отсутствие у нее семьи и друзей, которых волновала бы ее судьба, делают эту героиню достаточно независимой в принятии решений. Так, после смерти своей первой работодательницы мисс Марчмонт Люси решается навсегда оставить Англию и отправиться на континент. Одной из первых на значение этого эпизода обратила внимание Дж. Ф. Блэколл, которая еще в 1976 г. говорила о двойственной образности пути в романе: физическое путешествие в Лабаскур служит символом духовного путешествия, в которое отправляется главная героиня [Blackall 1976: 17].

Однако, описывая начало своего судьбоносного путешествия, Люси Сноу прибегает к неожиданной образности. На пороге новой жизни героиня сравнивает свой отъезд из Англии с переходом в загробный мир: «Мы скользнули по мрачной черной реке, а перед моим внутренним взором катились волны Стикса, по которым Харон вез в Царство теней одинокую душу» [Бронте 2011: 44]. Одинокую душу, или одинокую Психею (*др.-греч.* Ψυχή – «душа»), которая, как мы помним, ищет своего супруга Купидона и выполняет задания его матери Венеры, среди которых есть и одно, связанное с пересечением Стикса [Апулей 1956: 126–127]? Предположим, что эта метафорика не является случайным художественным выбором автора романа, а служит некой сверхзадаче.

Со свойственной ей творческой интуицией Шарлотта Бронте почувствовала неограниченный художественный потенциал мотива чудесного путешествия, архетипического перехода из одного мира в другой, и попыталась функционально использовать его применительно к истории главной героини. По Дж. Кэмпбэлли, самоуничтожение как форма преображения – важнейший этап (духовного) пути универсального героя, а «преодоление магического порога» между двумя мирами исследователь считает одним из принципиальных структурных элементов мономифа (универсального пра-сюжета) [Кэмпбелл 1997: 93–94, 230, 235]. Люси сравнивает свое путешествие со схождением в «Царство теней», т. е. с физической смертью (обратим внимание на наличие корня *bass(e)* – «нижний», «низкий» – в самом топониме «Лабаскур»), но для Бронте этот переход символизирует начало подлинного духовного преображения героини.

Логике чудесного путешествия подчинено и дальнейшее повествование Люси. Никто из ис-

следователей романа не придавал должного значения тому, что действие самого реалистического произведения Бронте происходит в полностью вымышленном государстве. Пусть всем понятен зашифрованный смысл названия Лабаскур (очевидно, связанный также с французским звучанием топонима *Les Pays-Bas*, т. е. Нидерландов, в состав которых Бельгия официально входила до бельгийской революции 1830 г.), но от этого не меняется сам факт перемещения главной героини из реальной Великобритании в полуфантастический Лабаскур. Этот переход автоматически придает всему повествованию статус условного.

Более того, условной оказывается и сама главная героиня. Мы ничего не знаем о прошлом Люси Сноу, ему посвящен всего один загадочный, полный тайной символики пассаж: «Пусть я предстану перед вашим мысленным взором праздной, радостной, пухленькой и счастливой девушкой, лежащей в мягких креслах на палубе <...> Но в самом деле все случилось по-иному! Я, должно быть, упала за борт, или же в конце концов мое судно пошло ко дну. <...> я знаю, что была буря, которая длилась не один час и не один день. Много дней прошло без солнца и ночей – без звезд. Собственными руками сбрасывали мы груз с нашего судна, над нами бесновался ураган, не оставалось надежды на спасение. В конце концов корабль затонул, экипаж погиб» [Бронте 2011: 30]. По мнению Д. Ламоники, описание кораблекрушения – чистая метафора, а сам факт отсутствия у Люси семьи и друзей должен усилить наше ощущение одиночества и психологической изолированности главной героини [Lamonica 2003: 189–190; 194].

Бронте не говорит о Люси ничего конкретно, что само по себе является ключом к ее замыслу: перед нами условная героиня, чья история существует как бы отдельно от нее самой, приобретая обобщающий характер. В некотором смысле история Люси – это миф.

Для романтиков, на творчестве которых была воспитана Бронте, характерен интерес к мифу как к особому поэтическому языку. Немецкие романтики «видели в мифе идеальное искусство» (достаточно вспомнить эстетические построения Шеллинга [Schelling 1989: 33–83]) и стремились к созданию новой художественной мифологии [Мелетинский 2012: 251]. Однако «мифологизирование» романтиков сводилось к игре с традиционной мифологической образностью. В XX в. мифологизм, по определению Е.М. Мелетинского, становится «инструментом структурирования повествования» [Мелетинский 2012: 260–261]: модернисты Джеймс Джойс, Томас Манн, Франц Кафка создают «мифологический» (или «мифологизирующий») роман, в котором происходит

синтезирование поэтики романа и мифа. Среди основных черт зрелого «мифологического» романа И. А. Пивоварова называет неопсихологизм, гетерогенность, наличие лейтмотивов и цикличность повествования [Пивоварова 2012: 138].

Творчество Шарлотты Бронте хронологически равноудалено и от романтизма, и от модернизма. В то время как в юношеских сочинениях писательницы и ее романе «Джейн Эйр» очевидно тяготение к романтической традиции [Проскурнин 2009: 53], роман «Городок» с осторожностью можно назвать пре-модернистским. Викторинка Бронте предвосхищает открытие «мифологического» романа, ведь ей явно недостаточно романтического восприятия мифа как исключительно эстетического феномена. Она структурирует свой роман с помощью универсального мифического сюжета о переходе, что делает «Городок» поистине новаторским произведением для викторианской литературы.

Пройдя границу, разделяющую два мира (в романе «Городок» роль Цербера выполняет «дорожная, красивая, в пух и прах разодетая женщина» [Бронте 2011: 44], которую Люси просит показать ей ее место в каюте для дам), Люси Сноу оказывается на берегу странного мира, который не подчиняется земной логике, что вполне соответствует идее Кэмпбелла о том, что «перейдя через порог, герой оказывается в фантастической стране с удивительно изменчивыми, неоднозначными формами, где ему предстоит пройти ряд испытаний» [Кэмпбелл 1997: 104].

Описывая «лабаскурский» опыт главной героини, Бронте впервые в своей творческой карьере проявляет себя настоящим визионером, создавая парадоксальную полиморфную действительность, постоянную меняющую очертания, «обманывающую» героиню и все же остающуюся вполне привычной на первый взгляд. П. Боумелья, обращая внимание на неустойчивость и переменчивость созданного Бронте художественного мира, называет «Городок» одним из самых «странных» (не *'weird'*, а именно *'strange'*, т.е. в самой семантике слова заложена идея чужерожности) романов XIX в. [Boumelha 1990: 100], но эта «странность» повествования пугает, напоминая ночной кошмар. Добродетельная хозяйка школы-пансиона мадам Бек, чей административный талант не перестает превозносить Люси, оказывается безжалостной лицемеркой, которая, ко всему прочему, регулярно досматривает личные вещи своих учениц и даже преподавателей, прокрадываясь в их спальни под покровом ночи. Поль Эманюэль – ревностный католик, воспитанный священником-иезуитом, – носит мусульманскую феску, а при первом появ-

лении предстает в роли языческого оракула, способного по одному взгляду на лицо Люси рассказать о ней все. Призрак монахини, преследующий Люси на протяжении всего романа, оказывается переодетым в лохмотья полковником де Амалем. Сама Люси – строгая моралистка-пуристка – в школьном водевиле с успехом исполняет роль молодого фата. Доктор Джон, пользующий пансионером мадам Бек, и тайный возлюбленный Джиневры «Исидор» в действительности являются одним человеком – Грэмом Бреттоном, другом детства Люси и сыном ее крестной. В молодой графине де Бассомпьер Люси узнает Полину Хоум, которую знала еще ребенком. Наконец, в пансионе мадам Бек Люси занимает место другой уроженки Великобритании – вульгарной ирландки миссис Суини (чья фамилия оказывается подозрительно созвучной с фамилией «Сноуи»). Герои романа не узнают друг друга, а порой и самих себя в водовороте странных происшествий и неожиданных встреч; об этом интересно рассуждает Дж. Хьюз, оригинально называя основной художественный прием, используемый Бронте, «аффектированным остранением» [Hughes 2000: 711–712, 717] (пер. мой. – Э. В.).

Герои романа не только меняют имена и амплуа, но и сливаются воедино (Люси и мадам Бек, Джиневра и Полина и т. д.). Люси-Психея ищет своего Купидона, которого находит в Виллете сразу в двух лицах – прекрасного доктора Джона и чудаковатого месье Поля. Шарлотта Бронте не оставляет никаких сомнений в том, что перед нами два абсолютно разных персонажа, а ее героиня, пережив вновь и переборыв в себе подростковую увлеченность Джоном Грэмом Бреттоном, открывает сердце для нового, более зрелого чувства к маленькому тирану Полю Эманюэлю. И все же эти два полярно разных героя выступают в романе в роли двойников. Оба они – чужеземцы в Лабаскуре, оба находятся под неусыпной охраной старшей женщины-покровительницы (миссис Бреттон и мадам Бек соответственно), оба испытывают к Люси братские чувства, оба пытаются «разгадать» ее, обращаясь к модным в XIX в. френологии и физиогномике [Dames 1996: 381–382].

Ближе к концу романа повествование Люси окончательно теряет реалистические очертания. В гл. XXXIV «Малеволия» доминирует сказочный дискурс: мадам Бек нагружает Люси работой, с тем чтобы у той не было времени встречаться с Полем, а затем поручает отнести корзину с фруктами в дом одной пожилой леди, находящийся на улице Волхвов. Ассоциации со страшной сказкой усиливаются, когда Люси наконец видит загадочную мадам Уолревенс:

«Но было ли то подлинно человеческое существо? Ко мне <...> двигалось странное виденье. <...> Я начала понимать, где я нахожусь. Недалом это место называется улицей Волхвов; верно, башни, высящиеся над округой, переняли у крестных своих, трех таинственных мудрецов, их темное и древнее колдовское искусство. Здесь царят чары седой старины <...> Кунигинда, колдунья! Малеволія – злая волшебница!» [Бронте 2011: 351].

Но подлинной своей кульминации сказочно-мифологический дискурс достигает в гл. XXXVIII – XXXIX. Под воздействием подсыпанного мадам Бек снотворного, Люси, охваченная наркотическим возбуждением, отправляется на странную ночную прогулку по Виллету. В отличие от крепкого «стигийского сна» [Апулей 1956: 129] мифической Психеи, сон Люси оказывается явью. Бронте мастерски передают ощущение полусна-полубодрствования, в котором пребывает ее героиня, предвосхищая психологизм «мифологического» романа XX в., описывает ее галлюцинаторные видения («Волшебная страна, пышный сад, долина, усеянная сверкающими метеорами, леса, как драгоценными камнями разубранные золотыми и красными огоньками; не сень дерев, но дивные чертоги, храмы, пирамиды, обелиски и сфинксы; слышанное ли дело – чудеса Египта вдруг заполнили виллетский парк» [Бронте 2011: 406–407]), восприятие действительности, искаженное под воздействием порошка, который был подмешан в ее питье.

Б.М. Проскурнин отмечает, что в романе «Джейн Эйр» Шарлотте Бронте удается создать художественный мир, представленный читателю через призму субъективного восприятия Джейн: «ничто в романе не дается вне пределов жизненного опыта героини» [Проскурнин 2009: 59]. В «Городке» писательница делает существенный шаг вперед и предлагает читателям описание полужантастической реальности, представленной как *часть* измененного сознания Люси.

Во время своей тайной, фантастической прогулки Люси встречает и своих знакомых – Бреттонов, Бассомпьюеров, Поля и его родных, страшную мадам Уолревенс, юную Жюстин Мари, которую Люси принимает за чудесным образом воскресшую невесту Поля.

Понимая свое болезненное состояние, Люси все же не сомневается в том, что именно во время этой ночной прогулки ей открылась правда, которая «прогнала Притворство, и Лесть, и Надежды» [Бронте 2011: 419], и таким образом вернула ей душевную свободу, которой она была лишена прежде, мучимая неопределенностью в отношениях с Грэмом и Полем.

Чудесное путешествие Люси в Лабаскур оказывается лишь преамбулой к еще более чудесному путешествию – ночной прогулке, открытия которой меняют Люси, освобождают ее от прежних страхов. Особый символизм в этом контексте приобретает последняя встреча Люси с призраком монахини, состоявшаяся по возвращении главной героини в пансион: «... я смело двинулась к призраку. Не проронив ни звука, я бросилась к своей постели <...> Я схватила ее – инкубу! Я стащила ее с постели – ведьму! Я трянула ее – тайну! И она рухнула на пол и рассыпалась лоскутами и клочьями, и вот уже я попираю ее ногами» [там же: 421]. Впервые решившись заглянуть в глаза своему страху, Люси узнает, что страшный образ монахини, на который она проецировала все свои сомнения и боязнь изоляции, – всего лишь кукла, чужая нелепая шутка. Эта духовная победа знаменует собой выход Люси из «Царства теней» и возвращение повествования из мифологического дискурса в реалистический. Из «бедной английской учительницы в промозглом чердаке» [там же: 231] Люси Сноу превращается в “*Directrice Mademoiselle Lucie Snowe*” [там же: 433], *directrice* собственной школы-пансиона и *directrice* своей жизни.

История окончена, чудесное преобразование состоялось, и логичным его окончанием был бы отнюдь не брак Люси и Поля, но возвращение главной героини на родину в новом статусе (сходным с возвращением Джейн к Рочестеру в новом для него образе обеспеченной и самостоятельной женщины). Однако Бронте делает последний, по-настоящему новаторский шаг. Казалось бы, уже вырвавшись из «Царства теней», ее Люси Сноу тем не менее навсегда остается в нем, словно став еще одной потерявшейся тенью. И именно в этом заключается подлинный трагизм ее истории: она не завершает полного цикла, и в ее случае жесткая структура мономифа оказывается нарушена.

Остается последнее: кораблекрушение, в котором погибает Поль, странным образом вызывает в памяти читателя рассказ Люси о той символической катастрофе, которая унесла жизни ее близких. Не вполне понятно, было ли то странное воспоминание мрачным предчувствием трагедии, которая должна была произойти в конце романа, или в этом сюжетном параллелизме в последний раз проявляется полиморфизм истории Люси и ее прошлое сливается с будущим. Так или иначе эта последняя творческая провокация Бронте также оказывается финальным аккордом в созданной ею викторианской вариации базового сюжета мировой литературы.

Предложенный краткий анализ романа Бронте «Городок» в контексте теории мономифа являет-

ся лишь частным прочтением этого позднего текста английского классика XIX в., и все же на базе этого анализа можно усомниться в торжестве реализма в позднем творчестве писательницы и подвергнуть пересмотру устоявшееся представление об однонаправленной, линейной эволюции ее творческого метода от чистого романтизма к не менее чистому реализму. Шарлотта Бронте – художник переходного типа, чье творчество становится своеобразным мостом между литературой XIX и XX вв.

Список литературы

Апулей. Золотой осел. Метаморфозы в одиннадцати книгах / пер. с лат. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. 280 с.

Бронте Ш. Городок / пер. А. Орел, Е. Суриц. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2011. 448 с.

Гаскелл Э. Жизнь Шарлотты Бронте / пер. А. Степанова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 544 с.

Ивашева В. В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. 464 с.

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. А. П. Хомик. М.: “Рефл-бук”, “АСТ”; Киев: “Ваклер”, 1997. 384 с.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Акад. Проект; Мир, 2012. 331 с.

Пивоварова И. А. Особенности жанра мифологического романа в творчестве А. А. Кондратьева // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. № 11. С. 138–141.

Проскурнин Б. М. Новый человек и новое время в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» // Вестник Пермского университета. Филология. 2009. Вып. 4. С. 51–62.

Тугушева М. П. Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества. М.: Худож. лит., 1982. 191 с.

Blackall J. F. Point of View in “Villette” // The Journal of Narrative Technique. 1976. No. 1 (6). P. 14–28.

Boumelha P. Charlotte Brontë. London: Harvester, 1990. 152 p.

Briet S. “Villette”, le roman de Charlotte Brontë, A-t-il influencé quelques poems d’Arthur Rimbaud? // Revue d’Histoire de la France. 1968. No. 5. P. 834–840.

Brontë Ch. Selected Letters / Ed. M. Smith. New York: Oxford University Press, 2007. 259 p.

Dames N. The Clinical Novel: Phrenology and “Villette” // NOVEL: A Forum on Fiction. 1996. No. 3 (29). P. 367–390.

Gérin W. Charlotte Brontë. The Evolution of Genius. Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. 617 p.

Hughes J. The Affective World of Charlotte Brontë’s “Villette” // Studies in English Literature, 1500–1900. 2000. No. 4 (40). P. 711–726.

Lamonica D. “We are Three Sisters”: Self and Family in the Writing of the Brontës. Columbia: University of Missouri Press, 2003. 260 p.

Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination. 2nd ed. New Haven; London: Yale Nota Bene; Yale University Press, 2000. 719 p.

Schelling F. W. J. The Philosophy of Art / ed., trans., and introd. by D. W. Scott. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. 345 p.

References

Apuleius Zolotoj Osel. Metamorfozy v odinnadsati knigakh [The Golden Ass, or Metamorphoses]. Moscow: Gos. izdatel'stvo khudozh. lit. Publ., 1956. 280 p.

Blackall J. F. Point of View in “Villette” // The Journal of Narrative Technique. 1976. No. 1 (6). P. 14–28.

Boumelha P. Charlotte Brontë. London: Harvester, 1990. 152 p.

Briet S. “Villette”, le roman de Charlotte Brontë, A-t-il influencé quelques poems d’Arthur Rimbaud? // Revue d’Histoire de la France. 1968. No. 5. P. 834–840.

Brontë Ch. Gorodok [Villette] / transl. by A. Orel, E. Surits. Moscow: AST; Astrel'; Poligrafizdat Publ., 2011. 448 p.

Brontë Ch. Selected Letters / Ed. M. Smith. New York: Oxford University Press, 2007. 259 p.

Campbell J. Tysiachelikij geroj [The Hero with a Thousand Faces] / transl. by A. P. Khomik. Moscow: “Refl-buk”, “AST”; Kiev: “Vakler” Publ., 1997. 384 p.

Dames N. The Clinical Novel: Phrenology and “Villette” // NOVEL: A Forum on Fiction. 1996. No. 3 (29). P. 367–390.

Gaskell E. Zhizn' Sharlotty Bronte [The Life of Charlotte Brontë] / transl. by A. Stepanov. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atiikus Publ., 2015. 544 p.

Gérin W. Charlotte Brontë. The Evolution of Genius. Oxford; New York: Oxford University Press, 1987. 617 p.

Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination. 2nd ed. New Haven; London: Yale Nota Bene; Yale University Press, 2000. 719 p.

Hughes J. The Affective World of Charlotte Brontë’s “Villette” // Studies in English Literature, 1500–1900. 2000. No. 4 (40). P. 711–726.

Ivasheva V. V. Anglijskij realisticheskij roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii [The

English Realist Novel of the 19th Century and its Modern Perception]. Moscow: Khudozh. literature Publ., 1974. 464 p.

Lamonica D. "We are Three Sisters": Self and Family in the Writing of the Brontës. Columbia: University of Missouri Press, 2003. 260 p.

Meletinskij E. M. Poetika mifa [The Poetics of a Myth]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2012. 331 p.

Pivovarova I.A. Osobennosti zhanra mifologicheskogo romana v tvorcestve A. A. Kondratieva [The special features of the mythological novel in A. A. Kondratiev's works]. Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]. 2012. Iss. 11. P. 138–141.

Proskurnin B. M. Novyj chelovek i novoe vremja v romane Sharlotty Bronte "Djein Eir" [The New Individuality and New Age in Charlotte Brontë's *Jane Eyre*]. Vestnik Permskogo Universiteta. Serija: Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2009. Iss. 4. P. 51–62.

Schelling F. W. J. The Philosophy of Art / Edited, translated, and introduced by D. W. Scott. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. 345 p.

Tugusheva M. P. Sharlotta Bronte. Ocherk zhizni i tvorcestva [Charlotte Brontë: A Sketch of Life and Art]. Moscow: Khudozh. literature Publ., 1982. 191 p.

CHARLOTTE BRONTË'S REALISM RECONSIDERED (VILLETTE AND MONOMYTH)

Elmira V. Vasilieva

Postgraduate Student in the Department of Foreign Literature
Saint Petersburg State University

Charlotte Brontë's *Villette* (1853), her most painfully confessional, yet largely underestimated novel, is considered in the article from the standpoint of the monomyth theory, one of the most prolific ideas of the archetypal literary criticism school. Such a perspective allows the author of the study to anatomize the plot structure of the novel and present it as a special interpretation of the 'hero's journey', i. e. the basic plot of transcendence, in which the universal hero has to exceed the bounds of reality in order to be transformed, according to J. Campbell's theory. Lucy Snowe's journey to the fictional country of Labassecour serves as a powerful metaphor for the heroine's spiritual quest. Not only does the chosen approach allow us to dive deeper into Brontë's imagination and the artistic world of *Villette*, but it also makes us reconsider the existing attitude to it as to a quintessential realist text. As we try to analyze Charlotte Brontë's strategies of dealing with a myth as a universal language of art, we come closer to recognizing her personal style as a phenomenon of transition from Romanticism to Realism (mythical aesthetics is merged here with the strictly realist novel approach), and, more importantly, from Realism to the 20th-century literature and the so-called «mythologizing» novel, in which myth is exploited as a structuralizing tool.

Key words: Charlotte Brontë; *Villette*; archetypal literary criticism; monomyth theory; Romanticism; Realism; «mythologizing» novel.

УДК 821.111

СИМВОЛИКА САДА В РОМАНЕ Г. К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ»

Екатерина Владимировна Васильева

**к. филол. н., доцент кафедры русского языка,
современной русской и зарубежной литературы**

Воронежский государственный педагогический университет

394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. vevvrn@mail.ru

Статья посвящена анализу символической образности сада и парка в романе Г.К. Честертона «Человек, который был Четвергом» (1908). Показано, как в художественном пространстве романа сад, изображаемый как конкретное пространство, где происходит действие, приобретает условно-символический характер. Конкретно-образный план повествования – фантазмагорические приключения героев – необходим Честертону, чтобы изобразить мир «диких сомнений» и отчаяния, растерянности, которые испытывал человек начала XX в. перед кажущейся бессмысленностью жизни. В романе противопоставляются два топоса: «лес» – символическое воплощение сомнений и ложных иллюзий, характерных для общественного сознания начала XX в., и «сад», который символизирует идеи родного дома, райского сада, жизненного многообразия. В статье делается вывод о том, что символика образа «сад» строится на личных жизненных впечатлениях, а также автором используется семантика сада как художественной и культурной универсалии.

Ключевые слова: Г. К. Честертон; «Человек, который был Четвергом»; «философия радости»; сад; парк; художественное пространство; символика; топос.

Усадьба с ее важнейшими элементами (дом, приусадебный участок обработанной земли, сад, парк и др.) наряду с храмом является одним из первых культурных пространств, созданных человеком. Соединение бытового и бытийного, развернутость усадьбы в диахроническом плане, наложение прошлого, настоящего, будущего делают усадьбу, а соответственно, сад и парк богатейшим семиотическим топосом, многозначным текстом, что активно используется в художественной литературе.

Романы Г. К. Честертона (1874–1936), известного английского писателя, журналиста, философа, стали своеобразным художественным воплощением критического анализа и осмысления им состояния общественного сознания начала XX в., а также его собственной оригинальной концепции гармоничного существования человека и мира («философии радости») (см. подробнее: [Аверинцев 1984; Васильева 2007, 2015; Плахтиенко 1986; Coats 1984]). Предмет изображения (идеи и теории, популярные на рубеже XIX–XX вв.) определил жанровое своеобразие

романов писателя – их философско-символический характер. Отличительной особенностью Честертона-мыслителя было умение избегать в художественной и публицистической прозе абстрактных понятий и отвлеченных рассуждений и выражать свои мысли с помощью ярких конкретных образов, метафор, символов, которые строятся на основе изображения предметов реальной действительности. В романах и детективах Честертона достаточно часто местом действия становятся сады и парки, которые носят явные черты символического художественного пространства.

Традиционно сад и парк включаются в единое организованное человеком культурное пространство – садово-парковый ансамбль (см. подробнее: [Лихачев 1998]), поэтому в дальнейшем, анализируя роман Честертона, мы будем использовать понятия «сад» и «парк» как семантически синонимичные пространственные категории.

Один из лучших романов Честертона «Человек, который был Четвергом» (1908) начинается

захватывающим описанием Шафранного парка, одного из предместий Лондона, находящегося на западе. Освещенный лучами заходящего солнца парк предстает как невероятное, фантастическое, чудесное пространство. Создавая образ Шафранного парка, Честертон имел в виду любимый им Бедфорд-парк.

Бедфорд-парк как особый пригород Лондона возник в 1875 г. благодаря Джонатану Карру, который купил двадцать четыре акра земли и решил застроить эту территорию домами для среднего класса. В 1877 г. для реализации этой идеи он приглашает Ричарда Нормана Шоу, одного из ведущих английских архитекторов того времени. Они создают совершенно новаторский для того времени градостроительный проект, идея которого заключалась в совмещении массовой жилой застройки и зеленых насаждений, садов и парков. Дома строились из красного кирпича с белой отделкой – они ярким пятном выделялись на фоне зелени. Ричард Норман Шоу, придумав сад в пригороде, создал новую модель городской застройки («город-сад»): маленький зеленый рай, находящийся всего в тридцати минутах езды на поезде от лондонского Сити, противопоставлялся грязи и нищете Лондона. В строящихся домах Бедфорд-парка не было подвалов, которые ассоциировались с бедностью и нездоровым образом жизни. Неформальная застройка и живописность пригорода сразу привлекли внимание художественной интеллигенции. Здесь на рубеже веков селились актеры, ученые, художники, писатели. В разные годы здесь жили Генри Джеймс, Джозеф Конрад, Томас Харди, Герберт Уэллс, семья Йейтса и сам знаменитый ирландский поэт.

У самого Честертон с этим местом были связаны очень личные переживания и события. В годы обучения в художественном училище Слейда (1892–1895) Честертон переживает серьезный духовный кризис. Атмосфера, окружающая молодого человека, наполнена идеями конца века: всеразрушающий скепсис и нигилизм, аморализм эстетизма, с одной стороны, и материализм и прагматическая целесообразность буржуазного мира – с другой. Однажды гуляя по городу, он вышел на заброшенный мост и сверху увидел Бедфорд-парк. Обратимся к собственным свидетельствам Честертон, которые он оставил в своей «Автобиографии»: «Словом, я не спорил с тем, что улицы и шляпы некрасивы, а лондонское мироздание простирается до края света. Поэтому я так удивился, увидев издали первый и причудливый признак чего-то иного, яркую заплатку на серой одежде города» [Честертон 2003: 97]. Яркий и ни на что не похожий Бед-

форд-парк стал альтернативой серой и однообразной лондонской повседневноности, заповедным райским садом. В своей метафорической манере Честертон дает характеристику этому месту: «Бедфорд-парк, согласно замыслу, казался заповедником для богемы, если не для изгоев, убежищем для гонимых поэтов, укрывшихся в краснокирпичных баррикадах, когда мешанский мир попробует завоевать их. Победу, однако, одержал не мир, а Бедфорд-парк. <...> Мы ощущали, пусть неосознанно, что в этом предместье есть что-то призрачное, театральное, что это отчасти сон, отчасти – шутка, но никак не шарлатанство» [там же: 98].

В дальнейшем Честертон стал частым гостем Бедфорд-парка – его привлекали творческая атмосфера этого места, дискуссионный клуб, а также знакомство с семьей профессора Блога. В одну из дочерей профессора, Фрэнсис, Честертон влюбился, впоследствии она стала его спутницей жизни. Произшедшую метаморфозу с Честертонном: изменение его мироощущения, обретение гармонии с миром в результате открытия Бедфорд-парка – очень точно сформулировала Н. Л. Трауберг: «Согласно собственному его рассказу, он увидел Бедфорд-парк с моста или виадука, издали, словно райское видение, и с этой минуты тьма сменилась светом, бесприютность – тем особым ощущением мира как уютного дома, которое он всю оставшуюся жизнь пытался передать другим» [Трауберг 1992: 8]

Именно эти впечатления и были отражены в романе «Человек, который был Четвергом», где Бедфорд-парк фигурирует под названием Шафранный парк. «На закатной окраине Лондона раскинулось предместье, багряное и бесформенное, словно облако на закате. Причудливые силуэты домов, сложенных из красного кирпича, темнели на фоне неба, и в самом расположении их было что-то дикое, ибо они воплощали мечтанья предприимчивого строителя<...> Предместье не без причины слыло обиталищем художников и поэтов<...> Шафранный парк не стал средоточием культуры, но это не мешало ему быть поистине приятным местом. Глядя на причудливые красные дома, пришелец думал о том, какие странные люди живут в них, и, встретив этих людей, не испытывал разочарования. Предместье было не только приятным, но и прекрасным для тех, кто видел в нем не мнимость, а мечту. <...>Так и только так можно было смотреть на занимающее нас предместье – не столько мастерскую, сколько хрупкое, но совершенное творение. Вступая туда, человек ощущал, что попадает в самое сердце пьесы» [Честертон 1992: 150].

Основным стержнем «Человека, который был Четвергом» становится мотив поиска истины. Этот роман оценивается неоднозначно и противоречиво. Некоторые критики считают, что это кафкианский сюрреалистический кошмар [Barker 1973: 175, 178] или нелепый трагикомический фарс [Кашкин 1968: 345], другие же (Р. Толкиен, Х. Л. Борхес, С. Эйзенштейн) были поклонниками этого произведения, увлеченными и очарованными его фантастичностью и парадоксальностью, некоей тайной и недосказанностью.

Композиция романа «Человек, который был Четвергом» имеет рамочную структуру: начало и конец произведения – это дискуссия двух поэтов, Люциана Грегори и Гэбриела Сайма, об анархии и порядке, которую они ведут в Шафранном парке. Честертон неслучайно изменил название предместья, цветовой акцент в названии (сочетание золотистых и багряных тонов) превращает этот локус в символическое пространство, где возможно необычное, чудесное, что подготавливает развитие дальнейших событий. Спор между Саймом, «поэтом закона и порядка», и его оппонентом Люцианом Грегори, выступающим за утверждение хаоса и анархии, в наглядной форме «материализуется» на театре сознания самого Сайма, т. е. в его кошмарном сне (подзаголовок романа «Страшный сон»).

В романе предстает динамичный фантастический ряд событий, зачастую непонятных и бессвязных, в центре которых оказывается главный герой – Гэбриел Сайм. Сайм вступает в тайное общество полиции, ведущее борьбу с анархизмом, но не политическим, а умственным. Это уже анархия глобального порядка, которая стремится уничтожить все рамки и границы, все законы, организующие социальную и нравственную жизнь общества. Для Сайма защита традиционных законов и принципов явилась единственной возможностью устоять в безумном, хаотичном, распадающемся мире. Он выбирает особый, парадоксальный вид бунта: бунт против всех бунтов, защиту здравого смысла; вот почему поэт и становится сыщиком, и вступает в схватку с анархистами. Сайм проникает в Совет Анархистов, члены которого названы по дням недели, и становится Четвергом. Общество Анархистов возглавляет Воскресенье – сложный амбивалентный герой, организатор грандиозных мистификаций, мастер игры. Именно он вовлекает Сайма и других персонажей в представление-испытание, направленное на развенчание ложных интеллектуальных идей и иллюзий. Председатель-Воскресенье побуждает героев к поиску истины, заинтересовывает тайной мира; он – это сила, затеявшая игру, в которой персонажи,

названные по дням недели, олицетворяют шесть дней творения Божьего. Поэтому приключения главного героя предстают как серия эпизодов-разоблачений. Сайм с удивлением и счастьем узнает, что его «соратники» (Понедельник, Вторник, Среда, Пятница, Суббота) – мнимые анархисты, они тоже сыщики и борются с тайной нигилистической организацией.

В романе противопоставляются два топоса – лес и сад. Лес становится символической экстраполяцией предельного сомнения героев (глава «Преступники гонятся за полицией»). В определенный момент они с ужасом ощущают, что все становится зыбким, неуловимым, непостоянным. Весь мир находится в состоянии анархии – к такому выводу приходят сыщики. Возникает вопрос, можно ли кому-то доверять, можно ли доверять самому себе.

Игра светотени в лесу, через который бегут Сайм и его друзья, преследуя Председателя-Воскресенье, – не только отражение душевного состояния главного героя, но и символическое воспроизведение настроений эпохи – пессимизма, предельного сомнения во всем, что касается человека и мира: «Свет дробился, тени дрожали, лес казался трепещущей завесой, как экран в кино. Узоры светотени плясали, и Сайм едва различал своих спутников. То чья-нибудь голова загоралась рембрантовским светом, то возникали ярко-белые руки и темный, как у негра, нос. Волшебный лес, где лица становились то черными, то белыми, где очертания расплывались в свете и таяли во тьме, этот хаос светотени, сменивший четкую яркость солнечного дня, представлялся Сайму символом того мира, в котором он жил последние трое суток <...> Существует ли вообще что-нибудь, кроме того, что кажется? <...> Быть может, жизнь подобна неверному лесному миру, пляске света и тени. Все мелькает, все внезапно меняется, все исчезает. В сбрызнутом солнцем лесу Гэбриел Сайм нашел <...> импрессионизм – так называют теперь предельное сомнение, когда мир уже не стоит ни на чем» [Честертон 1992: 222]. Лес становится ярким образом-символом предельного сомнения, отсутствия четких представлений, иллюзий и неверия, которые характерны для общественного сознания Западной Европы на рубеже веков.

Приключения героев заканчиваются фантастическим маскарадом, который устраивается в поместье Воскресенья, где и происходит окончательное объяснение с таинственным Председателем. Все это совершается в саду, который дарит героям ощущение вновь обретенного дома, рая. Именно этот локус становится местом, где раскрываются все тайны, достигается состояние

гармонии с собой и с миром. Когда герои еще только подъезжают к дому, вокруг которого расположены парк и сад, отдельные детали пробуждают воспоминания о детстве и родном доме, ассоциирующиеся с радостью и покоем. Честертон не дает подробного описания парка, он указывает на предметы, детали, которые выхватываются взглядом героя (дорога, изгородь, вяз и др.), упоминается то, что дарит радость узнавания, ощущение возвращения к своим корням. «Он увидел, что экипаж миновал каменные ворота, въехал под сень листвы – наверное, то был парк <...> Тогда, словно пробуждаясь от крепкого целительного сна, он стал находить радость в каждой мелочи. <...> Позже шестеро друзей спорили о том, кто что подумал, но согласились, что почему-то каждому из них дом этот напомнил детство. Причиной была верхушка вяза или кривая тропинка, уголок фруктового сада или узорчатое окно; однако каждый знал, что место это вошло в его сознание раньше, чем собственная мать» [Честертон 1992: 251]. Отказываясь от детализации в описании сада и парка как места действия, Честертон, наоборот, подчеркивает его типичность, апеллируя к памяти и воображению читателя: «как во всех английских парках ... пологий склон...». Читатель вслед за героем после всех невероятных событий должен был увидеть знакомое пространство, которое создает атмосферу постоянства, уюта, защищенности.

Именно в этом саду Сайм и его друзья, одетые в костюмы, символизирующие первые дни творения, становятся свидетелями необычного и странного действия: «Костюмы были поистине безумны, и Сайму показалось, будто здесь все, что только существует на свете. Был тут и человек, одетый мельницей с огромными крыльями, и человек, одетый слоном, и человек, одетый воздушным шаром <...> Были здесь и тысячи других странностей – и пляшущий фонарь, и пляшущий корабль, и пляшущая яблоня, словно все обычные вещи, какие только есть в деревне и в городе, пустились в пляс под веселую музыку безумного шарманщика» [там же: 254]. Именно здесь, на карнавале, воспроизводящем многоликость и чудесность мира, герои обретают себя, им открывается «невидимая» сторона мира.

По мнению писателя, мир не так прост и скучен, как видят его обыватели и прагматики, но и не так страшен и катастрофичен, каким воспринимают его интеллектуалы. В свете его «философии радости» мир разнообразен, многолик и чудесен. В эссе «"Дон Кихот". Божественная пародия» Честертон оспаривает гамлетовское утверждение, полное пессимизма: «Наш мир не "невозделанный сад", как говорил Гамлет, а сад,

задыхающийся от избытка цветов» [Честертон 1989: 35]. Многообразие мира, его многоликость свидетельствуют не о его испорченности и распаде, а, наоборот, о том, что мир не исчерпал свои силы. Когда человек рубежа веков ощутил новые проявления жизни, не укладывающиеся в сложившиеся представления, он испугался и принял это за конец. В эссе Честертон утверждает, что надо говорить не об испорченности мира, а о том, что «путаница жизни, ее сомнения, неразбериха, ответственность, непонятная самому человеку, – все это происходит от избытка добра» [там же: 35]. К этому чудесному открытию и приходит Гэбриел Сайм, пройдя все испытания, выпавшие на его долю.

В «Человеке, который был Четвергом» Честертон материализовал движение сознания по лабиринту заблуждений. Мы согласны с Г. Уиллзом, который считает, что в романе запечатлен собственный честертоновский опыт преодоления влияния пессимизма и нигилистических теорий, пережитый в школе Слейда [Wills 1987: 338]. Но детективное расследование, в центре которого находится Сайм, становится также символическим поиском человека собственного «я», своего места в мире. Изображение фантазмагорических приключений писателю было необходимо для того, чтобы изобразить мир «диких сомнений» и отчаяния, растерянности, которые испытывал человек начала XX в. перед кажущейся бессмысленностью жизни. Честертон, как и Ф. Кафка (на это указывал Х. Л. Борхес [Борхес 1989: 215]), уловил это состояние и смог изобразить человека в абсурдном, бесцельном мире. Но, в отличие от Кафки, у английского писателя этот мир абсурда не подлинный, кошмар рассеивается и обращается доброй сказкой. Сам автор пишет, что «"Четверг" – роман утраты иллюзий наоборот». «Я не собирался описывать реальный мир таким, какой он есть <...> у меня было намерение изобразить мир тех диких сомнений и отчаяний, который в то время описывали пессимисты» [Chesterton 1996: 144–145]. Все происходящее в романе – это страшный сон, кошмар, который переживает сознание человека начала XX в. Преодолеть и выйти из тупика сознания помогает игра, в процессе которой герои приобщаются к тайне мира и обретают смысл существования, поэтому произведение заканчивается веселым карнавалом, где все становится на свои места, и счастливым пробуждением Сайма в Шафранном парке, обновленного и возрожденного: «Он чувствовал, что обрел невысказанную благую весть, рядом с которой все становится ничтожным и в ничтожности своей ÷ драгоценным» [Честертон 1992: 258]. Возвращение

героя в начальную точку повествования (кольцевая композиция), в Шафранный парк, но в уже новом качестве – это реализация авторской позиции композиционными средствами. Можно утверждать, что «философия радости» Честертонна, которая предполагает чудесность мира и радостное удивление и благодарность человека по отношению к бытию, реализуется в художественной картине мира писателя, в которой образ сада играет ключевую роль. Стоит вспомнить утверждение Д. С. Лихачева: «Сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. Поэтому сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом. <...>Сад всегда выражает некоторую философию, эстетическое представление о мире ... это микромир в его идеальном выражении» [Лихачев 1998: 11]

Итак, образ сада к последним главам романа насыщается многозначной символикой. Во-первых, сад – это символ дома, детства, с которыми ассоциируются радость и покой. Во-вторых, благодаря явным и скрытым цитатам из Библии сад становится райским садом. Причем Честертон развивает мотив не потери, утраты рая, изгнания человека из Эдема, а, наоборот, возвращения, обретения утраченного, восстановления гармонии человека и мира. И наконец, сад – это символ многообразия, многоликости мира. «Сад – подобие Вселенной, книга, по которой можно “прочсть” Вселенную. <...>Но сад книга особая: она отражает мир только в его доброй и идеальной сущности» [там же: 24]. Можно сделать вывод, что символика образа сада/парка у Честертонна базируется на личных впечатлениях и переживаниях, при этом включает традиционную семантику образа сада как художественной и культурной универсалии: сад-дом, сад-рай, сад-жизнь.

Список литературы

Аверинцев С. С. Гилберт Кит Честертон, или неожиданность здравого смысла // Честертон Г. К. Писатель в газете: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1984. С. 329–342.

Борхес Х. Л. О Честертоне // Борхес Х. Л. Проза разных лет: сб. М.: Радуга, 1989. С. 213–215.

Васильева Е. В. Духовный кризис рубежа XIX – XX веков в осмыслении Г. К. Честертонна // Известия ВГПУ. 2015. № 3 (286). С. 130–134.

Васильева Е. В. Романы Г. К. Честертонна: мир условности. Воронеж: ВГПУ, 2007. 168 с.

Кашкин И. Г. К. Честертон // Кашкин И. Для читателя-современника: Статьи и исследования. М.: Сов. писатель, 1968. С. 327–374.

Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие. ОАО Типография «Новости», 1998. 356 с.

Плахтиенко О. П. Художественная проза Гилберта Кийта Честертонна: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 272 с.

Трауберг Н. Л. Проповеди и притчи Гилберта Кийта Честертонна // Честертон Г. К. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Наполеон Ноттингхильский: роман. Человек, который был Четвергом: роман. Рассказы. М.: Худож. лит., 1992. С. 5–20.

Честертон Г. -К. Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. Наполеон Ноттингхильский: роман. Человек, который был Четвергом: роман. Рассказы. М.: Худож. лит., 1992. 446 с.

Честертон Г. К. Истинная романтика; «Дон Кихот». Божественная пародия; Что значит писать плохо; О классике (Эссе) // Детская лит. 1989. №3. С. 33–37.

Честертон Г. К. Человек с золотым ключом. М.: ЗАО Издательство «Кукушка», 2003. 336 с.

Barker D. G. K. Chesterton: A Biography. London: Constable, 1973. 304 p.

Chesterton G. K. The Man Who Was Thursday. London: Wordsworth EL, 1995. 150 p.

Coats J. D. Chesterton and the Edwardian Cultural Crisis. Hull: Hull univ. Press, 1984. 266 p.

Wills G. The Man Who Was Thursday // G. K. Chesterton: A Half Century of Views. New York: OUP, 1987. P. 335–342.

References

Averintsev S. S. Gilbert Kit Chesterton, ili neozhidannost' zdravomyslija [Gilbert Keiht Chesterton, or the surprise of sanity]. Chesterton G. K. Pisatel' v gazete: Khudozhestvennaja publitsistika [A writer in the newspaper. Art publicism]. M.: Progress Publ., 1984. P. 329–342.

Barker D. G. K. Chesterton: A Biography. L.: Constable, 1973. 304 p.

Borges J. L. O Chestertone [About Chesterton]. Borges J.L. Proza raznykh let: Sbornik [Prose of various years: Anthology]. M.: Raduga Publ., 1989. P. 213–215.

Chesterton G. K. Chelovek s zolotym kljuchom [The man with the golden key]. M.: ZAO «Kukushka» Publ., 2003. 336 p.

Chesterton G. K. Istinnaja romantika; «Don Kikhot». Bozhestvennaja parodija; Chto znachit pisat' plokh; O klassike (Esse) [Truth Romanticism; «Don Quixote». Divine Parody; What Does It Mean to Write Badly; About Classics (Essays)]. Detskaja literatura [Children's literature]. 1989. №3. P. 33–37.

Chesterton G.K. Izbrannyje proizvedenija [Selected Works: in 3 vols.]. Vol. 1. The Napoleon of

Notting Hill: Novel; The Man Who Was Thursday: Novel. M.: Khudozh. lit Publ., 1992. 446 p.

Chesterton G. K. The Man Who Was Thursday. L.: Wordsworth EL, 1995. 150 p.

Coats J.D. Chesterton and the Edwardian Cultural Crisis. Hull: Hull univ. Press, 1984. 266 p.

Kashkin I. G. K. Chesterton [G. K. Chesterton]. Kashkin I. Dlja chitatelja-sovremennika: Statji i issledovanija [For the contemporary reader: articles and researches]. M.: Sov. pisatel' Publ., 1968. P. 327–374.

Likhachjov D. S. Poezija sadov: K semantike sadovo-parkovykh stilej. Sad kak tekst [The poetry of gardens: to the semantics of garden styles. A garden as text]. M.: Soglasije. OAO Tipografija «Novosti» Publ., 1998. 356 p.

Plakhtienko O. P. Khudozhestvennaja proza Gilberta Kijta Chestertona Diss. kand. filol. nauk [Fiction by Gilbert Keiht Chesterton: Cand. philol. sci. diss.]. L., 1986. 272 p.

Trauberg N. L. Propovedi i pritchi Gilberta Kijta Chestertona [Sermons and parables by Gilbert Keiht Chesterton]. Chesterton G. K. Izbrannyje proizvedenija [Selected Works: in 3 vols.]. Vol. 1. The Napoleon of Notting Hill: Novel; The Man Who Was Thursday: Novel. M.: Khudozh. lit. Publ., 1992. P. 5–20.

Vasiljeva E. V. Dukhovnyj krizis rubezha XIX–XX vekov v osmyslenii G. K. Chestertona [Spiritual crisis at the turn of the 19–20th centuries in understanding G. K. Chestertone]. Isvestija VGPU [Proceedings of VSPU]. 2015. № 3 (286). P. 130–134.

Vasiljeva E.V. Romany G. K. Chestertona: mir uslovnosti: monografija [Novels of G.K. Chesterton as the world of conventionality: Monograph]. Voronezh: VSPU Publ., 2007. 168 p.

Wills G. The Man Who Was Thursday // G.K. Chesterton: A Half Century of Views. N.Y.: OUP, 1987. P. 335–342.

SYMBOLISM OF THE GARDEN IN G. K. CHESTERTON'S NOVEL «THE MAN WHO WAS THURSDAY»

Ekaterina V. Vasiljeva

Associate Professor in the Department of Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Voronezh State Pedagogical University

The article concerns the image of the garden and park in G. K. Chesterton's novel «The Man Who Was Thursday» (1908). The author of the article argues that the garden where the action of the novel takes place receives a symbolic meaning, although it is described as a real site. The imagery of phantasmagoric adventures of characters allows for depicting the world of «wild doubts», despair, and perplexity, which were typical feelings of a person at the beginning of the 20th century in the face of seeming inanity of life. Topoi of the forest and garden are opposed to each other in the novel. The forest is a symbol of doubts and false illusions, which were features of the public consciousness of the time, while the garden is associated with the idea of home, paradise, life variety. The researcher comes to the conclusion that the symbolism of the garden image is based on the author's personal life impressions and the semantics of the garden is used as an artistic and cultural universal characteristic.

Key words: G.K. Chesterton, «The Man Who Was Thursday»; «philosophy of joy»; garden; park; symbolism; topos.

УДК 821.111

РУССКИЙ НИГИЛИСТ КАК ГЕРОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XXI ВЕКОВ

Ольга Михайловна Ушакова

д. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы

Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10. e-mail: olmiva@yandex.ru

В статье рассматривается динамика развития образа русского нигилиста в английской литературе XIX–XXI вв. Особенности трансформации и трактовки данного типа персонажа изучаются в контексте «базаровского мифа». Образ Е.В. Базарова представлен как архетип нигилиста в мировой литературе. Исследуются причины высокой восприимчивости западной литературы к этому герою, его изначальная укорененность в европейской культурной традиции. Материалом исследования являются произведения О. Уайлда («Вера, или Нигилисты»), К. Дойла («Ночь среди нигилистов», «Пенсне в золотой оправе»), С. Моэма («Рождественские каникулы»), Т. Стоппарда («Берег утопии») и др. Литературный образ нигилиста анализируется в широком философском и историко-культурном контексте.

Ключевые слова: нигилист; архетип; базаровский миф; «Отцы и дети» И.С. Тургенева; О. Уайлд; А.К. Дойл; С. Моэм; Т. Стоппард.

Рецепция русской литературы на Западе – процесс динамичный, разновекторный и многосторонний¹. Образы, созданные русскими писателями, стали архетипами и символами, претерпели метаморфозы и трансформацию, обретая собственное место и статус, новый характер и значение в иных культурных и литературных контекстах. В настоящей работе мы обращаемся к типу нигилиста, «изобретенного» в русской литературе и реинкарнированного и мифологизированного в произведениях английских писателей (от О. Уайлда до Т. Стоппарда).

Понятия «нигилизм» и «нигилист», появившиеся в западной культуре еще на исходе XVIII в., получили новую жизнь и литературную судьбу в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»² (1862). Именно тургеневский Базаров становится прообразом многих «литературных» нигилистов, а за Тургеневым прочно закрепляется репутация «изобретателя нигилизма». Так, Г. де Мопассан («Изобретатель слова «нигилизм» (*L'inventeur du mot "nihilisme"*, 1880), «Иван Тургенев» (*Ivan Tourgueniev*, 1883) и др.) утверждает: «Это новое состояние умов он запечатлел в знаменитой книге «Отцы и дети». И этих новых сектантов, обнаруженных им во взволнованной народной толпе, он называет нигилистами, подобно тому как натуралист дает имя неведомому живому орга-

низму, существование которого он открыл» [Мопассан 1983: 260]. В письме к Тургеневу от 4 (16) ноября 1880 г. Мопассан, сообщая о намерении приступить к серии статей о русской литературе, подчеркивает актуальность и универсальность темы, которую русский писатель вводит в широкий культурный и социальный контекст, отмечает значение пророческого видения Тургенева: «<...> *нигилизм*, который Вы предчувствовали и который *ныне (en ce moment)* волнует мир...» [Переписка И.С. Тургенева 1986: 414].

Главный герой романа «Отцы и дети» положил начало целому ряду героев-нигилистов в русской и зарубежной литературе. Такой мощный заряд творческой энергии возник благодаря гениальному дару Тургенева создавать яркие и убедительные характеры. «Чистые беспримесные типы» [Гинзбург 1971: 309] Тургенева, с одной стороны, универсальны, с другой стороны, глубоко индивидуальны, сложны, противоречивы, что и позволяет им становиться архетипами, прообразами, «брендами», притягивающими внимание и вызывающими стремление к их постоянной актуализации в новых контекстах и текстах: «нигилист», «тургеневская девушка», «тургеневская женщина», «русский человек на rendez-vous» и т.д. Так, Т.С. Элиот в своей рецензии на книгу Э.Гарнетта о Тургеневе (1917)

пишет: «В высшей степени ему удалось соединить постижение глубинной универсальной схожести всех людей, мужчин и женщин, с пониманием того, насколько велики их внешние различия. Он видел эти различия и показал, что отличает русских людей не как кукольник, а как художник» [Элиот 2011: 152].

Универсальность, «надтипичная общность», индивидуальность как скрещение «многообразных несовпадений и несоответствий» [Маркович 1975: 55, 59] и, наконец, масштаб личности героя позволили тургеневским персонажам встать в ряд «вечных образов» мировой литературы. Основной конфликт книги, лежащий на поверхности, конфликт «отцов и детей», имеет сложную и универсальную природу и восходит к античной традиции. М. Бодкин, обращаясь к конфликту поколений в трагедиях У. Шекспира («Гамлет», «Король Лир») в контексте античных архетипов, отмечает противоречивую природу противостояния отцов и детей: «Кажется, что для отношений между отцом и сыном характерно то, что отец вызывает у сына одновременно чувства восхищения, любви, преданности, но также порывы гнева, ревности и стремление отстаивать свои права» [Bodkin 1978: 13] (в романе Тургенева переплетены любовь Базарова к родителям и его протест против старшего поколения в социальном и индивидуальном планах).

Конфликт отцов и детей обнаруживает также заложенное в философской концепции романа противостояние индивидуальной воли и рока, позволяя увидеть в фигуре Базарова центральный тип греческой трагедии – «гибриста». В романе Тургенева, как и в греческой трагедии, судьба сильнее героя, она равнодушна к проявлениям личной гениальности и силе характера гибриста. Любовь, мировая скорбь и прочие романтические затеи, столь презираемые Базаровым, обряд соборования перед смертью, совершаемый против его воли, и, наконец, природасфинкс, оставшаяся равнодушной к естественнонаучным интересам протагониста, по трагической иронии становятся воплощением судьбы героя. Его родители, Василий Иванович и Арина Власьева, оплакивают сына подобно греческому хору в «эксод» этой современной «трагедии рока». «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной» [Тургенев 1975: 588] – в этих заключительных строках тургеневского романа заключена та

же философская идея, что и в финальной песне хора «Царя Эдипа» Софокла: «Значит, смертным надо помнить о последнем нашем дне».

Обращение в данном контексте к античным параллелям помогает понять не только масштаб характеров, созданных русским писателем, но и их укорененность в европейской литературной традиции, присущую им «нормативность» в аристотелевском смысле, а следовательно, заложенные в них возможности для дальнейшей воспроизводимости и моделируемости в литературной традиции. Хорошему «усвоению» тургеневских героев в европейской литературе способствовало то, что они, несмотря на свою ярко выраженную «русскость», выросли на почве европейской культуры. Базаров как «гибрист» и «нигилист» был для западного читателя узнаваемым философским и эстетическим феноменом.

Образ Базарова сопоставим с героем именно софокловского типа (об «антигоновском конфликте» романа упоминалось в тургеневедении)³. Как и Софокл, соблюдающий равновесие объективного и субъективного, общего и частного, внешнего и внутреннего, Тургенев выдерживает «золотую середину», избегает погружения в бездны психологии и стихию патоса, что определяет цельность, внешнюю пластическую выразительность («аполлонизм») и скульптурную рельефность образа. Античная параллель позволяет осознать, почему именно характеры Тургенева чаще других (по сравнению с условно «эсхилевскими» типами Л.Н. Толстого или «еврипидовскими» Ф.М. Достоевского) поддавались дальнейшему копированию, клишированию и тиражированию.

В категориях аристотелевской «Поэтики» Базаров – характер «благородный», «соответствующий действующему лицу», «правдоподобный», «последовательный». Эти нормативность и высокий уровень типизации облегчают процесс дальнейшего пере моделирования и схематизации. Как в современном массовом сознании с Эдипом ассоциируется «эдипов комплекс» (конфликт «отцов и детей» также вписывается в эту фрейдовскую теорию), так и от тургеневского Евгения Васильевича Базарова в последующих образах нигилистов остаются по большей части «базаровщина» и «нигилизм». А. Камю в «Бунтующем человеке» (глава «Трое одержимых») выражает стереотипное мнение о Базарове как об уже «законченном» типе нигилиста: «Общеизвестно, что сам термин «нигилизм» был впервые употреблен Тургеневым в его романе «Отцы и дети», главный герой которого Базаров, воплотил в себе законченный тип нигилиста. В рецензии на эту книгу Писарев утверждал, что ниги-

листы признали в Базарове свой прообраз» [Камю 1990: 237].

Базаровский миф практически сразу же отягощается грузом производных от него литературных «потомков» («Что делать?», «Преступление и наказание», «Бесы» и т.д.) и наложением качеств реальных исторических деятелей (М.А. Бакунин, С.Г. Нечаев, народовольцы и т.д.). Одним из первых в английской литературе эту особенность «напластования» отметил О.Уайлд. В диалоге «Упадок лжи» (*The Decay of Lying*, 1889), обосновывая принципы своей теории «искусства для искусства», он замечает: «Нигилист, сей странный страдалец, лишенный веры, рискующий без энтузиазма и умирающий за дело, которое ему безразлично, – чистой воды порождение литературы. Его выдумал Тургенев, а довершил его портрет Достоевский» [Уайльд 1993: 235].

Постепенно понятие «нигилист» начинает ассоциироваться с «революционером», «радикалом», «террористом», «заговорщиком», «бунтарем» и шире – с «русским интеллигентом». С.Л. Франк в «Этике нигилизма» (1909) констатирует: «...мы можем определить классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» [Вехи. Из глубины 1991: 193]. Но при всех привходящих контекстах именно за Тургеневым в западной литературе сохранилось звание «изобретателя» нигилиста, а нигилист в большинстве случаев – это «русский нигилист». В первой английской монографии о Тургеневе, в главе «Отцы и дети», Э. Гарнетт провозглашает: «Тургенев был первым человеком, который открыл существование этого нового типа – нигилиста» [Garnett 1917: 199]⁴. Выражаясь словечком, позаимствованным в воспоминаниях П.Д. Боборыкина о Тургеневе, именно Базаров, непосредственно или опосредованно, «отлинял» на все последующие образы нигилистов в европейской литературе⁵.

Одной из первых художественных рефлексий на тему русских нигилистов стала пьеса Уайлда «Вера, или Нигилисты» (*Vera, or the Nihilists*, 1880). Непосредственным поводом для ее написания была история русской революционерки, социалистки Веры Засулич (1849–1919), необычайно популярной в Англии. Среди причин, побудивших Уайлда обратиться к этой теме, называют его обеспокоенность общей политической ситуацией в Европе, взгляды его матери как активного борца за независимость Ирландии [Валова 2011: 237], угрозы ирландского радикализма, антибуржуазный бунт самого Уайлда, его теорию семейной и сексуальной эмансипации [Уилсон 2015], и, конечно, нельзя не добавить к

этому списку увлечение социализмом и собственный «нигилистический» *Modus Vivendi* великого эстета. Дендизм Уайлда можно рассматривать как одну из разновидностей нигилизма, о чем убедительно рассуждает Д.С. Шиффер в работе «Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер)» (*Philosophie du dandysme*, 2008): «<...> Уайльду, этому «антиномисту от рождения», как определял себя он сам в «De Profundis», в этом плане нет оснований завидовать Ницше, потому что если последний в знаменитом афоризме 108 из книги «По ту сторону добра и зла» фактически утверждал, что «нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов», то совершенно так же верно и то, что заявил Уайльд в предисловии к «Портрету Дориана Грея» <...>» [Шиффер 2011: 121].

В пьесе «Вера, или Нигилисты» (драма в четырех актах с прологом) действуют четыре типа героев-нигилистов – нигилист базаровского («литературного») типа (Вера), нигилисты-заговорщики, безымянные арестанты, которые фигурируют в тексте как «нигилисты», и, наконец, примкнувший к нигилистам царевич Алексей. Нигилист – общее наименование борцов против правящего режима, которое используют и сами нигилисты, и их гонители, и сторонние персонажи. В прологе Вера, спрашивая у арестанта, кто они такие, получает ответ: «нигилисты»: «VERA: [(advances to the Nihilists)] Sit down; you must be tired. [(Serves them food.)] What are you? A PRISONER: Nihilists» [Wilde: 3].

Сама Вера, подобно Базарову, нарушает нигилистические заповеди, влюбившись в Алексея (*Alexis Ivanacievitch, known as a Student of Medicine*). Даже фамилия Веры – Сабурова (*Sabouroff*) – напоминает один из вариантов написания имени Базарова по-английски – Bazaroff (см., например, «Исповедь молодого человека» Дж. Мура, 1886). Тургенев, как свидетельствуют мемуаристы, намеревался создать образ женщины-нигилистки: «Видите ли, мне хочется представить нигилистку, честную, добрую, даже нежную, но ...с шорами на глазах» [Островская 1983: 71].

Как и Базаров, Вера – персонаж противоречивый и страдающий. Любовь к Алексею – причина ее внутренней драмы, она осознается ею как предательство жизненных принципов: «VERA: [(loosens her hands violently from him, and starts up)] I am a Nihilist! I cannot wear a crown! <...> VERA: [(clutching dagger)] To strangle whatever nature is in me, neither to love nor to be loved, neither to pity nor--Oh, I am a woman! God help me, I am a woman! O Alexis! I too have broken my oath; I

am a traitor. I love» [Wilde: 32]. Страдание, по мнению Уайлда, неотъемлемое качество русского нигилиста, более того, оно придает религиозный характер его деятельности по свержению существующего режима, олицетворяющего силы зла: «Все, кто живут или жили в России, могли реализовать своё совершенство только через страдание. Несколько русских художников реализовали себя в Искусстве, некоторые писатели – в прозе, которая по духу остается средневековой, потому что основной нотой является, все же, реализация души людей через страдание. Для тех, кто не является художником и для кого нет другой жизни, кроме фактического существования, страдание – единственная дорога к совершенству. Тот русский, который живет счастливо при нынешней системе правительства в России, или не должен вообще иметь души, или имеет душу совершенно неразвитую. Нигилист, отвергающий всякую власть, потому как знает, что власть – это зло, и принимающий всякое страдание, реализует свое совершенство и поступает как настоящий христианин. Для него идеалы христианства верны» [Уайльд 1993: 373].

Алексей, примкнувший к нигилистам, – также борец со злом и страдалец, но лишенный фанатизма и цинизма соратников Веры. Этот «сложный» тип нигилиста, обладающий признаками человечности, в дальнейшем будет в меньшей степени востребован в литературной традиции. В какой-то степени литературным «потомком» Веры и Алексея станет «императрица-большевичка» великая княжна Аннаяска, главная героиня революционно-романтической «пьески» Дж. Б. Шоу «Аннаяска, сумасбродная великая княжна» (*Annajanska, The Wild Grand Duchess*, 1917), «мужчина», «солдат» и «циркач». Образ великой княжны решен Шоу в гротесковом, фарсовом ключе, при этом она, как и Алексей, «царевна-нигилистка», но в соответствии с законами жанра Аннаяска не одержима теми страстями и противоречиями, которые сгубили Веру и сделали несчастным Алексея. И, безусловно, отсутствие «страдательной» компоненты и победный пафос героини объясняются как мировоззрением драматурга, так и временем написания, триумфом Русской революции.

Нигилисты, соратники Веры, наделены теми чертами, которые наиболее прочно закрепятся за образами нигилистов в последующей литературе: фанатизм, суровость, жесткость, отсутствие человеческих слабостей, спартанский образ жизни, преданность принципам, переходящая в ограниченность, абсолютная дегуманизация всех жизненных проявлений и т.п. Этот набор качеств станет определяющим в мифологеме нигилиста.

Еще один тип нигилиста, уже скорее карикатурного плана, Уайлд создает в своем рассказе «Преступление лорда Артура Сэвила. Размышление о чувстве долга» (*Lord Savile's Crime. A Study of Duty*, 1887). Это молодой человек с революционными взглядами по фамилии Рувалов (*Rouvaloff*), который является «агентом нигилистов» («*a Nihilist agent*»). Именно он сводит главного героя с немецким специалистом по взрывным устройствам. В рассказе характер нигилиста подается в лишенном героизма, сниженном плане, что объясняется самой ситуацией неудавшегося «террористического акта» и отвечает пародийному модусу текста: «В повести «Преступление лорда Артура Сэвила» происходит травестирование викторианских романов, идейной основой которых оставалась незыблемость традиций, значимость морали, образования, чувства долга, семейных обязанностей» [Анцыферова; Листопадова 2014: 205]. Наличие образа русского нигилиста в этом рассказе свидетельствует о том, что радикальный политический элемент в английском обществе конца XIX в. ассоциировался с Россией, в коллективном сознании складывался набор стереотипов, связанных с «русским нигилистом».

Сочетание травестирования и одновременно демонизации русских нигилистов характерно для творчества Конан Дойла. В 1881 г. в журнале «Ландон Сэсайти» (*London Society*) публикуется рассказ «Ночь среди нигилистов» (*A Night Among the Nihilists*), впоследствии вошедший в сборник «Тайны и приключения» (*Mysteries and Adventures*, 1889). Главный герой рассказа, мистер Робинсон (*Robinson*), сотрудник одесского представительства английской зерноторговой фирмы, отправившийся с поручением в периферийный город Солтефф (*Solteff*), по недоразумению попадает в логово нигилистов («*a gang of cold-blooded nihilists*»). Местные нигилисты принимают его за представителя английской радикальной организации, «братства по духу» («*a spiritual brotherhood*»), а полиция за «агента нигилистов» («*the Nihilist agent*»). Дойл отражает как реалии тогдашней политической жизни, в частности, широкие международные связи русских революционеров, так и стереотипные представления о заговорщиках (строгая конспирация, сектантство, жестокость, фанатизм, радикализм).

Образы нигилистов шаржированы, что определяется характером самой трагикомической ситуации и отношением автора к этим персонажам. Главному герою удастся остаться в живых благодаря вмешательству полиции, которая за ним следит, так как сыщики также принимают его за нигилиста: «Пока мы шли в гостиницу, мой

бывший попутчик объяснил, что возглавляемая им сотлевская полиция вот уже некоторое время как получила уведомление и все эти дни ждала нигилистического посла. Мой приезд в это глухое местечко, мой таинственный вид и английские наклейки на чемоданчике завершили это дело» [Дойл 2008: 326]. Перенесенные страхи и ужас от увиденного остаются с рассказчиком на всю оставшуюся жизнь, он, по словам полицейского, «единственный посторонний, кто смог выбраться из этого логова живьем» [там же]. Стоит отметить любопытную деталь из разряда тех, что подтверждают репутацию Дойла как писателя, обладавшего «предсказательной мощью» и «блистательной прозорливостью», о которых рассуждает Г. Панченко, автор предисловия и составитель сборника «Забутые расследования» [там же: 7], включающего новый перевод рассказа на русский язык. Комната «для увольнений» со следами крови, которые наивный рассказчик принимает за пятна от кофе, «тройка», осуществляющая репрессивные меры (казнь предателя, несостоявшееся убийство Робинсона), напоминают отечественному читателю печально известные тройки НКВД: «Трое <...> силой выволокли Павла Ивановича из комнаты» [там же: 321].

Русская нигилистка становится главной героиней рассказа «Пенсне в золотой оправе» (*The Adventure of the Golden Pince-Nez*, 1904) из сборника «Возвращение Шерлока Холмса» (*The Return of Sherlock Holmes*). Нигилистка Анна совершает непреднамеренное убийство, которое раскрывает Шерлок Холмс. В соответствии с законами жанра история лишена какого-либо идейно-политического подтекста: «В рассказах Конан Дойля даже подслеповатые русские нигилистки, босые дикари с Андаманских островов или вульгарные немецкие князья становятся своими, начинают играть так, как нужно Шерлоку Холмсу, а в итоге – и как нужно платоновскому архетипу холмсовского мира» [Кобрин 2015: 7]. Тем не менее в сюжете и в образах Анны и ее бывшего супруга, в прошлом – революционера, профессора Корэма (Сергея), отражены реалии английской жизни того времени (в частности, большое число русских революционеров, проживающих в Лондоне), стереотипные представления о «нигилистах».

Анна представляет собой тип «сложного» нигилиста и напоминает уайлдовскую Веру. Она также жертвует собой ради любви (совершает преступление, принимает яд), являясь олицетворением русской «религии страдания» (во время написания рассказа книга М. Де Вогюз «Русский роман» (1886), которая делает общеупотребимым и популярным это понятие, уже известна англий-

ской публике). Возлюбленного Анны, ради которого совершается самопожертвование, также зовут Алексей (*Alexis*), и он, как и уайлдовский Алексей, противник насильственных методов и террора. Анна, как и Вера, выводится автором бесстрашной, целеустремленной, благородной, преданной идее и любимому человеку.

В образе Анны мы видим отражение стереотипных представлений о женщине-нигилистке, увлеченной идеями классово-борьбы и лишенной внешних признаков женственности: «Притчей во языцех сделались нигилистки, сменившие фижмы и кринолины на черные блузы, носившие синие очки, курившие папиросы, коротко стриженные и встречавшиеся с мужчинами наедине» [Уилсон 2015]. Анна близорука, некрасива, нелепо выглядит: «Она была вся в пыли и паутине, которую собрала, видимо, со стен своего убежища. Лицо ее, которое никогда нельзя было бы назвать красивым, все было в грязных потеках. Холмс правильно угадал ее черты, и, кроме того, у нее был еще длинный подбородок, выдававший упрямство. Из-за близорукости и резкого перехода от темноты к свету она щурилась и моргала глазами, стараясь разглядеть, кто мы такие. И все же, несмотря на то, что она предстала нам в столь невыгодном свете, во всем ее облике было благородство, упрямый подбородок и гордо поднятая голова выражали смелость и внушали уважение и даже восхищение» [Дойл 2014: 334].

Анна представляется Холмсу и его спутникам именно как «нигилистка»: «Мы были революционеры, нигилисты (*«reformers—revolutionists—Nihilists»*), вы знаете» [там же: 336]. Так же, как в «Ночи среди нигилистов», нигилисты, соратники Анны, составляют сплоченную организацию, тайный орден (в оригинале: *«the Brotherhood»* и *«the Order»*), который незамедлительно расправится с предателем, как только узнает о его местонахождении. В этом рассказе Дойл создает гораздо менее монструозный образ нигилиста, чем в «Ночи среди нигилистов», но сохраняет все традиционные для этого типа героя атрибуты, как внешние (конспирация, терроризм, ссылка, Сибирь), так и внутренние (самопожертвование, бесстрашие, радикализм, фанатизм, аскетичность).

Сатирическая и любовно-драматическая линия в изображении русских нигилистов (Александр Осипов, Кирилл Разумов, Виктор Халдин и др.) продолжена в творчестве Дж. Конрада. Подробный и глубокий анализ образов «русских студентов» и «русских революционеров» представлен в монографии Е. Е. Соловьевой «Джозеф Конрад и Россия» (2012). По мнению автора, «Конрад внимательно и напряженно вдумывался

в феномен русского революционера, пытался понять, что движет молодым человеком, приходящим к революционной борьбе. Что заставляет стариков хранить верность убеждениям юности, как переплетаются в этом движении фанатизм и практицизм, искренность и фальшь, благородство и низость» [Соловьева 2012: 103–104].

В произведениях «Тайный агент» (*The Secret Agent*, 1907), «На взгляд Запада» (*Under the Western Eyes*, 1911) и других благодаря углубленному психологическому анализу и гораздо большему уровню «русской рефлексии» Конрада, обусловленному его биографией, стереотипные «нигилистические» черты образов русских революционеров изображены лишь в той мере, в какой они соответствуют художественной правде. «Базаровский след» есть и в русских героях Конрада. Конрад был внимательным читателем произведений русского писателя и почитателем его таланта. Именно Конрад пишет предисловие к монографии Гарнетта о Тургеневе, не преминув подчеркнуть, что ставит его гений гораздо выше Достоевского. Как и его англоязычные современники (например, Г. Джеймс), Конрад отмечает человеческую убедительность, полноту и полноценность человеческой природы тургеневских героев: «Все его творения, счастливые и несчастные, теснимые и их притеснители – именно люди, а не причудливые обитатели зверинца или проклятые души, странствующие в душной темноте мистических противоречий. Они – люди, способные жить, способные страдать, способные бороться, способные побеждать, способные проигрывать в бесконечной и воодушевляющей гонке преследования будущего изо дня в день» [Conrad 1917: viii].

Победа революционного движения в России в 1917 г. не могла не наложить отпечаток на восприятие и художественное осмысление образа русского нигилиста, поскольку революционеры («нигилисты») пришли к власти. Образ нигилиста в романе У.С. Моэма «Рождественские каникулы» (*Christmas holiday*, 1939) становится результатом трансформации, обусловленной изменениями исторического контекста. Один из главных героев, Саймон Фенимор (*Simon Fenimore*), представляет собой тип «английского нигилиста». Но образцом для подражания, парадигматическим типом, является «русский нигилист», Ф. Э. Дзержинский, основатель ВЧК, теоретик и практик «красного террора». Литературными же прототипами «английского нигилиста», как уже было отмечено отечественными исследователями, стали Е. В. Базаров и П. С. Верховенский [Никола, Петрушова 2015: 245].

Показательно, что сам сюжет, основной конфликт романа, особенности характеров главных героев строятся по модели «Отцов и детей». Чарли Мейсон (*Charley Mason*) и вся семья Мейсонов – своего рода английские Кирсановы. А отец Чарли, Лесли Мейсон, даже внешне напоминает Павла Петровича: кирсановская англомафия коррелирует с «английскостью», культурной неподвзятостью и либерализмом старшего Мейсона. В то же время облик, манеры, поведение, принципы Саймона, базаровское «все отрицаем» соответствуют стереотипным представлениям о Базарове-нигилисте: «Я родился не в роскоши, как-нибудь перебыл. В Вене я провел опыт самоограничения, месяц жил на хлебе и молоке» [Моэм 1992: 23].

Саймон – герой нового времени и его непомерная гордыня и «опыты самоограничения» приводят к интеллектуальной и душевной ограниченности, мизантропической жажде власти, которые были чужды его литературному прототипу. Образцом для жизнестроения для него служит Дзержинский как логическое завершение и триумф нигилистической идеи: «При исполнении своих обязанностей он не давал воли ни любви, ни ненависти <...>. Собственной рукой он подписал сотни, нет, тысячи смертных приговоров. Жил он по-спартански. Сила его заключалась в том, что для себя ему не нужно было ничего и т.п.» [там же: 174].

Дзержинский в романе Моэма – это победивший нигилист, нигилист, захвативший власть, но оставшийся верным философии тотального нигилизма. Не случайно, Саймон, переболевший, как и положено студенту Кембриджа образца 30-х, увлечением коммунистическими идеями, с чудовищным цинизмом отзывается о коммунистических идеалах: «Коммунизм? Кто говорит о коммунизме? Теперь уже все знают, коммунизм вздор. То была мечта оторванных от жизни идеалистов <...>. Огромная масса людей по самой своей природе рабы, они не способны собой управлять, и для их же блага им нужны хозяева <...>. Каков результат революций, которые совершились на нашем веку? Народ не лишился хозяев, только сменил их, и никогда власть не правила такой железной рукой, как при коммунизме» [Моэм 1992: 171].

В своем романе Моэм показывает, что террор, являющийся одной из составляющих нигилистической теории, из антигосударственного переходит в разряд государственного. Разрушение как осознание своей силы – мысль, вложенная в уста Саймона, продиктована автору историческим опытом Русской революции, красным и белым террором Гражданской войны и, наконец,

«Большим террором» 1930-х. Хотя термин Роберта Конквеста (*Robert Conquest*), предложенный им в конце 1960-х (*The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*, 1968), некоторые историки считают не совсем корректным, в контексте данной темы он помогает увидеть генетическую связь нигилистов XIX в. с их духовными потомками и отражение этой преемственности в логике развития образа нигилиста в английской литературе с 80-х гг. XIX в. по 30-е гг. XX в.

Нельзя не отметить в этом романе полемику Моэма с писателями-современниками, не желающими замечать реалий советской жизни, Б. Шоу, Т. Драйзером, Р. Ролланом и др. Нигилист у власти распоряжается уже не жизнями отдельных людей, а манипулирует огромными массами. Описывая бледного, небритого, взломаченного, нелепого, возбужденного собственной риторикой Саймона, Моэм от своего лица, что не оставляет сомнений по поводу авторской позиции, отмечает: «Но в прошлом, не таком уж далеком прошлом, другие молодые люди, такие же бледные, тощие, неухоженные, в поношенных костюмах или студенческих тужурках ходили по своим убогим жилищам и высказывали столь же, казалось бы, несбыточные мечты; и однако, как ни странно, время и благоприятный случай помогли их мечтам осуществиться, и, сквозь кровь прорываясь к власти, они держали в своих руках жизнь миллионов» [там же: 174].

Жертвами этого нигилизма становятся главная героиня романа Лидия (*Lydia*) и Алексей, ученик ее отца, а ныне спившийся русский эмигрант, в судьбе которого Дзержинский непосредственно сыграл роковую роль. Именно Лидия отчетливо видит нигилистическую сущность Саймона, объясняя Чарли свою неприязнь к нему: «Вы в нем обманываетесь. Приписываете ему вашу доброту и бескорыстное внимание к людям. Говорю вам, он опасен. Дзержинский был узколобий идеалист и ради своего идеала мог без колебаний обречь свою страну на гибель. Саймон еще хуже. У него нет сердца, нет совести, нет чести, и при случае он без сожаления пожертвует вами, своим лучшим другом» [там же: 135]. Таким образом, в «Рождественских каникулах» Моэм показывает преемственность нового вида нигилиста его предшественникам и пытается осмыслить эту новую роль в современном мире, накануне новых глобальных событий, Второй мировой войны.

Казалось бы, возможности архетипа нигилиста с наступлением новейшей истории исчерпаны, тем не менее образы нигилиста—«борца с режимом» и «победившего» нигилиста — продолжают привлекать внимание английских публи-

цистов и писателей. Предельно ясно эту тенденцию выразил И. Берлин, рассуждая о современном нигилизме, ставшем всемирной идеологией, в своем эссе «Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов» (*Fathers and Children: Turgenev and the Liberal Predicament*, 1972): «Этот болезненный конфликт, который стал постоянным затруднением русских либералов на полвека, сейчас распространился на весь мир. Мы должны ясно понимать: сегодня герои мятежа не Базаровы. В каком-то смысле Базаровы выиграла. Победное продвижение количественных методов, вера в организацию человеческой жизни с помощью технологического управления, упование на один лишь расчет утилитарных последствий при выработке политики, которая затрагивает огромные массы людей, — это Базаров, а не Кирсановы» [Берлин 2014: 176].

Расширение английского литературного «нигилистического» текста на рубеже тысячелетий происходит также благодаря постмодернистской рефлексии на темы русского нигилизма. Дискуссия о генезисе и развитии русского нигилизма ведется в характерных для постмодернизма эстетических формах, в частности, в рамках «историографической металитературы», осмысляющей природу литературного творчества. Интертекстуальность, игра, стилизация, цитирование, размывание границ между документальным и художественным повествованием, квазибиографичность и т.д. — тот инструментарий, с помощью которого тема русского нигилизма предстает в новых, неожиданных ракурсах. Героями текстов становятся сами творцы архетипа нигилистов — Тургенев и Достоевский. Современные авторы делают попытки реконструирования творческого процесса и культурно-исторического контекста, который определил появление и специфические характеристики нигилиста как литературного персонажа.

Роман англоязычного писателя Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге» (*The Master of Petersburg*, 1994) посвящен вымышленной истории из жизни Достоевского. Кутзее устами своего героя рассуждает о нигилизме как о специфически русском и вневременном явлении: «Только не мода. То, что вы зовете нечаевщиной, всегда существовало в России, разве что под другими именами. Нечаевщина — явление такое же русское, как разбой» [Кутзее 2009: 63]. Тема отцов и детей также является важной в этом романе Кутзее и разворачивается, как убедительно показывает Д. Бержайте, в тургеневской плоскости: «Проблемы отцов и детей, введение темы нигилизма — во главе всего этого в русской литературе стоит имя Тургенева. Достоевский, как из-

вестно, в «Бесах» не просто продолжает начатое Тургеневым, но полемизирует с ним, как и подбавляет всем, действующим по схеме «отцы и дети». Через много лет на другом континенте другой художник включается в ту же полемику об извечном идеологическом (и не только) конфликте поколений и тоже диалектически опровергает истины, установленные предшественником, вместе с тем, доказывая, что все в этом мире действует по одному и тому же принципу: «злободневность оказывается лишь кажимостью, а вечное – сущностью» [Бержайте 2009: 33].

Развернутой иллюстрацией экстравагантного заявления Уайлда о Тургеневе как изобретателе нигилизма, покоящегося в основании всей конструкции традиции темы русского нигилиста в английской литературе, является эпизод из трилогии английского драматурга Т. Стоппарда «Берег утопии» (*The Coast of Utopia*, 2002). Это еще одно пространство освоения как личности Тургенева, так и созданного им типа и понятия «нигилист». У Стоппарда Тургенев предстает как литературный персонаж, реальный исторический контекст его творчества пересекается с контекстом мемуарно-документальным (воспоминания о Тургеневе, его переписка) и вымышленным. Тургенев является одним из главных героев трилогии и, если доверять многочисленным ссылкам на высказывание Стоппарда, его *alter ego*: «Возможно, все-таки художник в конечном счете, а не три гениальных публициста, является подлинным героем “Берега утопии”» [Stoppard 2006].

Стоппарда интересуют различные стороны личности Тургенева: его политические симпатии, отношение к любви, дружеские привязанности и т.п. Тургенев предстает как оппонент своих приятелей социал-демократов, либерал, западник, «русский европеец» (см. об этом подробнее нашу статью «Английские связи русских изгнанников. Париж как культурный перекресток» [Ushakova 2012: 467–475]). Творческая алхимия проступает как один из глубинных слоев палимпсеста, что точно подмечает и формулирует Е.Г. Доценко: «Произведения И.С. Тургенева должны восстанавливаться из подтекста, но и служить в свою очередь неким контекстом для понимания личности писателя, потому что Тургенев в пьесе о собственных литературных достижениях друзьям практически не рассказывает. Предполагается, что стоппардовский зритель и читатель узнает классические произведения на уровне аллюзий и неполных цитат, в данном случае – из «Отцов и детей». В пьесе присутствует разговор Тургенева с Доктором-нигилистом, прототипом

Базарова: автор и его герой встречаются в 1860 г. на острове Уайт» [Доценко 2007: 242].

История возникновения идеи нигилиста прописана детально, что указывает на особое значение этого героя для творчества Тургенева и в целом для русской и европейской культуры. В трилогии обыгрывается одна из известных версий создания персонажа-нигилиста, усиленная и дополненная воображением драматурга: «Тургенев. Совершенно ничего? Доктор. Ничего. Тургенев. Вы не верите в принципы? В прогресс? Или в искусство? Доктор. Нет, я отрицаю абстракции. Тургенев. Но вы верите в науку. Доктор. В абстрактную науку – нет. Сообщите мне факт, и я соглашусь с вами. Два и два – четыре. Остальное – конский навоз. Вам не нужна наука, чтобы положить хлеб в рот, когда вы голодны. Отрицание – это то, что сейчас нужно России. Тургенев. Вы имеете в виду народу, массам? Доктор. Народ! Он более чем бесполезен. Я не верю в народ. Даже освобождение крестьян ничего не изменит, потому что народ сам себя ограбит, чтобы напиться. Тургенев. Что же вы в таком случае предлагаете? Доктор. Ничего. Тургенев. Буквально ничего? Доктор. Нас, нигилистов, больше, чем вы думаете. Мы – сила. Тургенев. Ах да... нигилист. Вы правы, мы не встречались раньше. Просто я все искал вас, сам того не зная» [Стоппард 2006: 432–433]. Таким образом, история идет по кругу, от нигилистов, реализовавших многие из своих потенциалов, мы вновь возвращаемся к истокам создания этого образа.

Рассмотрев различные типы рефлексии вокруг понятия «нигилисты», нельзя не заметить определенную диалектику сужения и расширения семантики изначального образа, актуализацию отдельных его составляющих, не увидеть динамику развития базаровского мифа в английской литературе. Универсальность типа, наряду с художественной честностью Тургенева и точностью изображения («надтиповой» тип), обеспечили Базарову долгую и счастливую литературную судьбу. А богатая история развития трансформаций и метаморфоз «литературного нигилиста», которая отнюдь не исчерпывается приведенными в данной работе примерами, открывает перспективы появления новых поворотов, площадей и тупиков в «городе Базарове»⁶. Судя по тому, что история Евгения Васильевича Базарова продолжает писаться в XXI в., представляется дискуссионным положение И.Л. Волгина о том, что «в глазах современного Запада русский сюжет завершен» [Волгин 1999: 239]. И то, что русская литература «превращается в одну из современных мировых мифологий» [там же], лишь

является основанием для постоянного обновления и живой циркуляции ее мифов и архетипов.

Примечания

¹ Исследования в этом направлении ведутся довольно давно. Из новых работ на эту тему см. работы С.Б. Королевой [Королева 2014], Л.Ф. Хабибуллиной [Хабибуллина 2010], содержательную рецензию Н.С. Бочкаревой и Б.М. Проскурнина на компаративистские исследования в области русско-английских литературных связей [Бочкарева, Проскурнин 2015], сборник статей по материалам Пятого Фицвильямского коллоквиума в Кембридже под редакцией корифея британской славистики Э. Кросса [A People Passing Rude: British Responses To Russian Culture 2012] и др.

² Традиция исследования понятия «нигилист» – одна из самых длительных и значительных в философии, культурологии, литературоведении, публицистике. Существует огромное количество серьезных исследований по этой теме как в России, так и за рубежом. Среди работ, представляющих традицию изучения нигилизма: монография В.Г. Косыхина [Косыхин 2009], статьи А.В. Михайлова [Михайлов 2000], Г. И. Данилиной [Данилина 2006], сборник, включающий работы Э. Юнгера и М. Хайдеггера и их комментариев [Судьба нигилизма 2006] и др.

³ Заметим, что Тургенев, получивший в Европе классическое образование, серьезно размышлял над характерами софокловских героев. Так, в воспоминаниях Я.П. Полонского читаем: «И, развивая теорию трагического, Иван Сергеевич, между прочим, привел в пример Антигону Софокла» [Полонский 1983: 367–368].

⁴ О восприятии И.С. Тургенева в английской литературе см. монографию М.Б. Феклина [Феклин 2005].

⁵ «Он слишком много жил с французскими писателями, артистами и светскими людьми, чтобы на него не отлинял их язык». «Но, повторяю опять, немецкий склад жизни, ума и вкусов на него резким образом не отлинял» [Боборыкин 1983: 10].

⁶ Имеется в виду литературный анекдот об американце, завлекавшем Тургенева в Америку рассказом об основании города Базарова: «<...>Базаров родственник тип американцам и что лет через десять в Америке будет город под именем Базаров, так как уже заложено его основание. Теперь, убеждал он Тургенева, существует один только намек на этот город, но уже разбиты колышки, очерчены площади, места для лавок и рынков<...>» [Колбасин 1983: 25].

Список литературы

Анцыферова О.Ю., Листопадова О.Ю. Жанровая травестия в сборнике Оскара Уайльда «"Преступление лорда Артура Сэвила" и другие рассказы» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (3). С. 203–206.

Бержайте Д. Посвящение отцам, или диалог с русской литературой (Дж. М. Кутзее. «Осень в Петербурге») // LITERATURA. 2009. № 51(2). С. 21–34.

Берлин И. Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов/ пер. с англ. Г. Дурново// История Свободы. Россия. 2-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 127–182.

Боборыкин П.Д. Из воспоминаний // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 5–16.

Бочкарева Н.С., Проскурнин Б.М. Образ и миф в английской литературе о России // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 142–145.

Валова О.М. Перекрестки культур и эпох в драматургии Оскара Уайльда // Образ провинции в русской и английской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 235–239.

Веги. Из глубины. М.: Правда, 1991. 607 с.

Волгин И. Из России – с любовью? «Русский след» в западной литературе // Иностран. лит. 1999. № 1. С. 230–239.

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Сов. писатель, 1971. 464 с.

Данилина Г.И. История как ключевое слово культуры (А.В. Михайлов, «Из истории “нигилизма”») // Филол. журн. 2006. № 1(2). С. 216–228.

Дойл А.К. Пенсне в золотой оправе/ пер. с англ. Н. Санникова// Возвращение Шерлока Холмса. СПб: Амфора, 2014. С. 308–341.

Дойл А. К. Ночь среди нигилистов/ пер. с англ. М. Маковецкой, Г. Панченко // Забытые расследования. Рассказы и повести / сост. Г. Панченко. Харьков; Белгород: Кн. клуб «Клуб семейного досуга», 2008. С. 312–327.

Доценко Е.Г. Русская классика Т. Стоппарда // Русская классика: динамика художественных систем: сб. науч. трудов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, РОПРЯИЛ, УрО РАО, ИФИОС «Словесник», 2007. Вып. 2. С. 231–246.

Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика, Искусство/ пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Кобрин К.Р. Шерлок Холмс и рождение современности: Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 184 с.

- Колбасин Е.Я. Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 17–26.
- Королева С.Б. Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.
- Косыхин В.Г. Нигилизм и диалектика. Саратов: Науч. книга, 2009. 256 с.
- Кутзее Дж. М. Осень в Петербурге/ пер. с англ. С. Ильина. М.: Эксмо, 2009. 368 с.
- Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 152 с.
- Михайлов А.В. Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 537–623.
- Мопассан Ги де. Иван Тургенев // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 258–261.
- Мозэм У.С. Рождественские каникулы/ пер. с англ. Р. Облонской. М.: А/О «Книга и бизнес», 1992. 189 с.
- Никола М.И., Петрушова Е.А. Образ Дзержинского в романе Сомерсета Моэма «Рождественские каникулы» // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2015. № 3 (41). С. 242–247.
- Островская Н.А. Из воспоминаний о Тургеневе // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 57–95
- Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т.2. 543 с.
- Полонский Я.П. И.С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (Из воспоминаний) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1983. Т.2. С. 358–406.
- Соловьева Е.Е. Джозеф Конрад и Россия. Череповец: ЧГУ, 2012. 229 с.
- Стоппард Т. Берег Утопии: Драматическая трилогия/ пер. с англ. И. Кормильцева. М.: Иностранка, 2006. 280 с.
- Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампар. Гюнтер Фигаль/ пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 222 с.
- Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Романы. М.: Детская лит., 1975. С. 421–592.
- Уайльд О. Упадок лжи/ пер. с англ. А.М. Зверева // Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 218–245.
- Уайльд О. Душа человека при социализме/ пер. с англ. О. Кириченко // Уайльд О. Избранные произведения: в 2 т. М.: Республика, 1993. Т. 2. С. 344–374.
- Уилсон Дж. Как важно любить нигилиста: «Вера» Оскара Уайльда и сексуальная политика русского радикализма // НЛЮ. 2015. № 5 (135). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/14yu.html> (дата обращения: 28.01.16).
- Феклин М.Б. The Beautiful Genius. Тургенев в Англии: первые полвека. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 с.
- Хабибуллина Л.Ф. Миф России в современной английской литературе. Казань: Казан. ун-т, 2010. 206 с.
- Шиффер Д.С. Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер) / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2011. 296 с.
- Элиот Т.С. Тургенев/ пер. с англ. О.М. Ушаковой // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета (Филология). 2011. № 1 (23). С. 151–153.
- A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture* / ed. by Anthony Cross. Cambridge: Open Bok Publishers, 2012. 550 p.
- Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. Psychological Studies of Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.
- Conrad J. Foreword // Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. P. v-x.
- Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. 206 p.
- Ouchakova O. Les contacts anglais des émigrés russes. Paris, un carrefour des cultures // *Figures de l'émigré russe en France au XIXe et XXe siècle. Fiction et réalité*. Amsterdam; New York: Rodopi, 2012. P. 467–475.
- Stoppard T. 'I'm Writing Three Plays Called Bakunin, Belinsky and Herzen...I Think', *Lincoln Center Theater Review*, Fall 2006, Issue 43 // URL: http://www.lctreview.org/article.cfm?id_issue=36549392&id_article=75124103&page=2 (дата обращения: 20.08.2009).
- Wilde O. Vera, or the Nihilists // URL: <http://www.wilde-online.info/vera,-or-the-nihilists-page3.html> (дата обращения: 15.01.2016).

References

- A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture* / Ed. by Anthony Cross. Cambridge: Open Bok Publishers, 2012. 550 p.
- Antsyferova O Yu., Listopadova O. Yu. Zhanrovaja travestija v sbornike Oscara Uajlda "Prestuplenije Artura Sevila i drugije rasskazy" [Genre Travesty in "Lord Arthur Savile's Crime and Other Stories" by Oscar Wilde] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod]. 2014. № 2 (3). P. 203–206.
- Berzhaite D. Posvjashchenije ottsam, ili dialog s russkoj literaturoj (Dzh. Kutzee "Osen' v Peterburge")

[Dedication to Fathers, or the Dialogue with Russian Literature (J. M. Coetzee's The Master of Petersburg)]. LITERATŪRA Publ., 2009. Iss. 51(2). P. 21–34.

Berlin I. Ottsy i deti: Turgenev i zatrudnenija liberalov [Fathers and Children: Turgenev and the Liberals' Predicament] / transl. from English by G. Durnovo. Istorija Svobodi. Rossiya [History of Freedom. Russia]. M.: Novoje literaturnoje obozrenije Publ., 2014. P. 127–182.

Boborykin P.D. Iz vospominanij [From the Memoirs] I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I.S. Turgenev in the Memories of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 5–16.

Bochkareva N.S., Proskurnin B.M. Obraz i mif v anglijskoj literature o Rossii [Image and Myth in English Literature about Russia]. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2015. Iss. 4 (32). P. 142–145.

Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. Psychological Studies of Imagination. Oxford: Oxford University Press, 1978. 340 p.

Camus A. Buntujushchij chelovek. Filosofija. Politika. Iskustvo / transl. from French [The Rebell. Philosophy. Politics. Art]. M.: Politizdat Publ., 1990. 415 p.

Conrad J. Foreword . Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. P. v-x.

Coetzee J. M. Osen' v Peterburge/ transl. from English by S. Il'in [The Master of Petersburg]. M.: Eksmo Publ., 2009. 368 p.

Danilina G.I. Istorija kak ključevoje slovo kul'tury (A.V. Mikhailov, "Iz istorii nigilizma") [History as a Key Word of Culture (A.V. Mikhailov "From the History of Nihilism")] Filologičeskij zhurnal [Phylogological Journal]. 2006. Iss. 1(2). P. 216–228.

Doyle A.C. Pensne v zolotoj oprave / transl. from English by N. Sannikov [The Adventure of the Golden Pince-Nez] Vozvrashčenie Šerloka Holmsa [The Returns of Sherlock Holmes]. SPb: Amfora Publ., 2014. P. 308–341.

Doyle A.C. Noch' sredi nigilistov/ transl. from English by M. Makovetskaja, G. Panchenko [A Night among the Nihilists] Zabytyje rassledovanija. Ras-skazy i povesti [Forgotten investigations. Tales and stories]. Kharkov; Belgorod: Knizhnij klub "Klub semejnogo dosuga" Publ., 2008. P. 312–327.

Dotsenko E.G. Russkaja klassika T. Stopparda [Russian Classics by T. Stoppard] Russkaja klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem: sbornik nauch. trudov [Russian Classics: the dynamics of artistic systems]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, ROPRJAiL, UrO, RAO, IFIOS "Slovesnik" Publ., 2007. P. 231–246.

Eliot T.S. Turgenev / transl. from English by O.M. Ushakova [Turgenev] Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tikhonovskogo universiteta (Filologija) [St. Tikhon's University Review (Phylology)]. 2011. Iss. 1 (23). P. 151–153.

Feklin M.B. The Beautiful Genius. Turgenev v Anglii: pervyje polveka [The Beautiful Genius. Turgenev in England. The First Semicentenary]. Oxford: Perspective Publications, 2005. 240 p.

Garnett E. Turgenev. A Study. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1917. 206 p.

Ginzburg L.J. O psichologičeskoj proze [On the Psychological Fiction]. L.: Sovetskij pisatel' Publ., 1971. 464 p.

Khabibullina L.F. Mif Rossii v sovremennoj anglijskoj literature [Myth of Russia in Contemporary English Literature]. Kazan: Kazan University Publ., 2010. 206 p.

Kobrin K.R. Sherlock Holmes i rozhdenije sovremennosti: Den'gi, devushki, dendi viktorianskoj epokhi [Sherlock Holmes and the Birth of Modernity: Money, Girls, Dandies of the Victorian Age]. SPb: Izd-vo Ivana Limbakha Publ., 2015. 184 p.

Kolbasin E.J. Iz vospominanij o Turgeneve [From the Memoirs about Turgenev] I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 17–26.

Koroljova S.B. Mif o Rossii v britanskoj kul'ture i literature (do 1920-kh gg.) [Myth of Russia in British Culture and Literature (up to the 1920s)]. M.: Direkt-Media Publ., 2014. 314 p.

Kosykhin V.G. Nigilizm i dialektika [Nihilism and Dialectics]. Saratov: Nauchnaja kniga Publ., 2009. 256 p.

Markovich V.M. Chelovek v romanakh I.S. Turgeneva [An Individual in I.S. Turgenev's Novels]. L.: Leningrad Univ. Publ., 1975. 152 p.

Mikhailov A.V. Iz istorii "nigilizma" [From the History of "Nihilism"]. Mikhailov A.A. Obratnyj perevod [Reverse translation]. M.: Jazyki ruskoj kul'tury, 2000. P. 537-623.

Maupassant Gi. de Ivan Turgenev [Ivan Turgenev]. I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I. S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 258–261.

Maugham W.S. Rozhdestvenskije kanikuly/ transl. from English by R. Oblonskaja [Christmas Holiday]. M.: «Kniga i biznes» Publ., 1992. 189 p.

Nikola M.I., Petrushova E.A. Obraz Dzerzhinskogo v romane Somerset Maugham "Rozhdestvenskije kanikuly" [The Image of Dzerzhinsky in the novel "Christmas Holiday" by William Somerset Maugham] Filologija i kul'tura [Philology and Culture]. 2015. Iss. 3 (41). P. 242–247.

Ostrovskaja N.A. Iz vospominanij o Turgeneve [From the Memoirs about Turgenev]. I.S. Turgenev v vospominanijakh sovremennikov [I. S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 57–95.

Perepiska I.S. Turgeneva [Correspondence of I.S. Turgenev: in 2 vols. Vol.2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1986. 543 p.

Polonskij J.P. I.S. Turgenev u sebja v ego poslednij priedz na rodinu (Iz vospominanij) [I.S. Turgenev at Home during His Last Visit to the Motherland (From the Memoirs)] I.S. Turgenev v vospominanijah sovremennikov [I.S. Turgenev in the Memoirs of Contemporaries: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Hudozh. lit. Publ., 1983. P. 358–406.

Schiffer D.S. *Filosofija dendizna: Estetika dushi i tela* (Kierkegaard, Wilde, Nietzsche, Baudelaire) / transl. from French by B.M. Skuratov [Philosophy of Dandyism. Aesthetics of Soul and Body (Kierkegaard, Wilde, Nietzsche, Baudelaire)]. M.: Izd-vo gumanitarnoj literatury Publ., 2011. 296 p.

Solovjeva E.E. Joseph Conrad i Rossija [Joseph Conrad and Russia]. Cherepovets: Chuvash State University Publ., 2012. 229 p.

Stoppard T. Bereg utopia / transl. from English by I. Kormiltsev [The Coast of Utopia]. M.: Inostranka Publ., 2006. 280 p.

Stoppard T. 'I'm Writing Three Plays Called Bakunin, Belinsky and Herzen... I Think', *Lincoln Center Theater Review*, Fall 2006, Issue 43. Available at: http://www.lctreview.org/article.cfm?id_issue=36549392&id_article=75124103&page=2 (accessed 20.08.2009).

Sud'ba nigilizma: Ernst Unger, Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Günter Figal / transl. from German by G. Khaidarova [The Way of Nihilism: Ernst Unger, Martin Heidegger, Dietmar Kamper, Günter Figal]. SPb.: St. Petersburg State Univ. Publ., 2006. 222 p.

Turgenev I.S. Ottsy i deti [Fathers and Sons] Turgenev I.S. Romany [Novels]. M.: Detskaja literatura Publ., 1975. P. 421–592.

Ushakova O. English Contacts of Russian Exiles. Paris as a Cultural Crossroads. Figures of the Russian Emigrants in France of the 19-20th Centuries. Fiction and Reality. Amsterdam/New York, NY: Rodopi, 2012. P. 467–475.

Valova O.M. Perekrestki kul'tur i epokh v dramaturgii Oscara Uajlda [Crossroads of Cultures and Epochs in Oscar Wilde's Plays] Obraz provintsii v russkoj i anglijskoj literature [The Image of Province in Russian and English Literature]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2011. P. 235–239.

Vekhi. Iz glubiny [Milestones. De Profundis]. M.: Pravda Publ., 1991. 607 p.

Volgin I.L. Iz Rossii – s ljubovju? "Russkij sled v zapadnoj literature [From Russia with Love? Russian Trace in Western Literature]. Inostrannaja literatura Publ., 1999. Iss. 1. P. 230–239.

Wilde O. Upadok lzhi / transl. from English by A.M. Zverev [The Decay of Lying] Wilde O. Izbrannie proizvedenija [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Respublika Publ., 1993. P. 218–245.

Wilde O. *Dusha cheloveka pri sotsializme* / transl. from English by O. Kirichenko [The Soul of the Man under Socialism] Wilde O. Izbrannie proizvedenija [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2]. M.: Respublika Publ., 1993. P. 344–374.

Wilde O. Vera, or the Nihilists. Available at: <http://www.wilde-online.info/vera,-or-the-nihilists-page3.html> (accessed 15.01.2016).

Wilson J. Kak vazhno ljubit' nigilista: "Vera" Oskara Wilda i seksual'naja politika russkogo radikalizma [The Importance of Loving a Nihilist: Oscar Wilde's "Vera" and the Sexual Politics of Russian Radicalism]. NLO. 2015. Iss. 5 (135). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/5/14yu.html> (accessed 28.01.16).

A RUSSIAN NIHILIST AS A HERO OF ENGLISH LITERATURE OF THE 19th -21st CENTURIES

Olga M. Ushakova

Professor in the Department of Foreign Literature

Tyumen State University, Institute of Philology and Journalism

The article deals with the dynamics of the image of a Russian nihilist in English literature of the 19th-21st centuries. Peculiarities of transformation and interpretation of this type have been studied in the context of "Bazarov's myth". The image of Bazarov is presented as the archetype of a nihilist in the world literature. The author of the paper researches the reasons for high receptivity for this hero in western literature and turns to the genesis of this hero rooted in the European cultural tradition. The materials of the research are works by O. Wilde (*Vera, or the Nihilists*), A.K. Doyle (*A Night among the Nihilists*, *The Adventure of the Golden Pince-Nez*), S. Maugham (*Christmas Holiday*), T. Stoppard (*The Coast of Utopia*) and others. The literary image of the nihilist is analyzed in philosophical, historical and cultural contexts.

Key words: nihilist, archetype, Bazarov's myth, Turgenev's "Fathers and Sons", Oscar Wilde, Arthur Conan Doyle, Somerset Maugham, Tom Stoppard.

УДК 821.116-6(470.5)

УРАЛ В ПУТЕВЫХ ПИСЬМАХ А. П. ЧЕХОВА: ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ¹

Елена Георгиевна Власова

к. филол. н., доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Elena_vlasova@list.ru

Статья посвящена динамике уральской темы в творчестве А.П. Чехова. Главными свидетельствами уральских впечатлений писателя послужили письма, написанные им в трех поездках по Уралу (1890, 1901 и 1902 гг.). Первый, и самый развернутый, цикл уральских писем связан с поездкой Чехова на Сахалин. Характеризуя уральское пространство в этом цикле писем, Чехов нередко обращается к приему ироничного обыгрывания литературных формул, сложившихся в предыдущих описаниях Урала. В последующих циклах уральских писем на первый план выходит задача точного описания внешних впечатлений. Образ Урала, воссозданный в чеховских письмах, интересен и важен как результат непосредственного эмоционального переживания пространства путешествия. Письма не претендуют на полноту описания или концептуальность оценок, однако, отмеченные в них подробности приобретают качество выразительных деталей, выхваченных из потока впечатлений как наиболее значимый эмоционально-когнитивный опыт. Этот опыт аккумулировал большую творческую энергию: пережитое в пути состояние, усиленное эмоциональной выразительностью эпистолярного слова, не раз отозвалось в литературном творчестве писателя. В частности, письма Чехова проясняют обстоятельства пермского происхождения города трех сестер, а также уральские аллюзии образа завода в рассказе «Случай из практики». В целом уральские письма Чехова являются ярким образцом такой разновидности литературы путешествий, как эпистолярный травелог.

Ключевые слова: А.П.Чехов; эпистолярный травелог; демифологизация пространства; образ Урала; образ уральца; граница Европы и Азии.

Обстоятельства пребывания А. П. Чехова на Урале достаточно подробно изучены в местном краеведении. Первая волна интереса к этой теме пришла на 60-е гг. прошлого века и была вызвана столетним юбилеем писателя. Серией публикаций отметили уральцы и 110-летие со дня рождения Чехова. На основе этих разысканий уже тогда начали активно формироваться литературные мифы. Самый популярный среди них сложился вокруг чеховской фразы о пермском происхождении города «Трех сестер». Как известно, заканчивая работу над пьесой, Чехов пишет М. Горькому: «Действие происходит в провинциальном городе вроде Перми» (Письмо А. М. Пешкову, 16 октября 1900 г.) [Чехов 1980: 133]. Этот сюжет литературной истории Перми актуализировала местная журналистка Анна Бердичевская [Бердичевская 1971]. Она же рассказала о том, что пермские краеведы активно занимаются поисками прообразов чеховских ге-

роинь. С тех пор появилось несколько версий этого литературного расследования.

В 90-е гг., ставшие периодом напряженных поисков городской идентичности, обсуждение чеховского сюжета пермской истории возобновилось. Он снова попадает на страницы пермской периодики, появляется идея установки памятника трем сестрам [Дворянова 2000: 3], что говорит о превращении литературного мифа в один из ключевых брендов города. Устойчивость этого бренда была во многом обеспечена научными работами В. В. Абашева, показавшего органичное вхождение чеховского сюжета в парадигматику пермского текста русской культуры. В 2000-х гг. появляются отдельные книги о Чехове на Урале (Семенов 2005; Гладышев 2008), завершившие период накопления краеведческой информации. В то же время обобщающей историко-литературной оценки уральских материалов Чехова предпринято не было. Отдельные

проблемно-тематические аспекты образа чеховского Урала представлены в исследованиях Е. А. Макаровой (2009) и Е. К. Созиной (2010), однако они не были направлены на его целостное описание. В связи с этим данное исследование посвящается динамике формирования образа уральского пространства в творческом наследии Чехова.

Чехов побывал на Урале трижды. Первый раз – в 1890 г. проездом, во время своего путешествия на Сахалин. Вторая и третья поездки были связаны непосредственно с Уралом: в июне 1901 г. он едет вместе О. Л. Книппер-Чеховой в санаторий под Уфой, а через год, в июне 1902 г., принимает предложение С. Т. Морозова о совместной поездке во Всеволодо-Вильву, где находились химические заводы знаменитого мецената.

Развернутых путевых отчетов о своих уральских впечатлениях Чехов не оставил. Планируя поездку на Сахалин, Чехов даже отказался описывать первый этап своего пути. «Писания мои для газеты, – сообщал он А. С. Суворину, – могут начаться не раньше Томска, ибо до Томска всё уже заезжено, исписано и неинтересно» (А. С. Суворину. 18 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 64]. Это замечание многое объясняет. Поскольку «встрече с реальным местом предшествует знание о нем, некий общий, возникший из суммы виденного, читанного и слышанного образа места» [Абашев 2008: 127], Урал в литературном измерении казался Чехову, видимо, величиной уже общеизвестной и поэтому не обязывающей его к специальному писательскому вниманию: «всё уже заезжено, исписано». Последующие поездки вообще не предполагали «писаний в газету», их обстоятельства, в каждой поездке по своему, носили личный характер. Таким образом, главными свидетельствами уральских впечатлений Чехова остались письма, написанные в пути и адресованные ближайшим коллегам, друзьям и семье. Рассматривая все три цикла писем в последовательности их написания, можно наметить развитие уральской линии в творческом наследии Чехова.

Безусловно, наиболее значимой в этом отношении была первая поездка. Путешествие на Сахалин послужило одним из самых важных событий в творческой биографии писателя. Оно утвердило Чехова в том, что настоящим писателем можно стать, только увидев «народную жизнь» и переночевав «на глухих почтовых станциях и в избах, совсем как в пушкинские времена» [Телешов 1986: 478]. По воспоминаниям Н. Д. Телешова, Чехов постоянно говорил молодым литераторам о том, что «писателю нельзя

сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь и людей, слышать подлинные человеческие слова и мысли и обрабатывать, а не выдумывать их» [там же: 477–478]. Телешов признавался, что его собственная поездка за Урал, открывшая ему путь в большую литературу, была спровоцирована Чеховым. В 1894 г. начинающий литератор Телешов встретил Чехова в вагоне подмосковного поезда. Чехов ехал в Мелихово, Телешов – на дачу в Царицыно. Чехов обратился к молодому коллеге с настоятельным советом: «Не ездите на дачу, ничего там интересного не найдете... – Поезжайте куда-нибудь далеко, верст за тысячу, за две, за три. Ну, хоть в Азию, что ли, на Байкал. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачная: красота! Если времени мало, поезжайте на Урал: природа там чудесная. Перешагните непременно границу Европы, чтобы почувствовать под ногами настоящую азиатскую землю и чтоб иметь право сказать самому себе: "Ну, вот я и в Азии!" А потом можно и домой ехать. И даже на дачу. Но дело уже будет сделано. ...Сколько всего узнаете, сколько рассказов привезете! Если хотите быть писателем, завтра же купите билет до Нижнего. Оттуда – по Волге, по Каме...» [там же: 478]. Литературная судьба Телешова была предрешена Чеховым: «Я послушался и через несколько дней уже плыл по реке Каме, без цели и назначения, направляясь пока в Пермь... За Уралом я увидел страшную жизнь наших переселенцев, невероятные невзгоды и тягости народной, мужицкой жизни. И когда я вернулся, у меня был готов целый ряд сибирских рассказов, которые и открыли тогда передо мной впервые страницы наших лучших журналов» [там же].

Е. А. Макарова, размышляя о значении сахалинского путешествия, справедливо отмечает: «Поездка в Сибирь и на каторжный остров привела писателя к важной смене позиций как в творческом, так и мировоззренческом плане. Знаменитое выражение "все теперь просахалинено" становится той мерой, которой, по сути, он будет проверять все» [Макарова 2009: 101].

Открытие огромного пространства, лежащего на востоке российской империи, началось для Чехова с Урала. И впечатления от этого знакомства были далеко не радужные. Бросилась в глаза беспросветная провинциальность местной жизни. Дальше, в Сибири, пространство откроется по-новому, что было точно замечено Е. К. Созиной: «...Азию писатель увидит позднее, уже в Сибири, и оценит ее как совершенно новый, особый опыт пространства и жизни» [Созина 2010: 18]. На Урале возобладали ощущения

разочарования и тоски, которые навсегда остались в памяти и воплотились в образе «провинциального города вроде Перми».

Письма Чехова приоткрывают обстоятельства этой литературной проекции, поскольку сохраняют самые первые, а значит, самые эмоциональные, впечатления путешественника. В соответствии со своей жанровой природой письма представляют подчеркнуто субъективный, интимно-лирический взгляд на пространство путешествия. Именно письма послужили основной формой складывающейся в XVIII в. литературы путешествий – как на Западе (Шарль Дюпати «Письма об Италии», 1788), так и в России (Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1791–1792; Д. И. Фонвизин «Письма из Франции», 1777–1778). Однако форма письма использовалась этими литераторами, прежде всего, как композиционно-стилистическая основа художественного произведения, что для литературы XVIII в., сделавшей эпистолярный роман одним из самых популярных своих жанров, было вполне органичным явлением. Комментируя жанровое своеобразие «Писем русского путешественника», В. М. Гуминский отмечал: «Главную тенденцию ...науки, занимающейся "Письмами..."», можно определить как движение от интерпретации их как документа с реальным (историческим, биографическим и т.п.) жизненным содержанием к трактовке "путешествия" Карамзина как целиком и полностью художественного произведения» [Гуминский 1979: 38]. Современные исследователи литературы путешествий вслед за Е. А. Краснощековой относят «Письма...» к «роду предромана» [Михайлов 1999: 71], поскольку в них доминируют задачи изображения внутренней жизни странствующего героя. В XIX в. письма остаются ведущим жанром литературы путешествий, сохраняя свое тяготение к художественной прозе.

Письма Чехова относятся к другой разновидности путевых писем. Это скорее путевые заметки, подчиняющиеся законам бытового эпистолярия. Так же, как и вся остальная переписка писателя, путевые письма Чехова являются одним из самых ярких явлений русской эпистолярной культуры и самым органичным продолжением пушкинской эпистолярной традиции. Исследователи переписки Пушкина отмечают ее новаторский характер, изменивший представление современников о стиле частного послания. Вклад поэта в историю эпистолярного жанра связан с революционным переходом на «естественную, живую речь, непринужденную болтовню» [Степанов 1965: 453]. Благодаря абсолютной речевой свободе письма Пушкина по праву считаются

творческой лабораторией поэта: «В них осуществлена была уже та свобода от приукрашенного, поэтизированного прозаического стиля, которым отличалась проза Карамзина и его последователей, переносивших в прозу принципы и даже структуру поэтической речи» [там же].

Письма Чехова следуют пушкинской установке на ироничную дружескую болтовню, которая позволяет легко говорить о серьезном, пресекая любые попытки намеренной литературности. Со всей очевидностью эта особенность чеховских писем проявляется в посланиях 1890 г. Они пронизаны атмосферой дружеского общения, ироничного подтрунивания над знакомыми и над собой и непринужденной болтовни – о самочувствии, еде, погоде. При этом частные бытовые замечания соседствуют с острыми социальными наблюдениями как элементы единой речевой среды. Все это делает чеховские письма с дороги ярким образцом эпистолярного травелога – особой жанровой разновидности, которую можно выделить в общем развитии литературы путешествий. Эту разновидность травелога, в отличие от литературного путешествия Карамзина, составляют реальные письма с дороги, которые отражают непосредственные впечатления автора. Важнейшими типологическими характеристиками эпистолярного травелога можно назвать установку на самоценность индивидуального опыта путешественника, а также открытую эмоциональность. Рассказать живым языком частного человека о путешествии – это интереснейшая творческая задача, которую, возможно, Чехов поставил перед собой вполне сознательно. Достаточно вспомнить, как резко писал он о языке путевых и научных публикаций, посвященных Сахалину: «Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности, это свинство» (Письмо А. С. Суворину. 28 февраля 1890 г.) [Чехов 1976: 27].

Так или иначе, образ Урала, воссозданный в чеховских письмах, интересен и важен как результат непосредственного эмоционального переживания пространства путешествия. Уральские письма Чехова не претендуют на полноту описания или концептуальность оценок. Однако «пробалтывая» отдельные особенности увиденного, письма наделяют их качеством выразительных деталей, выхваченных из потока впечатлений как наиболее значимый эмоционально-когнитивный опыт.

Главным топосом всех трех уральских поездов Чехова, конечно, была Кама. Первая встреча с ней состоялась холодной уральской весной: «Кама прескучнейшая река. Чтобы постигать ее красоты, надо быть печенегом, сидеть неподвижно на барже около бочки с нефтью или куля с воблой и, не переставая, тянуть сиволдай. Берега голые, деревья голые, земля бурая, тянутся полосы снега, а ветер такой, что сам черт не сумеет дуть так резко и противно» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 70–71].

Чехов тогда добрался на пароходе до Перми, пробыл здесь день, а уже вечером отправился железной дорогой в Екатеринбург. О пермской остановке Чехов ничего не написал, хотя целый день чем-то в городе занимался, куда-то ходил, кого-то видел. Из косвенных свидетельств известно, например, о поездке писателя на знаменитый пушечный завод в Мотовилихе с его циклопическим молотом [Чайкин 1969: 55–56]. В Екатеринбурге Чехов смог перевести дух, поселившись в «очень недурной» Американской гостинице (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 72]. Письма, написанные здесь, подводят итог путешествия по Уралу. Из них становится понятным, почему Пермь послужила прообразом губернского города из пьесы «Три сестры».

Все время пути от Камы и Перми до Екатеринбурга Чехова преследовало ощущение полной безнадежности, вызванное серыми камскими берегами и лицами людей, прикованных к этим берегам: «Когда дует холодный ветер и рябит воду, имеющую теперь после половодья цвет кофейных помоев, то становится и холодно, и скучно, и жутко; звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 70–71]; «На пристанях толпится интеллигенция, для которой приход парохода – событие. Все больше Щербаненки и Чугуевцы², в таких же шляпах, с такими же голосами и с таким же выражением “второй скрипки” во всей фигуре; по видимому, ни один из них не получает больше 35 рублей, и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 71].

Чехов напрямую писал о тяжелом впечатлении, оставленном у него уральскими городами: «Камские города серы; кажется, в них жители занимаются приготовлением облаков, скуки, мокрых заборов и уличной грязи – единственное занятие» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же].

Судя по этим заметкам, Пермь действительно стала для Чехова квинтэссенцией провинциальной серости и бессмысленности жизни. Подчеркнем, однако, что эти впечатления носили собирательный характер. Особое напряжение негативной оценки «камских городов» усугублялось пониманием того, что они не являются исключением из правил: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же].

Впрочем, последнее замечание не отменяет того обстоятельства, что екатеринбургские впечатления значительно отличаются от пермских. Екатеринбург настраивает писателя на бодрый лад. Даже местные недостатки вызывают не раздражение, а смех. Чехов энергично и с юмором ругает Екатеринбург за грязь, холод и извозчиков, всех как один «похожих на Добролюбова» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 72]. Переезд через Уральские горы меняет не только настроение, но и вектор размышлений писателя. Появляются новые наблюдения, связанные с коренной спецификой уральской жизни. К ним, в частности, относятся зарисовки местных типов: «Белизну восемнадцатирублевых сорочек заменяет мне здесь снег, покрывающий мостовые; тепло заменяется жестоким холодом; вместо таких милых челоуков, как Вы, я вижу вокруг себя лобастых и скуластых азиатов, происшедших от совокупления уральского чугуна с белугой...» (Н. Н. Оболенскому. 30 апреля 1890 года) [там же: 70]; «Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и, того гляди, убьет. Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой – скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе. Ну, думаю, этот непременно убьет. Оказалось, что это А. М. Симонов³» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 71].

Фельетонные краски, использованные Чеховым для характеристики местных жителей, утрированно подчеркивают некоторые черты уральской породы, уже вошедшие в оборот современной ему литературы и публицистики. Чехов здесь опирается на «своеобразную теллурически ориентированную уральскую антропологию», в которой «кровная, телесная связь человека с недрами», с горнозаводской работой определяет не только характер, но и телесную породу человека [Абашев 2015: 74]. Эта художественная ан-

тропология была развита в популярных путевых очерках Вас. Ив. Немировича-Данченко, в прозе и очеркистике Д. Н. Мамина-Сибиряка⁴. Неразрывная связь уральской человеческой породы с горнозаводским производством для этих писателей была чертой исторически сложившегося жизненного уклада. Она накладывала на местных людей неизгладимый отпечаток. Немирович-Данченко писал, например, о коренном отличии «железных людей» [Немирович-Данченко 1890:249] – рабочих железодельных заводов – и старателей: «Железо – другое дело. Это, как выражаются на Урале, металл строгий: и дает он целые поколения сумрачных и строгих людей... На железном деле люди ... своим внутренним организмом складываются в твердые, стойкие формы, как будто чугун и железо передают им свои основные качества» [там же: 635]. Таким образом, описывая в гротескном духе типы местных жителей, Чехов столько же иронизирует над уральцами, сколько обыгрывает превращающиеся в стереотипы литературные формулы их описания.

Интересно, что впоследствии, оценивая творчество Мамина-Сибиряка, Чехов обратил внимание именно на необычных героев его прозы. По воспоминаниям Н. И. Потапенко, Чехов, удивившись, что «ни одной вещи» Мамина-Сибиряка «не прочитал как следует», занялся тщательным изучением его книг и был сильно впечатлен: «Там, на Урале, должно быть, все такие: сколько бы их ни толкли в ступе, а они все – зерно, а не мука. Когда, читая его книги, попадаешь в общество этих крепышей – сильных, цепких, устойчивых черноземных людей, – то как-то весело становится. В Сибири я встречал таких, но, чтобы изображать их, надо, должно быть, родиться и вырасти среди них» [Потапенко 1986: 334–335]. Эти слова Чехова как будто возвращают нас к первой поездке на Урал: местные «крепыши» вызывают внутреннюю улыбку писателя. И тогда, и сейчас после внимательного прочтения маминской прозы Чехову становится «весело» от их присутствия. Впрочем, юмористические зарисовки уральцев, сделанные Чеховым в 1890 г., вполне могли быть подготовлены и самым общим знакомством с творчеством Мамина-Сибиряка. А то, что оно к этому времени уже состоялось, понятно из заметок по поводу местных литературных предпочтений: «Больше всех нравится в здешних краях Сибиряк-Мамин, описывающий Урал. О нем говорят больше, чем о Толстом» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 71].

Еще одно клише уральской идентичности юмористически обыгрывается Чеховым в пись-

мах из Екатеринбурга – это устойчивое представление о евроазиатской пограничности Урала: «Сiju я теперь в Екатеринбурге; правая нога моя в Европе, а левая в Азии» (Н. Н. Оболенскому. 30 апреля 1890 г.) [там же: 70].

Ироничная стихия писем подхватывает сложившиеся в представлениях об Урале стереотипы, карнавализует их, заставляя рассмотреть затертые черты. В уральских письмах проявляется характерная для Чехова неприязнь к любому рода шаблонам, а также его склонность к стилизации, которые, как убедительно показал А. Я. Кубасов, лежали в основе чеховской иронии. Отсутствие органичного речевого воплощения для предмета или явления, попавшего в поле зрения писателя, рождает настоятельное желание подчеркнуть несоответствие: «Повторимся, что ирония вовсе не означает для Чехов нулевой ценности описываемого. Дело в другом: в отсутствии неоговоренного художественного объекта и языка, на котором писатель мог бы прямо передавать свои устремления» [Кубасов 1998: 69]. Очевидно, подобное ощущение литературной заданности возникло у Чехова при описании уральского пространства, что и привело к появлению ироничных стилизаций.

Анализируя динамику авторской позиции Чехова в книге очерков «Из Сибири», написанных по материалам сибирской части путешествия на Сахалин, Е. А. Макарова замечает: «... по мере продвижения путешественника по суровому краю происходит важное преодоление устойчивых стереотипов, совершается своего рода демифологизация Сибири» [Макарова 2009: 100–101]. Ирония уральских писем связана с подобным же процессом демифологизации уральского пространства. Конечно, в отличие от развернутых сибирских очерков, уральские письма не предполагали последующей реконструкции пространства, однако, иронизируя, Чехов провел своего рода ревизию характерных примет уральской жизни. Основными из них оказались «азиатчина» (Письмо Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 73] и горнозаводской уклад жизни.

В чеховской оценке Урала, как верно отмечает Е. К. Созина, проявляется характерное для русской интеллигенции рубежа веков «неприятное отношение к Азии как вобравшей в себя "азиатчину" русской жизни» [Созина 2010: 18]. Обостренность такого восприятия Азии выразительно проявляется в инстинктивном желании Чехова отгородиться от неприятного пространства: «На улице снег, и я нарочно опустил занавеску на окне, чтобы не видеть этой азиатчины» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [там же: 71].

Горнозаводская деловитость, казалось бы, вызывает симпатию. Так, например, Чехов хвалит уральскую железную дорогу – и это, пожалуй, единственное, что заслуживает положительной оценки писателя: «Уральская дорога везет хорошо. Боромлей и Мерчиков⁵ нет, хотя и приходится переваливать через Уральские горы. Это объясняется избытком здесь деловых людей, заводов, приисков и проч., для которых время дорого» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 71]. Однако общий негативный фон уральских писем поглощает отдельные положительные замечания. Уральские заводы оставляют в памяти Чехова впечатление чужеродного, угрожающего пространства.

По точному наблюдению Е. К. Созиной, отголоском уральских впечатлений звучит тема фабрики-дьявола, фабрики-чудовища в рассказе «Случай из практики» (1898) [Созина 2010: 18]. Рассказ связывается с уральскими письмами Чехова не только общей проблемно-тематической оценкой заводской жизни, но и вполне очевидным повтором выразительного звукового образа – резких ударов по металлу. Эти удары не давали заснуть измученному Чехову апрельской ночью 1890 г.: «Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов» (Чеховым. 29 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 73]. В рассказе «короткие, резкие и нечистые звуки», вызванные ударами ночного сторожа по металлической доске, оказываются воплощением дьявольской сущности завода: «И похоже было, как будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище с багровыми глазами, сам дьявол, который владел тут и хозяевами и рабочими и обманывал тех и других» [Чехов 1977: 81].

И все же остались в творчестве Чехова образы, которые сохранили светлые воспоминания об Урале. Все они связаны с красотой уральской природы. Среди них выделяется образ березы, ставшей символом чистоты, душевного здоровья, надежды. Вершинин, защищая нелюбимый сестрами Прозоровыми город, восклицает: «Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить» [Чехов 1978, т.13: 128].

В письмах 1890 г. замечания о березах сопровождают уральские и сибирские пейзажи практически по всему маршруту следования. Особенно часто они появляются по пути из Екатеринбурга в Томск. Наверное, для Чехова березы символически связывались с русским простран-

ством, оставленным за Уральским хребтом и неожиданно встреченным в Сибири.

Примечательно, что реплика Ольги Прозоровой, в которой она, сравнивая местную весну с московской, говорит о нераспустившихся еще березах [там же: 119], повторяет слова самого первого уральского письма Чехова: «Друзья мои тунгусы! Плыву по Каме, но местности определить не могу; кажется, около Чистополя. Не могу также воспеть красоту берегов, так как адски холодно; *береза еще не распустилась* (курсив мой. – Е.В.), тянутся кое-где полосы снега, плавают льдинки – одним словом, вся эстетика пошла к чёрту» (Чеховым. 24 апреля 1890 г.) [Чехов 1976: 68].

Это совпадение, конечно, не случайно. В чеховском образе Урала береза наделяется значением культурной и географической скрепы, которая соединяет привычное, домашнее пространство с неизвестным и чужим. Однако окончательного единения не случается: нераспустившаяся уральская береза остается метафорой дальней земли, неразгаданной Азии.

Письма, написанные во время второй поездки на Урал, отражают новое отношение Чехова к Каме. В 1901 г. он плывет вместе с женой в Аксеново, на реку Дему, – здесь находилась Андреевская санатория, лечившая кумысом. Поездка получилась беспокойной, трудной, но наполненной ощущением близости любимой женщины и переживанием особой красоты суровых уральских рек. В своих воспоминаниях О. Л. Книппер-Чехова подробно описывает впечатления этой поездки. Она вспоминает ночь на камской пристани Пьяный Бор, где они вынуждены были ждать парохода на Уфу: «На Антона Павловича эта ночь, своей полной отчужденностью от всего культурного мира, ночь величаявая, памятная какой-то покойной, серьезной содержательностью и жутковатой красотой и тихим рассветом, произвела сильное впечатление, и в его книжечке, куда он заносил все свои мысли и впечатления, отмечен Пьяный Бор» [Книппер-Чехова 1960: 697].

Чехову пьяноборская ночь действительно запомнилась. Проплывая мимо Пьяного Бора следующим летом и всматриваясь в знакомые берега, он с сожалением сообщил жене: «Говорят, что Пьяного бора мы не увидим, так как будем в нем в пять часов утра. Это обидно» (Письмо О. Л. Книппер-Чеховой. 19 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 251].

Лейтмотивами чеховских писем из Аксенова оказываются уже известная по первому приезду на Урал провинциальная скука, а также свежее впечатление от красоты уральских рек: «Здесь,

на кумысе, скука ужасающая, газеты все старые, вроде прошлогодних, публика неинтересная, кругом башкиры, и если бы не природа, не рыбная ловля и не письма, то я, вероятно, бежал бы отсюда» (А. Ф. Кони. 12 июня 1901 г.) [Чехов 1981: 43]. Этот новый образ уральской природы воспринимается как продолжение и воплощение вершининской похвалы⁶. Очевидно, что за хлесткой характеристикой «прескучнейшей реки» стояло какое-то более глубокое переживание увиденного на Урале пространства, в частности, его мощного природного размаха и уникальной красоты.

Третья поездка на Урал была предпринята Чеховым в июне 1902 г. Савва Морозов, с которым писатель сблизился по делам МХТ, пригласил Чехова на свои уральские заводы⁷. Основное производство находилось в поселке Всеволодо-Вильва, расположенном в северной части Пермской губернии. Чехов плывет по Каме, снова попадая в Пермь, с которой по сцеплению ассоциаций оказалась связанной его последняя пьеса. И если бы погода на Каме в 1890 г. была такой, как во время этой поездки, возможно, не было в драматургии Чехова «города вроде Перми». Сейчас Кама навевала идиллические мечтания о дачном отдыхе всей семьей: «Кама – чудесная река! Надо бы нам нанять для всего семейства пароходик и поехать не спеша в Пермь и потом обратно, и это была бы дачная жизнь самая настоящая, какая нам и не снилась», – пишет Чехов жене из Перми (О. Л. Книппер-Чеховой. 19 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 43]. «Дачный» образ Камы окончательно вырывает ее из тисков социально-критической оценки первых уральских писем, обнаруживая новые переживания писателя, связанные с природной красотой знаменитой уральской реки. Очевидно, теперь Чехов не пытается противостоять сложившимся в описании Урала литературным формулам, предписывающим восхищаться этой «северной красавицей» [Немирович-Данченко 1890: 111]. Действительно, период обостренных творческих поисков и литературных баталий остался позади, Чехов едет на Урал состоявшимся писателем, выработавшим собственный художественный язык. Ироничная стилизация первых уральских писем уступает место выразительной краткости путевых описаний, сосредоточенных на точной фиксации и емкой оценке внешних впечатлений путешественника. Как отмечает И. Г. Гитович, в письмах Чехова постепенно складывается особая повествовательная манера: «... его письма оказываются еще и самостоятельной формой повествования, где ряд особенностей его прозы, в частности, так называемая бессюжетность – выступают в своей

первичной сущности эмоционального переживания, для точной передачи которого именно в письмах была найдена и отработана оптимальная интонационная форма» [Гитович 2013: 19]. В ходе размышлений по поводу писем Чехова И. Г. Гитович приходит к выводу о том, что в эпистолярном творчестве писателя ярко проявилось его тяготение к жанру «законченного фрагмента-записи» [там же], формирование которого происходило на рубеже XIX–XX вв. Наиболее ярким образцом этого жанра становятся книги В. В. Розанова «Уединенное» (1912) и «Опавшие листья» (1913).

Впрочем, и сам город на этот раз не показался писателю слишком скучным. Позабавили местные газеты, перепутавшие его с Горьким. Чехов послал «буревестнику» заметку из местных ведомостей о том, как на днях в Перми был замечен Горький, в сапогах, с тросточкой и в пенсне⁸. Тон и настроение пермских писем приподнятые.

А вот дальше – в дороге вверх по Каме до Усолья и на поезде до Вильвы – настроение Чехова меняется. На пароходике было не слишком комфортно: «Милая моя, пишу тебе из Усолья. Ехал сюда долго, в душной, неудобной каютке, а теперь сижу и жду поезда, который пойдет через 4–5 часов. Очень уж жарко. Сегодня в 3 часа буду в Вильве, в имении Морозова, и там высплусь» (О. Л. Книппер-Чеховой. 22 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 252]. Появляется ощущение края света: «Милая Маша, я в Усолье. Если на карте проведешь пальцем по Каме вверх от Перми, то найдешь это Усолье» (М. П. Чеховой. 23 июня 1902 г.) [там же: 254].

Усолье, скорее всего, возникло на маршруте путешествия не случайно. По воспоминаниям вильвенского старожила Петра Метелева, бывшего родом из Усолья, Чехов расспрашивал его о дороге на Строгановские солеварни, о быте и заработке солеваров. Из рассказа Метелева становится понятно, что Чехов знал об Усолье благодаря запискам Мельникова-Печерского [Метелев 1960: 3]. Познакомиться со знаменитой соляной столицей Урала Чехову не довелось: для поездки в Усолье из Всеволодо-Вильвы понадобилось бы слишком много времени⁹.

Во Всеволодо-Вильве Чехов поселился в доме управляющего имением К. И. Медведева¹⁰. Дом находился неподалеку от завода. На следующий день после приезда писатель побывал в заводских цехах и лечебнице, общался с рабочими, после чего разговаривал с Морозовым и просил о сокращении рабочего дня. Савва Морозов пообещал ему это и выполнил обещание, сократив рабочий день с 12 до 8 часов [Шарц 1960: 55]. Чехов знакомился с вильвенцами, расспрашивал

их о жизни в поселке; с увлечением рыбачил; много гулял. По воспоминаниям К. Ожгибесовой, во время одной из таких прогулок Чехов нашел родник и попросил устроить там чаепитие, как это было принято у жителей поселка [Михайлюк 2007: 246]. До конца остается неясным, приняли ли участие Чехов в торжественном открытии школы, как это планировалось перед поездкой. По одному из воспоминаний, школу в спешном порядке достраивали после отъезда писателя [Строкин 1972: 2].

Писем из дома управляющего Чехов не писал: просто не успел. Свои впечатления он лишь коротко набросал Немировичу-Данченко в письме от 25 июня – уже с обратной дороги: «Здравствуй, милый Владимир Иванович! Пишу тебе сие черт знает откуда, из северной части Пермской губернии... Жизнь здесь около Перми серая, неинтересная, и если изобразить ее в пьесе, то слишком тяжелая. Ну, да об этом при свидании» (В. И. Немировичу-Данченко. 25 июня 1902 г.) [Чехов 1981: 255].

Так замкнулся круг уральских впечатлений Чехова: он снова повторяет слова самых первых писем. Образ летней Камы уходит на второй план. Столкнувшись с тяжелой жизнью уральской глубинки, Чехов возвращается к социальной критике. Последнее чеховское письмо с Урала звучит как тяжелый приговор местной жизни, вобравшей в себя худшие черты российской провинции.

И все же решение Чехова отправиться в 1902 г. на Урал по-новому открывает его отношение к уральскому пространству. Он был смертельно болен. В Москве оставалась еще не оправившаяся от болезни жена, беспокойство о которой не покидало писателя ни на день. Однако Чехов решается на далекую и трудную поездку. Прагматика уступает зову пространства, который чувствовал писатель¹¹. Г. А. Шалюгин, составив список чеховских путешествий [Шалюгин], выяснил, что они были почти ежегодными. При этом в обширной чеховской географии северный вектор всегда имел особое значение. Достаточно вспомнить, как рвался Чехов из Ялты в Москву, называя ялтинский дом «тюрьмой» [Книппер-Чехова 1960: 685]. В последние годы жизни, по воспоминаниям Книппер-Чеховой, писатель мечтал о поездке «по северным рекам, в Соловки, в Швецию, в Норвегию» [там же]. Поездка на Урал в этом смысле была вовсе не случайной. Кама и Вильва сыграли роль тех северных рек, о которых мечтал писатель. Очевидно, уральское пространство в восприятии Чехова, прежде всего, ассоциировалось со «здоровым, хорошим, славянским климатом», «лесом» и «рекой», которые

стали в пьесе «Три сестры» воплощением подлинных, но непризнанных ценностей.

Короткие эпистолярные заметки Чехова знаменовали новый этап в становлении литературного образа Урала, придав ему форму частного высказывания, не претендующего на «серьезность», но передающего опыт не скованного литературными канонами переживания. Отталкиваясь от сложившихся в описаниях Урала клише, Чехов произвел своего рода демифологизацию уральского пространства. Кроме того, подобный опыт непосредственного переживания аккумуляировал большую творческую энергию: пережитое в пути состояние, усиленное эмоциональной выразительностью эпистолярного слова, не раз отозвалось в художественном творчестве Чехова, навсегда связав уральский ландшафт с образами программных произведений писателя.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта № 15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII – начала XX вв.».

² Щербаненки и Чугуевцы – знакомые Чеховых по Луке Харьковской губернии.

³ Александр Михайлович Симонов – сын двоюродной сестры Е. Я. Чеховой, редактор «Екатеринбургской недели».

⁴ Первый по-настоящему общеизвестный образ Урала сформировался благодаря журнальным и газетным публикациям Немировича-Данченко и Мамина-Сибиряка, появившимся почти одновременно – в конце 1870-х – начале 1880-х гг. Публикация уральских очерков Немировича-Данченко, побывавшего на Урале в 1875 г., продолжалась с 1877 по 1884 г. в журналах «Дело», «Русская речь», «Исторический вестник». Затем, уже в 1890 г., вышла книга «Кама и Урал», собравшая эти публикации под одной обложкой (Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал: очерки и впечатления). СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890. 750, IV с.). Учитывая тщательность подготовки Чехова к поездке, можно предположить, что он прочитал очерки Немировича. Публикация первых уральских материалов Мамина приходится на самое начало 1880-х гг. В «Устоях», «Деле», «Вестнике Европы», «Русской Мысли», «Отечественных Записках» появляются его уральские рассказы и очерки: «На рубеже Азии», «В камнях», «Золотуха», «Бойцы», «Переводчица на приисках», «Дикое счастье», «На Шихане» и мн. др. В 1888–89 гг. – накануне поездки Чехова на Сахалин – один за другим выходят двух-

томник и трехтомник «Уральских рассказов» Мамина, включившие большую часть этих публикаций. Нельзя не сказать также о цикле путевых очерков Мамина «От Урала до Москвы», опубликованных в «Русских ведомостях» в 1881–1882 гг.

⁵ Боромля и Мерчик – небольшие станции Харьковско-Николаевской ж. д.

⁶ Пьеса «Три сестры» была написана в 1900 г., впервые представлена публике в МХТ 31 января 1901 г.

⁷ В 1890 г. Савва Тимофеевич Морозов приобрел стоявший в запустении Всеволодо-Вильвенский железодобывающий завод. Здесь им было налажено химическое производство. Позднее в окрестностях Всеволодо-Вильвы Морозовым был устроен еще один завод – на речке Иваке. Поселок при Савве Морозове ожил (Корчагин П. А. Созидатель. Савва Морозов во Всеволодо-Вильве // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: книга очерков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2008. С. 108–151).

⁸ «Пермские губернские ведомости» за 26 июня 1902 г. поместили заметку под названием «М. Горький в Перми»: «... Носится слух, что третьего дня популярнейший писатель Максим Горький на пароходе "Борец" отправился из Перми на Курьинские дачи. Он – в белой рубашке, высоких сапогах и пенсне. Кто-то из публики стоявшего рядом с "Борцом" парохода "Лебедь" узнал писателя. "Борец" в тот момент уже отчалил. Весть о том, что на палубе сам Горький, моментально облетела всю публику "Лебедя", которая повскакала со своих мест и жадно впиалась в удаляющегося "Борца"» (М. Горький в Перми // ПГВ. 1902. 26 июля (№ 136). С. 3. (Хроника)).

⁹ Чехов собирался провести в Вильве 3 дня: «Сегодня же через 4–5 часов еду по железной дороге до станции Всеволодо-Вильва, где проживу дня три у Саввы Морозова», – писал он сестре в письме от 23 июня. Действительно, в гостях у Морозова Чехов провел неполных три дня: 23 июня, 24 июня, и день 25-го. В ночь на 26 июня Чехов уехал железной дорогой в Пермь.

¹⁰ Главными свидетельствами пребывания Чехова во Всеволодо-Вильве являются литературные воспоминания студента горного института А. Н. Тихонова-Сереброва, проводившего у Саввы Морозова в 1902 г. разведку каменного угля, а также записи рассказов вильвенских старожилов: горничной К. Ожгибесовой, писаря П. Метелева, управляющего К. И. Медведева, рассыльного Я. Мелехина, – сделанные пермскими краеведами.

¹¹ О художественной метафизике пространства в литературном произведении см.: Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сиб. филол. журн. 2010. № 2. С. 81–90.

Список литературы

Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геоэпике Бориса Пастернака // Вопросы лит. 2008. № 4. С. 125–144.

Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сиб. филол. журн. 2010. № 2. С. 81–90.

Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...». Панорама Урала в путевых очерках В. И. Немировича-Данченко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 4 (32). С. 67–78.

Бердичевская А. Город трех сестер // Вечерняя Пермь (газ.). 1971. 3 дек. С. 3.

Власов И. Дом с мезонином // Молодая гвардия. 1971. 18 июля. С. 2.

Гитович И. Г. Писательская переписка как повествовательный жанр: некоторые аспекты эпистолярная Чехова // А. П. Чехов: пространство природы и культуры: сб. материалов Междунар. науч. конф. Таганрог, 11–14 сентября 2013 г. Таганрог: Лукоморье, 2013. С. 15–24.

Гладышев В. Ф. Чехов и Пермь: Легенда о трёх сестрах. Пермь: Книжный мир, 2008. 176 с.

Гуминский В. М. Проблемы генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Лит. институт им. А. М. Горького, 1979. 184 с.

Дворянова О. Три сестры из Перми // Личный интерес. 2000. № 4. С. 2–3.

Книппер-Чехова О. Л. О А. П. Чехове // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1960. С. 680–702.

Корчагин П. А. Созидатель. Савва Морозов во Всеволодо-Вильве // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: книга очерков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2008. С. 108–151.

Красноперов Д. А. Правда и вымысел некоторых пермских мифов // Страницы прошлого: избранные материалы краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь: Перм. обл. универс. б-ка им. А. М. Горького, 2001. Вып. 3. С. 144–146.

Кубасов А. Я. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.

Макарова Е. А. «Я сам себя командую...» (Сибирь и сибирские переселенцы в рецепции А. П. Чехова) // Айзикова И. А., Макарова Е. А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра

и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 91–109.

Метелев П. Как я фотографировал писателя // Березниковский рабочий. 1960. 29 января. С. 3.

Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград: ВГПУ, 1999. 199 с.

Михайлюк В. М. Пермская шкатулка: Пермь и Пермский край в судьбе России. Пермь: Пермские новости, 2007. 320 с.

Немирович-Данченко В. И. Кама и Урал. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1890. 750 с., IV с.

Ожгибесова К. Большой души человек // Березниковский рабочий. 1960. 29 янв. С. 3.

Потапенко И. Н. Несколько лет с А. П. Чеховым (К 10-летию со дня его кончины) // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1986. С. 295–349.

Семенов В. Л. Пермские страницы биографии и творчества А. П. Чехова. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2005. 135, [1] с.

Серебров (Тихонов) А. О Чехове // Всеволодо-Вильва на перекрестке русской культуры: Книга очерков. СПб.: Изд-во «Маматов», 2008. С. 170–180.

Созина Е. К. Провинция в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова: топология судьбы // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 15–26.

Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр // Проблемы современной филологии: сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965. С. 450–456.

Строкин А. А. П. Чехов во Всеволодо-Вильве (Из истории) // Уральский кочегар. 1972. 27 мая. С. 2.

Телешов Н. Д. А. П. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1960. С. 473–492.

Чайкин А. И. Неожиданный спутник: Из воспоминаний старого пермяка // Календарь-справочник Пермской области за 1970 г. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1969. С. 55–56.

Чехов А. П. Письмо А. М. Пешкову, 16 октября 1900 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1980. Т. 9. Письма, 1900 – март 1901. С. 133.

Чехов А. П. Письмо А. С. Суворину, 18 апреля 1890 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.:

Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 63–64.

Чехов А. П. Письмо А. С. Суворину, 28 февраля 1890 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 26–27.

Чехов А. П. Письмо А. Ф. Кони, 12 июня 1901 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 43–44.

Чехов А. П. Письмо В. И. Немировичу-Данченко, 25 июня 1902 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 255.

Чехов А. П. Письмо М. П. Чеховой, 23 июня 1902 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 254.

Чехов А. П. Письмо Н. Н. Оболенскому, 30 апреля 1890 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 70.

Чехов А. П. Письмо О. Л. Книппер-Чеховой, 19 июня 1902 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 251.

Чехов А. П. Письмо О. Л. Книппер-Чеховой, 22 июня 1902 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981. Т. 10. Письма, апрель 1901 – июль 1902. С. 252–253.

Чехов А. П. Письмо Чеховым, 29 апреля 1890 г. // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1976. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 70–73.

Чехов А. П. Случай из практики // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1977. Т. 10. Рассказы, повести, 1898–1903. С. 75–85.

Чехов А. П. Три сестры // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения в 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1978. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. С. 117–188.

Шалюгин Г. Чехов-путешественник // Проза. ру. URL: <https://www.proza.ru/2009/11/12/304> (дата обращения: 04.02.2016).

Шарц А. Чехов на Урале // Прикамье. Альманах Перм. отд. Союза писателей. Пермь, 1960. № 28. С. 50–55.

References

Abashev V. V. Ural kak predchuvstviye. Zametki o geopoetike Borisa Pasternaka [The Urals as a premonition. Notes on the geopoetics of Boris Pasternak]. Voprosy literatury [The issues of literature]. 2008. Iss. 4. P. 125–144.

Abashev V. V., Abasheva M. P. Poezija prostranstva v proze Alexeja Ivanova [Poetry of Space in prose of Alexey Ivanov] Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. 2010. Iss. 2. P. 81–90.

Abashev V. V. «Dikaja krasota i sumrachnoje velichije...». Panorama Urala v putevykh ocherkakh V. I. Nemirovicha-Danchenko [«Wild beauty and gloomy greatness...». Panorama of the Urals in travel essays of V. I. Nemirovich-Danchenko]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2015. Iss. 4 (32). P. 67–78.

Berdichevskaja A. Gorod trjokh sestjor [The town of three sisters] Vechernyaja Perm' [The Evening Perm]. 1971. 3 Dec. P. 3.

Chajkin A. I. Neozhidannyj sputnik: Iz vospominanij starogo permyaka [An unexpected companion: From the memories of the old Perm citizen] Kalendar'-spravochnik Permskoj oblasti za 1970 g. [Calendar-Directory of the Perm region for 1970]. Perm: Permskoje knizhnoje izd-vo Publ., 1969. P. 55–56.

Chekhov A. P. Pis'mo A. M. Peshkovu, 16 oktjabrja 1900 g. [A letter to A.M. Peshkov, 16 October 1900] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1980. Vol. 9. Letters, 1900 – March 1901. P. 133.

Chekhov A. P. Pis'mo A. S. Suvorinu, 18 aprilja 1890 g. [A letter to A.S. Suvorin, 18 April 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature.

Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 63–64.

Chekhov A. P. Pis'mo A. S. Suvorinu, 28 fevralja 1890 g. [A letter to A.S. Suvorin, 28 February 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 26–27.

Chekhov A. P. Pis'mo A. F. Koni, 12 ijunja 1901 g. [A letter to A.F. Koni, 12 June 1901] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 43–44.

Chekhov A. P. Pis'mo V. I. Nemirovichu-Danchenko, 25 ijunja 1902 g. [A letter to V.I. Nemirovich-Danchenko, 25 June 1902] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 255.

Chekhov A. P. Pis'mo M. P. Chekhovoj, 23 ijunja 1902 g. [A letter to M.P. Chekhova, 23 June 1902] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 254.

Chekhov A. P. Pis'mo N. N. Obolenskomu, 30 aprilja 1890 g. [A letter to N.N. Obolensky, 30 April 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 70.

Chekhov A. P. Pis'mo O. L. Knipper-Chekhovoj, 19 ijunja 1902 g. [A letter to O.L. Knipper-Chekhova, 19 June 1902] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1981. Vol. 10. Letters, April 1901 – July 1902. P. 251.

Chekhov A. P. Pis'mo Chekhovym, 29 aprilja 1890 g. [A letter to the Chekhovs, 29 April 1890] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in

30 vols. Letters: in 12 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1976. Vol. 4. Letters, January 1890 – February 1892. P. 70-73.

Chekhov A.P. Sluchaj iz praktiki [Practice case] Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pis'ma v 12 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols.]. Academy of Sciences of the USSR. Gorky Institute of World Literature. Moscow: Nauka Publ., 1977. Vol. 10. Tales, stories, 1898-1903. P. 75-85.

Dvorjanova O. Tri sestry iz Permi [Three sisters from Perm] Lichnyj interes [The personal interest]. 2000. Iss. 4. P. 2–3

Gitovich I. G. Pisatel'skaja perepiska kak povestvovatel'nyj zhanr: nekotoryje aspekty epistoljarija Chekhova [The writer's correspondence as a narrative genre: some aspects of Chekhov's epistolary]. A. P. Chekhov: prostranstvo prirody i kul'tury. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Taganrog, 11–14 sentjabrja 2013 g. [A. P. Chekhov: the space of nature and culture. Proc. International Scientific Conference. Taganrog, 11–14 September 2013]. Taganrog: Lukomorje Publ., 2013. P.15–24.

Gladyshev V. F. Chekhov i Perm': Legenda o trjokh sjostrakh [Chekhov and Perm: Legend of the three sisters]. Perm: Knizhnyj mir Publ., 2008. P. 176.

Guminskij V. M. Problemy genezisa i razvitiya zhanra puteshestvij v russkoj literature. Diss. kand. fil. nauk [Problems of the genesis and development of the travel genre in Russian literature. Cand. philol. sci. diss.]. M.: Maxim Gorky Literature Institute Publ., 1979. 184 p.

Makarova E. A. «Ja sam sebja komandiruju...» (Sibir' i sibirskie pereselentsy v retseptsii A. P. Chekhova) ["I send myself on a mission ... " (Siberia and Siberian settlers in the reception of Anton Chekhov)] Ajzikova I. A., Makarova E. A. Tema pereselenija v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossiji 1860–1890-kh gg.: problema dialoga [The topic of resettlement to Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860–1890s: the problem of a dialogue]. Tomsk: Tomsk University Publ., 2009. P. 91–109.

Vlasov I. Dom s mezoninom [The house with the mezzanine]. Molodaja Gvardija [The young guards]. 1971. 18 July. P. 2.

Knipper-Chekhova O. L. O A. P. Chekhove [About Anton Chekhov] Chekhov v vospominanjakh sovremennikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. M.: Khudozh. lit. Publ., 1986. P. 612–632.

Korchagin P. A. Sozidatel'. Savva Morozov vo Vsevolodo-Vil've [Creator. Savva Morozov in

Vsevolodo – Vilva] Vsevolodo-Vil'va na perekrjostke russkoj kul'tury: Kniga ocherkov [Vsevolodo-Vilva at the crossroads of Russian culture: a book of essays]. St. Petersburg: «Mamatov» Publ., 2008. P. 108–151.

Krasnoperov D. A. Pravda i vymysel nekotorykh permskikh mifov [Truth and fiction of some Perm myths] Stranitsy proshlogo: izbrannyje materialy kraeved. Smyshlyaevskikh chtenij v Permi [Pages of the past: Selected materials of ethnographical Smyshlyaev readings in Perm]. Perm: Perm Regional Universal Library named after A. M. Gorky Publ., 2001. Iss. 3. P. 144–146.

Kubasov A. Ja. Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsiji: Monografija [Anton Chekhov's prose: the art of stylization: Monograph]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 1998. 399 p.

Metlev P. Kak ja fotografiroval pisatelja [How I photographed the writer]. Bereznikovskij rabochij [Berezniki worker]. 1960. 29 Jan. P. 3.

Mikhajlov V. A. Evoljutsija zhanra literaturnogo puteshestvija v proizvedenijakh pisatelej XVIII–XIX vekov: Diss. kand. filol. nauk [The evolution of the genre of literary travel in works of writers in XVIII–XIX: Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd: VSPU Publ., 1999. P. 199.

Mikhajljuk V. M. Permskaja shkatulka: Perm' i Permskij kraj v sud'be Rossiji [Perm Casket: Perm and the Perm region in Russia's destiny]. Perm: Permskije novosti Publ., 2007. P. 320.

Nemirovich-Danchenko V. I. Kama i Ural [Kama and the Urals]. St. Petersburg, A. S. Suvorin's Publ., 1890. 750 p., IV p.

Ozhgibesova K. Bol'shoj dushi chelovek [The big-hearted man] Bereznikovskij rabochij [Berezniki Worker]. 1960. 29 Jan. P.3.

Potapenko I. N. Neskol'ko let s A. P. Chekhovym (K 10-letiju so dnja ego konchiny) [A few years with Anton Chekhov (to the 10th anniversary of his death)] Chekhov v vospominanjakh sovremennikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. M.: Khudozh. lit. Publ., 1986. P. 295–349.

Semenov V. L. Permskije stranitsy biografii i tvorchestva A. P. Chekhova [Perm pages of the biography and work of Anton Chekhov]. Perm: PSPU Publ., 2005. P. 135, [1].

Serebrov (Tikhonov) A. O Chekhove [About Chekhov] Vsevolodo-Vil'va na perekrjostke russkoj kul'tury: Kniga ocherkov [Vsevolodo-Vilva at the crossroads of Russian culture: a book of essays]. St. Petersburg: «Mamatov» Publ., 2008. P. 170–180.

Shaljugin G. Chekhov-puteshestvennik [Chekhov-traveler]. Available at: <https://www.proza.ru/2009/11/12/304> (accessed 04.02.216).

Sharts A. Chekhov na Urale [Chekhov in the Urals] Prikam'je. Al'manakh Perm. otd. Sojuza pisatelej [Prikamje. The Almanac of the Perm branch of the Writers' Union]. Iss. 28. Perm, 1960. P. 50–55.

Sozina E. K. Provintsija v tvorcestve D. N. Mamina-Sibirjaka i A. P. Chekhova: topologija sud'by [Province in works of D. N. Mamin-Sibirjak and Anton Chekhov: topology of fate] Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnyje nauki [The Ural State University News. Series 2. Humanities]. 2010. Iss. 4 (82). P. 15–26.

Stepanov N. L. Pis'ma Pushkina kak literaturnyj zhanr [Letters of Pushkin as a literature genre] Prob-

lemy sovremennoj filologii: Sbornik statej k semi-desjatiletiju akademika V. V. Vinogradova [Problems of modern philology: Collection of papers to the seventieth anniversary of the academician V. V. Vinogradov. M.: Nauka Publ., 1965. P. 450–456.

Strokin A. A. P. Chekhov vo Vsevolodo-Vil've (Iz istorii) [Anton Chekhov in Vsevolodo-Vilva (from history)] Ural'skij kočegar [The Urals stoker]. 1972. 27 May. P. 2.

Teleshov N. D. A. P. Chekhov [Anton Chekhov]. Chekhov v vospominanijakh sovremnikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. M.: Khudozh. lit. Publ., 1960. P. 473–492.

THE IMAGE OF THE URALS IN TRAVEL LETTERS OF ANTON CHEKHOV: IMPRESSIONS AND CREATIVE PROJECTIONS

Elena G. Vlasova

Associate Professor in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

This article is devoted to the dynamics of the Urals themes in works by Chekhov. The main evidence of the writer's Urals experience is letters which he wrote during his three trips along the Urals (in 1890, 1901 and 1902). The first and most detailed cycle of the Urals letters is connected with Chekhov's trip to Sakhalin. Describing Urals space in this cycle of letters, Chekhov often applies a device of the ironic use of literary formulas, established in the previous descriptions of the Urals. In subsequent cycles of the Urals letters the problem of exact description of external impressions comes to the fore. The image of the Urals recreated in Chekhov's letters is curious and significant as a result of direct emotional experience of the travel space. It does not claim to have completeness of description or conceptuality of assessment, though, while fixing some particular features of the seen, the letters give them the quality of expressive details, snatched from the flow of impressions as the most important emotional and cognitive experience. This experience has accumulated the writer's great creative energy: the state of mind he had on the road, reinforced by emotional expressiveness of epistolary words, repeatedly echoes in his literary work. In particular, Chekhov's letters clarify the circumstances of the Perm origin of the three sisters' town, as well as the Urals allusions to the factory image in "Practice Case". Generally, Chekhov's Urals letters are a vivid example of such a variety of travel literature as an epistolary travelogue.

Key words: Anton Chekhov; epistolary travelogue; demythologization of space; image of the Urals; image of the people of the Urals; border between Europe and Asia.

УДК 821.161.1(1-87)

«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН» КАК СВОД МАРГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (три книги о Сергее Довлатове)

Наталья Александровна Петрова

профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614200, Пермь, ул. Сибирская, 24. natpetrova1@gmail.com

В статье рассматривается жанровая модификация, имеющая разные терминологические обозначения в русской литературной критике: метароман, эгоповествование, псевдодокументализм, мемуарный роман и, наконец, «филологический роман», все персонажи которого вовлечены в литературную деятельность. Сопоставительный анализ трех книг, посвященных тремя друзьями-филологами одному автору, – «Когда случилось петь С.Д. и мне» первой жены А. Пекуровской, «Мне скучно без Довлатова» поэта Е. Рейна, «Довлатов и окрестности» А. Гениса – способствует выявлению специфики «филологического романа». Заглавие каждой из трех книг декларирует авторскую позицию.

Книгу Пекуровской еще нельзя назвать «филологическим романом». Структура, предельно организованная заголовками глав и эпиграфов, существует в ней самостоятельно, безотносительно повествования, выстроенного по традиционному хронологическому принципу. Повествователь, переключая внимание читателя на себя, заслоняет собой предмет изображения, неспособный к отдельно от повествователя существованию.

Название книги Е. Рейна, снабженное подзаголовком «Новые сцены из жизни московской богемы», тоже переносит акцент с героя, переведенного в периферийное положение, на повествователя. Книгу Рейна можно было бы назвать романом-фотографией. Переключаясь, входя друг с другом в противоречия, дополняя друг друга, текст и фотографии создают сложную конструкцию разновременных пластов. В художественном тексте иллюстрация превращается в маргинальное приложение к нему. В альбоме маргинальным становится сопроводительный текст.

Свой «филологический роман» А. Генис определяет как «фотографию души, расположенной между телом и текстом», что возвращает автора в центр создаваемого им мира. Автор в прозе Довлатова сохраняет дистанцию по отношению ко всему происходящему в произведении, но легко переступает границу, наделяя персонажей авторским всезнанием.

Ключевые слова: филологический роман; маргиналии; границы.

Во второй половине XX в. сложилась и стала популярной новая жанровая модификация романа, воспроизводящая автобиографию повествователя, не стесняющего себя документальной точностью, допускающего вымысел и свободу интерпретаций. Современное литературоведение предлагает для этого явления различные терминологические обозначения: метароман, эгоповествование, псевдодокументализм, беллетризованная мемуаристика, мемуарный роман, роман-воспоминание, роман-саморефлексия – количество их продолжает нарастать. Тот же процесс

происходит в европейской и американской литературе. Серж Дубровский предложил в качестве жанрового определения своего романа «Сын» (1977), где автор является одновременно и повествователем, и героем, неологизм «Autofiction». Ф. Бегбедер дал своей новой книге «Уна & Сэлинджер» подзаголовок «faction» («fact» и «fiction»). В русском литературоведении постепенно приживается термин «филологический роман», сначала функционирующий в метафорическом аспекте [Брагинская 1991], затем в характеристике героя и его отношений с реаль-

ностью [Карабчиевский 2000; Генис 2004; Щеголов 2004 – историко-филологический роман].

Истоки «филологического романа» современная критика обнаруживает в литературе начала XX в. Примерами служат «романы с ключом» (франц. roman à clef), такие как «Сумасшедший корабль» О. Форш или «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» В. Каверина; библиографические романы-реконструкции («Пушкин» Ю. Тынянова, или «Воскресение Маяковского» Ю. Карабчиевского, «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» В. Шкловского, «Труды и дни Свистонова» К. Вагинова и «Записные книжки» Л. Гинзбург (литературу по вопросу см.: [Ладохина 2010; Новиков 1999; Разумова 2005 и др.]). Из современных зарубежных произведений к этому же разряду исследователи относят «Попугая Флобера» Дж. Барнса, «Чаттертона» П. Акройда, «Обладать» А. Байетт [Гребенчук 2008], трилогию Д. Лоджа («Академический обмен» – 1975, «Мир тесен» – 1984, «Милое дело» – 1988). Романы Барнса и Акройда могли быть определены как романы-реконструкции или романы о художнике (см., например: [Бочкарева 2000]). Герой Д. Лоджа («писатель, в прошлом профессор и теоретик литературы» [Новиков 2001: 8]), путешествуя с конференции на конференцию, рассуждает как раз о теории и научных школах; по месту действия его произведения можно было бы отнести к «университетскому роману», который также выделяется в особую разновидность [Анцыферова 2009], возможно, как и «Счастливчик Джим» К. Эмиса.

При таком расширенном понимании «филологического романа» утрачивается ощущение его специфики. По складывающимся характеристикам филологический роман представляет собой гибридную структуру или «промежуточную словесность» [Степанова 2005], соединяющую документальное и вымышленное и реализующуюся в «синтезе мемуара и эссеистики» [Новиков 1999]. Весьма условная фактографичность каждого из этих жанров фиксируется парадоксом С. Дубровского: «вымысел абсолютно достоверных событий и фактов» (цит. по: [Левина-Паркер 2010: 12]). Кроме того, предполагается, что в таком романе «филолог становится героем, а его профессия – основой сюжета», суть которого в «вплотении филологических идей в структуре романа..., включение литературной или языковой идеи в литературную практику». Развитие действия «ведет к художественным открытиям» [Новиков 1999].

Совокупность реалий и вымысла (необходимая составляющая любого художественного произведения) и герой, генерирующий филоло-

гические концепции, – характеристики, вряд ли достаточные для выделения новой жанровой модификации. А. Генис описывает ситуацию иронически: «гордый своей маргинальностью, мемуарист пишет хронику обочины» [Генис 2014: 7], т. е. той подвижной границы, где основное и второстепенное постоянно меняются местами. Мобильность границ реализуется и в структуре повествования, построенного по монтажному принципу переключения временных пластов (см.: [Кукулин 2015]).

Идеальным вариантом такого монтажа могла бы служить «книга прощаний» Ю. Олеси (собранная не им), где он реализует свою «ненависть к беллетристике» и уверенность в том, что ему, «лирику – обработывателю и высказывателю самого себя», – «фабула о чужих» (т.е. воссоздание жизни другого человека) «не дается» [Олеша 1999: 163]. Беллетристике Олеша противопоставляет не выдуманные, не сочиненные воспоминания, но «истинное содержание прожитого без мудровствований» [там же: 282]. Беда в том, что «на сегодня нет абсолютно честных дневников... «Стыдятся... Ловчатся. Шифруют... Следовательно, и в дневнике применяют беллетристические штучки». Ссылаясь на рассуждения В. Шкловского, Олеша вынужден признать, что все-таки «дневник есть произведение беллетристическое [там же: 382]. Документальное и вымышленное утрачивают однозначную определенность.

По М. Бахтину, роман по сути своей – неканонический, маргинальный жанр. «Филологический роман» вдвойне маргинален, поскольку, объединяя собой документальное и вымышленное начала, допускает разные интерпретации вершащихся на глазах повествователя событий и меняет местами повествователя и персонажей. Не только повествователь, но и все персонажи произведения причастны к литературной деятельности.

Размывание границ между повествователем и героями, фактом и вымыслом, центром и периферией в классическом варианте наделяется специфической композиционной структурой, объединяющей и разводящей основной текст и сопровождающий его комментарий. В литературе романтизма, очевидно, заложившей основы повествования такого типа, фабула и сюжет разделены содержательно и композиционно. В классическом примере – «Сказании о Старом мореходе» С.Т. Кольриджа – сюжетное действие развивается в основном тексте, тогда как фабульное вынесено на поля и надделено функцией пояснения причин того, что происходит с героем. Во множестве произведений, от «Божественной ко-

медии» Данте до «Поэмы без героя» А. Ахматовой, авторский комментарий дополняет художественный текст невымышленным материалом и таким образом может быть рассмотрен в качестве маргиналий, хотя размещается не на полях, а в конце текста.

В «филологическом романе» граница между non-fiction и fiction практически неопределима, комментарий растворяется в повествовании, не претендуя на абсолютное выяснение происходящего и его объективное толкование, совмещающиеся тексты функционируют по отношению друг к другу как маргиналии с подвижными границами. Не претендуя на точную формулировку специфических особенностей филологического романа, можно попытаться выявить его природу сопоставительным анализом трех книг, посвященных одному автору и написанных тремя его друзьями-филологами, близко знавшими его в разные периоды жизни. Это «Когда случилось петь С.Д. и мне» первой жены С. Довлатова, университетского преподавателя и автора литературоведческих исследований Аси Пекуровской, «Мне скучно без Довлатова» поэта и всеобщего наставника Е. Рейна, «Довлатов и окрестности» литературного критика А. Гениса.

Заглавие каждой из трех книг декларирует авторскую позицию.

В книге А. Пекуровской вынесенная в заголовок и фонетически обыгранная строка из стихотворения Б. Пастернака «Когда случилось петь Дездемоне» продолжается бесконечными цитатами и каламбурами, которыми перенасыщен текст. Каждую из глав предваряет эпитафия из романа Б. Поплавского «Аполлон Безобразов», а какая-либо строчка из этого эпитафия становится названием главки.

В качестве комментария в повествование включаются отрывки из писем, критических статей, байки, уже утратившие авторство и превратившиеся в литературные анекдоты, кочующие из одних мемуаров в другие. Ироничный треп в духе 60-х призван засвидетельствовать принадлежность повествователя к «кругу» или, как формулирует А. Пекуровская, пребыванию «в узком кругу, квадрате и параллелепипеде, центром которого считал себя и был почитаем Сережа» [Пекуровская 2001: 56]. Оказавшись сама вне этого круга, она отказывает Довлатову в самобытности, уверяя, что «псевдодокументальность» «началась с Доната», отца Довлатова, театрального режиссера, писавшего пародии и сатирические рассказы. И недопустимо грубо отзывается о значимых писателях и поэтах: «Сережа был уже не один. С его именем уже ассоциировались пестрые наклейки, зоценки, шварцы,

олеши, пановы, бродские, найманы, рейны... Сережа вошел в литературу с заднего хода» [там же: 148]. (Генис замечает: «Входя в литературу, Довлатов обеспечил себя хорошей компанией» – и называет Кафку, Шварца, Олешу [Генис 2004: 13]).

Себе она отводит позицию не оставленной, а оставившей: «Никому ни до меня, ни после не случилось покинуть театральный зал, где Сережа играл свой талантливый спектакль жизни» [Пекуровская 2001: 169]. «Спектакль жизни» стирает границу между настоящей жизнью и искусством, иллюзорность которого проявляется «в умерщвлении друзей, в превращении их в достойных смеха или презрения персонажей» [там же: 169]. В каких-то из этих персонажей рассказчица узнает себя и понимает, что прошло время «немного восхищения»: Дездемоне, соединившей в своем имени две судьбы, «жить так мало оставалось».

Суперобложка стильно оформленной книжки (А. Бондаренко) представляет собой двойную фотографию Довлатова и Пекуровской, которая разделена на две отдельные фотографии корешком. Если идея предложена автором, то этот элемент можно отнести к разряду маргиналий, реализующих идею разделяющего их текста.

Книгу Пекуровской еще нельзя назвать «филологическим романом». Структура, предельно организованная заголовками глав и эпитафий, существует в ней сама по себе безотносительно повествования, выстроенного по традиционному хронологическому принципу и мотивированного трогательной потребностью рассказать дочери об отце, которого ей не случилось знать. Повествователь, привлекая внимание читателя к себе, заклоняет собой предмет изображения, неспособный к отдельному от повествователя существованию.

Название книги Е. Рейна, снабженное подзаголовком «Новые сцены из жизни московской богемы», тоже переносит акцент с героя, переведенного в периферийное положение, на повествователя: «Мне скучно без Довлатова». В этом «скучно» проглядывает лермонтовская семантика, «новые сцены» отсылают к книге Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы». Первая поэма «Сорок четыре», посвященная памяти последнего денди М. Кузмина, устанавливает связь с началом XX в.

Книга Рейна представляет собой собрание поэмы, написанных в основном белым пятистопным ямбом, и мемуарной прозы. Свои поэмы он называет «рассказами в стихах», в отличие от перемежающихся с ними прозаических рассказов, а совокупность текстов «не то хрониками, не

то панорамой времени). Оба сюжетных пласта – стихотворный и прозаический – связаны между собой не только эпиграфами и посвящениями, но и сюжетными ситуациями, мотивами, образами.

Так номер, вынесенный в название поэмы – «Сорок четыре», указывает, в совокупности с «Таврической» и «башней», адрес Вяч. Иванова. Кроме того, «Сорок четыре» – условное количество гостей, умерших и вспоминаемых, – перекликается с хармсовскими «чижами», а «та четверка» – с молодыми поэтами ахматовского круга. Вместе с тем семантика числа напоминает об одном из лейтмотивов русской поэзии: «Нас было много на челне» (Пушкин), «Нас мало. Нас, может быть, трое» (Пастернак), «Нас много. Нас может быть четверо» (Вознесенский). Количество составляющих центр может незначительно колебаться: «У фонаря, у фонаря сойдемся мы втроем... Четвертый подойдет потом... И пятый и шестой»; «О трех уж говорилось, об одном я скажу позднее...»; «Мы сидели впятером за столом...» (Рейн).

Поэме о няне, хоронить которую идут тоже «четыре человека», конечно, предшествует эпиграф из Ходасевича, но иные аллюзии не так очевидны и даже специально сдвинуты частичным изменением названий (Переделкино – Перепелкино), имен, инициалов и т.п. Е. Евтушенко в одной из пересказываемых Рейном баек именуется «ну очень знаменитым поэтом», перифраз расшифровывается сопровождающей текст фотографией. В другой, гораздо более пикантной, ситуации тот же персонаж сразу называется по имени.

Рейн использует и обыгрывает разные способы отношения маргиналий к основному тексту. Классический вариант – примечания И. Бродского в подаренном Рейну экземпляре «Урании», которые частично перенесены в виде комментариев в собрание его сочинений. Романтический – пояснение стихотворного текста прозаическим. Рисунок или фотография – тоже своего рода маргиналии, дополняющие смысл произведения и порой настолько значимые, что потесняют повествование; достаточно вспомнить «Анри Матисс-роман» Л. Арагона или «Как один день. Роман-картину» художника Б. Жутовского, где в равноправном взаимодействии визуального и вербального рядов воссоздается история семьи и страны. Свою книгу Б. Жутовский «называет «монографией жизни» [Жутовский 2011].

Книгу Рейна можно было бы назвать романом-фотографией. Переключаясь, входя друг с другом в противоречия, дополняя друг друга, текст и фотографии создают сложную конструкцию разновременных пластов. В художествен-

ном тексте иллюстрация превращается в маргинальное приложение к нему. В альбоме репродукций маргинальным становится сопроводительный текст. Так же равноправны воссоздаваемые события и комментарии к ним.

Довлатов, заявленный Рейном как центральный персонаж, появляется в тексте лишь трижды. В пятой части поэмы «Сорок четыре» он не назван, но репрезентирован поступками, привычками, привязанностями. На расположенных рядом фотографиях Довлатов отсутствует. Второй текст – некролог с тем же названием, что и книга, и с очень выразительной фотографией. Третий – «Не посягнем на тайну» – прозаические мемуары, дополняющие предшествующий поэтический текст. Довлатов, указанный в качестве центральной фигуры, частично скрывается за повествователем («Мне скучно...»), частично сливается с фоном.

Свой «филологический роман» А. Генис определяет как «фотографию души, расположенной между телом и текстом» [Генис 2004: 285], что возвращает автора в центр создаваемого им мира, о чем свидетельствует заголовок «Довлатов и окрестности», позаимствованный из монографии И. Аксенова «Пикассо и окрестности» и уже растиражированный русской критикой (например, «Художник и окрестности: Булгаков и Киев» О. Канунниковой).

Если для Пушкина роман был жанром, где можно болтать свободно, литература начала XX в. стала тяготиться традиционной условностью вымысла. Для Гениса «свободный жанр» – это мандельштамовский «Разговор о Данте» или «Прогулки с Пушкиным» А. Синявского, то, что не содержит «биографии», пересказывающей «своими словами» его мысли и чувства, романного хронотопа и четкого отделения автора от героя. В классическом романе прототип героя сохраняет его характер, но прикрывается другим именем. У Довлатова, по замечанию Гениса, «подлинного» в его мемуарах (речь идет о «Невидимой книге») «только фамилии героев» [Генис 2004: 8]. Рассказчик и его герои меняются местом и функциями: герои – «блестящие, остроумные, одержимые художественными безумствами, выглядели крупнее и интереснее примостившегося с краю автора. Сергей сознательно пропускал их вперед», «маячил на заднике своих мемуаров. О себе Сергей рассказывал пунктиром, перемежая свою историю яркими, как переводные картинки, сценками богемной жизни». Довлатов-персонаж даже внешне неотличим от своего автора» [Генис 2004: 12–13]. Оставаясь повествователем или воплощаясь в персонажа, он видит себя «посторонним взглядом», «чужи-

ми глазами», но именно он – «голос поколения» – «своим присутствием... склеивает окружающее в одно целое» [Генис 2004: 14].

Автор в прозе Довлатова сохраняет позицию «внеаходимости» по отношению ко всему происходящему в произведении, но, обитая «на касательной» (М. Бахтин), легко переступает границу, наделяя персонажей авторским всезнанием. Так, по слову Гениса, «филологический роман» возвращает в литературу потерянного автора. Факт и вымысел легко меняются в нем местами, и автор избегает указания их принадлежности.

Термин «филологический роман» предполагает автора-филолога, знающего законы организации художественного целого, но это знание не гарантирует той амбивалентной структуры, которая образует этот тип повествования. Филолог (например, Дж. Фаулз или У. Эко) может оставаться в сфере чистого вымысла. Если присутствует документальная событийная основа, то и она допускает возможность разнообразных интерпретаций. Такая возможность осуществима и в классическом, и в постклассическом романе. Для того чтобы он приобрел свойства, выявленные Генисом, в «филологическом романе» (в отличие от романа-реконструкции) необходим писатель, являющийся свидетелем всего происходящего с его героем, присутствующий одновременно в двух ипостасях – автора и героя, и в любой из них вызывающий доверие читателя.

Список литературы

Анциферова О.И. Университетский роман Дж. М. Кутзее: постколониальная модификация жанра // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 1. С. 72–78.

Бочкарева Н.С. Роман о художнике как «Роман творения»: Генезис и поэтика. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 252 с.

Брагинская Н.В. Филологический роман. Предварение к запискам Ольги Фрейденберг // Человек. 1991. № 3. С. 134–144.

Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004. 286 с.

Гребенчук Я.С. Проблема «филологического романа» в английской литературе («Попугай Флобера» Дж. Барнса, «Чаттертон» П. Акройда, «Одержимость» А. Байетт) [A problem of "philological novel" in English literature (J. Barnes Flaubert, C'est Moi, "Чаттертон" П. Акройда, "Obsession" of A.S.): дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 141 с.

Жутовский Б. Как один день. Роман-картина: в 2 т. М.: Тип. «Новости», 2011. 932 с.

Карабчиевский Ю. Воскресение Маяковского: филологический роман. М.: Русские словари, 2000. 384 с.

Кукулин И. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: НЛО, 2015. 536 с.

Ладохина О. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века? М.: Водолей, 2010. 168 с.

Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // НЛО. 2010. №103. С. 12–40.

Новиков Вл. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый Мир. 1999. №10. С. 193–205.

Новиков Вл. Роман с языком. Три эссе. М.: Аграф, 2001. 315 с.

Олеша Ю.К. Книга прощания. М.: Вагриус, 1999. (Электронная книга Royallib.ru)

Пекуровская А. Когда случалось петь С.Д. и мне. СПб., 2001. 431 с.

Разумова А.О. «Филологический роман» в русской литературе XX века (генезис, поэтика): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005. 16 с.

Рейн Е. Мне скучно без Довлатова. СПб., 1997. 292 с.

Степанова М.И. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестн. ТПУ. 2005. Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки. Филология. С. 75–82.

Щеглов Ю. Еврейский камень, или Собачья жизнь Эренбурга: историко-филологический роман. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 740 с.

References

Braginskaja N.V. Filologičeskij roman. Predvarenie k zapiskam Ol'gi Frejdenberg [A philological novel. Preliminaries to records by Olga Freidenberg]. Chelovek [A Person]. Moscow, 1991. P. 134–144.

Karabčievskij Ju. Voskresenie Majakovskogo: filologičeskij roman [Mayakovsky's resurrection: a philological novel]. Moscow, 2000.

Genis. A. Dovatov i okrestnosti [Dovatov and environs]. Moscow, 2014.

Ladokhina O. Filologičeskij roman? Fantom ili real'nost' russkoj literatury XX veka. [A philological novel. A phantom or reality of Russian literature of the 20th century]. Moscow: Vodolej Publ., 2010.

Levina-Parker M. Vvedenie v samosochinenie: autofiction. [Introduction to self-composing: autofiction]. NLO. 2010. № 103. P. 12–40.

Novikov V. Filologičeskij roman. Staryj-novyj zhanr na iskhode stoletija. [A philological novel. The old-new genre towards the end of the century].

Novyj mir [The new world]. 1999. №10. P. 193–205. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/10/novik-pr.html

Pekurovskaja A. Kogda sluchalos' pet' S.D. i mne [When S.D and I had occasion to sing]. St. Petersburg, 2001.

Razumova A.O. Filologicheskij roman v russoj literature XX veka (genesis, poetika). Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [A philological novel in Russian literature of the 20th century (genesis, poetics). Synopsis of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005.

Rejn E. Mne skuchno bez Dovlatova [I'm bored without Dovlatov]. St. Petersburg, 1997.

Stepanova M.I. Filologicheskij roman kak promezhutochnaja slovesnost' v russoj proze kontsa XX veka [A philological novel as intermediate literature in Russian prose of the late 20th century]. Vestnik TPGU. Serija 'Gumanitarnye nauki. Filologija [Tomsk State University Journal. Series: Humanities. Philology]. 2005. Iss. 6. P. 75–82.

«PHILOLOGICAL NOVEL» AS A SET OF MARGINAL TEXTS

Natalia A. Petrova

**Professor in the Department of Russian and Foreign Literature
Perm State Humanitarian-Pedagogical University**

The article deals with a genre modification which has different designations in Russian literary criticism: metanovel, egonarration, pseudodocumentalism, memoir novel, and, finally, «philological novel», where all characters are involved in literary activities. Comparative analysis of three books written by three friends, philologists, and devoted to one and the same person, another writer Sergej Dovlatov («When S.D and I had occasion to sing» by Dovlatov's first wife A. Pekurovskaja, «I'm bored without Dovlatov» by the poet E. Rejn, «Dovlatov and environs» by A. Genis) helps to identify the specificity of the «philological novel». The titles of the three books declare the authors' positions.

Pekurovskaja's recollection cannot be called a «philological novel» yet. Its structure, organized by chapter headings and epigraphs, exists in itself, regardless of the narrative, presented in the traditional chronological order. Drawing the reader's attention to herself, the narrator obscures the subject of narration, which cannot be separated from the narrator. The title of Rejn's book, having the subtitle «New scenes from the life of Moscow bohemia», also shifts the focus from the character, who turns out to hold a peripheral position, to the narrator. This book may be called a photo-novel. Its text and photographs create a complex structure of layers heterogeneous in time, where illustrations become marginal supplement to literary text and accompanying text in the album becomes marginal as well. A. Genis defines his own «philological novel» as «a picture of the soul located between the body and the text», which brings the author back to the centre of the world being created by him. In Dovlatov's prose the narrator keeps distance with everything that happens in his story, but easily crosses the border, endowing characters with the author's omniscience.

Key words: philological novel; marginal; borders.

УДК 81'25: 81'37

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЛЕКСИКОГРАФИЯ, ОНОМАСТИКА» В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Елена Николаевна Полякова

д. филол. н., профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. 32polyakova@mail.ru

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. irusinova@mail.ru

Мария Владимировна Боброва

к. филол. н., инженер кафедры теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bomaripgu@yandex.ru

Формирование научного направления «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в Пермском государственном национальном исследовательском университете пришлось на начало – середину XX в. На современном этапе представители направления развивают идеи ведущих отечественных историков языка, диалектологов, ономатологов, этнолингвистов, исследуют речь и ономастику Пермского края в ее региональной, национальной, исторической специфике: определяют пути формирования и особенности функционирования лексики говоров и ономастики Пермского региона разных эпох в этимологическом, историко-лингвистическом, этнолингвистическом и культурологическом аспектах; исследуют особенности речи жителей края и ономастики как результат многовекового взаимодействия носителей различных языков и культур на территории позднего заселения русскими; определяют способы отражения в языке материальной и духовной культуры его носителей; проводят лексико-фразеологические изыскания в синхронии и диахронии, изучая и сопоставляя первичные, архаичные и более поздние говоры региона; реализуют лексико- и фразеографические проекты. В статье приводятся наиболее значимые результаты деятельности современного научного коллектива, рассматриваются перспективы развития направления.

Ключевые слова: научное направление; региональная лексикология; региональная лексикография; региональная ономастика; пермские говоры; Пермский край; Е.Н. Полякова.

История и теоретические основы

Изучение и описание лексики и ономастики, функционирующей в Пермском крае, имеет длительную историю. К XV в. относятся первые фиксации топонимии этой территории, сделанные в летописях – Никоновской, Симеоновской, Вычегодско-Вымской, к XVI в. – фиксации в Великопермской уставной грамоте чердынцев и усольцев [Корчагин, Лобанова 2012: 122–123], в писцовых книгах Яхонтова, Палицына и Аристова, документах именитых людей Строгановых,

актах соликамских солепромышленников, чердынских крестьян и т. д., к XVI–XVIII вв. – фиксации в различных деловых документах (актах). В XVIII в. региональные данные записывали и в некоторых случаях анализировали путешественники – Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, С. П. Крашенинников, И. И. Лепехин, администратор горного дела при Петре I В.И. Геннин. Интересны пермские материалы «Лексикона русского исторического, географического, политического и гражданского», составлением

которого занимался основатель г. Перми В.Н. Татищев. В XIX в. топонимию указанной территории фиксировал Н.С. Попов, изучали краеведы Н. К. Чупин, В.Н. Шишонко, А. А. Дмитриев, И. Я. Кривошеков. Целенаправленное исследование лексики было предпринято в 1900 г. Н. Е. Ончуковым.

Становление научного направления «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в лингвистике Пермского края связано с историей Пермского университета, который был основан в 1916 г. как отделение Петроградского университета. Здесь в разное время работали лингвисты (Л.А. Булаховский, С.П. Обнорский, А.В. Миртов, П.Г. Стрелков и др.) из крупных научных центров, главным образом из Петрограда (Ленинграда) и Москвы. Пермскими языковедами разрабатывались идеи уже перечисленных и таких историков языка, диалектологов, ономастологов, как Б.А. Ларин, Ф.П. Филин, Р.И. Аванесов, П.С. Кузнецов, В.А. Никонов, А.В. Суперанская и др. В настоящее время представители направления опираются на труды славяноведов (Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Ф. Журавлева, Е. Бартминьского и др.), российских этимологов (В.Н. Топорова, О.Н. Трубочева, Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркиной, И.П. Петлевой и др.), диалектологов и ономастологов других регионов России, связанных с Прикамьем (Русского Севера и Среднего Урала) (А.К. Матвеева, М.Э. Рут, Е.Л. Березович, Ю.И. Чайкиной, Г.В. Судакова, Л.П. Михайловой, И.А. Кюршуновой, И.Б. Качинской и др.), диалектологов, работающих над созданием «Лексического атласа русских народных говоров» (А.С. Герда, Т.И. Вендиной, С.А. Мызникова, Р.И. Кудряшовой, Л.Я. Костючук, Н.С. Ганцовской, Л.А. Климковой, В.Н. Гришановой и др.), этнолингвистов (Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Е.Л. Березович, Т.А. Агапкиной, В.В. Усачевой, Е.Е. Левкиевской, Л.Н. Виноградовой, А.В. Гуры, Т.Н. Бунчук и др.), а также историков, этнографов Пермского края (В.А. Оборина, И.К. Кирьянова, С.Н. Коренюка, Г.Н. Чагина, А.В. Черных и др.).

Основные теоретические посылки, на которые опираются представители указанного направления, можно сформулировать следующим образом:

– лексика и ономастика Пермского края обладают региональной спецификой, однако их специфичность не абсолютна;

– особенности речи жителей края и ономастики являются результатом многовекового взаимодействия носителей различных языков и культур (первопоселенцев, пришедших с Русского Севера

и укоренившихся в регионе, и переселенцев из центральных районов России; русских и иных народов, главным образом финно-угров (коми-пермяков, удмуртов, ханты, манси) и тюрков (татар и башкир)) на пермской территории;

– в языке отражается материальная и духовная культура его носителей, при этом отражаемые культура и языковая картина мира также обладают региональной спецификой;

– под влиянием различных (социальных, исторических и иных) факторов региональные языковые явления, а значит, и отражаемая в них языковая картина мира, динамичны;

– региональные языковые факты наиболее архаичны на территории раннего заселения русскими – северо-востоке края.

Участниками научного направления в Пермском университете изучаются пути формирования и особенности функционирования лексики говоров и ономастики Пермского региона разных эпох в этимологическом, историко-лингвистическом, этнолингвистическом и культурологическом аспектах (в частности, в аспекте отражения в них особенностей материальной и духовной культуры края). Научные интересы представителей направления со временем расширялись в силу глубокой взаимосвязи различных – исторических и современных, диахронных и синхронных, региональных и общерусских, собственно лексических и ономастических – языковых явлений.

Исследователями решаются различные проблемы методологического и методического, теоретического и прикладного характера. Ими уточняются диалектологическая и ономастическая терминология, совершенствуются методики сбора (в частности, отрабатываются тематические вопросники для пополнения материалов в полевых условиях), способы обработки, архивирования полученных сведений (в том числе методами компьютерной лингвистики), приемы и принципы описания и лингвистического анализа языковых данных, разрабатываются принципы региональных словарей (часто не имеющих аналогов в лексикографической практике).

Помимо собственно научной осуществляется также учебно-методическая работа: полученные данные и результаты исследования внедряются в образовательный, воспитательный, просветительский процесс, в частности, концепции словарей разрабатываются с учетом потребностей современной средней и высшей школы, участниками направления осуществляются научно-популярные проекты. Так, на широкую читательскую аудиторию, в том числе школьную и студенческую, рассчитаны «Словарь пермский

фамилий» Е.Н. Поляковой, «Словарь народных афоризмов Пермского края» Л.А. Грузберг.

Научный коллектив

С научным направлением «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в Пермском университете связана деятельность значительного количества преподавателей-лингвистов и студентов.

У истоков направления стояли историки языка Л.А. Булаховский и С.П. Обнорский, работавшие в Пермском университете в первые годы после его основания. В 1929–1931 гг. к местным материалам обратился диалектолог, составитель «Донского словаря» А.В. Миртов, которым была намечена широкая и до сих пор далеко не исчерпанная программа исследований: собирание и изучение данных о местных говорах, составление областного словаря, диалектологической карты Урала, изучение языка местных писателей. Лингвистом была опубликована специальная анкета, которая распространялась среди школьников, студентов, краеведов.

В связи с отъездом А.В. Миртова реализация плана была приостановлена и возобновлена в послевоенные годы диалектологом П.Г. Стрелковым во второй период его работы в Пермском университете. На местных материалах П.Г. Стрелковым была опубликована монография «Синтаксис пермских сказок». Он обучал студентов и преподавателей историко-филологического факультета транскрибированию живой речи. В 1939 г. М.А. Генкель организовала первую в Пермской области диалектологическую экспедицию (в Чусовской район), но именно П.Г. Стрелков сделал диалектологические экспедиции ежегодными; благодаря ему филологический факультет Пермского университета оказался вовлечен в проект по подготовке диалектологического атласа русских говоров Европейской части РСФСР (ДАРЯ), инициированный Академией наук СССР.

После отъезда П.Г. Стрелкова диалектологическую работу возглавила Ф.Л. Скитова. Уже под ее руководством лингвисты завершили работу для ДАРЯ и приступили к всестороннему изучению лексики местных говоров. Начался период плодотворного сбора и описания диалектных материалов региона. В 1960 г. Ф.Л. Скитова защитила кандидатскую диссертацию, посвященную верхневишерским говорам (руководитель Б.А. Ларин). Она увлеклась проблемой взаимодействия литературного языка и диалектов, стала одним из авторов теории локальной окрашенности речи и наряду с Т.И. Ерофеевой, Л.А. Грузберг оказалась у истоков пермской школы социо- и психолингвистики. Но цен-

тральное место среди ее научных интересов занимал диалектный словарь полного типа – «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)», главным редактором которого Ф.Л. Скитова выступала на протяжении многих лет, руководя подготовкой пяти из шести выпусков. Создание диалектного словаря – очень трудоемкий процесс, к его осуществлению вначале были привлечены практически все сотрудники кафедры русского языка и общего языкознания: С.Ю. Адливанкин, Л.К. Андреева, Л.А. Грузберг, Т.И. Ерофеева, Н.П. Потапова, Е.Н. Полякова, Л.В. Сахарный, К.А. Федорова, А.П. Шварц, А.А. Мошева и др. Ф.Л. Скитова дважды в год организовывала экспедиции в д. Акчим. Позже началось формирование картотеки, в которую вошло более 2 миллионов карточек-цитат, и работа по написанию и редактированию словарных статей. На материале словаря были написаны и успешно защищены десятки курсовых и дипломных работ, кандидатские диссертации.

Проблематика направления не ограничивается изучением акчимского говора. Один из аспектов исследований – история языка; с ним связана деятельность, в частности И.М. Захарова, в наибольшей степени интересовавшегося вопросами сравнительной стилистики на материале памятников письменности. К.А. Федорова занималась региональной палеографией, изучала местные рукописные грамоты XVII в., исторический синтаксис, а также диалектные грамматические явления. Впрочем, и другие работы К.А. Федоровой весьма значимы; так, не потеряла актуальности предложенная ею на материале терминов родства классификация русских говоров северной части Пермской области. Н.П. Потапова занималась вопросами диалектного синтаксиса, но также и вопросами лексикологии, семантики, этимологии. Именно Нонна Петровна на протяжении многих лет бережно формировала картотеку «Словаря русских говоров севера Пермского края» и стала инициатором и участником его создания. А.П. Шварц (Седельникова) изучала диалектные морфологические и лексико-семантические явления. Проблемы диалектной фонетики и словообразования интересовали А.А. Мошеву. Л.К. Андреева изучала лексику и фразеологию пермских говоров. Вопросов диалектной морфологии касался С.Ю. Адливанкин. Широта интересов всегда отличала исследования Л.А. Грузберг, которая решала вопросы диалектной лексикологии, взаимодействия литературного языка и народной речи, изучала специфичные для пермских говоров явления (особенности словоизменения, вводные

слова и конструкции, обращения, факты транс-позиции, заимствованные из коми-пермяцкого языка синтаксические конструкции и др.), внесла значительный вклад в развитие пермской диалектной лексикографии, в соавторстве с А.Н.Борисовой, А.П.Шварц подготовила первую хрестоматию пермских говоров [Борисова, Грузберг, Шварц 1976].

Ведущим участником научного направления «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в Пермском университете стала Е.Н. Полякова, чьи научные интересы изначально были связаны с палеографией и историей языка, потом включили проблематику ономастики и затем естественным образом распространились на диалектологию. Такой охват материалов и теоретических вопросов обеспечивал широту, комплексность и новаторство исследований. Е.Н. Полякова, с одной стороны, продолжила традиции изучения пермских рукописных памятников XVI–XVIII вв., заложенные в XIX в., традиции изучения пермской диалектной речи, заложенные в XX в., – и, с другой – сама основала отдельные направления научных изысканий, в частности ономастическое.

Перечислим основные аспекты исследований Е.Н. Поляковой.

1) *Работа по поиску и сбору материалов.* Е.Н. Поляковой изучен значительный объем пермских памятников письменности, хранящихся в архивах и музеях Перми и Пермского края, Москвы, Санкт-Петербурга. Она выезжала в диалектологические экспедиции, в качестве специалиста по топонимике участвовала в археологических экспедициях (в более чем 200 населенных пунктах). С помощью студентов ею собрана обширная картотека народной географической терминологии, топонимии и микротопонимии Пермского края. Разработаны инструкции по сбору и первичной обработке народной географической терминологии, топонимии.

2) *Палеография.* Е.Н. Полякова занималась копированием и транслитерированием рукописей, затем – описанием языка пермских памятников (преимущественно деловых актов) XVI–XVIII вв. В частности, ею описана коллекция свитков Пермского краеведческого музея, подготовлены к публикации, опубликованы и описаны соликамские свитки XVII в., шадринская рукопись XVII в., другие документы. На основе этих памятников составлена лексическая картотека, включающая более 100000 единиц, и ономастическая картотека, включающая более 50000 единиц.

3) *Этимология.* Е.Н. Полякова – автор многочисленных исследований по происхождению

нарицательной диалектной лексики, прежде всего географических терминов, и ономастики (топонимов, имен, фамилий) Пермского края.

4) *Историческая лексикология.* На пермском диалектном и ономастическом материале, с привлечением данных памятников, Е.Н. Поляковой решались проблемы исторической лексикологии и исторической семантики, вопросы динамики лексики. В частности, с целью выявления тенденций и причин изменения лексического состава ею разработана методика анализа гнезд одно-коренных слов и их синонимов. Е.Н. Полякова исследовала системные отношения в лексике памятников и народных говоров Пермского края, проанализировала некоторые тематические группы, например наименования одежды, цвето-обозначения и др. На основе ономастики ею велась работа по реконструкции апеллятивной лексики, утраченной литературным языком и говорами. Особое внимание уделялось результатам взаимодействия пермских говоров и литературного языка, русских говоров с нерусскими (главным образом коми-пермяцкими) в Верхнем и Среднем Прикамье.

5) *Ономастика.* Е.Н. Полякова в 1964 г. окончила курсы по топонимике при Всесоюзном географическом обществе и стала одним из учеников В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Э.М. Мурзаева – основателей ономастики как научного направления в отечественной лингвистике. Именно она заложила в пермской лингвистике традиции изучения имен собственных. Она является автором более 50 статей по пермской ономастике, автором монографии «История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках» (Пермь, 2007), двух ономастических словарей.

6) *Диалектология.* Е.Н. Полякова – автор многочисленных публикаций по лексике пермских диалектов, в том числе по народной географической терминологии. Совместно с коллегами она разработала теорию формирования и развития пермских говоров.

7) *Этнолингвистика и лингвокультурология.* Большое внимание Е.Н. Полякова уделяет вопросу отражения материальной и духовной культуры в лексике и ономастике Пермского края (ср., например, названия статей: «О связи языка и культуры по данным лексики и ономастики (фамилия *Коноплев* и слово *конопля*)» [Полякова 2010а], «Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности)» [Полякова 2010д], «Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности)» [Полякова 2010г]).

8) *Лексикография*. Е.Н. Поляковой разработаны концепции и принципы составления нескольких региональных словарей: «Словаря лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века» (издан в 1993–2001 гг., переиздан в 2010 г.), словаря русской народной географической терминологии Пермской области «От “арainya” до “яра”» (1988), значительно дополненного и переизданного с другим названием – «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» (2007), «Словаря пермских фамилий» (2005), «Словаря имен жителей Пермского края XVI – XVIII веков (2007). Готовятся к печати «Материалы пермских памятников XVI – начала XVIII в. для топонимического словаря Пермского края». Ведется работа над «Словарем пермских топонимов XVI – начала XVIII в.». Проектируется «Словарь производящих основ (корней) пермских топонимов». Материалы исторических словарей лексики Е.Н.Поляковой цитируются в завершённом тридцатитомном «Словаре русского языка XI–XVII веков», изданном Институтом русского языка РАН (вып. 7–15), полностью вводятся в продолжающийся «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков», выходящий в издательстве «Наука» в Санкт-Петербурге, и используются во многих ономастических работах лингвистов.

9) *Образовательная и просветительская деятельность*. Е.Н. Поляковой разработан целый ряд учебных курсов по исторической лексикографии, исторической лексикологии, по региональной лексикологии и ономастике. Помимо научной, Е.Н. Полякова всегда вела активную просветительскую деятельность. Ей принадлежат многочисленные публикации о пермской топонимии в местной периодике, адресованная школьникам монография «Из истории русских имен и фамилий» (1975). На широкий круг читателей рассчитаны ономастические словари «К истокам пермских фамилий»¹ (1997), «Словарь пермских фамилий» (2005), монографии «Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров» (1991), словарь народной географической терминологии «От “арainya” до “яра”» (1988), монография «Старинные названия на карте Перми» (2013). Для студентов были подготовлены учебные пособия по русской палеографии, по лексике, географической терминологии в пермских памятниках письменности, по пермской исторической лексикографии, по региональной лексикологии и ономастике: «Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века» (1972), «Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения» (1979),

«Русская региональная историческая лексикография (по материалам пермских памятников XVI–XVIII веков)» (1990), «Региональная лексикология и ономастика» (2006), «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» (2009). Е.Н. Полякова читала лекции по линии общества «Знание», вела научно-популярные циклы передач на пермском телевидении: в 70-е гг. – «Страна топонимия» и «Как вас зовут?», в 90-е гг. – передачи о топонимии Перми и Пермской области в программе «Прикамье вечернее».

Е.Н. Полякова возглавляет лабораторию «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте», которая была создана в 1985 г. при кафедре общего и славянского (ныне – теоретического и прикладного) языкознания и объединяет теперь представителей направления «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в Пермском университете. Основные направления деятельности лаборатории отвечают научным интересам ее главы: этимология, историческая и диалектная лексикология, диалектная лексико- и фразеология, ономастика, ономастическая лексикография, этнолингвистика, лингвистическая география.

Научные интересы Е.Н. Поляковой разделили ее многочисленные ученики, работы которых одновременно расширили горизонты исследований учителя. Можно говорить о существовании не отдельного направления, а цельной научной школы, возглавляемой Е.Н. Поляковой. В.А. Малышева занималась вопросами ономастики, диалектологии, в последние годы жизни сосредоточилась на теории идиолекта (изучала речь одного носителя говора д. Акчим – А.Г. Горшковой), составляла словарь ее лексики. И.И. Русинова разрабатывает проблемы диалектологии, в том числе диалектной лингвогеографии, проявляет интерес к вопросам наивного дискурса. В настоящее время в центре ее внимания региональная демонологическая лексика, с участием И.И. Русиновой и под ее руководством готовится к публикации этнодиалектный «Словарь мифологических рассказов Пермского края». Научные интересы М.В. Бобровой (Богачевой) связаны с ономастикой, исторической лексикологией, диалектологией, диалектной лексико- и фразеологией, ономастической лексикографией; она является одним из авторов-составителей карт для «Лексического атласа русских народных говоров». Ю.В. Зверева разрабатывает проблемы диалектной лексикологии (преимущественно на материале тематических групп лексики), пермской ономастики (микротопонимии). Два исследователя продолжили работу Е.Н. Поляковой по анализу памятников пись-

менности: Л.М. Пантелеева изучает лексику солеварения, документы Пыскорского медеплавильного завода (XVIII в.), в настоящее время описывает соликамские письменные памятники, на их материале опубликовала монографию. Н.В. Чугаев занимается исследованием лексики, ономастики, синтаксиса деловых пыскорских документов, изучает вопросы палеографического источниковедения. Ю.А. Шкураток разрабатывает проблемы региональной ономастики, но также работает в новом русле исследований коллектива – применение информационных технологий, оптимизирующих хранение и обработку лексических и ономастических материалов. В этом же, а также в этнолингвистическом направлении на материале мифологических рассказов Пермского края осуществляет изыскания М.А. Гранова. Л.С. Нечаева занималась изучением лексики народной медицины, работала над составлением карт «Лексического атласа русских народных говоров». И.И. Русинова, М.В. Боброва, Ю.В. Зверева, Л.С. Нечаева участвуют в составлении диалектных лексических, фразеологических, тематических, ономастических словарей Пермского края.

В русле направления «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» ведут свои изыскания также ряд лингвистов, которые не являются в настоящее время сотрудниками Пермского университета, но которые обучались здесь, выросли в его стенах как ученые, разрабатывают и развивают проблемы диалектологии и ономастики на пермских материалах.

Так, доцент ПГГПУ О.В. Гордеева изучает топонимикон Пермского края, в настоящее время – топонимию в пермском фольклоре. Доцент Сургутского педагогического университета Т.А. Сироткина исследует ономастику Прикамья, на этнонимическом материале ею защищена докторская диссертация «Категория этничности в русской лингвокультуре (на материале этнонимии Пермского края)» (2012). Доцент ПГНИПУ Л.А. Белова занимается палеографией пермских памятников, является автором монографических исследований исторических материалов. Научные интересы доцента ПГГПУ Н.В. Медведевой связаны с исторической антропонимией, региональной ономастикой. Доцент ПГГПУ И.И. Бакланова (Вяткина) разрабатывает проблемы диалектологии, главным образом диалектного синтаксиса и фразеологии, в частности в аспекте межъязыкового и межкультурного взаимодействия русских и коми-пермяков. И несмотря на формальную «оторванность» этих ученых от Пермского университета, вместе с членами лаборатории «Духовная культура При-

камья в лингвистическом аспекте» ими осуществляется коллективная научная деятельность: пишутся совместные статьи, монографии, разрабатываются диалектные словари, организуются общие диалектологические экспедиции, реализуются совместные проекты.

В настоящее время научное направление «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в Пермском университете представляют 2 доктора наук, 9 кандидатов наук, аспиранты, соискатели, магистранты, студенты.

Параллельно изучение лексики и ономастики в регионе проводилось преподавателями Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Там начинала свою деятельность М.А. Генкель, работал ведущий специалист по коми-пермяцкому языку в Перми А.С. Кривошекова-Гантман, автор монографий «Географические названия Верхнего Прикамья (с кратким топонимическим словарем)», «Откуда эти названия?». О.П. Беляевой был составлен первый в пермском регионе диалектный словарь («Словарь русских говоров Соликамского района Пермской области» (1973)). Диалектную лексику и фразеологию изучала А.Н. Борисова. К.Н. Прокошевой был составлен и издан «Фразеологический словарь пермских говоров» (2002). Членами кафедры русского языка и кафедры общего языкознания, в том числе Г.В. Бажутиной, А.Н. Борисовой, А.С. Возилло, О.В. Гордеевой, И.А. Подюковым, Т.А. Сироткиной, О.Е. Соловьевой, Л.А. Федоровой и другими, написан двухтомный «Словарь пермских говоров» (2000–2002). Под руководством фразеолога и лексикографа И.А. Подюкова коллективом диалектологов, в который входят Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных и другие, был подготовлен и опубликован целый ряд словарей («Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» (2004); «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» (2006); «Словарь русских говоров Южного Прикамья» (2010–2012)). Исследование коми-пермяцкого языка продолжено А.С. Лобановой, Л.В. Утевой. Между вузами установились давние связи, в педуниверситете работает большое количество выпускников Пермского университета. Историками языка, диалектологами, ономастологами обоих вузов ведется скрупулезная работа по изучению лингвистического пространства Пермского края в его исторической, национальной и региональной специфике.

Итоги работы

Достижения лингвистов Пермского университета освещались ранее в обзорных работах и в

персоналиях энциклопедических изданий, интернет-публикаций и справочников разных лет [Грузберг и др. 1993; Наши ветераны 2015; Пермский университет... 1991; Полякова 2001; Сироткина, Русинова 2007; Филологический факультет 2011; др.]. Укажем основные достижения современного состава научного коллектива.

Научные проблемы

К настоящему времени в работах представителей направления оформились следующие основные аспекты исследования.

1) *Палеография*: дается палеографическое описание языка рукописей XVIII в. [Книга секретных дел... 2013; Полякова 2009; Пантелеева 2015; Чугаев 2014б; др.].

2) *Этимология и история языка*: на основе памятников письменности XVI–XVIII вв., ономастики и современных русских говоров Пермского края изучаются тематические группы лексики, ономастика, функциональные стили (преимущественно деловой стиль) русского языка в их динамике, в сопоставлении с материалами памятников и говоров других территорий России и различных славянских языков; на базе ономастики реконструируется лексика прошлых эпох, утраченная современным русским литературным языком и другими идиомами языка; исследуется этимология отдельных слов, словообразовательных, лексико-семантических, тематических групп слов [Полякова 1993, 2006, 2009; Богачева 2009; Зверева 2008; Пантелеева 2011; Шкуратов 2009; др.].

3) *Диалектология*: осуществляются экспедиционные выезды с целью фиксации живой народной речи и местной ономастики; анализируются отдельные лексемы, словообразовательные гнезда лексики, тематические группы и тематические поля лексики, фразеология говоров [Бакланова 2011; Богачева 2011; Боброва 2015а; Грузберг 2008а; Дневник... 2007; Зверева 2013; Нечаева 2014; Русинова, Полякова 2013]; изучается «языковая диалектная личность» [Мальшева 2006]; исследуется взаимодействие русских и иных говоров Пермского края [Бакланова 2014; Боброва 2012; Зверева 2012]; проводятся лингво-географические изыскания [Русинова 2015].

4) *Ономастика*: изучаются имена собственные различных разрядов (антропонимы, топонимы, микропонимы, эргонимы и др.) в синхронии и диахронии, в том числе в аспекте межъязыкового взаимодействия [Боброва 2015б; Гордеева 2014; Зверева 2014а; Мальшева 1992; Медведева 2012; Полякова 2010в; Сироткина 2008; Шкуратов 2012; Чугаев 2014а].

5) *Этнолингвистика и лингвокультурология*: изучается магико-ритуальная и мифологическая

традиция Пермского края и ее отражение в пермской диалектной лексике и фразеологии; исследуется отражение материальной и духовной культуры жителей Пермского края в лексике и ономастике региона; региональная лексика и ономастика рассматриваются в аспекте взаимодействия этнокультур (русской, коми-пермяцкой, татарской) [Боброва 2011; Гранова, Русинова 2014; Зверева 2014б; Нечаева 2010; Полякова, Русинова 2012; Русинова 2015; Сироткина 2011; Традиционная культура... 2014].

6) *Лексикография*: разрабатываются концепции региональных словарей, часть которых продолжает лексикографические традиции отечественного языкознания, пермской лексикографической школы, но в большинстве своем не имеет аналогов в научной практике [Полякова 2005, 2007а, 2007б, 2010б; Грузберг 2007, 2008б; Словарь мифологических рассказов...; Мальшева 2007; Словарь русских говоров севера... 2011; др.].

7) *Компьютерная лингвистика*: создаются электронные базы данных с целью оптимизации архивирования, хранения, обработки, классификации, поиска, анализа лингвистических данных; разрабатываются концепции электронных региональных словарей [Гранова 2015; Шкуратов, Айдаров 2014].

Результаты такой работы необходимы для решения многих проблем не только российской, но и мировой науки (исследования славянских, тюркских, финно-угорских материалов; изучение состояния региональной речи и ономастики в полиэтничных, поликультурных условиях в различные периоды; анализ специфики живой народной речи и ономастики, в том числе в связи с отражением в них традиционной и современной картины мира; использование региональных лингвистических данных в исследовании народной культуры).

Сбор, архивирование, хранение материалов

Любое научное исследование начинается со сбора эмпирического материала, первичной его обработки, хранения, архивирования с целью его эффективного изучения.

В соответствии с интересами сложившегося коллектива исследователей можно обозначить три направления работы по сбору данных: историческое, диалектологическое, ономастическое.

Поиск памятников письменности осуществляется в музеях и архивах различных городов Пермского края и России, но в настоящее время – главным образом в Перми и Соликамске. Обнаруженные и транслитерированные пермские памятники частично опубликованы. На их базе

составлены картотеки, включающие десятки и сотни тысяч карточек.

Члены ныне действующего коллектива продолжают работу по обследованию говоров территории Пермского края, Коми-Пермяцкого округа, работу, начатую их предшественниками более 70 лет назад. За это время в различные районы края были организованы десятки экспедиционных выездов. В них участвовали все члены научного направления. Но работа по фиксации данных живой народной речи и их научному анализу является также частью образовательного процесса, и к ней всегда активно привлекались студенты филологического факультета. Материалы экспедиций в рукописном виде, на магнитной пленке и на цифровых носителях хранятся в диалектологическом архиве Словарного кабинета и лаборатории «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» при кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского университета, частично – в диалектологическом архиве кафедры русского языка Пермского педуниверситета. Собранные материалы отражают живую речь сельских жителей практически всего Пермского края, в том числе Коми-Пермяцкого округа, но более тщательно изучались северные говоры края (Чердынского, Соликамского, Усольского, Красновишерского районов) как наиболее архаичные по своим особенностям.

Участниками экспедиций отработаны методики сбора и обработки диалектных материалов, подготовлены тематические вопросники. За 70 лет на основе полученных данных составлена картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», насчитывающая около 700 тыс. карточек-цитат, «Акчимского словаря», включающая около 2 млн карточек-цитат, а также отдельных тематических лексических, фразеологических, синтаксических картотек.

Еще одно направление по сбору региональных данных – ономастическое. На базе имен собственных составлены картотеки различных рядов онимов (топонимические – топонимов, микропонимов, антропонимические – имен, прозвищ, фамилий жителей Пермского края, эргонимические, годонимические и др.), тематические картотеки (например, эргонимов с цветowymi, нумеративными компонентами).

В последние годы участниками направления активно осваиваются методы компьютерной лингвистики. Создаются электронные базы данных, поддержанные специальными компьютерными программами, повышающими эффективность и ускоряющими процесс работы с большими массивами материала.

Публикации

Общее количество публикаций всех представителей данного научного направления весьма велико и составляет несколько тысяч работ разного жанра. Членами коллектива в его современном составе только за последние годы (с 2005 по 2015) сделано не менее 500 публикаций, из них 8 монографий, 1 коллективная монография, 11 учебных пособий, 5 завершенных словарей, 2 выпуска продолжающихся словарей, более 60 статей в журналах, рецензируемых ВАК. В предыдущие годы члены научного коллектива участвовали в тематических сборниках «Живое слово в русской речи Прикамья» (1969–1993, 12 выпусков), «Литературный язык и народная речь» (1977–1991, 7 выпусков). В последние годы членами коллектива подготовлены тематические сборники «Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии», 3 выпуска [Живая речь... 2007–2009], «Лингвокультурное пространство Пермского края», 4 выпуска [Лингвокультурное пространство... 2009–2015].

Редакторская деятельность

Члены коллектива регулярно участвуют в научном редактировании. Так, Е.Н. Полякова – член редакционной коллегии журнала «Вопросы ономастики» (издание Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН и Уральского федерального университета), член редакционной коллегии журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», главный редактор сборника научных статей «Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования». И.И. Русинова – заместитель главного редактора журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», ответственный редактор сборников статей «Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии», «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи». О.В. Гордеева – ответственный редактор методического пособия «Пермские говоры». Т.А. Сироткина – ответственный редактор сборников статей «Проблемы лингвистического краеведения». М.В. Боброва осуществила общую редакцию 4 выпусков сборника статей «Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования».

Участие в научных проектах

Члены научного направления – участники ряда региональных и всероссийских проектов.

1) Диалектный (полного типа) «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)», 1950–2011 гг., гл. ред. Ф. Л. Скитова, ред. Л. А. Грузберг, М. В. Богачева, авторы-составители Е. Н. Полякова, Н. П. Потапова, В. А. Малышева,

И.И. Русинова, И.И. Бакланова (Вяткина), О.В. Гордеева, М.В. Богачева и др.; проект завершен, издано 6 выпусков (Пермь, 1984–2011) [Словарь говора д. Акчим...].

2) Дифференциальный диалектный «Словарь русских говоров севера Пермского края» (картотека собирается с 1947 г.), гл. ред. И.И. Русинова, редакционная коллегия – М.В. Богачева, Л.А. Грузберг, Ю.В. Зверева, Л.С. Нечаева, Е.Н. Полякова, авторы-составители И.И. Бакланова, М.В. Боброва (Богачева), Ю.В. Зверева, Е.Н. Полякова, Н.П. Потапова, И.И. Русинова, А.В. Черных; издан вып. 1 (Пермь, 2011. А–В), готовится к изданию вып. 2 (Г–Ж), ведется работа над вып. 3 (З–К).

3) Этнодиалектный «Словарь мифологических рассказов Пермского края» (картотека собирается с 1980-х гг.), авторы-составители И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, Л.С. Нечаева, гл. ред. И.И. Русинова, науч. ред. М.В. Боброва.

4) «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» (2007), автор-составитель Е.Н. Полякова. Тематический словарь «Традиционная одежда и обувь жителей Пермского края» (работа ведется с 2012 г.), авторы-составители Ю.В. Зверева, И.И. Русинова, А.В. Черных, гл. ред. И.И. Русинова.

5) Диалектный «Словарь А.Г. Горшковой, жительницы д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (работа велась с 1988 г.), автор-составитель В.А. Малышева.

6) «Материалы для топонимического словаря Пермского края XVI–XVIII вв.» (картотека собирается с 1962 г.), автор-составитель Е.Н. Полякова; опубликована часть на буквы А–Г.

7) «Словарь современных прозвищ жителей Пермского края» (работа ведется с 2009 г.), автор-составитель М.В. Боброва.

8) Всероссийский проект «Лексический атлас русских народных говоров» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург; Институт славяноведения, Москва), И.И. Русинова с 1997 г. возглавляет работу по сбору материалов для ЛАРНГ, по его обработке, хранению, архивированию. М.В. Боброва, Л.С. Нечаева являются авторами карт, составленных для I тома лексического атласа («Растительный мир»).

Особый вид деятельности представляет собой реализация проектов, финансируемых различными научными фондами и организациями (программа «Университеты России», Международный научный фонд «Культурная инициатива», Госкомитет РФ, ФЦП «Интеграция», РГНФ, АВЦП «Развитие научного потенциала высшей

школы»). Под руководством Е.Н. Поляковой, И.И. Русиновой, И.И. Баклановой, М.В. Бобровой, Ю.В. Зверевой, Т.А. Сироткиной, Ю.А. Шкуратов творческими группами в 1992–2015 гг. реализовано 23 таких проекта.

Диссертации

По тематике научного направления защищены кандидатские диссертации:

Скутова Ф.Л. «Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития» (1960), *Грузберг Л.А.* «Лексико-семантический анализ вводных элементов одного говора (к проблеме системы в лексике)» (1968), *Шварц А.П.* «Опыт системного лексико-семантического анализа (на материале наречий говора д. Акчим)» (1969), *Потапова Н.П.* «Структура предложений с глаголом-сказуемым разных лексико-семантических классов в разговорной речи (на материале говоров Севера Пермской области)» (1971), *Мошова А.А.* «Словообразование отадективных имен существительных в говоре д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (1979).

Е.Н. Полякова в 1968 г. защитила кандидатскую диссертацию «Шадринская рукопись 1687–1688 годов как памятник делового языка XVII века», в 1984 г. – докторскую диссертацию «Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII века (к проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка)». Ею подготовлено 11 кандидатов наук, в том числе тех, кто входит в современный состав коллектива:

Малышева В.А. «Топонимы и оттопонимические единицы в лексической системе одного говора (говора деревни Акчим Пермской области)» (1993), *Соколовская Л.В.* «История слов с корнем -ЛУК-/-ЛЯК- в русском языке XI–XX вв. (семантический аспект)» (1996), *Русинова И.И.* «Глагольные вербальные формулы в быличках севера Пермской области» (1996), *Белова Л.А.* «Отвлеченные существительные в кунгурской деловой письменности середины XVII – начала XVIII в. (словообразовательный и стилистический аспекты)» (1997), *Гордеева О.В.* «Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале» (1998), *Сироткина Т.А.* «Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном словаре (на материале говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области)» (1999), *Медведева Н.В.* «Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых)» (1999), *Семыкин Д.В.* «Антропонимия чердынской ревизской сказки 1711 года (к

проблеме становления официального русского антропонима» (2000), *Богачева М.В.* «Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области» (2003), *Шкураток Ю.А.* «Развитие мифологической семантики у слов с корнями *vĕd- и *zna- в русском языке» (2012), *Пантелеева Л.М.* «Лексика солеварения в русском языке по материалам памятников письменности и современной речи жителей г. Соликамска» (2013).

Внедрение результатов исследований в образовательный процесс

Члены исследовательского коллектива ведут работу по сближению научного и образовательного знания. Результаты проведенных изысканий внедрялись в преподаваемые курсы, спецкурсы и спецсеминары, тематика которых предельно разнообразна: «Региональная лексикология и ономастика», «Диалектология», «Лингвистическое краеведение», «Пермские говоры», «Традиционная культура в зеркале лексики и фразеологии», «Ономастика», «Ономастика Прикамья», «Топонимика», «Топонимия Прикамья», «Топонимия Перми», «История русской антропонимии», «Русская антропонимика в школе», «Антропонимия Прикамья», «Основы экскурсионного дела» и др. Участниками направления подготовлены многочисленные учебные и методические пособия для школьников и студентов, отвечающие его тематике [Полякова 2006, 2009; Русская речь Коми-Пермяцкого округа... 2014; а также: Русская речь Прикамья 2004; др.].

На региональных материалах под руководством участников научного направления ведутся учебные научно-исследовательские работы, успешно защищаются курсовые, выпускные квалификационные, дипломные, магистерские работы, пишутся кандидатские диссертации.

Перспективы развития

Дальнейшее развитие научного направления «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» видится следующим образом.

1) Продолжение сбора и архивирования материалов. Региональная речь обладает бесконечным многообразием форм проявления. Это требует фиксации ее местных особенностей на всех языковых уровнях, во всех доступных источниках – в памятниках письменности, в живой речи жителей края, в современных письменных свидетельствах (в официальных документах, документах наивного письма). Более того, требуется поиск все новых источников. Особенно актуальны материалы второй половины XVIII – начала XX в., которые до сих пор практически не привлекались к исследованиям.

2) Продолжение лексикографических проектов, описывающих речь и ономастику в Пермском крае на разных этапах развития.

3) Продолжение научного анализа (в том числе комплексного) собранного материала в различных аспектах с целью последующего обобщения данных различных периодов. В отдаленной перспективе предполагается общее описание истории русского языка, его идиомов в пермском регионе.

4) В качестве самостоятельного аспекта укажем внедрение в исследования современных теорий, концепций, принципов анализа, поиск методологии, адекватной региональным условиям и современным тенденциям в лингвистической науке в России и за рубежом. В частности, весьма перспективным оказывается восприятие языковых систем как систем незамкнутых и выход на межпредметную проблематику, в сферу сближения объектов исследования различных областей научного знания. Причем опыт показывает, что это открывает новые возможности не только в узкогуманитарной сфере, но и на пересечении лингвистики с естественными науками, например с географией и геологией, ботаникой и биологией.

Примечание

¹ См. мнение А.Г. Мосина: «“Словарь пермских фамилий” Е.Н. Поляковой – замечательный пример действенного внедрения научных знаний в практику образования и воспитания в средней школе. Благодаря этой книге тысячи пермских школьников – завтрашних граждан России – получают ключ к пониманию собственного места в истории родного края и Отечества, приобщаются к богатствам родного языка» [Мосин 2007: 163].

Список литературы

Бакланова И.И. Устойчивые коми-пермяцкие языковые особенности в русской речи Пермского края // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 121–126.

Бакланова И.И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4 (16). С. 27–31.

Боброва М.В. Оппозиция «свои – чужие» в русской диалектной и жаргонной речи (на материале лексики с корнем *черт-* / *черк-*) // *Imiona komunikacji jezykowej: czyli demakijazowanie sensow.* Wydawnictwo uniwersytetu Gdanskiego. Gdansk, 2015a. С. 103–113.

Боброва М.В. Оппозиция «свои – чужой» в речи билингва-татарина (на материале диалекта с. Кояново Пермского края) // Проблемы социо-

и психолингвистики: сб. ст. Вып. 16: Лингвокультурная ситуация и билингвизм в Пермском крае: материалы регион. междисциплинарного науч. совещ. 10 марта 2012 г. / отв. ред. Е.В. Ерофеева. Пермь, 2012. С. 79–88.

Боброва М.В. Современные пермские прозвища, мотивированные лексикой тематической группы «Животные» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015б. №1 (21). С. 136–139.

Богачева М.В. Возможности метода реконструкции в историко-лексикологическом исследовании // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3. Сер. «Филология». С. 42–51.

Богачева М.В. Лексика тематической группы «Цвет» в народной фразеологии Пермского края и эргонимах г. Перми (лингвокультурологический аспект) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4 (16). С. 18–26.

Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области: пособие по курсу русской диалектологии для студентов-заочников. Пермь, 1976. 91 с.

Гордеева О.В. Топоним Урал в русском фольклоре Пермского края // Проблемы лингвистического краеведения: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / сост. С.С. Иванова; отв. ред. Ю.Г. Гладких. Пермь, 2014. С. 100–109.

Гранова М.А. Лексическая база данных «Человек со сверхъестественными свойствами» (по материалам мифологических рассказов Пермского края и Архангельской области) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы III Всеросс. науч. конф. Пермь, 2015. С. 207–211.

Гранова М.А., Русинова И.И. Восприятие «профессионала» как колдуна и знахаря (по данным русских говоров) // Региональное речевое пространство в синхронии и диахронии: материалы Всеросс. науч. конф., 13–14 декабря 2013 г. / ред. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Соликамск: СГПУ (филиал) ПГНИУ, 2014. С. 40–47.

Грузберг Л.А. Материалы к словарю «Афористика Пермского края» // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2008а. Вып. 2. С. 4–121.

Грузберг Л.А. Народная афористика сквозь призму парадоксальности // Проблемы социо- и психолингвистики: сб. ст. / ред. Т.И. Ерофеева, Е.В. Ерофеева, А.А. Зубарева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008б. Вып. 11. С. 80–86.

Грузберг Л.А., Полякова Е.Н., Потапова Н.П., Скитова Ф.Л. Пермская лексикография и Борис Александрович Ларин // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1993. С. 6–21.

Грузберг Л.А. Словарь «Афористика Пермского края» // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 36–57.

Дневник М.П. Суловой (1981–1985 гг.): публикация и исследование текста / отв. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2007. 264 с.

Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2007. Ч. 1. 156 с. Ч. 2. 238 с.; Пермь, 2008. Вып. 2. 160 с.; Пермь, 2009. Вып. 3. 285 с.

Зверева Ю.В. Аппеллятивы коми-пермяцкого происхождения в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2008. С. 490–496.

Зверева Ю.В. Микротопонимия Чердынского района Пермского края в лексическом аспекте // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международ. науч. конф. (Тверь, 10–12 сентября 2014 г.) / под. ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь, 2014а. С. 183–187.

Зверева Ю.В. Отражение взаимодействия быта и культуры русских и коми-пермяков в лексике питания (на материале пермских говоров и коми-пермяцкого языка) // Современные проблемы культурно-языковой регионалистики: материалы межвуз. науч. конф., Пермь, 26–28 ноября 2012 г. / отв. ред. И.А. Подюков. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 85–90.

Зверева Ю.В. Наименования человека по отношению к браку в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 28–36.

Зверева Ю.В. Традиционное питание жителей Пермского края (по данным пермских говоров) // Традиционная культура жителей Пермского края в зеркале лексики и фразеологии / под общ. ред. И.И. Русиновой. Пермь, 2014б. С. 42–75.

Книга секретных дел Главного заводов правления 1738–1740 гг.: Памятники деловой письменности I половины XVIII века / науч. ред., науч. коммент. и сост. Л.А. Белова. Пермь, 2013. 134 с.

Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования. Пермь, 2009. 250 с.; Пермь, 2010. Вып. 2. 250 с.; Пермь, 2011. Вып. 3. 241 с.; Пермь, 2015. Вып. 4. 220 с.

Корчагин П.А., Лобанова А.С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета. 2012. Сер. История. № 1(18). С. 121–134.

Мальшева В.А. Идиолексикон сквозь призму лексикографии. Пермь, 2007. Вып. 1. 136 с.

- Мальшева В.А.* Простые имена собственные в топонимической системе одного говора // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири: материалы Всесоюз. науч. конф. «Говоры и разговорная речь». Кемерово, 1992. С. 123–130.
- Мальшева В.А.* Структурирование мира в идиолексиконе // Вестник Пермского университета. 2006. Вып. 3 (3). Сер. «Филология». С. 79–86.
- Медведева Н.В.* Фамилии жителей Чусовских Городков в первой половине XVII века (по переписным книгам Прикамья вотчин именитых людей Строгановых) // Краеведческий сборник «Быль Чусовских Городков» / сост. Н.В. Никулина. Пермь: Пушка, 2012. Вып. 2. С. 218–226.
- Мосин А.Г.* [Рецензия на книгу] Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 160–163.
- Наши ветераны. Страницы истории филологического факультета Пермского университета / сост. Н.Е. Васильева; отв. за вып. Б.В. Кондаков. 2-е изд., испр. и доп. Пермь, 2015. 164 с.
- Нечаева Л.С.* Названия и характеристики людей с психическими и умственными отклонениями: мотивационный аспект (на материале русских говоров Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 2 (26). С. 32–43.
- Нечаева Л.С.* Образ болезни в традиционной культуре (на материале лексики пермских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 1. С. 12–20.
- Пантелеева Л.М.* К истории становления и развития пермской лексики солеварения // Речевое пространство Северного Прикамья в синхронии и диахронии / Н.В. Логунова и др.; науч. ред. Л.Л. Мазитова. Соликамск, 2011. С. 184–222.
- Пантелеева Л.М.* Пыскорский медеплавильный завод: памятники деловой письменности конца XVIII – начала XIX века. Усолье, 2015. 224 с.
- Пермский университет в воспоминаниях современников / сост. А.С. Стабровский. Пермь, 1991. Вып. I. 92 с.
- Полякова Е.Н.* Две чердынские отдельные грамоты XVII в. // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е.Н. Полякова. Пермь, 2009. С. 206–214.
- Полякова Е.Н.* Литература по пермской ономастике // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 2001. Вып. 3. С. 23–27.
- Полякова Е.Н.* О связи языка и культуры по данным лексики и ономастики (фамилия *Коноплев* и слово *конопля*) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып. 5 (11). С. 7–17.
- Полякова Е.Н.* Об источниках исторической реконструкции пермских говоров XVII века (на материале лексики) // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1993. С. 37–44.
- Полякова Е.Н.* Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь, 2009. 260 с.
- Полякова Е.Н.* Региональная лексикология и ономастика: материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь, 2006. 256 с.
- Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007а. 420 с.
- Полякова Е.Н.* Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. Пермь: Изд. дом Бывальцева, 2007б. 463 с.
- Полякова Е.Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 2 т. Пермь, 2010б.
- Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: Кн. мир: 2005. 462 с.
- Полякова Е.Н.* Формирование пермских отыменных фамилий в XVII–XVIII веках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010в. № 3. С. 7–17.
- Полякова Е.Н.* Что носили модницы в Прикамье в XVII – начале XVIII века (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010г. № 2. С. 4–14.
- Полякова Е.Н.* Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII в. (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010д. № 1. С. 5–11.
- Русинова И.И.* Лексическая система мифологических рассказов Пермского края о людях со сверхъестественными свойствами // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Вып. 1. С. 132–135.
- Русинова И.И.* Названия колдуна на карте Пермского края // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 228–230.
- Русинова И.И., Полякова Е.Н.* Мифологические и магические представления жителей Пермского края в зеркале лексики и фразеологии (на

материале лексики памятников письменности XVI–XVIII вв. и мифологических рассказов XX–XXI вв.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3. С. 7–13.

Русинова И.И., Полякова Е.Н. Семантический перенос обманывать – колдовать (на примере слов с корнями *-мухл-* / *-махл-* / *-мох-*, функционирующих в пермских говорах) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всеросс. науч. конф., Пермь, 8 апреля 2013. Пермь, 2013. С. 180–185.

Русская речь Коми-Пермяцкого округа: хрестоматия / авт.-сост. И.И. Бакланова, О.В. Гордеева, А.С. Лобанова, И.А. Подюков, И.И. Русинова. Пермь, 2014. 104 с.

Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение: учеб. пособие для школьников / сост. В.И. Шенкман. Пермь: Кн. мир, 2004. 192 с.

Сироткина Т.А. Категория этничности в русском языке (на материале этнонимии Пермского края). Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 216 с.

Сироткина Т.А. Человек этнический в зеркале языка. Пермь: Кленовый лист, 2011. 265 с.

Сироткина Т.А., Русинова И.И. Елена Николаевна Полякова: Исследователь и Учитель // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 188–191.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984. Вып. 1; Пермь, 1990. Вып. 2; Пермь, 1995. Вып. 3; Пермь, 1999. Вып. 4; Пермь, 2003. Вып. 5; Пермь, 2011. Вып. 6.

Словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. I. Люди со сверхъестественными свойствами / сост. И.И. Русинова, А.В. Черных, К.Э. Шумов, Л.С. Нечаева; гл. ред. И.И. Русинова, науч. ред. М.В. Боброва (В рукописи).

Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В. 364 с.

Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии / под общ. ред. И.И. Русиновой. Пермь, 2014.

Филологический факультет: события и люди. Страницы истории филологического факультета / сост. Н.Е. Васильева; отв. за вып. Б.В. Кондаков. Пермь, 2011. 608 с.

Чугаев Н.В. Антропонимия пыскорских документов 1740–1741 гг. // Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии / под общ. ред. И.И. Русиновой. Пермь, 2014а. С. 282–291.

Чугаев Н.В. Лингвистические особенности региональных памятников XVIII в. (на материале пыскорских промеморий) // Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2014б. Вып. 2. С. 17–26.

Шкураток Ю.А. История и этимология слова *вещица*: об одной этимологической ошибке // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования / ред. Е.Н. Полякова. Пермь, 2009. С. 105–118.

Шкураток Ю.А. Процессы взаимодействия русского и коми-пермяцкого языков, отраженные в топонимии Пермского края (на материале гидронимии и ойконимии Гайнского, Косинского и Кочевского районов) // Современные проблемы культурно-языковой регионалистики: материалы межвуз. науч. конф., Пермь, 26–28 ноября 2012 г. / отв. ред. И.А. Подюков. Пермь, 2012. С. 180–184.

Шкураток Ю.А., Айдаров Ю.Р. О создании электронного архива мифологических рассказов Пермского края // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апреля 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова. Пермь, 2014. С. 115–122.

References

Baklanova I.I. Frazeologizmy sravnjenja v permskikh govorakh [Idioms of comparison in Perm dialects]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 4(16). P. 27–31.

Baklanova I.I. Ustojchivye komi-permjatskie jazykovyje osobennosti v russkoj rechi Permskogo kraja [Sustainable Komi-Permyak language peculiarities in Russian speech of Perm Krai]. Socio- i psicholingvisticheskiye issledovanija [Socio- and psycholinguistic research]. 2014. Iss. 2. P. 121–126.

Belova L.A. Kniga sekretnykh del Glavnogo zavodov pravlenija 1738–1740 gg.: Pamjatniki delovoj pis'mennosti i poloviny XVIII veka [Book of the secret affairs of the Main board of the factories 1738–1740: business writing monuments of the first half of the XVIII century]. Perm, 2013. 134 p.

Bobrova M.V. Oppozitsija "svoj – chuzhoj" v rechi bilingva-tatarina (na materiale dialekta s. Kojanovo Permskogo kraja) [The opposition of "own – alien" in the speech of bilingual-Tatar (on the material of village Kojanovo dialect in Perm Krai)]. Problemy socio- i psicholingvistiki: sb. st. [The problems of socio- and psycholinguistics: collection of articles]. Perm, 2012. Iss. 16. P. 79–88.

Bobrova M.V. Oppozitsija "svoi – chuzhije" v russkoj dialektnoj i zhargonnoj rechi (na materiale leksiki s kornem *chert-* / *cherk-*) [The opposition of "own – alien" in Russian dialect and slang speech (on the material of vocabulary with the root *chert-* /

cherk-)]. Imiona komunikatsij jezykowej: czyli demakijazowanie sensow. Gdansk, 2015. P. 103–113.

Bobrova M.V. Sovremennyye permskiye provishcha, motivirovannyye leksikoj tematicheskoy grupy "Zhivotnyje" [Perm Modern nicknames, motivated by the vocabulary "Animals" thematic group]. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova [Nekrasov Kostroma State University Bulletin]. 2015. №1 (21). P. 136–139.

Bogacheva M.V. Leksika tematicheskoy grupy "Tsvet" v narodnoj frazeologii Permskogo kraja i ergonimakh g. Permi (lingvokulturologicheskij aspekt) [The vocabulary "Color" thematic group and in the folk phraseology of Perm Krai and Perm ergonyms (linguo-cultural aspect)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Iss. 4(16). P. 18–26.

Bogacheva M.V. Vozmozhnosti metoda rekonstruktsii v istoriko-leksikologicheskom issledovanii [The possibilities of reconstructional method in historical-lexicological research]. Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Filologija" [Perm University Herald. Philology. "Philology" Series]. 2009. Iss. 3. P. 42–51.

Borisova A.N., Gruzberg L.A., Shvarc A.P. Khrestomatija govorov Permskoj oblasti: posobie po kursu russkoj dialektologii dlja studentov-zaochnikov [Reader book of the dialects of the Perm region: a guide to the course of Russian dialectology for part-time students]. Perm, 1976. 91 p.

Chugaev N.V. Antroponimija pyskorskich dokumentov 1740–1741 gg. [Anthroponymy of Piskor documents of 1740–1741]. Traditsionnaja kul'tura Permskogo kraja v zerkale leksiki i frazeologii [Traditional culture of Perm Krai in the reflection of the vocabulary and phraseology]. Perm, 2014. P. 282–291.

Chugaev N.V. Lingvisticheskiye osobennosti regional'nykh pamjatnikov XVIII v. (na materiale pyskorskich promemorij) [Linguistic features of regional monuments of the XVIII century (on the material of Piskor promemories)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 2(14). P. 17–26.

Filologicheskij fakul'tet: sobytija i ljudi. Stranitsy istorii filologicheskogo fakul'teta [Philological faculty: people and events. Pages of history of the philological faculty]. Perm, 2011. 608 p.

Gordeeva O.V. Toponim Ural v russkom fol'klore Permskogo kraja [The toponym Ural in Russian folklore of Perm Krai]. Problemy lingvisticheskogo krajevedenija: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. [Problems of linguistic local his-

tory: Proc. all-Russ. sci.-pract. conf.]. Perm, 2014. P. 100–109.

Granova M.A. Leksicheskaja baza dannykh "Chelovek so sverkh'estestvennymi svojstvami" (po materialam mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja i Arkhangel'skoj oblasti) [Lexical database "Man with supernatural properties" (on the materials of mythological stories of Perm Krai and Arkhangel'sk region)]. Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy Vseros. nauch. konf. [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proc. III all-Russ. sci. conf.]. Perm, 2015. P. 207–211.

Granova M.A., Rusinova I.I. Vosprijatije "professionala" kak kolduna i znakharja (po dannym russkikh govorov) [The perception of "the professional" as wizard and witch doctor (according to Russian dialects)]. Regional'noe rechevoje prostranstvo v sinhronii i diahronii: materialy Vseros. nauch. konf. [Regional language space in synchronic and diachronic: Proc. all-Russ. sci. conf.]. Perm, 2014. P. 40–47.

Gruzberg L.A. Materialy k slovarju "Aforistika Permskogo kraja" [Materials for the dictionary "Aphorisms of Perm Krai"]. Zhivaja rech' Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii: materialy i issledovanija [The living speech of Perm Krai in synchrony and diachrony: data and researches]. Perm, 2008. Iss. 2. P. 4–121.

Gruzberg L.A. Narodnaja aforistika skvoz' prizmu paradoksal'nosti [Folk aphorisms through the prism of paradoxes]. Problemy socio- i psikholingvistiki: sb. st. [Problems of socio- and psycholinguistics: collection of articles]. Perm, 2012. Iss. 11. P. 80–86.

Gruzberg L.A. Slovar' "Aforistika Permskogo kraja" ["Aphorisms of Perm Krai" Dictionary]. Zhivaja rech' Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii: materialy i issledovanija [The living speech of Perm Krai in synchrony and diachrony: data and researches]. Perm, 2007. Part 2. P. 36–57.

Gruzberg L.A., Poljakova E.N., Potapova N.P., Skitova F.L. Permskaja leksikografija i Boris Aleksandrovich Larin [Perm lexicography and Boris Aleksandrovich Larin]. Zhivoje slovo v russkoj rechi Prikam'ja: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [The living word in Russian speech of the Kama region: interuniversity collection of scientific papers]. Perm, 1993. P. 6–21.

Dnevnik M.P. Suslovoj (1981–1985 gg.): publikatsija i issledovanije teksta [The M.P. Suslova's diary (1981–1985): the publication and study of the text]. Perm, 2007. 264 p.

Zhivaja rech' Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii: materialy i issledovanija [The living speech of Perm Krai in synchrony and diachrony:

data and researches]. Perm, 2007. Part 1. 156 p. Part 2. 238 p.; Perm, 2008. Iss. 2. 160 p.; Perm, 2009. 285 p.

Zvereva Ju.V. Apelljativy komi-permjatskogo proiskhozhdenija v permskikh govorakh [The Permian Komi appellatives in the Perm dialects]. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovanija) [Lexical atlas of Russian folk dialects (Data and researches)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. P. 490–496.

Zvereva Ju.V. Mikrotoponimija Cherdynskogo rajona Permskogo kraja v leksicheskom aspekte [Cherdyn district of Perm Krai microtoponymy in the lexical aspect]. Onomastika Povolzh'ja: materialy XIV Mezhdunar. nauch. konf. [Onomastics of the Volga region: Proc. XIV Intern. sci. conf. (Tver, 10–12th September)]/ed. By Ganzhina I.M. Tver, 2014. P. 183–187.

Zvereva Ju.V. Naimenovanija cheloveka po otnosheniju k braku v permskikh govorakh [Person names in the relation to marriage in Perm dialects]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 1(21). P. 28–36.

Zvereva Ju.V. Otrazhenie vzaimodejstvija byta i kul'tury russkikh i komi-permjakov v leksike pitanija (na materiale permskikh govorov i komi-permjatskogo jazyka) [The reflection of life and culture interaction of Russians and Komi-Permyaks in the lexicon of food (based on Perm dialects and Komi-Permyak language)]. Sovremennye problemy kul'turno-jazykovoj regionalistiki: materialy mezhvuz. nauch. konf. [Modern problems of cultural-language regional studies]. Perm, 2012. P. 85–90.

Zvereva Ju.V. Traditsionnoe pitanije zhitelej Permskogo kraja (po dannym permskikh govorov) [The traditional food of Perm Krai inhabitants (according to Perm dialects)]. Traditsionnaja kul'tura zhitelej Permskogo kraja v zerkale leksiki i frazeologii [The traditional culture of Perm region in the reflection of the vocabulary and phraseology]/ed. By Rusinova I.I. Perm, 2014. P. 42–75.

Korchagin P.A., Lobanova A.S. Oчерki rannej istorii Permi Velikoj: vodno-vozkovye puti [Essays on the early history of Great Perm: water-portage path]. Vestnik Permskogo universiteta. Istorija [Perm University Herald. History]. 2012. Iss. 1(18). P. 121–134.

Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja: materialy i issledovanija [Linguo-cultural space of Perm Krai: data and researches]. Perm, 2009. 250 p.; Perm, 2010. Iss. 2. 250 p.; Perm, 2011. 241 p.; Perm, 2015. Iss. 4. 220 p.

Malysheva V.A. Idioleksikon skvoz' prizmu leksikografii [Idiolexicon through the prism of lexicography]. Perm, 2007. Iss. 1. 136 p.

Malysheva V.A. Prostyje imena sobstvennyje v toponimicheskoj sisteme odnogo govora [Simple personal names in the toponymic system of one dialect]. Aktual'nyje problemy regional'noj lingvistiki i istorii Sibiri: materialy Vsesojuz. nauch. konf. "Govory i razgovornaja rech" [Current problems of regional linguistics and the history of Siberia: materials of the all-Union. scientific. conf. "Dialects and colloquial speech"]. Kemerovo, 1992. P. 123–130.

Malysheva V.A. Strukturirovanije mira v idioleksikone [Structuring of the world in idiolexicon]. Vestnik Permskogo universiteta. Filologija [Perm University Herald. Philology]. 2006. Iss. 3(3). P. 79–86.

Medvedeva N.V. Familii zhitelej Chusovskikh Gorodkov v pervoj polovine XVII veka (po perepisnym knigam Prikam'ja votchin imenitykh ljudej Stroganovykh) [The surnames of Chusovoy Towns inhabitants in the first half of XVII century (according to the Kama region census books of the estates of famous people Stroganovs)]. Kraevedcheskiy sbornik "Byl' Chusovskikh Gorodkov" [Local history collection "The true Story of Chusovoy Towns"]/composed by. Nikulina N.V. Perm: Pushka Publ., 2012. Iss. 2. P. 218–226.

Mosin A.G. [Retsenzija na knigu] Poljakova E. N. Slovar' permskikh familij [Book review] Polyakova E.N. Dictionary of Perm surnames]. Voprosy onomastiki [Problems of onomastics]. 2007. Iss. 4. P. 160–163.

Nashi veterany. Stranitsy istorii filologicheskogo fakul'teta Permskogo universiteta [Our veterans. Pages of history of the philological faculty of Perm State University]. Perm, 2015. 164 p.

Nechaeva L.S. Nazvanija i kharakteristiki ljudej s psichicheskimi i umstvennymi otklonenijami: motivatsionnyj aspekt (na materiale russkikh govorov permskogo kraja) [Names and characteristics of people with psycho and intellectual deviations: motivation aspect (based on Perm Krai dialects)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 2 (26). P. 32–43

Nechaeva L.S. Obraz bolezni v traditsionnoj kul'ture (na materiale leksiki permskikh govorov) [The image of disease in traditional culture (on the material of the vocabulary of Perm dialects)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 1. P. 12–20.

Panteleeva L.M. K istorii stanovlenija i razvitija permskoj leksiki solevarenija [The history of formation and development of Perm salt production

vocabulary]. Rechevoje prostranstvo Severnogo Prikam'ja v sinkhronii i diakhronii [Speech space of North Kama region in synchrony and diachrony] ed. by Logunov N.V, Mazitova L.L. Solikamsk, 2011. P. 184–222.

Panteleeva L.M. Pyskorskiy medeplavil'nyj zavod: pamjatniki delovoj pis'mennosti kontsa XVIII – nachala XIX veka [Piskor copper-smelting works: business monuments writing at the late XVIII – early XIX century]. Usolye, 2015. 224 p.

Permskiy universitet v vospominanijakh sovremennikov [Perm University in memoirs of contemporaries]. Iss. I. Perm, 1991. 92 p.

Poljakova E.N. Chto nosili modnitsy v Prikam'e v XVII – nachale XVIII veka (po dannym leksiki permskikh pamjatnikov pis'mennosti) [What fashionable women wore in the Kama region in the XVII – beginning of XVIII century (according to the lexis of Perm written monuments)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 2. P. 4–14.

Poljakova E.N. Chto pili i kurili v Prikam'e v XVI – pervoj treti XVIII vv. (po dannym leksiki permskikh pamjatnikov pis'mennosti) [What people in the Kama regions smoked and drank in the XVI – first third XVIII centuries (according to the lexis of Perm written monuments)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 1. P. 5–11.

Poljakova E.N. Formirovanije permskikh otymennykh familij v XVII–XVIII vekakh [The formation of Perm surnames on names in the XVII–XVIII centuries]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 3. P. 7–17.

Poljakova E.N. Lingvokul'turnoe prostranstvo Verkhnego i Srednego Prikam'ja: materialy dlja samostojatel'noj raboty: ucheb. posobie [Linguo-cultural space of the Upper and Middle Kama: materials for independent work: study guide]. Perm, 2009. 260 p.

Poljakova E.N. Literatura po permskoj onomastike [The scientific literature on Perm onomastics]. Stranitsy proshlogo: Izbrannyje materialy krajevedcheskikh Smyshlajevskikh chtenij v Permi [Pages of the past: Selected Proc. of local history Smyshlaev's readings in Perm]. Perm, 2001. Iss. 3. P. 23–27.

Poljakova E.N. O svjazi jazyka i kul'tury po dannym leksiki i onomastiki (familija *Konoplev* i slovo *konoplja*) [About the connection of language and culture according to the lexicon and onomastics (surname *Konoplyov* and the word *konoplya*)]. Vest-

nik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 5(11). P. 7–17.

Poljakova E.N. Ob istochnikakh istoricheskoj rekonstruktsii permskikh govorov XVII veka (na materiale leksiki) [About the sources of historical reconstruction of the Perm dialects of the XVII century (on the material of vocabulary)]. Zhivoje slovo v russkoj rechi Prikam'ja: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [The living word in Russian speech of the Kama region: interuniversity collection of scientific papers]. Perm, 1993. P. 37–44.

Poljakova E.N. Regional'naja leksikologija i onomastika: materialy dlja samostojatel'noj raboty: ucheb. posobie [Regional lexicology and onomastics: materials for independent work: study guide]. Perm, 2006. 256 p.

Poljakova E.N. Slovar' geograficheskikh terminov v russkoj rechi Permskogo kraja [Dictionary of geographical terms in Russian speech of Perm Krai]. Perm, 2007. 420 p.

Poljakova E.N. Slovar' imen zhitelej Permskogo kraja XVI–XVIII vekov [Dictionary of names of Perm Krai inhabitants of the XVI–XVIII centuries]. Perm, 2007. 463 p.

Poljakova E.N. Slovar' leksiki permskikh pamjatnikov XVI – nachala XVIII veka [The lexicon of Perm monuments of the XVI – beginning of XVIII century]. Perm, 2010.

Poljakova E.N. Slovar' permskikh familij [Dictionary of Perm surnames]. Perm, 2005. 462 p.

Rusinova I.I. Leksicheskaja sistema mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja o ljudjakh so sverh'estestvennymi svojstvami [Lexical system of mythological stories of Perm region about people with supernatural properties]. Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova [Nekrasov Kostroma State University Bulletin]. 2015. Iss. (21). P. 132–135.

Rusinova I.I. Nazvanija kolduna na karte Permskogo kraja [The names of the wizard on the map of Perm Krai]. Ehtnolingvistika. Onomastika. Ehtimologija: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proc. III Intern. sci. conf.]. Ekaterinburg, 2015. P. 228–230.

Rusinova I.I. (ed.). Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraja [Dictionary of Russian dialects of Perm Krai North]. Perm, 2011. Iss. 1. 364 p.

Rusinova I.I. (ed.), *Bobrova M.V.* (sci. ed.). Slovar' mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja. Ch. I. Ljudi so sverh'estestvennymi svojstvami [Dictionary of mythological stories of Perm region. Part I. People with supernatural properties]. Manuscript.

Rusinova I.I., Poljakova E.N. Mifologicheskije i magicheskije predstavljenija zhitelej Permskogo kraja v zerkale leksiki i frazeologii (na materiale leksiki

pamjatnikov pis'mennosti XVI–XVIII vv. i mifologicheskikh rasskazov XX–XXI vv.) [The mythological and magical view of Perm Krai residents in the reflection of the vocabulary and phraseology (based on the vocabulary of written monuments of the XVI–XVIII centuries and the mythological stories of the XX–XXI centuries)]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012. Iss. 3. P. 7–13.

Rusinova I.I., Poljakova E.N. Semanticheskij perenos *obmanyvat'* – *koldovat'* (na primere slov s kornjami *-muhl-* / *-mahl-* / *-moh-*, funkcionirujushchikh v permskikh govorakh) [Semantic transfer *trick* – *conjuring* (based on the words with the roots *-muhl-* / *-mahl-* / *-moh* functioning in Perm dialects)]. Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy Vseros. nauch. konf. [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proc. all-Russ. sci. conf.], Perm, 2013. P. 180–185.

Russkaja rech Komi-Permjackogo okruga: khrestomatija [The Russian speech of Komi-Permyak Okrug: readerbook]. Perm, 2014. 104 p.

Russkaja rech Prikam'ja. Lingvisticheskoe kraevedenije: uchebnoje posobie dlja shkol'nikov [Russian speech of the Kama region. Linguistic local history: a study guide for school students]. Perm, 2004. 192 p.

Sirotkina T.A. Chelovek etnicheskij v zerkale jazyka [The ethnic man in the reflection of language]. Perm, 2011. 265 p.

Sirotkina T.A. Kategorija etnichnosti v russkom jazyke (na materiale ehnonimii Permskogo kraja) [The category of ethnicity in the Russian language (based on the ethnonymy of the Perm Krai)]. Perm, 2008. 216 p.

Sirotkina T.A., Rusinova I.I. Elena Nikolaevna Poljakova: Issledovatel' i Uchitel' [Elena Nikolaevna Polyakova: Researcher and Teacher]. Voprosy ono-

mastiki [Problems of onomastics]. 2007. Iss. 4. P. 188–191.

Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rajona Permskoj oblasti (Akchimsnij slovar') [Dictionary of the dialect of the village Akchim, Krasnovishersk district, Perm region (Akchim dictionary)]. Perm, 1984–2011.

Tradicionnaja kul'tura Permskogo kraja v zerkale leksiki i frazeologii [The traditional culture of Perm Krai in the reflection of the vocabulary and phraseology]. Perm, 2014.

Shkuratok Ju.A. Istorija i etimologija slova *veshhitsa*: ob odnoj etimologicheskoj oshibke [The history and etymology of the word *veshhitsa*: one etymological error]. Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja: materialy i issledovanija [Linguo-cultural space of Perm Krai: data and researches]. Perm, 2009. P. 105–118.

Shkuratok Ju.A. Protsessy vzaimodejstvija russkogo i komi-permjatskogo jazykov, otrazhennyje v toponimii Permskogo kraja (na materiale gidronimii i ojkonomii Gajnskogo, Kosinskogo i Kochevskogo rajonov). [The processes of interaction of Russian and Komi-Permyak languages, reflected in the toponymy of the Perm Krai (on the material of gidronymy and oikonymy of the Gayny, Kosa and Kochevo districts)]. Sovremennyje problemy kul'turno-jazykovej regionalistiki: materialy mezhvuz. nauch. konf. [Modern problems of cultural-language regional studies: Proc. interuniversity. sci. conf.]. Perm, 2012. P. 180–184.

Shkuratok Ju.A., Ajdarov Ju.R. O sozdanii elektronnoho arkhiva mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraja [About creation of the electronic archive of Perm Krai mythological stories]. Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy II Vseros. nauch. konf. [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proc. II all-Russ. sci. conf.]. Perm, 2014. P. 115–122.

THE SCIENTIFIC BRANCH «REGIONAL LEXICOLOGY, LEXICOGRAPHY, ONOMASTICS» AT PERM UNIVERSITY

Elena N. Polyakova

Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

Irina I. Rusinova

Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

Mariya V. Bobrova

Engineer in the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

The scientific branch «Regional lexicology, lexicography, onomastics» in Perm State University was formed in the first half of the 20th century. At the present stage, members of the school develop ideas of the leading Russian language historians, dialectologists, onomatologists, ethnolinguists, explore speech and proper names of the Perm region in their regional, national, historical specificity: analyze the ways of forming and peculiarities of functioning of the lexicon of dialects and onomastics of the Perm region of different eras in the etymological, historical-linguistic, ethnolinguistic and culturological aspects; investigate features of speech of the regional residents and onomastics as a result of interaction of speakers of different languages and representatives of different cultures on the territory of the late Russian colonization throughout centuries; consider how material and spiritual culture of people is represented in their language; research lexicophraseological materials in synchronic and diachronic aspects, studying and comparing primary, archaic and later dialects of the region; implement lexicographical and phraseographical projects. The article presents the most significant results of the activity of the modern research team and the prospects for development of the branch.

Key words: regional lexicology; regional lexicography; regional onomastics; Perm dialects; Perm Krai; linguistic school of E.N. Polyakova.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т.п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 г. журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней (из другого города) рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук, чья подпись заверяется в отделе кадров по месту работы рецензента. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. **Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов**» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Табункина. Тел. (342)2396290.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп.5, ауд.28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте»), тел. (342)2396795 (зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустановалов*).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Выпуск 1(33) / 2016

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, С. Л. Рассанова*
Компьютерная верстка *И. А. Табункиной*
Макет обложки *М. А. Шпакова*

Подписано в печать 17.03.2016. Дата выхода в свет 29.03.2016.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18,13. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008
Распространяется бесплатно и по подписке